

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ВЗГЛЯД НА ВОПРОСЫ

Мир
XVI
Д-46

59

ПРОГРАММА
ОБНОВЛЕНИЕ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ

Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ

СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПРОГРАММА
·ОБНОВЛЕНИЕ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ·

Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ

СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

*Учебное пособие
для высших учебных заведений*

МОСКВА, "НАУКА"

1994

Данное издание представляет собой авторскую работу, вошедшую в число победителей в открытом конкурсе "Гуманитарное образование в высшей школе", который проводится Государственным комитетом РФ по высшему образованию и Международным фондом "Культурная инициатива".

Конкурс является составной частью программы "Обновление гуманитарного образования в России".

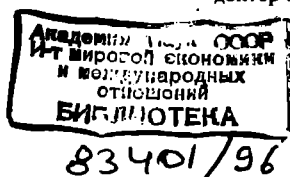
Спонсором программы является известный американский предприниматель и общественный деятель Джордж Сорос.

Стратегический комитет программы:

*Владимир Кинелев, Владимир Шадриков, Валерий Меськов,
Теодор Шанин, Дэн Дэвидсон, Виктор Галичин*

Рецензенты:

доктор философских наук *Ю.А. Левада*
доктор философских наук *Е.Б. Шестопал*

Редактор издательства

В.С. Егорова

Дилигенский Г.Г.

Д 46   Социально-политическая психология / Учебное пособие для
высших учебных заведений. – М.: Наука, 1994. – 304 с.
ISBN 5-02-013558-5

Книга посвящена проблемам, не только слабо освещенным в учебной литературе, но и малоразработанным в исследовательской практике. В первую очередь это относится к психологическим феноменам и процессам, происходящим в отечественной политике: осмысление пока ведется по преимуществу в форме публицистической. Автор попытался применить разрабатываемые им на протяжении многих лет и получившие признание специалистов теоретические концепции к анализу текущего политического процесса.

Для преподавателей вузов, студентов, аспирантов, широкого круга читателей.

Д 0303030000-282
042(02)-94   Без объявления

ББК 88.4

ISBN 5-02-013558-5

© Г.Г. Дилигенский, 1994
© В.В. Медведев, художест-
венное оформление, 1994

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня мы заново осмыслиаем значение проблем психологии для судеб общества и его граждан. Несколько поколений советских людей формировались в атмосфере преклонения перед неумолимыми объективными законами общественного развития. Капитализм в соответствии с этими законами неминуемо сменяется социализмом, развитой социализм постепенно перерастает в коммунизм – общество всеобщего изобилия и счастья. Руководящая сила советского общества – Коммунистическая партия — обладает знанием, необходимым для осуществления триумфального восхождения к вершинам прогресса; чем лучше каждый член общества будет выполнять ее указания, тем скорее мы достигнем этих вершин. Понятно, что подобная, свободная от каких-либо сложностей и сомнений схема общественной жизни, не оставляла много места для раздумий о самостоятельной роли в ней индивида и его внутренней, психической жизни.

Экономический и социальный, духовный и политический кризис, начавший ощущаться в годы застоя, все больше разлагал эту простую и ясную систему общественных представлений. Перестройка восьмидесятых, до предела обнажившая и обострившая этот кризис, приведшая к распаду государства и общества в их исторически сложившихся геополитических границах, не оставила от нее камня на камне. В высшей степени хаотичный, непредсказуемый и неуправляемый характер экономической и общественно-политической жизни большинства республик бывшего Союза крайне трудно совместить с представлением об якобы направляющих и регулирующих ее "объективных законах"

В "смутное время", которое переживает Россия и страны ближнего зарубежья в начале 90-х годов, общественное сознание естественно отталкивается от этого представления. В том числе и в том новом его варианте, в котором вся советская история преподносится как производный отход от объективно необходимого, от нормального и естественного пути развития (по которому следуют страны Запада), а возвращение к этому нормальному пути – как гарантия выхода из кризиса. По всей видимости, это рассуждение во многом обосновано, однако оно никак не объясняет, почему попытки встать на нормальный и закономерный путь рыночной экономики и политического плюрализма ведут на практике к нарастанию хаоса и развала. И именно эта самая практика побуждает общественное сознание искать понимания происходящего не столько в тех или иных объективных закономерностях, сколько в субъективных факторах – в действиях (или бездействии) конкретных людей и групп. Как показывают данные опросов, в

обществе существуют весьма различные мнения относительно виновников бед, переживаемых страной: одни считают таковыми руководство бывшей КПСС и ее номенклатуру, другие — Горбачева, третьи — Ельцина, президентскую команду и вообще "демократов", четвертые — разогнанный осенью 1993 г. парламент, его спикера и советы в целом. В России относительно широкое признание завоевала и принципиально иная точка зрения, в соответствии с которой во всем виноваты прежде всего сами россияне: их традиционная пассивность, нежелание добросовестно трудиться, неумение брать на себя ответственность за собственную судьбу, покорность власти.

При всех различиях этих позиций их объединяет тенденция к субъективно-психологическому объяснению того, что происходило, происходит и, возможно, будет происходить в стране, идет ли речь о психологии отдельных политических деятелей (например, утверждение типа: трое участников встречи в Беловежской пуще развалили Союз) или целого народа. Похоже, эта тенденция отражает шараханье общественного сознания от одной крайности — дискредитированного оптимистического детерминизма к противоположной — представлению о прошлой и современной истории собственной страны как не знающей правил и ничем не контролируемой игре страстей и пороков населяющих ее и правящих ею людей. По своим практическим последствиям обе крайности сходятся: и та, и другая питает и воспроизводит общественную пассивность, нежелание и неумение противостоять обстоятельствам (оправдывается ли оно исторической неизбежностью или необоримостью ущербных психологических свойств правителей и граждан), низводит стремления и ценности людей к элементарному приспособлению и выживанию.

Подобная духовная и интеллектуальная ситуация придает особую острую актуальность теоретической лишь на первый взгляд проблеме соотношения объективного и субъективного в жизни и развитии общества. Та совокупность явлений и процессов, которую можно назвать социально-политической психологией, образует важнейший и вместе с тем хуже всего изученный и наиболее трудный для понимания компонент субъективной стороны этого отношения. В определенном смысле психология в данном ее аспекте имеет для постсоциалистических обществ и, возможно, особенно для России и близких к ней в социальном и культурном плане бывших советских республик куда более жизненно важное значение, чем для многих стран западной цивилизации. Не потому, что развитие этих стран свободно от острых и трудных конфликтных проблем, а потому, что в них существуют устоявшиеся способы решения подобных проблем — общепризнанные "правила игры", придающие всей общественно-политической жизни значительный элемент саморегулирования, более или менее рутинного автоматизма. Наиболее острые психологические проблемы возникают там скорее в сфере частной, чем общественной жизни. Совершенно иная ситуация в России и других похожих на нее постсоциалистических обществах — здесь с психологией граждан, общественных и политических деятелей напрямую связан мучительный выбор самих основ дальнейшего бытия

общества, его ценностей и образа жизни. Вот почему духовно-психологическая жизнь этих обществ, возможно, дает более богатый материал для познания самых сложных, темных и затаенных уголков социально-политической, да и вообще человеческой психологии, чем более спокойная и ровная действительность относительно благополучных стран и регионов современного мира.

Предмет и научный статус социально-политической психологии

Заглавие этой книги, вероятно, может вызвать недоумение, а то и протест у читателя, мало-мальски знакомого с нынешним состоянием гуманитарных наук. Такому читателю известно, что в последние десятилетия плодятся научные дисциплины, в наименованиях которых фигурирует слово "психология". Первенцем в этом процессе была социальная психология, появившаяся в начале века и окончательно утвердившаяся в своих правах в 20–30-х годах. Затем появились экономическая и историческая психология (в англо-саксонских странах называемая чаще всего "психоистория", а во Франции – "история ментальностей"). Наконец уже в 70-е годы оформилась в самостоятельную дисциплину политическая психология. Все эти дисциплины, так или иначе отделяющие себя от общей психологии, развивались в русле единой тенденции гуманитарного знания: поисков взаимосвязей между психической жизнью человека и его социальным и историческим бытием – социальными отношениями, историческим развитием, общественно-политическими процессами и явлениями. Естественно, что по отношению к более "старым" наукам, с одной стороны, общей психологии, с другой – социологии, политической экономии, истории, а также политологии они приобрели междисциплинарный характер.

Казалось бы, коль скоро уже существует столько отраслей знания, выражающих данную тенденцию, зачем изобретать еще одну – социально-политическую психологию? Претендующую к тому же, судя по названию, на скрещивание и без того уже "гибридных" (психолого-социологических, психолого-политологических) наук?

Автор хотел бы со всей определенностью предупредить, что он отнюдь не намеревался "изобретать" некую новую дисциплину. Его задача значительно скромнее: попытаться "собрать" и по возможности систематизировать те социально-психологические знания, объектом которых являются взаимоотношения и взаимосвязи человека и общества.

Здесь важно уточнить понимание обоих компонентов этой взаимосвязи. В научной, особенно философской литературе понятие "человек" часто употребляется в обобщенном смысле, фактически равнозначном понятию "человечество". Психологическая, в том числе и социально-психологическая наука имеют дело с "эмпирическим", индивидуальным человеком, и именно о нем пойдет речь в этой книге. Понятие "общество" трактуется как совокупность многообразных отношений между людьми в границах определенного национально-государственного или цивилизационно-исторического пространства. Оно вряд ли бы нуждалось в дополнительном разъяснении, если бы структура этих образующих общество отношений не имела "многоэтажного", иерархического

характера – от непосредственных "контактных" отношений между людьми в первичных социальных группах до отношений "макроуровня" – между большими социальными группами (классами, нациями, слоями и т.д.) и внутри них или между гражданами и политической властью. История науки показывает, что те или иные уровни этой структуры в силу их специфики и неоднородности методов их изучения могут выступать как предмет отдельных отраслей знания. В любом случае отношения, функционирующие внутри общества, рассматриваются как социальные, однако поскольку это определение весьма многозначно (а в западных языках синонимично слову "общественный"), оно может обозначать такие разные вещи, как, например, отношения внутри семьи или между политическими партиями и избирателями. Именно поэтому необходимо подчеркнуть, что отношения, психологические аспекты которых образуют сюжет данной книги, – отношения *макросоциального* (социетального) уровня. Иными словами, это отношения не столько между непосредственно контактирующими друг с другом индивидами, сколько их отношения с общественным организмом в целом, внутри больших, т.е. функционирующих в масштабах всего общества, групп и между ними, а также отношения между разными обществами.

Уже из этой характеристики нашего "предмета" становится ясным, что его действительно не нужно изобретать: психология отношений человека и общества привлекала внимание научной мысли на протяжении многих столетий. Любой историк, начиная со времен античности, стремился нарисовать психологические портреты, понять мотивы действий своих героев: политических деятелей, народов, групп общества. Психология наций и классов глубоко интересовала многих философов, представителей общественной и политической мысли. Один из наиболее ярких примеров – книга французского политического мыслителя первой половины XIX в. Алексиса де Токвилля "Демократия в Америке", которая и сегодня остается во многом непревзойденным образцом анализа национального характера американцев. Другой пример – ранняя работа Ф. Энгельса "Положение рабочего класса в Англии" – одна из первых попыток исследования классовой психологии.

С выделением социологии в качестве самостоятельной науки психологические аспекты и факторы общественной жизни заняли видное место в разрабатываемой ею проблематике. Ни один крупный социолог не мог обойти их (даже если подобно Макс Веберу считал психологический подход в принципе неприемлемым для социологического анализа). Интерес к общественно-историческим, культурным аспектам и связям человеческой психики возрастал и в среде представителей психологической науки (что особенно характерно для Фрейда и фрейдизма, Л.С. Выготского и его школы). Выделение социальной психологии в качестве особой отрасли знания в сущности явилось результатом "встречи" социологии и психологии. Примечательно, что в числе первых, наиболее значительных социально-психологических теорий второй половины XIX – начале XX века были "психология народов" М. Лаца-

руса и В. Вундта и "психология масс" Г. Тарда и Г. Лебона, трактующие прежде всего макросоциальный уровень психических явлений¹.

Сегодня этот уровень является объектом интереса специалистов различных областей общественнознания. И потребность в его выделении в предмет особой научной дисциплины вызывается отнюдь не дефицитом теоретических и эмпирических исследований, во всяком случае не главным образом таким дефицитом. Источник этой потребности в другом: ни одна из существующих дисциплин не рассматривает макросоциальный (социэтальный) уровень психологических отношений и процессов как *особую сферу* психической жизни людей, обладающую своим собственным системным единством и своими специфическими механизмами и закономерностями. Можно сказать, что "мозговая атака" на эту сферу ведется с разных сторон и в разных (часто пересекающихся) направлениях, не имеет четко выявленных стратегических целей и очень часто подчиняется целям и интересам других сфер знания. Между тем такая цель существует и давно уже осознана научной мыслью. В самом первом приближении и в самом кратком и обобщенном виде ее можно было бы сформулировать следующим образом: познание психической жизни людей одновременно как продукта и движущей силы функционирования и развития общества.

Казалось бы, ближе всего к исследовательской работе в данном направлении должна находиться социальная психология. Не только в силу принятого ею наименования (социальная, сиречь общественная), но и следуя тем "декларациям о намерениях", которые провозглашают многие ее представители. "Социальная психология, – утверждает, например, автор одного из наиболее известных американских учебников по этой дисциплине Э.П. Холландер, изучает *психологию индивида в обществе*"². Лидер французской социально-психологической школы С. Московиси определяет социальную психологию как "науку о конфликте между индивидом и обществом". И далее предлагает другое, уточняющее определение: "...наука о феноменах идеологии (социальные знания и представления) и о феноменах коммуникации"³. Понятно, что такие категории, как "общество", "идеология", "социальные представления", относятся именно к социэтальному уровню общественных явлений.

Представление о предмете социально-психологической науки, которое могут создать подобные определения, не подтверждается, однако, реальным положением дел в данной области знания. Здесь нет необходимости касаться идущих многие годы споров о предмете социальной психологии, иллюстрировать отмечаемый многими ее представителями факт нечеткости ее границ и структуры, "кризис идентичности", ощущение неясности собственного лица, который испытывает социаль-

¹ Подробнее см.: Андреева Г.М. Социальная психология, М., 1980. С. 36–39.

² Hollander E.P. Principles and Methods of Social Psychology. Third Edition. N.Y. 1976. P. 31.

³ Psychologie sociale. Sous la direction de Serge Moscovici. P., 1984. P. 6–7.

ная психология в последние десятилетия. Важно отметить лишь две принципиальные особенности социально-психологической науки, сложившиеся в результате ее почти векового исторического развития. Во-первых, при всем многообразии конкретных интересов социопсихологов и разрабатываемых ими сюжетов их интересуют главным образом те психические феномены, которые формируются на основе непосредственных, "контактных" отношений между людьми. Прежде всего под этим углом зрения и в этих рамках социальная психология изучает социальное влияние и конформизм, процессы социализации индивида, динамику установок (аттитюдов) и ценностей людей, внутригрупповые отношения и лидерство, межгрупповые конфликты и многое, многое другое. Автор одной из наиболее известных обобщающих работ по социальной психологии Т. Шибутани считает основополагающим для сферы ее интересов тот факт, что "простое присутствие другого человека, даже совершенно постороннего, безусловно, изменяет поведение любой социализированной личности"⁴. Слово "присутствие", бесспорно, является ключевым в этом тезисе, выражает направленность, пафос основного массива социально-психологических исследований и учебных курсов.

Вторая особенность существующей сегодня социально-психологической науки состоит в том, что механизмы взаимодействия и общения людей, их социализации, усвоения ими социальных норм, ценностей и т.п. интересуют ее в целом гораздо больше, чем исторически и социально определенное содержание изучаемых психических образований и поведения. Иными словами, вопрос о том, как формируется отношение людей друг к другу и к окружающему миру для нее важнее, чем вопрос, что представляет собой запечатленный в их психике образ этого мира, стимулируемые им мотивы, цели, ценности.

Видимо, вторая из названных особенностей тесно связана с первой. На основе одного лишь изучения непосредственного общения и взаимодействия людей невозможно объяснить содержание и направленность их мыслей, эмоций, действий, типичных для определенных периодов и определенной социальной среды: они формируются и изменяются в процессе взаимоотношений человека как носителя психики с рядом макросоциальных ситуаций. Или, проще говоря, с историческим развитием. А такие взаимоотношения по определению выходят далеко за рамки непосредственных межличностных контактов, они опосредованы и закреплены в культуре и традициях опытом прошлых поколений, социальными и политическими институтами, отношениями между большими социальными группами, процессами и событиями исторического масштаба. Социальная психология не особенно дружит с историей, она предпочитает в основном заниматься человеком вообще, а не конкретно-историческим человеком. В изучаемом ею отношении "человек-общество" вторая его сторона – представлена поэтому довольно расплывчато – ведь общество всегда имеет конкретно-исторический характер.

---

⁴ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 24.

Не случайно понятие "общество" многие социальные психологи предпочитают термин "социальное окружение"

Подчеркнем, что речь идет, разумеется, не о всеобщих, не знающих существенных исключений чертах социальной психологии, но лишь о наиболее типичных для нее тенденциях. В среде самих социальных психологов эти тенденции подвергаются критике. Такие крупные представители этой науки, как Л. Тэшфел и уже упоминавшийся С. Московиси, вводят в социальную психологию макросоциальный уровень. В сущности к этому уровню относятся такие направления социально-психологических исследований, как изучение общественного мнения, психологии массовых коммуникаций, кросскультурные исследования ценностей. Перу таких социальных психологов, как Д. Янkelович в США и Б. Катля во Франции, принадлежат интересные исследования исторической динамики массовой психологии и поведения в соответствующих странах.

Стремление выйти за пределы "классической" социально-психологической тематики особенно отчетливо прослеживается в работах советских социальных психологов. В этом сказалась, очевидно, их связь с марксистской обществоведческой традицией: ведь для марксизма определяющее значение имеют такие масштабные общественные категории, как "формация", "способ производства", "класс", "массы" В середине 20-х годов появлялись монографии, посвященные психологии масс и общественных движений⁵. В годы сталинизма развитие социальной психологии, как и социологии, надолго прервалось, а возродившись в 60-е годы, она стала развиваться по несколько иному пути, стремясь освоить и интегрировать накопившиеся к тому времени достижения западной (главным образом американской) социальной психологии. Тем не менее интерес к макросоциальной тематике сохранился. Так, в наиболее фундаментальные обобщающие работы и учебники по социальной психологии включались главы, посвященные психологии больших социальных групп⁶, в 1985 г. появилась коллективная монография "Социальная психология классов"⁷.

Тем не менее в советской социальной психологии 60–80-х годов макросоциальная тематика остается все же маргинальной, расположенной как бы на периферии ее интересов. В этом отношении характерно определение предмета социальной психологии, предложенное редактором и соавтором одной из наиболее значительных обобщающих работ по этой дисциплине – Е.С. Кузьминым: "Центральным явлением в социальной психологии следует признать общение... Острая потребность в социальной психологии как науке и возникает из необходимости

⁵ См.: *Войтоволский Л.Н.* Очерки коллективной психологии. М.; Пг., 1923–1925. Ч. I. Психология масс; Ч. II. Психология общественных движений.

⁶ См.: *Андреева Г.М.* Указ. соч.; *Социальная психология. История, теория, эмпирические исследования* / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л., 1979. Далее: *Социальная психология*.

⁷ См.: *Социальная психология классов. Проблемы классовой психологии в современном капиталистическом обществе* / Рук. авторского коллектива Г.Г. Дилигенский. М., 1985.

изучения непосредственных, психологических способов, форм и средств общения между людьми... В результате общения складывается социально-психологическая структура личности, особенности малых групп и коллективов, психология более широких общностей (классов, наций и т.д.)"⁸.

Против последнего утверждения трудно возразить: общение является, несомненно, неотъемлемым механизмом формирования всех (в том числе и макрогрупповых) социально-психологических феноменов. Но в состоянии ли одно лишь общение, тем более общение непосредственное объяснить *содержательные* психические процессы, *содержание* личных и групповых потребностей, ориентаций, ценностей, знаний? Вряд ли это содержание может быть понято без анализа тех психологических процессов, в которых "участвуют" не только непосредственно общающиеся между собой люди, но и отдаленные от них во времени и в пространстве явления и события общественной жизни. Акцент на непосредственность, который мы встречаем в данном случае у марксистского автора, свидетельствует о том, что профессиональные, типичные для современной мировой социопсихологии традиции и установки оказываются сильнее, чем идеологические и общетеоретические предпочтения.

Я далек от мысли, что те границы непосредственного общения и малых групп, которые определяют центральный предмет социальной психологии, те трудности, которые она встречает, пытаясь преодолеть подобные границы, – свидетельство какой-то ущербности этой науки. Эти трудности, по-видимому, говорят о другом: достаточно подвижные, но все же ясно проявляющиеся границы, в которых происходит длительное развитие социопсихологии, следует рассматривать не как ее "недостаток", но, скорее, как выражение неких объективных потребностей научного знания. Процесс дифференциации, являющийся общей закономерностью развития как естественных, так и гуманитарных наук, в конечном счете обусловлен накоплением эмпирических и теоретических знаний, ведущим к постоянному умножению и все большей конкретизации научной проблематики. В этих условиях становится все более трудным мобилизовать постоянно возрастающий арсенал смежных наук для исследования каждого конкретного круга явлений. Эта трудность связана во многом с умножением типов "технологии", методов исследования, каждый из которых в той или иной мере специфичен именно для анализа определенной сферы или уровня действительности и не "работает" за его пределами. Чем глубже проникает исследователь (или отрасль знания) в избранную им область, чем интенсивнее он стремится разработать адекватный ей аппарат исследования, тем труднее ему сохранять в поле зрения то, что происходит в других областях. Можно, конечно, иронизировать над профессиональными предрассудками ученых (в духе известного афоризма "специалист подобен флюсу"), но нельзя не видеть, что без возрастающей дифференциации научного знания, позволяющей создавать все более глубокую и

---

⁸ Социальная психология. С. 47, 50.

конкретную картину природного и социального мира, невозможен научный прогресс.

Сказанное целиком относится к социальной психологии. Непосредственные психологические отношения между людьми – органическая составляющая человеческого бытия и без их профессионального изучения невозможно понять это бытие в его статических и динамических аспектах, невозможно, следовательно, понять самого человека. Специфика данного круга отношений вызвала к жизни и адекватный им метод исследования – лабораторный эксперимент, который практически неприменим в большинстве других социальных наук. Лабораторный эксперимент, будучи далеко не единственным методом, применяемым социальной психологией, занимает в ней (как и в одной из ее "родительских" дисциплин – общей психологии) центральное место, и именно экспериментальные исследования лежат в основе важнейших ее открытий и достижений.

На примере социальной психологии видно и другое: дифференциация наук чревата опасностью чрезмерного разрыва, взаимного абстрагирования в действительности неразрывно связанных между собой явлений и уровней реального мира. В социальной психологии она проявилась особенно ярко в тех трудностях, на которые наталкивается формирование социально-психологической *теории*. Отставание теоретической работы от эмпирических исследований, сведение ее к выработке многочисленных "микротеорий", обобщающих лишь данные серии экспериментов, посвященных какому-то конкретному, частному вопросу, – таковы характерные "болезни" социальной психологии, которые многие представители этой науки характеризуют как проявление ее кризиса. Корни этой болезни в общем понятны: вряд ли можно создать какую-либо общую социально-психологическую теорию, не опираясь на психологическую жизнь общества в целом, не интегрируя и обобщая все ее взаимосвязанные уровни – от индивидуальной психики до феноменов общественного сознания. Ведь в действительности психические феномены, связанные с непосредственным общением, никак не отделены ни от того, что происходит "внутри" личности, ни от психических процессов, происходящих в "большом обществе". Все эти уровни психической жизни взаимно проникают друг в друга, и если можно искусственно абстрагировать один от другого в интересах конкретного анализа, то крайне трудно, если вообще возможно, осуществлять теоретический синтез одного, взятого отдельно уровня.

Путь к преодолению подобных трудностей видится в сочетании естественной и необходимой дифференциации наук с их *интеграцией*. Речь идет не о каком-то попятном движении, не о возврате к архаическому нерасчлененному знанию (в данном случае знанию о человеке), но о междисциплинарных научных направлениях, в пределах которых анализ определенного уровня или сферы явлений всемерно использует данные и знания о "соседних" или как-то сопряженных с ним уровнях и сферах. В сущности именно так, на стыке "соседних" наук – психологии и социологии возникла и развилась социальная психология, объединив

изучение отдельно взятого индивидуального человека, которым занималась психология, с изучением отношений между людьми, составлявшими предмет социологии. Подобные междисциплинарные науки находятся со своими "родственными" дисциплинами уже не в "соседских", рядом-положенных отношениях, но образуют как бы зону пересечения, частичного взаимного наложения этих дисциплин. В этом отношении весьма характерно, что предмет многих социологических и социально-психологических исследований настолько совпадает, что практически невозможно различить, к какой "официальной" дисциплине они относятся. Так происходит, например, в тех случаях, когда социологи исследуют проблемы личности или группового действия, а социальных психологов интересуют ценностные ориентации или массовое сознание⁹. Примерно также выглядят отношения между общей и социальной психологией.

Кратко охарактеризованное выше состояние социальной психологии свидетельствует, что назревает потребность в отделении от нее относительно самостоятельного направления или дисциплины, которая могла бы взять на себя изучение социетальных психологических явлений и процессов. Т. Шибутани отмечал, что "социальная психология стала независимой наукой потому, что специалисты различных отраслей знания не в состоянии были решить некоторые свои проблемы"¹⁰.

Необходимость в социально-политической психологии диктуется сходной ситуацией: социальные психологи в своем большинстве слабо связывают непосредственные отношения между людьми с отношениями, охватывающими все общество; представители других общественных и политических наук, даже понимая важность психологического измерения изучаемых ими процессов, не испытывают призвания к познанию специфических закономерностей и механизмов, действующих в психологическом поле общества. И в то же время из всего сказанного вытекает, что социально-политическая психология призвана интегрировать относящиеся к ее сфере знания и методы психологии (общей и социальной), социологии (главным образом ее макросоциологических направлений), политологии, истории, культурной антропологии и этнологии, стать новой зоной пересечения всех этих наук. Что же касается социальной психологии, то она является для социально-политической психологии главной "материнской" дисциплиной.

Разработанные ею представления о механизмах межчеловеческих отношений, выражающие их категории и закономерности, действуют не только на микро-, но и на макроуровне общественной действительности и должны поэтому войти в качестве органической составной части в изучение этого уровня. Поэтому в этой книге мы будем неоднократно обращаться к данным и "языку" социальной психологии.

Не в меньшей мере это относится к общей психологии. В сущности нет таких общепсихических, изучаемых на уровне индивидуального

---

⁹ Положение социальной психологии как зоны пересечения психологии и социологии, видимо, лишает смысла споры о том, является ли она преимущественно психологической или социологической наукой.

¹⁰ Шибутани Т. Указ. соч. С. 22.

человека, структур, явлений, процессов и механизмов, которые не действовали бы на макросоциальном уровне – они образуют наиболее глубокую основу психической жизни общества. Поэтому ее невозможно изучать, не вооружившись необходимым минимумом общепсихологических знаний. Эта гносеологическая первичность общей и социальной (в ее классическом варианте) психологии по отношению к социально-политической, значительная общность их "материала" (человеческая психика на разных ее уровнях и в разных проявлениях) очень помогают исследованию сложных общественно-политических феноменов. Нередко совершенно разные по масштабу и содержанию индивидуальные и групповые переживания и типы действия, например поведение испытуемого в лабораторных условиях или какое-нибудь крупное общественное движение, возникают и развиваются по сходной схеме. Этот основанный на общепсихических законах изоморфизм микро- и макроуровней психики, ее функционирования в искусственно созданной и в естественной социальной ситуации, имеет для социально-политической психологии, как мы увидим ниже, громадное эвристическое значение. Он позволяет в самых простых, легко регистрируемых фактах найти ключ к пониманию гораздо более сложных явлений.

Все это ни в коей мере не означает, что подобные сложные явления могут быть просто сведены, редуцированы к элементарным общепсихологическим фактам, к явлениям другого, низшего уровня. Попытки такого редуционизма нередки в науке. Например, когда социально-психологические явления объясняются главным образом или целиком биогенетическими либо психофизиологическими характеристиками субъекта, а общепсихическая структура провозглашается определяющей структуру политической деятельности. Подобные представления противоречат самой природе субъективно-объективных отношений, лежащих в основе любой направленной на других людей, на общество психической активности.

Представляются одинаково ложными тезисы как о субъективном, психическом как простом отражении объективного (ситуации), побуждающем к определенной реакции на заданный ею стимул, так и о суверенности субъективного по отношению к объективному, даже о сотворении второго первым. Скорее, их отношения не строятся ни по той, ни по другой модели, но представляют собой взаимодействие, в котором нет неизменного разделения ролей между определяемым и определяющим. Субъект на основе своих собственных внутренних качеств, задатков и предшествующего опыта активно творит (а не просто воспроизводит) образ объекта, интерпретирует, а в определенных ситуациях и практически воздействует на него, но интерпретирует он все же не собственные внутренние побуждения и переживания, а реальный объект, находящийся вне его психики. Образ объекта, его бытие для субъекта определяется, следовательно, как самим объектом, так и субъектом и ту же двойственную детерминацию имеет действие субъекта по отношению к объекту. Образ пирожного как приятного и вкусного "объекта" не мог бы возникнуть в моем сознании, и не побудил бы меня купить и съесть его, если бы не было самого

пирожного и если бы живущая во мне память о моих специфических вкусовых ощущениях не пробудила потребность в лакомстве.

Совершенно очевидно, что объект общественно-политической психологии обладает, как и пирожное, своей спецификой, которая требует для формирования его психического образа тоже специфических (а не вообще любых) психических свойств и умений субъекта. Если для формирования положительного образа пирожного нужно обладать чувствительным к сладкому вкусовым ощущением и памятью о нем, то для отображения в психике общественно-политической действительности необходимы другие, значительно более сложные психические посылки. К их числу относится способность, например, к восприятию объектов, локализованных на больших временных и пространственных дистанциях от сенсорно осязаемого; к мобилизации не только личной, но и социально-исторической памяти, к абстрактному мышлению и оперированию социальными ценностями, к пониманию различных, в том числе макросоциальных, связей индивида. Естественно, что психические процессы, формирующие общественно-политическую психологию, не могут (несмотря на отмеченный выше изоморфизм) строиться только по той же схеме, что те, которые имеют дело с другими сферами объективного мира; ее нельзя считать простым продолжением, или проекцией на общество и политику, психологических закономерностей, выведенных из лабораторных экспериментов или из наблюдения за поведением людей в их непосредственном окружении.

Эта специфика социально-политических психических процессов является предметом нашего особого внимания в этой книге.

Задачи, которые мы ставим перед общественно-политической психологией, в той или иной мере уже решаются *психологией политической*. Это естественно: в политической жизни общества сходятся и концентрируются те психологические явления и процессы, которые относятся к макросоциальному, или социзтальному уровню. Зачем же в таком случае вводить рядом с политической психологией еще одну, вероятно, более или менее совпадающую с ней дисциплину?

Ответ на эти вопросы заключается (как и в случае с социальной психологией) в нынешнем состоянии политико-психологической науки. Редактор-составитель одного из наиболее фундаментальных американских трудов по политической психологии М.Дж. Германн отмечает ее разбросанность, фрагментарность, крайне слабую связь между отдельными направлениями и сферами исследований¹¹. По словам одного из специалистов, эта дисциплина напоминает Шалтая-Болтая, которого невозможно собрать¹². Этот разноречивый приводит к совершенно разным толкованиям предмета политической психологии. По М. Германн, она изучает взаимодействие политических и психологических процессов. Советский "Краткий психологический словарь" определяет ее как

¹¹ Political Psychology. Contemporary Problems and Issues / Ed. M.G. Hermann. S. Francisco; L., 1986. P. 4.

¹² Political Psychology. 1979. N 1. P. 106.

"область психологии, изучающую психологические компоненты политической жизни общества"¹³. В специальной литературе существует гораздо более узкое определение: "...изучение людей, принимающих властные решения для общества, а также тех, кто пытается влиять на эти решения"¹⁴. По мнению петербургского психолога А.И. Юрьева, предметом политической психологии являются "психические процессы, состояния и свойства человека, модифицирующиеся в процессе взаимодействия с властью"¹⁵.

В целом понимание предмета политической психологии колеблется между двумя полюсами. Или она интерпретируется как психология политиков (политических лидеров, активистов, членов партий, парламентариев), т.е. политической деятельности, или ее понимают (явно либо неявно) как изучение всех психических процессов, так или иначе влияющих на политику. В первом случае политическая психология наиболее адекватна своему наименованию, обнаруживает значительную близость к психологии личности и значительный удельный вес в ней приобретают прикладные разделы, например разработка оптимальных способов принятия политических решений. Во втором случае она весьма походит на то, что мы называли социально-политической психологией. Это вполне естественно: если не замыкать изучение политики в ней самой, а пытаться выяснить ее роль и место в обществе, направляющие ее мотивы и интересы, ее влияние на общество, волей-неволей приходится обращаться к сферам общественной жизни, лежащим за пределами собственно политической деятельности. Ведь если политика есть опирающееся на власть регулирование общественных отношений и процессов, а также отношений между обществами, что же можно понять в ее содержании, целях и т.д., изучая ее вне связи с этими отношениями и процессами?

В сущности реальная практика политической психологии показывает, что в своем развитии она – сознательно или стихийно – идет по этому второму пути. Знакомство с тематикой многих монографий и статей, а также обобщающих учебных работ по политической психологии показывает, что весьма значительная их часть трактует сюжеты, либо выходящие за рамки психологии политической деятельности, либо даже имеющие лишь косвенное отношение к политике. Особенно типично это для работ, посвященных массовым политическим процессам и массовому сознанию, отношениям между идеологией и общественным мнением, потребностям и ценностям, влияющим на политическое развитие, политической социализации. В основе этой тенденции лежит очевидный факт: нельзя понять психологию "политического человека", не узнав его как человека вообще, как личность, принадлежащую к определенному обществу и связанную с определенными социальными группами.

¹³ Краткий психологический словарь. М., 1985. С. 249.

¹⁴ *Barner-Barry C., Rosenwein R. Psychological Perspectives of Politics.* Englewood Cliffs, 1985. P. 7.

¹⁵ *Юрьев А.И. Введение в политическую психологию.* СПб., 1992. С. 13.

Характерна в этом отношении позиция Е.Б. Шестопаля, автора первого отечественного курса по политической психологии. В предмет этой дисциплины она включает в частности массовые формы политического поведения, политико-психологические аспекты массовых чувств, потребностей, настроений, мотивов, процессы становления личности как участника политических процессов¹⁶. Но ведь совершенно очевидно, что политические характеристики психологии масс и личности во многом производны от их общепсихологических и социально-психологических характеристик, не могут быть поняты вне связи с последними. Получается, что понимаемая широко политическая психология не может не быть социально-политической, или макросоциальной психологией.

Нынешнее состояние политической психологии – еще одно доказательство в пользу выделения особой междисциплинарной области гуманитарного знания, рассматривающей социальный уровень общественной психологии. Этот уровень объединяет соответствующие ему направления и проблемы социальной психологии с проблематикой психологии политической, поскольку принадлежащие ему процессы и явления неразрывно связаны с политическими. Данная фактически уже существующая, но слабо систематизированная и объединенная область знания может быть поэтому названа социально-политической психологией.

Из наших размышлений о предмете данной дисциплины вытекает, что для нее можно было бы предложить и иное, достаточно адекватное название – *макросоциальная психология*. Мы предпочитаем, однако, название, вынесенное в заглавие книги, поскольку оно кажется более ясным и отражает междисциплинарный характер охватываемой в ней проблематики.

В заключение необходимо отметить, что предлагаемая книга не претендует на сколько-нибудь полное раскрытие этой проблематики, всех ее составных частей. Не только потому, что такая задача автору не под силу, но и потому, что попытка объять необъятное неизбежно привела бы к скороговорке, которой нам очень хотелось избежать. Наряду с учебными или справочными изданиями, дающими максимально полный обзор изучаемого предмета, как бы его конспект – по необходимости за счет глубины и многогранности освещения конкретных проблем, – могут быть полезны и работы, ставящие перед собой более узкие цели: по возможности обстоятельно проанализировать лишь некоторые существенные, "ключевые" проблемы, дать представление о путях их решения. Это позволяет представить изучаемую область науки в ее становлении и развитии – не столько как некую сумму бесспорных истин, сколько как трудный и противоречивый процесс познания.

---

¹⁶ См.: Шестопаля Е.Б. Очерки политической психологии. М., 1990. С. 18–19.

ПОЗНАНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

1. Особенности социально-политического знания

*Когнитивист-
ская тенденция
в психологии*

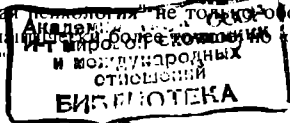
Из представленного во введении понимания социально-политической психологии вытекает, что она представляет собой столь же психологическую, сколь социологическую и политологическую дисциплину. Более того, как мы увидим ниже есть серьезные основания предполагать, что как совокупность психических явлений и процессов социально-политическая психология представляет собой не какой-то необязательный довесок к человеческой психике, но органична самой ее природе, образует ее неотъемлемый компонент. Чтобы понять как специфику данного компонента, так и его роль и место в структуре психики человека, нам придется обратиться к более общим проблемам психической жизни.

Было бы непосильной задачей пытаться сколько-нибудь полно и систематически осветить их в данной книге. Для этого пришлось бы пересказывать чуть ли не всю историю философской мысли и историю психологических теорий, анализировать и оценивать выработанные различными научными школами концепции природы человека. Читателю, глубоко интересующемуся данной проблематикой, можно посоветовать обратиться к соответствующей специальной литературе¹. Мы же ограничимся рассмотрением лишь тех теоретико-психологических вопросов, которые имеют наиболее непосредственное отношение к нашей теме. Первый из таких вопросов можно сформулировать следующим образом: какие именно свойства человеческой психики порождают ее макросоциальный уровень, социально-политическую психологию как ее особую сферу? Или, иными словами, в чем состоят общепсихические основы социально-политической психологии?²

Скажем сразу, что сколько-нибудь однозначный ответ на этот

¹ См., например: Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. М., 1984.

² Здесь следует предупредить читателя о специфической языковой трудности, связанной с двусмысленным словоупотреблением понятия "психология" в русском языке. В строгом смысле психология – это наука о психике, однако на практике тем же словом обозначают и совокупность психических явлений и процессов: мы говорим о психологии того или иного человека, группы, нации, на самом деле имея в виду их психику. Сломать эту вносящую известную путаницу традицию трудно, и в данной книге понятие "социально-политическая психология" не только обозначает определенную область знания, но и заменяет семантически более точное, но не звучащее по-русски "социально-политическая психика".

вопрос представляется невозможным. Его исключает прежде всего современное состояние психологической науки, для которого характерно сосуществование и соперничество весьма различных "образов" человеческой психики. И хотя это положение, очевидно, отражает чрезвычайные сложность и многогранность психической жизни и отнюдь не исключает совместимости, взаимодополняемости различных "образов", их научно обоснованный синтез пока что является делом будущего. Поэтому на поставленный выше вопрос приходится вначале давать не один, а несколько ответов и лишь затем пытаться на основе их сопоставления сложить относительно целостную картину социально-политического уровня психической жизни.

Наиболее элементарный и исторически наиболее ранний научный "образ" человеческой психики фактически основан на понимании человека как существа, ощущающего и воспринимающего явления внешнего предметного мира, вырабатывающего представления о них. Впоследствии в психологии сложилось научное направление, ставившее своей задачей экспериментально доказать способность психики вырабатывать целостные образы, природа которых не сводима к сумме или мозаике отдельных ощущений (так называемая гештальтпсихология от немецкого слова "гештальт" – форма, структура, целостная конфигурация). Эти, как и многие возникшие позже направления психологической науки, в сущности интересовались человеческой психикой прежде всего как аппаратом познания мира, за ними стоит подход к человеку как к познающему существу. В современной литературе их иногда объединяют поэтому в общую когнитивистскую (от латинского "когнитио" – знание) тенденцию психологической науки.

Когнитивистская тенденция выражается не столько в какой-то определенной теоретической концепции (она проявляется в весьма различных концепциях), сколько в общей направленности изучения психики, в том угле зрения, который избирает психолог. В отечественном психологическом словаре психика определяется как "системное свойство высокоорганизованной материи, заключающееся в активном отражении субъектом объективного мира, в построении субъектом неотчуждаемой от него картины этого мира и саморегуляции на этой основе своего поведения и деятельности"³. Как видим, в этом определении отражательные, познавательные свойства психики явно доминируют над всеми иными, в том числе и над теми, которые направляют собственную деятельность, активность человеческого субъекта и представлены в данном случае лишь как производные от "отражения". Человек познающий оказывается как бы "главнее" человека действующего.

Для марксистски ориентированных авторов когнитивистский подход вполне естествен: он соответствует тезису диалектического материализма о первичности объективного бытия и вторичности субъективного – психики, сознания, особенно в ленинской теории отражения. Это отнюдь не означает ни совпадения когнитивистской тенденции с марк-

³ Краткий психологический словарь. М., 1985: С. 265.

системными психологическими концепциями, во многих отношениях преодолевающими ее ограниченность, ни вообще ее жесткой связи с какой-либо определенной философско-теоретической "базой". Так, одним из наиболее ярких ее представителей был знаменитый (и критикуемый марксистами) швейцарский психолог Ж. Пиаже, творчество которого посвящено формированию познавательных структур у ребенка в процессе взаимодействия психики с внешней средой.

Противники когнитивистской тенденции критикуют ее за недооценку мотивационных и аффективных аспектов психики, а особенно ее социальной природы, за подход к человеку лишь как к отдельно взятому индивиду. Эта критика справедлива: влечения, потребности и мотивы, равно как и выражающие их эмоциональные переживания субъекта не менее важные составляющие человеческой психики, чем познавательно-ориентационные функции; верно и то, что психика, в том числе и ее когнитивные свойства не может быть адекватно понята в отрыве от социальной природы человека, межличностных связей и общения. Далее мы обратимся к этим ее аспектам, сейчас же важно отметить другое: когнитивистский подход, несмотря на его ограниченность, является не только одним из возможных, но и необходимым звеном анализа психики человека, неотъемлемым разделом психологии как науки. Без изучения когнитивных процессов как таковых нельзя понять и всех иных психологических явлений. Это целиком относится и к социально-политической психологии.

Автор одной из немногочисленных отечественных работ по политической психологии А.И. Юрьев полагает, что ведущим фактором формирования и развития соответствующего уровня психики является потребность в ориентации, т.е. в познании внешнего социального мира, в информации о нем. Именно ориентировочная потребность "стоит за политической деятельностью", "составляет психологическое существо различного рода политических учений, теорий, идей", удовлетворяющих "латентную живущую, в каждом человеке страсть – знать, где он находится, в каком направлении проявлять активность, какими методами изменять свое положение в политическом, экономическом, правовом пространстве"⁴. В этой формулировке хорошо раскрыта познавательно-ориентировочная основа политической и, говоря шире, социально-политической психологии. Важно, правда, учитывать, что это лишь одна из ее основ, избегать односторонне-гипертрофированного, "информационного" подхода к общественно-политическим психологическим феноменам. Такой подход, представляющий собой как бы проекцию в социально-политическую сферу когнитивистской тенденции общей психологии, страдает теми же недостатками, что и эта тенденция. И в то же время аналогично ей отражает весьма важную сторону психической реальности.

---

⁴ Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992. С. 91.

*Абстрактно-
наиндивидуаль-
ный характер
социально-поли-
тических знаний*

Поскольку жизнь человека включена в сложную систему социальных связей, зависит от существующей системы общественных отношений, процессов и событий, развертывающихся в обществе, от политики государства, его ориентация в окружающем мире требует какого-то минимума знаний о социально-политической действительности.

Приобретение этих знаний неизбежно опирается на те же психические способности и механизмы, что и общепсихический познавательный процесс. Важнейшие из них – восприятие (перцепция), т.е. непосредственно-чувственная информация об явлениях внешнего мира и выработка представлений – более обобщенных образов этого мира; в познавательном процессе человека, как это известно из общей психологии, в той или иной мере участвуют память, внимание, воображение, мышление. В то же время объект социально-политических знаний обладает существенными особенностями, выделяющими его из общей массы объектов общепсихического познавательного процесса. Если общая психология уделяет большое внимание, например, таким объектам восприятий и представлений, как цвет, звук, форма и иные свойства материальных предметов, то объектом познания макросоциального, или социально-политической действительности являются социальные отношения и их конкретные проявления в форме многообразных общественных и политических событий и процессов. Иными словами, объект данного вида познания – не вещи и предметы, но другие люди, отношения между людьми, в которых так или иначе участвует субъект познания, воплощающие эти отношения общественные институты.

Очевидно, что познание такого рода "объектов" существенно отличается от тех видов познания, которые изучаются в психологических лабораториях. Прежде всего – тем, что оно в гораздо меньшей мере основано на чувственном восприятии, непосредственном контакте субъекта с объектом. Конечно, цепь таких контактов, скажем мои отношения с членами моей семьи, соседями, приятелями, коллегами по работе или учебе, с конкретными представителями различных административных структур, в той или иной мере включена в систему общественно-политических отношений моей страны. Однако она образует самое большее, лишь иерархически низшее, непосредственно воспринимаемое звено этой системы. Конечно, и через это звено, через эмпирическое восприятие событий моей собственной жизни и через мои непосредственные контакты с другими людьми до меня "доходят" макросоциальные и политические отношения и процессы. Если мои родители отказывают мне в деньгах на полюбоившийся мне магнитофон, я сталкиваюсь не столько с их отношением ко мне, сколько с существующим в обществе распределением статусов и доходов, в котором моя семья занимает положение, не соответствующее моим потребительским притязаниям. Если меня ограбили и избили на улице, я скорее всего буду винить в этом не только злую волю грабителей, но и политику властей, не обеспечивающую безопасность граждан. Точно также, столкнувшись с новым скачком цен в магазинах, я увижу в этом не

результат алчности продавцов, собственников и управляющих, но проявление инфляционного процесса и слабости не справляющейся с ним экономической политики правительства.

Во всех этих и подобных случаях непосредственное восприятие факта и соответствующие ряду таких восприятий эмпирические представления (о доступности тех или иных материальных благ, степени личной безопасности и проч., и проч.) включены в познавательный процесс, но включены лишь как его первичный, наиболее элементарный элемент. Ибо общественная действительность в целом находится за пределами непосредственно чувственного опыта индивида. Поэтому последовательное, законченное осуществление ее познания требует использования уже не непосредственных восприятий и основанных на них, почерпнутых из личного опыта представлений, но знаний опосредованных и обобщенных.

Что же представляют собой эти обобщенные и опосредованные знания, как они обобщаются и чем опосредуются?

Прежде всего, поскольку социально-политическая психология имеет дело с социальным уровнем общественной действительности, с отношениями, выходящими далеко за рамки отношений межличностных, она не может обойтись без весьма высокого уровня абстракции от непосредственно осязаемого и воспринимаемого. Познание общественной жизни, осуществляется ли оно на уровне научно-теоретическом или массовом, предполагает мобилизацию способности человеческого мышления к абстрагированию – к выделению определенных общих свойств ряда явлений и отвлечению от остальных. Конечным продуктом познавательного процесса является в данном случае формирование *образа общества*, включающего определенные представления о составляющих его группах и отношениях между ними, о системе власти и направленности политической деятельности, об его отношениях с другими обществами (государствами). Такого рода представления могут быть осмыслены и выражены лишь на основе абстрактных понятий. В зависимости от исторически и социально обусловленного культурного и интеллектуального уровня субъектов познания эти понятия могут выражаться в теоретических категориях, выработанных общественной и научной мыслью (таких, например, как социализм и капитализм, классы, эксплуатация, социальная справедливость и т.д.) или в терминах обыденного сознания. Русский крестьянин середины прошлого века не владел понятиями феодализма или абсолютизма, но его знание общественного и политического устройства отнюдь не ограничивалось знакомством с собственным помещиком и местным исправником. Он прекрасно знал, какое место и положение в обществе занимают дворяне, чиновники, купцы, крестьяне, вообще представлял себе, кому принадлежит власть и богатство и кто не имеет ни того, ни другого. Словом, обладал определенной системой абстрактных представлений об общественной действительности.

Абстрактному знанию об этой действительности, казалось бы, противоречит хорошо известная тенденция к ее персонификации. Она

проявляется далеко не только в относительно ранних и примитивных формах общественного сознания. В современном российском обществе, для которого характерны сравнительно высокий уровень образованности населения и мышление, опирающееся на абстрактно-теоретические категории (социализм, рыночная экономика и т.д.), имена Ленина и Сталина, Хрущева и Брежнева, Горбачева и Ельцина являются наиболее распространенными обозначениями исторических периодов и ведущих политических тенденций. Однако, если приглядеться, подобное персонифицированное общественно-политическое мышление в сущности оперирует не столько представлениями о правителях страны как о реальных, эмпирически воспринимаемых личностях (как это имеет место в межличностных отношениях), сколько их абстрактными образами, символизирующими те или иные обобщенные политические понятия и отражающими различные типы политических взглядов. В зависимости от этих взглядов субъектов сознания один и тот же политический деятель может, например, символизировать порядок и национальное величие или деспотизм и террор, социальную справедливость или подавление свободы, прогрессивные изменения в обществе или его разрушение. В ходе депутатской и президентской избирательных кампаний Б.Н. Ельцина он символизировал для своих сторонников антикоммунизм и борьбу с номенклатурой, что предполагало забвение (абстрагирование от!) его номенклатурного прошлого. Таким образом за персонификацией нередко стоят те же абстракции, которые лежат в основе обобщенных социально-политических понятий.

Разумеется, абстрактные понятия не являются каким-то исключительным свойством социально-политических знаний. В той или иной мере они присутствуют во всех сферах познавательной деятельности человека и его мышления. Для некоторых же видов сознания, например научного, нравственного, религиозного, высокий уровень абстрагирования характерен ничуть не меньше, чем для сознания общественно-политического. Тем не менее абстракции, используемые в данной сфере познания, обладают определенной спецификой, обусловленной ее функциональной основой – потребностью в ориентации в мире общественных отношений. Повседневная реальность этого мира, непосредственная включенность в него жизненных судеб и возможностей людей придают данной потребности сугубо прагматический характер, побуждают к трезвому, рациональному, логическому мышлению о нем. Соответственно и используемые для его понимания абстрактные понятия несут на себе печать рационализма и реализма, действительно "отражают" какие-то стороны реальной действительности.

Последнее утверждение, вероятно, вызовет недоумение у многих читателей. Ведь хорошо известно, сколь иллюзорными, ложными и иррациональными бывает общественно-политическое сознание, к каким подчас безумным и абсурдным действиям толкает оно людей. Подобные факты, однако, не перечеркивают рационально-реалистических тенденций, присущих познанию общественной действительности, но лишь свидетельствуют о громадных трудностях, с которыми сталкивается их осуществление. В них, как мы увидим ниже, сказываются и

противоречия самого познавательного процесса, и влияние на него иных, помимо прагматической потребности в ориентации, психологических факторов.

И все же тенденция именно к реалистическому пониманию общественной действительности пробивается сквозь множество противостоящих ей преград. Не случайно апелляция к здравому смыслу, к логике, к реальному опыту людей в конечном счете оказывается наиболее весомым аргументом в идейно-политической борьбе. Правда, весьма часто этот аргумент "срабатывает" лишь на протяжении весьма длительных исторических периодов, в результате мучительного, сопряженного с множеством трагедий и жертв накопления социально-политического опыта. Тем не менее в силу самой природы и функций познания общественных процессов реализм и логика выступают как его имманентные свойства, отличающие его от ряда иных видов познания. Так, путем логических рассуждений и доводов от реальности невозможно доказать "правильность" тех или иных нравственных норм: они принимаются, отвергаются или нарушаются лишь в результате внутренних побуждений, никогда не подчиняющихся до конца здравому смыслу. Еще меньше рассудок и реализм способны порождать и укреплять религиозную веру: согласно известной теологической максиме, "верую потому, что абсурдно". Социально-политическая психология сплошь и рядом тоже бывает иррациональной и мифологичной, но она так или иначе стремится к рациональности и реализму как к своим высшим целям и принципу.

Итак, относительно высокий уровень абстрактного мышления и опора на абстрактные понятия, тяготеющие к рациональному пониманию действительности, являются одной из важнейших когнитивных (т.е. относящихся к познавательной функции) характеристик социально-политической психологии. Другая ее, также когнитивная характеристика – громадная роль в ее формировании, воспроизводстве и развитии *на*индивидуальных, *социально-исторических* источников знаний, запечатленных в *культуре* общества, различных его групп. Во многих отношениях содержание социально-политической психологии зависит от этих источников больше, чем от индивидуального и актуального опыта, собственной познавательной деятельности ее субъектов⁵.

Конечно, на протяжении своей жизни любой индивид постоянно сталкивается с социально-политической действительностью, испытывает ее воздействие, так сказать, "на собственной шкуре". Однако его индивидуального опыта совершенно недостаточно как для формирования обобщенных, построенных на абстрактных понятиях представлений о ней, так и для уяснения причинно-следственных связей между непосредственно воспринимаемыми и испытываемыми явлениями, с одной

⁵ Культура, в частности культура политическая, и ее взаимоотношение с общественным и политическим сознанием – особая, чрезвычайно масштабная и сложная тема, освещение которой не входит в задачи настоящей работы. Общую характеристику проблемы см.: *Гаджиев К.С.* Политическая наука // Сорос – Международные отношения. М., 1994, гл. XIV–XV.

стороны, и обуславливающими их факторами – с другой. Ибо эти факторы значительно удалены от его непосредственного восприятия как во времени, так и в пространстве. Во времени – потому, что многие явления настоящего обусловлены событиями исторического прошлого. В пространстве – потому, что такие решающие факторы общественно-политической жизни, как динамика макроэкономических процессов, отношений между большими социальными группами, деятельность органов власти и принятие политических решений, находятся вне сферы непосредственного наблюдения большинства индивидов. Между тем причинно-следственные связи социально-политических явлений – совершенно необходимый элемент их познания: понимания таких связей требует прежде всего прагматическая ориентация данного вида познания. Социально-политические знания нужны людям прежде всего для того чтобы знать, чего им ожидать от общества и его институтов, как лучше реагировать на ожидаемые события. Уже этот стихийно-прогностический характер социально-политического знания предполагает его каузальную ориентацию, понимание причин и следствий охватываемых им явлений.

Разительное несоответствие пространственно-временных масштабов данной сферы познания познавательным возможностям индивидов делает необходимым широкое использование в нем представлений, черпаемых из багажа *социальных* знаний, из коллективного социального опыта. Разумеется, опора на социальные источники, на знания, добытые другими людьми или человечеством в целом, присуща не только данному, но и многим другим видам человеческого познания. Без такой опоры было бы, например, немыслимым научное знание: ни один ученый не начинает изучение избранного им объекта с нуля, игнорируя сделанное его предшественниками. Социальное происхождение имеют и многие знания, необходимые в повседневной жизни: в работе, в потреблении и досуге, в личностных отношениях, где часто действуют нормы, выработанные людьми на протяжении столетий. Социальную природу имеет и такое решающее средство человеческого познания (особенно на тех его уровнях, которые связаны с мышлением), каким является язык. Тем не менее, социально-политические знания существенно отличаются по своим источникам, способам верификации, воспроизводства и модификации от знаний других видов.

Стереотипы

Главное из этих отличий состоит в их значительной удаленности, можно даже сказать, отрыве от знания эмпирического. Естественнонаучные знания, даже на своем абстрактно-теоретическом уровне опираются на систему доказательств, черпаемых из эмпирических исследований. Знания, регулирующие трудовую и частную жизнь людей, повседневно проверяются ими на собственном опыте, что позволяет в соответствии с меняющимся содержанием этого опыта вносить в них необходимые коррективы, придает гибкость и подвижность представлениям, унаследованным или воспринятым "от других" – из социальных источников. Что же касается знаний социально-политических, то в значительной своей части они состоят из информации о фактах, обобщений, оценок и

объяснений, которые с большим трудом поддаются эмпирической проверке. Во-первых, потому, что в своих концептуальных, оценочных и каузальных аспектах они чаще всего формируются в рамках *идеологий*, под влиянием тех или иных идейно-политических течений и пристрастий, а строгое следование объективной истине, эмпирическая доказательность выводов отнюдь не являются высшей целью идеологической деятельности. И хотя идеологии могут более или менее верно отражать какие-то стороны действительности, они неизбежно "выпрямляют" ее, так или иначе подгоняют под себя, гипертрофируя одни ее аспекты, замалчивая или отводя в тень другие. Поэтому идеология является одним из важнейших факторов, постоянно нарушающих основную прагматически-ориентировочную функцию социально-политического познания.

Во-вторых, огромная часть социальной информации о фактах общественно-политической жизни, обобщений и объяснений этих фактов просто не поддается проверке со стороны потребителей информации. Причем последнее относится как к традиционным источникам информации, например к слухам, сообщениям официальных властей и других общественных институтов, так и к современным средствам массовой информации. Характерно, что, по данным опросов, в массовых слоях населения различных стран – как капиталистических, так и принадлежащих в прошлом к социалистической системе – широко распространено недоверие к информации, поставляемой прессой, радио, телевидением. Противоречивость ситуации состоит, однако, в том, что по множеству социально-политических вопросов других источников информации для рядового гражданина просто не существует. Поэтому, даже сомневаясь в ее достоверности, он волей-неволей ориентируется на сведения и оценки, распространяемые масс медиа.

Чем дальше отстоит объект социально-политического познания от собственного опыта и непосредственного восприятия его субъекта, тем труднее этому последнему подвергнуть проверке характеризующие объект суждения и тем чаще он вынужден принимать их на веру. Поэтому многие представления об обществе, поступающие к индивиду из различных социальных источников – семьи, школы, непосредственной социальной среды, по каналам массовой информации – сплошь и рядом усваиваются им как бы автоматически и в готовом виде, не подвергаясь какой-либо модификации и переработке. И столь же автоматически воспроизводятся иногда на протяжении всей его жизни, а затем передаются новому поколению. В психологии и политологии такие устойчивые, мало зависимые от эмпирического познания представления о социальных объектах называются *социальными стереотипами* (понятие стереотипа было введено в обиход американским журналистом и политологом У. Липпманом и означает в переводе с греческого "твердый отпечаток") и считаются одним из важнейших механизмов социальной перцепции.

Н.Я. Мандельштам (жена поэта О. Мандельштама) рассказывает в своих воспоминаниях о беседе с деревенской старушкой, ее соседкой

во время ссылки на севере России. Рассуждая о своем и своих односельчан бедняком бытѣ, бабушка считала его все же более благополучным, чем жизнь трудящихся на Западе. "Нам хоть селедку, да керосин завезут, а у них и того нет" Перед нами яркий пример взаимодействия стереотипа с индивидуальным сознанием. Даже сталинская пропаганда вряд ли решалась утверждать, что в капиталистических странах простым людям нечего есть и нечем освещать жилище, она ограничивалась общими стереотипными утверждениями об их "абсолютном и относительном обнищании" Русская старушка, для которой тарелка радиорепродуктора, наверняка, была единственным источником информации о загранице, не мудрствуя лукаво перевела эту общую схему на язык собственных представлений о крайней бедности. Абстрактно-схематические стереотипы обладают, таким образом, свойством воплощаться в конкретные образы, подсказанные индивидуальным опытом или воображением, и приобретать тем самым еще более убедительную силу.

Роль стереотипа в системе социально-политических знаний людей наглядно демонстрирует эволюция "социалистической идеи" в советском и российском обществе. За годы коммунистической власти стереотип о превосходстве социализма над всеми иными типами общественного устройства глубоко укоренился в сознании советских людей. Речь не идет в данном случае ни о степени истинности или ложности данного тезиса, ни о том, что его разделяло все население Союза, важно, что в него верили миллионы людей, принадлежащих к самым разным социальным слоям. После разоблачения Хрущевым культа личности Сталина и особенно в период застоя в обществе резко усилился социальный критицизм, возрастало социальное недовольство, скептицизм, цинизм. В то же время вместе с разрядкой появились бреши в железном занавесе: умножилось число советских людей, посещавших зарубежные страны и имевших возможность воочию сравнить условия жизни в СССР и на Западе. Социалистический стереотип в большей мере потерял былую эмоциональную насыщенность, перестал вызывать энтузиазм, определять общественное поведение и настроение людей. И все же он продолжал жить! Даже в первые годы перестройки, когда общество уже не скрывало от себя пороки собственной системы, в публицистике и общественной мысли преобладали идеи реформирования, совершенствования социализма, очищения его "истинной сущности" от скверны тоталитаризма. Еще раньше идейный вождь диссидентства академик А.Д. Сахаров предлагал осуществить конвергенцию социализма и капитализма, объединить лучшие качества обеих систем. Некоторые "перестроечные" авторы утверждали, что истинный, гуманистический социализм уже существует в Скандинавии, ФРГ, даже в США!

Основа прочности этого стереотипа состояла, очевидно, в том, что помимо чисто прагматической ориентации в окружающем мире, непосредственно организующей личное и социальное поведение людей, человек нуждается еще в ориентации ценностной, мировоззренческой. Той, которая отвечает потребности в различении хорошего и плохого,

причем отвечает ей, как это свойственно природе общественно-политического познания, языком обобщенных, абстрактных категорий. Но именно такие категории и наполняющее их ценностное содержание являются для подавляющего большинства людей "чужими", не ими самими добытыми знаниями и именно поэтому особенно легко поддаются стереотипизации и идеологизации. Будучи через различные каналы внедрены в сознание людей, они живут в нем самостоятельной жизнью, сохраняя относительную независимость от знаний, почерпнутых из собственного опыта, а потому и значительную устойчивость. Поэтому и оказывается возможным одновременно осуждать определенную социальную действительность в ее конкретных проявлениях и признавать правильность якобы лежащих в ее основе общих абстрактно-идеальных принципов.

Разумеется, разрыв абстрактно-ценностного и эмпирически-конкретного уровней познания может существовать лишь до поры, до времени: рано или поздно реальная жизнь разрушает противоречащие ей стереотипы. Но этот процесс нередко охватывает длительные исторические периоды, связан со сменой поколений и с усвоением людьми новой системы обобщенно-ценностных представлений, способной заменить старую. В Советском Союзе в 1990 г., когда социалистическая идеология, казалось бы, уже была основательно дискредитирована критикой в средствах массовой информации, 20% опрошенных видели выход из кризиса в «восстановлении "идеалов и ценностей" социализма, сложившихся за годы советской власти» и 48 – в "построении нового – гуманного, демократического социализма, свободного от деформаций сталинизма и застоя". И только 20% – считали необходимым "отказ от идей и ценностей социализма". Характерно, что последнюю точку зрения чаще всего выражала молодежь и реже всего – пожилые люди⁶. В том же 1990 г. лишь 24% (но 30% молодежи моложе 24 лет и 38 % людей с высшим образованием) опрошенных согласились с тем, что "причины наших трудностей кроются в самой природе социализма", большинство же – 56% – объясняло их "ошибками" прежнего или современного руководства страны⁷. Влияние возраста и образования на силу "социалистического" стереотипа объяснимо: младшее поколение в меньшей степени испытало его пропагандистское воздействие; более высокий образовательный и культурный уровень облегчает восприятие новых идей, альтернативных традиционным идеологическим аксиомам⁸.

⁶ Мир мнений и мнения о мире. 1991. № 3. С. 4.

⁷ Общественное мнение в цифрах. М., 1991. Вып. 8, ч. 1. С. 9.

⁸ Следует, разумеется, учитывать, что приверженность социалистической идее объясняется не только рассмотренными когнитивными факторами, но и вполне прагматическими интересами и настроениями: боязнью утраты социальной защищенности, рабочего места, недовольством растущим имущественным неравенством и т.п.

2. Обыденное и идеологическое познание

Понятие стереотипа имеет особо важное значение для социально-политической психологии, поскольку присущие ей познавательные процессы направлены на объекты, доступные непосредственному восприятию лишь как "надводная часть айсберга". Источники, глубинные причинно-следственные связи социально-политических явлений скрыты от такого восприятия, и именно поэтому обобщенные, стереотипные представления, усвоенные в готовом виде из различных источников информации, играют такую большую роль в системе знаний об этих явлениях. В то же время понятие стереотипа и другие родственные ему категории (о которых речь пойдет ниже), совершенно недостаточны для понимания *всей системы* социально-политических знаний. Эти знания основаны не только на усвоении стереотипов, но и на собственном опыте субъекта, причем его роль особенно велика в формировании знаний, необходимых в повседневной жизни для определения собственной линии поведения. Интерес к данной стороне познавательного процесса пробудил в психологической науке поиск понятий и теорий, способных дать более полное по сравнению с концепцией стереотипов и соответствующей ей методологией описание и объяснение феноменов социального знания.

Концепция социальных представлений

Одним из наиболее значимых результатов этого поиска стала концепция *социальных представлений*, разработанная главным образом в рамках французской социально-психологической школы – С. Московиси и его последователями. Ее создатели не ставили своей непосредственной задачей изучение социально-политических представлений, они работали с эмпирическим материалом, относящимся, например, к внедрению в массовый обиход практики фрейдистского психоанализа (Московиси), к эволюции представлений о человеческом теле, отношению к душевнобольным (Д. Жодле) и другим "бытовым" психологическим феноменам. Тем не менее для их исследований характерен интерес именно к макросоциальным, связанным с историей и культурной эволюцией психическим явлениям, что сближает их с задачами социально-политической психологии.

Концепция социальных представлений отразила и более общие тенденции психологической науки. Во-первых, она стала одной из попыток преодолеть примитивное, механистическое понимание человеческой психики как совокупности врожденных или приобретенных реакций на стимулы внешней среды (бихевиористское направление в психологии), либо как ее зеркального отражения. Подобные подходы, игнорировавшие собственную активность, творческую роль психики и сознания в познавательном процессе, подверглись критике и в общей, и в социальной психологии. В когнитивной психологии Ж. Пиаже психическая деятельность представлена как единство процессов ассимиляции – перенесения на среду внутренних структурных свойств субъекта психики – и аккомодации – трансформации этих свойств соответственно условиям среды. "Феномен, – писал Пиаже, – есть взаимодействие

субъекта и объекта, которые сцепляются, постоянно преобразуясь один в другой"⁹. Эту исходную теоретическую позицию целиком восприняла и концепция социальных представлений, отрицающая жесткое противопоставление стимула и реакции, субъекта и объекта: в представлениях они как бы сливаются в единое целое, происходит творческое "конструирование реальности", "материализация мысли"¹⁰.

Во-вторых, в этой концепции проявилась тенденция понять познавательную активность как коллективную, социальную деятельность. Разумеется, стереотипы тоже имеют социальное происхождение. Однако в отличие от них социальные представления – это не механический отпечаток поступивших в индивидуальное сознание извне, с каких-то верхних этажей общественной структуры идей и ценностей, но продукт собственной работы субъектов познания, осуществляемой ими в процессе непосредственного общения. Сторонники данной концепции охотно ссылаются на одного из основателей социальной психологии Ж. Тарда, который к числу ее важнейших задач относил изучение разговоров между людьми. Английский социолог Г.М. Фарр, полагает, что значимости этого вывода отнюдь не опровергает возросшая в современных условиях роль массовых, надличностных коммуникаций: масс медиа не "убили", но напротив, обогатили межличностное разговорное общение, подкидывая ему все новые сюжеты и точки приложения интереса¹¹. Российская действительность наших дней, по-видимому, подтверждает это наблюдение: политические события, о которых сообщает телевидение и другие средства массовой информации (СМИ), стали одним из излюбленных сюжетов разговоров очень многих россиян. Следуя социально-психологической традиции, исследователи социальных представлений видят в непосредственном межличностном общении один из важнейших механизмов их формирования и развития.

Непосредственным теоретическим источником концепции социальных представлений стала теория "коллективных представлений" французского социолога конца XIX – начала XX в. Э. Дюркгейма. От Дюркгейма идет их понимание как надиндивидуальных феноменов сознания, имеющих собственное содержание, не сводимое к сумме индивидуальных сознаний. Однако С. Московиси и его последователи относят к "социальным представлениям" отнюдь не любые социально признанные взгляды, теории и т.д., но лишь те, которые входят в сферу обыденного сознания, являются продуктом "здорового смысла" и "естественного", наивного мышления, регулируют повседневную жизнь людей, формируют их "практическое сознание". Очевидно, они отличаются этим не только от продуктов научного сознания, но и от идеологических и политических теорий, предназначенных для воздействия на массовое поведение. Так, если вернуться к случаю с деревенской старушкой, социальным представлением является ее убежденность в

⁹ Piaget J. Le structuralisme. P., 1968.

¹⁰ Psychologie sociale. P., 1984. P. 364, 367.

¹¹ Farr R.M. Les représentations sociales // Psychologie sociale P., 1984. P. 380.

отсутствии селедки и керосина у несчастных трудящихся Запада, но отнюдь не марксистская концепция капитализма. В то же время с точки зрения рассматриваемой теории, научные и идеологические идеи являются одним из важнейших источников социальных представлений, однако они, как и вообще доступный обыденному сознанию "культурный фонд", поставляют ему лишь первичный материал, который затем трансформируется им применительно к требованиям практики и здравого смысла.

В чем же, согласно данной концепции, состоит та собственная интеллектуальная активность индивидов и групп, которая формирует социальные представления?

Прежде всего она соединяет понятие, которым обозначается соответствующий социальный объект, с его непосредственным восприятием. На этой основе создается образ объекта, который часто приобретает для субъекта символическое значение, как бы воплощая, представляя тот смысл, который объект имеет для его собственной жизнедеятельности. А в этом смысле содержится стимул практической деятельности субъекта, направленной на объект. Например, для предпринимателя представление о рынке – это и общее понятие рынка, и конкретный образ рыночных отношений, и обобщающий осмысленный символ всех тех действий, их возможных результатов, психических состояний и переживаний, которые он испытывает, участвуя в рыночных отношениях, и побуждения к этим действиям. В свете сказанного становятся более понятными, почему социальные представления характеризуются как одновременно объективное в субъективном и субъективное в объективном или как объединение стимула и реакции. Ведь в социальных объектах реализуются отношения между людьми, их собственная деятельность – следовательно, эта деятельность, направляющие их психические образования входят как органический компонент в саму структуру таких объектов.

Осуществляемую в социальных представлениях "конкретизацию абстракций", воплощение понятий в образы французские социопсихологи называют объективацией. Обретение объектом смысла для субъекта, ориентирующего его практическое поведение называют "укоренением". В процессе укоренения вновь сконструированных социальных представлений происходит также их взаимосогласование с теми, которые существовали в психике субъекта ранее, что обычно требует каких-то модификаций этих, более старых представлений и всей их системы. Таким образом этот процесс несет важную функцию интеграции новых знаний в психику людей.

В концепции социальных представлений еще очень много неясного. В частности, не вполне понятны критерии различения между познанием на основе обыденного здравого смысла и усвоением продуктов, научного или идеологического познания. Ведь рациональность и, следовательно, здравый смысл так или иначе, с одной стороны, направляют научную деятельность и присутствуют во многих идеологиях и политических учениях. С другой стороны, ни обыденный здравый смысл, ни утилитарная ориентация социальных представлений сами по себе не

гарантируют их от стереотипизации, не обеспечивают их большего реализма, адекватности по сравнению, скажем, с идеологическими стереотипами. Переработка обыденным сознанием таких стереотипов совсем не обязательно "очищает" их от исходных когнитивных слабостей и искажений. Да и само обыденное сознание часто вырабатывает собственные стереотипы, стимулирующие поведение, иррациональное и разрушительное с точки зрения жизненных интересов его субъектов.

За примерами далеко ходить не надо: достаточно вспомнить об этнических и религиозных стереотипах, питающих агрессивные национализм и нетерпимость, кровавые гражданские войны и вооруженные конфликты. Другой лежащий на поверхности пример – иррациональное, разрушающее природные условия существования человечества экологическое, вернее, антиэкологическое поведение. В данном случае иррационализм воспроизводится в массовых масштабах несмотря на широкое распространение научных представлений об его губительных последствиях: обыденное сознание как бы отторгает вполне доступное ему научное знание.

Возможно, неясности, присущие концепции социальных представлений, удастся в той или иной мере преодолеть, если пойти по пути уточнения ключевых для нее понятий обыденного здравого смысла, прагматизма, утилитаризма. Здесь важно, во-первых, учитывать основополагающий факт: ограниченность возможностей человеческого познания в любых его формах и проявлениях. Разумеется, прогресс науки раздвигает эти границы, но в каждый данный исторический момент они остаются достаточно ощутимыми и узкими по сравнению с познавательными потребностями человека. "Я знаю только то, что я ничего не знаю" – этот парадокс античного философа сохраняет свое значение в наши дни. Правда, с той существенной оговоркой, что опыт научного прогресса обнаружил значительное опережение процесса познания природного мира по сравнению с самопознанием человека – как его внутренней психической и личной, так и общественной жизни. Здесь не место обсуждать причины этого явления, достаточно просто напомнить, как часто мы не в состоянии понять и контролировать собственные побуждения и поступки, наши отношения с близкими людьми и тем более общественно-политические процессы, в которых мы так или иначе участвуем. Эта ограниченность познавательных возможностей присуща и обыденному, и научному познанию: сколько экономических, социологических, политических теорий оказались в той или иной мере ошибочными, не подтвержденными жизнью в тех или иных своих постулатах. Что же касается сознания обыденного, то оно сплошь и рядом хватается за иррациональные представления и решения именно потому, что остро ощущает бессилие понять суть, логику, причинно-следственные связи явлений общественно-политической жизни. Особенно в обстановке исторического перелома, обвальных сдвигов в обществе.

Все это ни в коей мере не должно внушить читателю пессимистический взгляд на возможности познания общества и политики, человека и его психологии. Не только потому, что в таком случае он, наверное,

бросил бы читать эту книгу, чтобы заняться более осмысленными или приятными делами. Было бы нелепым отрицать, что, осуществляя в различных формах познавательный процесс, люди добывают какие-то частицы истины. Пусть их научные и обыденные знания неполны, фрагментарны, неустойчивы, а путь познания труден и извилист, но продвижение по нему все же идет. И столь медленным и ненадежным оно выглядит не в абсолютном смысле, а лишь на фоне тех все более усложняющихся проблем нашей жизни, которые нам так хочется побыстрее решить.

Во-вторых, размышляя о рационально-утилитарной тенденции познания, очевидно, важно учитывать, что критерии рациональности и утилитаризма во многом различны для различных людей и групп, связаны с их *интересами* (социально-психологические аспекты данной категории рассматриваются в другом разделе книги). Что полезно и рационально с точки зрения одних социальных интересов, может оказаться вредным и бессмысленным с точки зрения других. Именно поэтому даже самые убедительные и разумные идеи и практические рекомендации науки сплошь и рядом отвергаются и политиками и массовым сознанием.

Познание человека и общества вообще отличается от познания природного мира тем, что оно не может быть полностью беспристрастным, ибо, осуществляя его, люди познают в сущности самих себя. Поэтому в образ внешнего социального мира они невольно включают свой внутренний мир (вспомним, социальные представления – это "субъективное в объективном"). Уровень здравого смысла в социальных представлениях не может быть выявлен, следовательно, в отрыве от социальных и психологических свойств разделяющих их людей. Этот подход, несомненно, очень важен и для понимания специфики обыденного сознания по сравнению с идеологическим и научным – специфики, на наш взгляд, верно намеченной в концепции социальных представлений.

*Сила и слабость
"специализиро-
ванного" и "на-
ивного" позна-
ния*

Субъектами "чистого" идеологического сознания являются создатели идейно-политических концепций и те, для кого реализация этих концепций, завоевание ими максимально широкого влияния – жизненная цель, нередко требование их профессиональной политической деятельности.

Независимо от мотивов, стоящих за этой целью: личностное или социальное самоутверждение, власть, карьера, искреннее стремление помочь своей стране, определенной социальной группе или страждущему человечеству – политик или идеолог связан с избранной им теорией или платформой, как музыкант со своим инструментом, нередко они становятся для него не только необходимым орудием, но частицей его Я. Это побуждает его гипертрофировать ценность данной концепции по сравнению с соперничающими с ней, соответственно максимизировать раскрываемые ею стороны действительности и минимизировать те, которые не вписываются в ее логику. Преследуемая цель недостижима без подобных искажающих операций и они

выступают, следовательно, как проявление специфической "рациональности" идеологической и профессиональной политической деятельности.

В известной мере сказанное относится и к научному познанию, во всяком случае к общественным и гуманитарным наукам. Чтобы завоевать "право гражданства" для своей теории или подхода, ученый-обществовед и гуманитарий нередко акцентирует его оригинальность и волей или неволей, прямо или косвенно завышает познавательные возможности своего и занижает – других теорий и подходов.

Преимущество обыденного сознания (при всех присущих ему слабостях) заключается в том, что цель осуществляемых им познавательных процессов – ориентация в актуальной действительности более свободна от влияния подобных мотивов. И хотя эта цель трудно достижима и часто теряется из виду, стремление к ней не предполагает какой-либо идеологической чистоты или однозначности. Скорее, она подталкивает к выработке достаточно сложной, противоречивой (стихийно-диалектической), даже алогичной картины социально-политической действительности, поскольку противоречива и алогична сама по себе эта действительность. Именно в этом отталкивании от взаимоисключающих "чистых" идеологизированных схем, относительно легком переходе от одной точки зрения и позиции к другой, стремлении как-то совместить их и проявляется специфическая рациональность, здравый смысл обыденного познания: оно как бы исходит из того, что цепляться за какую-то одну позицию неразумно и опасно ввиду крайней сложности и непредсказуемости окружающего мира. А это делает его более гибким, легче адаптирующимся к конкретной ситуации.

...В июле 1993 г. журнал "Новое время" дал одной из своих статей, посвященных положению в Таджикистане, подзаголовок: "Какие причины делают наше вмешательство в проблемы Таджикистана чем-то само собой разумеющимся?"¹² Эта формулировка реалистически отражала умонастроения и линию российской политической элиты по отношению к событиям в среднеазиатской республике, где гражданская война переросла в конфликты на границе с Афганистаном и российские пограничники подвергались атакам афганских моджахедов, объединившихся с таджикской исламской оппозицией. Опубликованный в том же номере журнала опрос политиков (депутатов, представителей исполнительной власти, руководителей партий и движений) и политических журналистов показал, что в этой острой ситуации в политическом истеблишменте сохранялся раскол между сторонниками противоположных внешнеполитических концепций – теми, кто настаивал на сохранении Россией своей лидирующей роли на территории бывшего Союза, и теми, кто выступал за реальное равенство между государствами СНГ, невмешательство России в дела других бывших советских республик. Контингент опрошенных Службой изучения общественного мнения ВР разделился примерно поровну: 44,2% согласились с тем, что "Россия должна брать на себя ответственность за разрешение конф-

¹² Новое время. 1993. № 31. С. 12.

ликов" в этих государствах, 46,5% высказались против¹³. В столкновении этих, так сказать, теоретических позиций, отразилось, очевидно, противостояние противоположных политических течений: с одной стороны, "государственников", национал-патриотов, коммунистов, которых их противники называют "партией империи", с другой – либералов-демократов. Однако, как показал ход событий, на практике позиции различных политических группировок оказались гораздо более близкими, чем в теории. Хотя президент и министерство иностранных дел делали акцент на дипломатическом урегулировании конфликта и необходимости переговоров между правящими и оппозиционными таджикскими силами, никто в российском руководстве не ставил всерьез вопрос об "уходе" России и российских вооруженных сил из Таджикистана; напротив, были предприняты усилия для их укрепления. Аргумент военной силы пустил в ход в конце концов даже идеолог внешнеполитического либерализма министр А. Козырев. Голоса, предупреждавшие об опасности такой политики, ссылавшиеся на трагический опыт афганской войны, звучали все реже и приглушеннее.

К сожалению, среди населения России не проводилось опроса с формулировкой, аналогичной "элитарному". Тем не менее мы располагаем достаточно определенными данными об его позициях по проблеме Таджикистана. 62% опрошенных в начале августа жителей российских городов вполне или отчасти согласились с мнением "российские войска должны уйти из Таджикистана" (решительно не согласились только 12%)¹⁴. Значит ли это, что большинство россиян разделяло (в отличие от политической элиты) "либеральную" внешнеполитическую концепцию? Такому выводу противоречат другие данные. Так, 67% того же контингента опрошенных одобрили резолюцию Верховного Совета, провозгласившую Севастополь русским городом, хотя в отличие от проблемы военного присутствия в Таджикистане она резко критиковалась в политических кругах и прессе, оценивалась многими как провоцирующая обострение конфликта, а в перспективе и военное столкновение с Украиной. Вместе с тем относительное большинство опрошенных россиян разделило "либеральные" позиции по вопросам о "силовом" устранении ядерного оружия с Украины ("за" 35, "против" 48%), присоединении Абхазии к России ("за" 31, "против" 45%). Лишь 9% опрошенных москвичей потребовали направить войска в Ингушетию в связи с обострением ситуации вокруг осетино-ингушского конфликта (убийство В. Поляничко); 41 – высказались за новые попытки примирения, 40% за вывоз оттуда всех русских¹⁵.

Очевидно, что в вопросе о политике России в ближнем зарубежье политические круги и основная масса населения исходили из существенно различных приоритетов. Для политиков ими были, с одной стороны, их общие идеологические позиции, с другой – не слишком ясное понимание "национальных" или "государственных" геополитических

¹³ См.: Там же. С. 13.

¹⁴ См.: ВЦИОМ: Экспресс-выпуск. 1993. № 38.

¹⁵ См.: Там же.

интересов, которые требуют усиления влияния на события, происходящие в ближайших к России регионах, предотвращения наступления исламского фундаментализма на российские границы и др. Немалую роль играли и конъюнктурные политические интересы. Например, для президентских и правительственных структур стремление помешать оппозиции использовать против них в преддверии возможных выборов "национальную карту". Для большинства же населения главным, доминирующим над всеми другими "национальным интересом" была защита жизни собственных сыновей – русских офицеров и солдат. И прежде всего там, где уже разгоревшиеся войны явно создавали для них непосредственную угрозу: в Таджикистане, Абхазии, на Северном Кавказе. Что же касается Крыма и Севастополя, то там основная масса россиян такой угрозы не ощущала. В июне 1993 г. лишь 20% опрошенных верили в возможность войны России с Украиной из-за Крыма (не верили или считали войну маловероятной 65%). Психологически возможность войны отвергалась в частности потому, что украинцы в России не рассматриваются большинством как "другая нация". 63% опрошенных россиян считали их в 1992 г. представителями того же, что и русские, народа¹⁶.

Во всей этой социально-психологической ситуации просматриваются различия познавательных механизмов массового и профессионального политического сознания. Массовое сознание воспринимает проблему с точки зрения жизненных непосредственных интересов и наиболее доступного ему конкретного опыта, основанных на нем образных представлений. В рамках этих представлений Украина – почти то же, что Россия, а Севастополь, конечно же, русский город, война с украинцами – такая же невообразимая нелепость, как отказ от "своего" города. Таджикистан – далекая среднеазиатская республика, которую для большинства представляют инородцы в халатах и тюбетейках, торгующие фруктами на базарах¹⁷. Непонятно, зачем нужно защищать их то ли от них самих, то ли от похожих на них афганцев. Зато участие в событиях Афганистана вызывает весьма живую образную ассоциацию с "афганом" – войной, где непонятно почему и за что мучились и гибли русские парни. Несомненно такое восприятие ограничено, в нем слабо отражены возможные перспективы и последствия текущих событий: гипотетическое наступление на Россию фундаментализма и исламских государств, опасное обострение отношений с Украиной. Зато сегодняшнее реальное значение фактов оценивается ясно и верно: русская армия втягивается в новые войны в Средней Азии и на Кавказе, Россия теряет главный военный порт на Черном море.

Профессиональное политическое сознание придает гораздо большее значение прогностическому аспекту ситуации. В этом смысле оно смотрит дальше и шире. Однако интересы политических течений, их

¹⁶ В поле зрения. 1993. № 25. С. 4–5.

¹⁷ На вопрос, какие республики хотели бы видеть респонденты в составе нового союзного государства 26% назвали Украину и только 3% – Таджикистан. См.: Там же. № 30. С. 5.

борьба, влияние на политиков профессиональных концептуальных стереотипов и понятий, сформировавшихся в других исторических условиях (например, необходимость иметь "зоны влияния и интересов" за пределами собственных границ) – все это в той или иной мере мешает рациональному осмыслению проблемы с позиций широких и перспективных общественных интересов. Не могут не влиять на политиков и те мотивы, которые приоритетны для большинства населения. Поэтому более высокая "квалификация" профессионального политического познания отнюдь не гарантирует его ни от шараханий и колебаний, ни от искажающих действительность оценок, ни от решений, наносящих непоправимый ущерб их странам и народам. История свидетельствует о том, что хотя такие решения особенно типичны для деспотических и тоталитарных режимов, от них отнюдь не застрахованы и режимы демократические.

Что касается массового сознания, то ему легче всего ориентироваться в тех аспектах и связях общественно-политических явлений, которые входят в сферу непосредственно воспринимаемого опыта. За пределами этой сферы для него начинается царство неизвестного и непонятного, где его здравый смысл оказывается часто беспомощным и где оно нередко становится добычей разного рода мифов, своих собственных или внедренных в него пропагандой стереотипов. Правда, надо иметь в виду, что грани между массовым и разного рода "элитарными" сознаниями относительно и исторически подвижны. В наше время наиболее культурные массовые слои выделяют из своей среды множество людей, способных судить об общественно-политических проблемах не менее квалифицированно, чем профессионалы.

В целом доступные нам данные не подтверждают весьма распространенного в научной литературе и публицистике мнения, будто массовое сознание целиком манипулируется политической и идеологической пропагандой. В действительности отношения между различными уровнями и механизмами познания общественной действительности значительно сложнее.

В июле 1993 г. на вопрос "кто больше других виноват в том, что нам приходится сталкиваться с такими трудными проблемами?" (всероссийский опрос ВЦИОМ) лишь 13% опрошенных россиян дали "объективистский" ответ, выражающий понимание сложности причин кризиса, невозможности какого-то однозначного и тем более персонифицированного их объяснения – "мы все". Большинство же выбрало ответы, обозначающие какого-то одного главного виновника: или высшего руководителя страны М. Горбачева 40 — 42%, Б. Ельцина – 32% или – значительно меньше – политические институты и течения (Верховный Совет, правительство, коммунисты, демократы – от 1/10 до 1/4 опрошенных). На другой, более ориентированный на сегодняшнюю ситуацию, чем на прошлое, вопрос "кто представляет сейчас наибольшую угрозу для России?" ни один из предложенных вариантов ответов (различные иностранные государства, внутренние угрозы) не собрал большинства: ответ "бывшие коммунисты" дали 27%, "США" –

26, "евреи" – 18% опрошенных¹⁸. Хотя мнения, поддержанные россиянами, так или иначе соответствуют представлениям, распространявшимся прессой и лидерами различных политических течений, их невозможно свести к простому впечатлению противостоящих идейно-политических платформ. Во-первых, центральные тезисы этих платформ о "вине" коммунистов, Верховного Совета или, напротив, правительства, демократов-реформаторов, "Запада" поддержало меньшинство респондентов. Во-вторых, М.С. Горбачев занял среди "виноватых" гораздо более значительное место, чем то, которое уделяла ему политическая пропаганда и информация. Следует, правда, учитывать, что в свое время негативный имидж президента Союза интенсивно распространялся прессой и политиками едва ли не всех направлений (при всей противоположности мотивов его критики), однако в конкретной ситуации политической борьбы лета 1993 г. они практически предали его забвению. Так или иначе, возникает вопрос, почему одни идейно-политические стереотипы (антикоммунистические и антиреформаторские) нашли меньший, а другие, персонифицированные (антигорбачевские, антиельцинские), больший отклик в массовом сознании? Причем по сравнению с периодом 1990–1991 гг. заметно значительное ослабление преобладавших тогда в России антикоммунистических (антиноменклатурных) и проельцинских настроений.

Среди причин можно назвать склонность массового сознания к *образно-эмпирическому* типу познавательной активности, непосредственно воспринимаемые образы являются "строительным материалом" конструируемой им картины общественной действительности. Политический лидер, находящийся в наши дни благодаря телевидению в сфере сенсорного восприятия своих сограждан, обладает качествами "образности" и "эмпиричности" гораздо больше, чем политические институты и течения; в этом одна из предпосылок персонификации массовых политических представлений. Личность высшего руководителя как бы отождествляется не только со всей системой власти, но и с вектором наиболее заметных экономических, социальных и политических процессов, его действия или бездействие считаются их решающей причиной, а та объективная обстановка, в которой он действует, роль противостоящих ему сил и факторов не замечаются или отодвигаются на задний план. Значение обещаний, даваемых лидером в начале своего правления, ожиданий, связанных с его именем, психологически гипертрофируется, и тем сильнее бьет по его имиджу разочарование, вызванное несбывшимися надеждами. Такова судьба образа М. Горбачева и в значительной мере Б. Ельцина.

Партноменклатура в период власти КПСС поддавалась *образно-эмпирическому* восприятию не в меньшей мере, чем высшие руководители: любой советский человек сталкивался в своей жизни с представителями всемогущей партийной власти. Однако после августа 1991 г. ее образ в массовом сознании начал блекнуть: хотя многие ее бывшие представители продолжали под новыми титулами выполнять

¹⁸ ВЦИОМ: Экспресс-выпуск. 1993. № 31, 37.

властные функции, они уже не ассоциировались с понятиями "коммунисты", "партаппарат". Негативный образ Горбачева оказался прочнее: ведь после его ухода страну потрясали те же кризисные процессы, которые развернулись в период перестройки. И в том, и в другом случаях проявилась существенная особенность образно-эмпирических знаний: в отличие от идеологических и абстрактно-теоретических стереотипов, "общих идей" они опираются на впечатления, полученные "здесь и сейчас" (т.е. сегодня или в очень близком прошлом), если они не подкрепляются аналогичными новыми впечатлениями или не формируют устойчивые стереотипы, они быстро заменяются новыми образными представлениями.

Все сказанное отнюдь не противоречит отмеченному выше тяготению данного типа познания к здравому смыслу и реализму. Ведь, например, в цитированных только что суждениях об ответственности Горбачева или Ельцина за происходящее в стране немалая доля истины. Но, очевидно, что в них не вся правда и не только правда. Не будучи способно подняться на уровень системной, обобщенной картины действительности, образно-эмпирическое познание можно существенно исказить ее.

Именно в этом пункте оно встречается с идеологиями. Выше говорилось, что массовое сознание в целом разностороннее, изменчивее и гибче идеологического. Это не исключает, что те или иные его стороны и проявления могут получать подкрепление в соответствующих им идеологиях, а идеологии, со своей стороны, цепляться за созвучные им массовые представления и подпитываться ими. И хотя любая идеология так или иначе упрощает действительность, она может быть более или менее рациональной и реалистической или мифологической, гуманной или враждебной гуманизму, представляющей более широкие и перспективные или более частные и узкокорпоративные социальные интересы. Массовое же сознание порождает собственные мифы, коренящиеся в узости познавательно-интеллектуальных возможностей его субъектов, в их интересах, влиянии на них традиционных стереотипов. Мифы идеологические легко сливаются с соответствующими им массовыми мифами.

По данным уже приводившегося опроса, 18% населения России верит, что "евреи представляют угрозу для страны". Хорошо известно, что этнонациональные стереотипы – одни из самых прочных. В частности, очевидно, потому, что, уходя корнями в глубинные пласты истории национальных отношений, они подкрепляются эмпирически образами представителей ненавидимого этноса. В России в самые различные исторические периоды (и при царском, и при коммунистическом режимах) антисемитизм подогревался властями и официальной идеологией, а в годы гласности развернулась открытая его пропаганда – в националистической прессе, в улично-митинговой стихии, в наукообразных трудах "академических" антисемитов. Все это так или иначе повлияло на настроения известной части русского населения, но антисемитская идеология не могла бы иметь отзвука в массовом сознании, если бы она не опиралась на соответствующую традицию. Во всяком

случае политическое влияние национал-патриотических движений и партий, использующих антисемитские лозунги, значительно уже, чем антисемитизма как такового.

Каузальная атрибуция

В представлениях о вине конкретных лиц, этнических или социальных групп за негативные общественные явления можно проследить психический процесс, получивший в социальной психологии наименование каузальной атрибуции (букв. в переводе на русский "приписывание причины"). Суть его состоит в том, что в типичных для обыденной жизни условиях дефицита информации о социальных объектах – другом человеке, группе, событии или явлении – люди приписывают непосредственно воспринимаемым ими фактам причины, скрытые от непосредственного наблюдения. Основатель концепции каузальной атрибуции Ф. Хайдер считал этот процесс особенностью "наивной", т.е. обыденной психологии. Тем самым как бы подразумевалось, что приписывание обусловлено ограниченностью познавательных возможностей массового субъекта и является одним из его отличий от специалиста-ученого. В действительности какой-то отбор причин социальных явлений, т.е. то же приписывание сплошь и рядом осуществляется и научной мыслью; верно, однако, то, что на массовом уровне потребность в ориентации реализуется стихийно, и обычно не сопряжена с поиском максимального доказательного и логичного объяснения, к которому стремится наука.

Хайдер и другие многочисленные исследователи атрибуции изучали главным образом сферу межличностных отношений, их интересовало, как осуществляется приписывание мотивов, намерений, различных свойств в процессе восприятия человека человеком. Лишь в последние годы в социальной психологии усилился интерес к атрибуции в сфере общественных отношений. Тем не менее результаты, достигнутые в русле данного направления исследований, важны и интересны для понимания многих явлений социально-политической психологии.

Ситуация дефицита информации, которая считается главной предпосылкой атрибуции, типична для познания общественно-политических явлений едва ли не на порядок больше, чем для большинства других сфер человеческой жизни. Причем этот дефицит в современных условиях причудливо сочетается, во всяком случае в обществах, где существует гласность и свобода слова, с изобилием и даже переизбытком информации. Масс медиа обрушивают на "человека с улицы" множество противоречащих друг другу и не поддающихся проверке сведений и объяснений происходящих процессов и событий; в сущности он получает разнородные атрибуции в готовом виде, и выбор между ними оказывается трудно разрешимой проблемой. Особенно в том, что касается понимания причинно-следственных связей явлений, которое, как мы видели, есть важнейшая функция познавательно-ориентировочной деятельности. Не только массовое, но и научное познание не располагает надежной методологией, пригодной для понимания всей сложнейшей системы этих связей, критериями отбора соответствующей информации. Получается, что обилие информации способно

запутать человека, усилить дефицит информации, воспринимаемой как достоверная и обладающая объяснительной силой. "Ничему нельзя верить" – такова довольно типичная реакция массового сознания на этот "дефицит от изобилия". Этот дефицит выражается не только и чаще всего не столько в недостатке фактических сведений, сколько в типичном именно для общественно-политического познания *каузальном дефиците* (т.е. недостатке информации о причинно-следственных связях явлений).

В условиях каузального "дефицита от изобилия" субъект познания пытается руководствоваться собственным здравым смыслом. В исследованиях каузальной атрибуции в принципе выявлены возможные варианты даваемых на этой основе объяснений. Во-первых, причины явлений могут приписываться или конкретным людям, или особенностям объективной ситуации. Как показывают экспериментальные исследования, первый путь выбирается в общем чаще: в человеческой психике существует тенденция воспринимать все происходящее в мире людей (в отличие от природного мира) в неразрывном единстве события, акта и действующего лица. С этой точки зрения для персонализации общественно-политических явлений, о которой говорилось выше, существуют глубокая общепсихическая основа. В то же время выявлены некоторые факторы, способствующие приписыванию причин объективной ситуации: оно присуще в частности действующим лицам событий, особенно, когда объясняются причины неудач, невыполнения целей предпринятых ими действий. Хорошо известна склонность политиков, не сумевших реализовать намеченные цели, ссылаться на возникшие перед ними объективные трудности.

Во-вторых, существуют различия в способах приписывания, зависящие от качества и объема доступной информации (или, иными словами, от особенностей информационного дефицита). В известных работах социопсихолога Г. Келли устанавливается различие между приписыванием, происходящим при наличии относительно достаточной и неполной информации. В первом случае субъект имеет возможность выявить и верифицировать корреляцию между определенным систематически наблюдаемым явлением и его предполагаемой причиной, операция приписывания приобретает логический характер и в сущности сближается с научным анализом ("ковариантная атрибуция"). Сам Келли признавал такую ситуацию скорее идеальной, чем реальной. При недостаточной информации наблюдается "конфигуративная атрибуция": субъект познания выбирает, чтобы достичь ясного объяснения явления, какую-то однозначную его причину, отбрасывая все, что противоречит этому выбору и в то же время приумножая объяснительную силу выбранного им фактора (принципы "вычитания" и "умножения"). На сам же выбор сильное влияние оказывают социальные представления, стереотипы, верования, усвоенные субъектом до операции приписывания.

Наблюдения Келли и других исследователей каузальной атрибуции явно или неявно подводят к уже затронутому выше вопросу о мере и предпосылках истинности, адекватности познания социального мира.

Само понятие "приписывание" настраивает на пессимистическую оценку его возможностей и этот пессимизм действительно разделяют многие ученые, занимающиеся данной проблемой. Думается, что ему можно было бы противопоставить очевидный факт неоднородной познавательной ценности различных видов и способов "приписывания". Очевидно, что приписывать, скажем вину за российский кризис, "жидо-масонскому заговору" или М.С. Горбачеву – в чисто познавательном плане далеко не одно и то же: во втором объяснении в отличие от первого содержатся какие-то, хотя односторонние раздутые, элементы истины. И если "ковариантная атрибуция" мало доступна массовому субъекту познания, это не означает, что он не может в той или иной степени приближаться к ней. Например, в России немало людей считают, что рост зарплаты и социальных выплат, субсидии предприятиям являются фактором роста инфляции. Такое "приписывание" представляется более близким к реальным причинно-следственным связям, чем не менее популярное объяснение инфляции желанием правительства и стоящих за ним сил ограбить население.

По-видимому, как ситуационная, так и персонифицированная атрибуция в качестве способа объяснения общественно-политических явлений не могут быть в принципе ни абсолютно истинными, ни абсолютно ложными. Все, что происходит в обществе, есть результат действий личностей и социальных групп, но и личности и группы действуют в условиях ограничений, накладываемых объективной ситуацией, детерминированных ею возможных вариантов действия. Поэтому в действительности каждое конкретное явление и событие есть производное сложной системы объективных и субъективных факторов. Познание же этой системы крайне трудно не только для массового, но даже и для предельно объективного (если таковое вообще существует) научного сознания. Более того, оно, возможно, противоречит целям и функциям познавательного процесса, которые отнюдь не сводятся к "чистому" знанию, но предполагают ориентацию в общественной действительности с тем, чтобы так или иначе воздействовать на нее. Воздействовать же на *всю систему* объективных и субъективных факторов в общественно-политической жизни практически невозможно: людям приходится выбирать какие-то наиболее эффективные с точки зрения преследуемых целей направления действий, линии поведения. А необходимость такого выбора и отражается в психологии познания в виде выбора тех причин, которые подлежат воздействию. На все эти противоречия и проблемы познавательного процесса указывает теория каузальной атрибуции.

Трудности "системного" познания общественной жизни велики, но все же в той или иной степени они преодолеваются наукой. Преодолевают их по-своему и массовое сознание. Как уже отмечалось выше, его здравый смысл, присущая ему рационалистическая тенденция выражаются в его гибкости и изменчивости, способности не только совмещать взаимоисключающие позиции, но и переходить с одной позиции на другую под влиянием нового опыта и особенностей ситуации. Если, например, большинство россиян до середины 80-х годов

объясняло негативные явления в обществе личными качествами и действиями руководителей страны, то под влиянием опыта перестройки и новой информации оно все больше стало склоняться к необходимости реформирования либо смены системы экономических, общественных и политических отношений. И даже персонифицированные объяснения углубляющегося кризиса в той или иной мере связывались с неумением или нежеланием критикуемых руководителей проводить политику реформ, соответствующую нуждам страны. Налицо таким образом усиление тенденции к более комплексному, многостороннему пониманию общественной действительности.

Разумеется, подобные тенденции затронули далеко не всю массу населения. Вообще такие широкие понятия, как "народ", "масса", "класс", в силу своей крайней обобщенности не особенно пригодны для психологического анализа. Ибо в них фактически стираются индивидуальные и социально-групповые различия, без учета которых такой анализ невозможен. В исследованиях каузальной атрибуции выявлено влияние на данный процесс характеристик осуществляющего ее субъекта, в особенности его групповой принадлежности и идентификации с той или иной социальной группой, культурной среды и присущих ей стереотипов восприятия. В сущности исходное для всей концепции каузальной атрибуции понятие информационного дефицита носит объективно-субъективный характер: оно имеет в виду не только реальный объем информации, но и уровень способности субъекта эту информацию воспринимать. А этот уровень зависит от социально-экономического положения людей, их культуры и интеллекта, сферы интересов. Как показывают социологические опросы, склонность к более глубокому и комплексному объяснению явлений социально-политической жизни возрастает, а к поверхностному, персонифицированному или к иррационально-мифологическому – уменьшается с ростом образованности. Конечно, подобные статистические корреляции не означают, что высокий уровень образования гарантирует, а низкий – исключает более обоснованные и реалистические способы каузальной атрибуции.

3. Познавательные интересы и типы социально-политических представлений

Знакомство с концепциями социальных представлений и каузальной атрибуции показывает насколько многообразны как типы познания людьми социально-политической действительности, так и факторы, их обуславливающие. Ни одна отрасль научного знания не может, однако, ограничиться констатацией многообразия изучаемых явлений и их описанием: задача любой научной дисциплины – упорядочение, систематизация явлений и их причинно-следственных связей (наверно, поэтому она и называется дисциплиной). Нуждается в такой систематизации и рассматриваемая нами сфера: познание общественно-политической действительности. Ее можно осуществить, опираясь как на охарактеризованные выше данные о социально-психологических явлениях и

механизмах, так и на более широкий круг социологических, политических и исторических знаний. При этом обязательно надо учитывать, что при нынешнем уровне изученности социально-политической психологии подобная систематизация неизбежно будет неполной, в чем-то односторонней и спорной, словом, лишь одним из шагов к решению намеченной задачи.

Интерес к социально-политической жизни

Начнем с попытки систематизации психологических факторов, воздействующих на процесс познания общественно-политической жизни. Здесь недостаточно сделанного выше указания на его общую основу: потребность в ориентации людей в окружающем их социальном мире. Недостаточно прежде всего потому, что эта потребность проявляется в неодинаковой мере и форме у разных людей и в разных социальных, исторических и культурных условиях. Во многих странах, в том числе в последние годы и в России систематически проводятся опросы, цель которых – выявить уровень интереса граждан к политике, и ответы обычно варьируются в весьма широкой шкале: от очень сильного интереса у одних респондентов до полного его отсутствия у других. Текущая политическая жизнь, разумеется, далеко не исчерпывает всей сферы социально-политической действительности, однако, различия в уровне интереса к политике, несомненно, так или иначе отражают "силу" потребностей, стимулирующих познание этой действительности. Можно с большой долей вероятности предположить, что от уровня собственной активности человека в познании общества (отражающимся в его интересе к политике) как-то зависит качество его социально-политических представлений.

Как показывают социологические данные, интенсивность интереса к политике зависит в большей мере от *личностных характеристик* людей: особенностей биографии, интеллектуальных способностей и потребностей, словом, от сложной совокупности индивидуальных свойств, исследование которых выходит за рамки собственно социально-политической психологии (о них несколько подробнее будет идти речь ниже). Вместе с тем, как мы это видели на примере фактора образованности, на интерес к макросоциальной и политической сфере влияют и определенные социальные переменные, причем это влияние проявляется как статистическая закономерность (среди более образованных больше интересующихся политикой).

Среди такого рода объективных факторов можно выделить также и *социально-экономическое положение* людей, а точнее – динамику этого положения. Если индивид или группа воспринимают свой экономический и материальный статус как относительно удовлетворительный, "нормальный" и стабильный, происходящее в "большом обществе" и политике может представляться им чем-то малозначащим для их собственной жизни. Нередко для подобного психологического разрыва между индивидуальной и общественной жизнью достаточно одной лишь стабильности: стабильная материальная бедность, как и стабильное благосостояние, воспринимается просто как имманентная константа

данного индивидуального или группового бытия (наподобие, скажем, физического облика человека). "Привычка свыше нам дана, заменой счастья она" Подобное "как бы счастье" способно замыкать интересы человека в рамках частной жизни, отгораживать от всего, что находится за этими рамками. Напротив, угроза индивидуальному или социальному статус-кво, исходящая извне: от политики властей или действий каких-то социальных сил, от сдвигов в международной ситуации или от макроэкономических процессов – может резко усилить интерес к соответствующим сферам общественно-политической действительности.

Естественно, наконец, что на интерес к этой действительности влияет практическая *вовлеченность человека в общественную и политическую деятельность*. Профессиональные политики, активисты, члены и участники политических и общественных организаций и движений, ответственные сотрудники госаппарата значительно отличаются в этом отношении от остальной массы граждан.

Все названные факторы влияют не только на интенсивность интереса к общественно-политической жизни, но и на его конкретную направленность, способы его реализации. От того, *почему* человек интересуется политикой, зависит *что* именно его интересует и *как* осуществляется процесс познания. Интеллектуальные и культурные факторы влияют прежде всего на широту, масштаб социально-политических интересов: чем сильнее действуют эти факторы, тем более "бескорыстен", свободен от узкопрагматических эгоистических мотивов познавательный процесс. Его объектом могут быть в этом случае, например, общие проблемы общественного устройства, альтернативные политические ценности или события, происходящие в какой-нибудь далекой стране. Широта интересов сама по себе не предопределяет их глубины или основательности: их "бескорыстный" характер может выражаться в беспокойстве о судьбах страны или человечества, но также и в простом любопытстве, в интересе к политике, похожем на интерес к футбольному матчу. Современные масс медиа во многом способствовали превращению общественно-политической жизни в зрелище, которое, как известно, всегда было нужно людям наряду с хлебом насущным. В то же время именно способность и потребность в познании "большого мира" стимулирует дедуктивный тип общественно-политического мышления: восприятие и оценку конкретных событий, выводимые из более общих представлений.

Социально-экономические факторы познавательного интереса, т.е. индивидуальная или групповая объективная ситуация, связаны, напротив, с индуктивным мышлением и познанием: субъект формирует свои общие представления и оценки исходя из обстоятельств собственной жизни. В действительности любой из нас познает макросоциальные явления, так или иначе сочетая индукцию и дедукцию, и даже те, кто субъективно не испытывает никакого интереса к этой сфере, обладает какой-то суммой общих представлений о ней, комбинирующих личный опыт и общие социальные знания.

Влияние типа общественно-политических познавательных интересов на качество и результаты познавательного процесса убедительно отражает типология, предложенная российским политологом К.Г. Холодковским¹⁹. Наряду с не интересующимися политикой этот автор выделяет активно и пассивно интересующихся ею. Активность в данном случае означает не обязательно непосредственное участие в политической деятельности, но личную психологическую вовлеченность в нее: глубокое переживание острых социально-политических проблем, стремление занять определенную позицию. Видимо, для людей этого типа характерно или доминирование дедуктивного мышления над индуктивным, или интенсивное использование обеих процедур.

Люди, интересующиеся политикой пассивно, не имеют устойчивых сильно выраженных политических убеждений. Свое отношение к политике они способны выражать главным образом в мнениях по текущим политическим вопросам, оценках действий правительства, политических лидеров и т.п. На их мнения особенно сильное влияние оказывает массовая информация, которую они мало способны оценивать и отсеивать сквозь призму своих собственных позиций и ценностей. Формируемые таким образом мнения неустойчивы, изменчивы, зависят от сиюминутной конъюнктуры, от последней "самой свежей" новости. "Пассивно интересующиеся" осуществляют индуктивное мышление в той мере, в какой события затрагивают их собственную ситуацию, но мало способны соединять представления, основанные на собственном опыте, с теми, которые они заимствуют из источников информации: их политическое сознание носит "клочковатый", мозаичный характер. То же можно сказать о тех, кто вообще не интересуется политикой, с той разницей, что в их системе представлений особенно велик удельный вес устойчивых, поддающихся лишь медленным изменениям стереотипов.

Независимо от индивидуальных и групповых различий громадное влияние на интенсивность, "силу" интереса к общественной действительности оказывает *общая социально-политическая ситуация* в стране. По данным ВЦИОМ, в 1989 г. — 13, а в 1992 г. всего 3% опрошенных россиян заявили, что они принимают участие в общественно-политической жизни. За тот же период доля опрошенных, не интересующихся политикой, возросла в два раза — с 12 до 25%, тех, для кого "самое главное — судьба моего родного народа", уменьшилась с 32 до 26%²⁰. Нетрудно догадаться о причинах такой динамики. 1989 — год первых в СССР свободных выборов, апогей надежд на демократическое обновление страны, порожденных перестройкой, политической мобилизации масс. 1992 — год краха этих надежд, политическая жизнь все больше сводится к борьбе в высших эшелонах власти и никак не контролируется обществом, политический плюрализм и парламентаризм

¹⁹ См.: Холодковский К.Г. Некоторые вопросы развития массового политического сознания // Мировая политика и междунар. отношения. 1979. № 6. С. 126.

²⁰ См.: Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1993. № 3. С. 5.

не ведут к реальной демократии, сохраняется отчуждение государства и политики от общества.

Психологическую основу падения активного интереса россиян к политике помогают понять другие данные тех же анкет ВЦИОМ. В начале 1989 г. 33, а в начале 1993 г. 19% опрошенных согласились с суждением, что у них "по-прежнему нет возможности участвовать в политической жизни". Получается, что возможность участвовать тем или иным образом в политике расширяется, а реальное участие, *желание* участвовать, интерес к политической жизни еще в большей пропорции уменьшаются. Объяснение здесь может быть только одно: интерес к политике, участие в ней *теряют смысл*, ибо не дают практического эффекта, не увеличивают реального *влияния* людей на политический процесс.

Оценка возмож-
ностей

Осознание возможностей такого влияния представляет собой достаточно сложный психологический процесс, который получил в отечественной политической психологии и социологии название "оценка возможностей"²¹. Психическая основа оценки возможностей – самооценка личности, которую в общей психологии называют уровень Я. В ней выражается ощущение силы субъекта в его отношениях с внешним миром; уровень Я тем выше, чем труднее те задачи, которые человек перед собой ставит в этих отношениях, чем выше его готовность преодолевать эти трудности.

Можно сказать, что *интерес людей к познанию социально-политической действительности и особенно его активность, интенсивность зависят от оценки ими собственных возможностей влиять на нее*. Разумеется, даже и не имея таких возможностей, люди могут интересоваться социально-политическими процессами в той мере, в какой они ощущают их влияние на собственные судьбы. Но в подобной ситуации речь идет о пассивном интересе, не предполагающем глубокого проникновения в причины и связи явлений. Он подобен интересу к погоде: она интересует всех, но мало у кого возникает желание понять природу климатических процессов. В условиях абсолютистской монархии или тоталитарного режима их рядовой подданный, разумеется, интересуется решениями властей, влияющими на его положение, но сами эти решения, как и всю систему власти он чаще всего воспринимает как фатально predetermined, никак не зависящие от него самого, а потому и не заслуживающие особого размышления, познавательно-интеллектуальной активности. В подобной ситуации оценка возможностей измеряется нулевой или отрицательной величиной.

Как и уровень Я в общей психологии, оценка возможностей в психологии социально-политической может носить как осознанный, так и бессознательный характер. Примером ее осознания в понятиях обыденного здравого смысла могут служить фольклорные сентенции

²¹ См.: Дилигенский Г.Г. Массовое политическое сознание в условиях современного капитализма // Вopr. философии. 1971. № 9. С. 56–57; Холодковский К.Г. Указ. соч.

типа "плетью обуха не перешибешь" Но она может выражаться просто в невербализованном самоощущении слабости или силы социального субъекта в системе социально-политических отношений. Причем такое ощущение не обязательно вырабатывается самостоятельно каждым человеком: чаще всего оно является компонентом группового сознания или групповой культуры, приобретает черты группового или даже национального стереотипа, передается по наследству от поколения к поколению. Групповой характер возможностей (в отличие от индивидуально-личностного уровня Я) проявляется в том, что в социально слабых, бесправных и обездоленных слоях общества она обычно ниже, чем у тех, кто имеет доступ к собственности и власти или способен к коллективной борьбе за свои интересы.

В одном из современных американских исследований выяснялись корреляции между макрогрупповой идентификацией людей, оценкой ими общественно-политического влияния своей группы и ощущением собственной компетентности в политических вопросах (опрашиваемым предлагалось подтвердить или отвергнуть тезис "политика такая сложная вещь, что люди вроде меня не могут понять, что происходит"). Выяснилось, что признание собственной некомпетентности, означающее фактически ощущение человеком своей полной беспомощности в "большом обществе", социальный фатализм и пассивность характерны для тех, кто идентифицирует себя со "слабыми" группами (бедняки, черные, пенсионеры и т.д.).²²

Оценка возможностей влияет не только на интенсивность, но и на направленность социально-политических интересов. В советском обществе в период сталинизма и застоя был весьма велик интерес к международной проблематике: большой популярностью пользовались лекции о международном положении, телекомментаторы и журналисты-международники; институты, изучавшие зарубежные страны, привлекали наиболее способную научную молодежь. Познавательная потребность устремлялась в те сферы, где можно было удовлетворить хотя бы простое любопытство и где что-то происходило, и отталкивалась от советской действительности, полностью не доступной ни для объективного анализа, ни для воздействия граждан.

Положение резко изменилось в годы перестройки: в центре интересов общества и его интеллектуальной элиты оказались проблемы собственной страны. Этот сдвиг объяснялся не только расширением потока внутрисполитической информации и ослаблением цензуры: люди почувствовали, что судьбы общества уже не заданы неумолимыми законами системы, но зависят от борьбы различных общественных сил и возможно, от них самих.

²² Koch J.W. Assessments of group influence, subjective political competence and interest group membership // *Political Behaviour*. 1993. Vol. 15. N 4. P. 309–325.

*Когнитивная
типология
представлений.
Мифологический
тип; популизм*

Продуктом познавательного процесса являются социально-политические представления. Их группировку и типологизацию можно осуществить исходя из их содержания, заключенных в них идей, концепций, политических ориентаций. В данной главе перед нами стоит иная задача: типологизация, построенная на познавательных, когнитивных характеристиках представлений, выявляющая их качества именно с точки зрения их познавательных функций. Здесь естественно возникает соблазн положить в основу типологии критерий истинности представлений, уровень их соответствия реальности. Однако этому соблазну лучше не поддаваться: ведь наши представления об истине – в том, что касается дел человеческих – всегда субъективны. Поэтому лучше попытаться найти какие-то более объективные критерии; ими могут послужить описанные выше стимулы, способы (механизмы) и формы образования представлений, которые и определяют в конечном счете их познавательную силу и слабость. Каждый выделяемый таким образом тип представлений будет характеризовать то или иное сочетание этих стимулов, механизмов и форм, и каждый такой тип может быть выявлен на уровне как массового, так и идеологического сознания. Ибо, хотя эти виды сознания далеко не аналогичны, между ними существуют интенсивные взаимосвязи, которые порождают относительное, частичное соответствие абстрактно-идеологических и массовых представлений. Вместе с тем для каждого типа могут быть намечены обуславливающие его социально-психологические характеристики субъекта познания.

Посмотрим, как формируется один из таких типов. Если человек активно интересуется социально-политической сферой, он, наверняка, не ограничится позитивной или негативной оценкой интересующих его явлений, но попытается уяснить их причины. Иными словами, он будет осуществлять каузальную атрибуцию, которая, собственно, и составит основу его представлений об этих явлениях. Допустим, что субъект познания находится в ситуации крайнего информационного дефицита, обусловленного объективными (узость и тенденциозность источников информации, низкий уровень культуры и образования) или субъективными (слабость интеллекта) факторами. В этом случае велика возможность, что он будет мыслить по принципу конфигуративной (по терминологии Келли) атрибуции, приписывая причины негативных явлений исключительно действиям определенных политических лидеров (персонифицированная атрибуция), злонамеренных "плохих" социальных либо этнических групп. Причем выбор этих злых сил может производиться как на основе стереотипов, распространенных в данной социальной среде или усвоенных из источников информации, так и исходя из каких-то собственных впечатлений, изолированных элементов собственного опыта. Так возникает *мифологический* тип социально-политических представлений, для которого особенно характерен поиск "козлов отпущения", склонность к концепции заговора в объяснении социально-политических явлений. Первопричиной всего позитивного,

что происходит или может происходить в обществе, также оказывается наделенный мифическими чертами персонаж: богоданный монарх, харизматический вождь или герой.

Мифологический тип социально-политических представлений соотносится с идеологиями, ключевым моментом которых является понятие врага, подлежащего устранению. Эта черта характерна как для ультраконсервативных, так и для революционных идеологий – крайности в данном случае сходятся. Функция "жесткого" консерватизма – укрепление существующих порядков, недопущение сколько-нибудь существенного их обновления; "образ врага" необходим для того, чтобы свести к действиям "подрывных сил" объективные процессы, размывающие основы этих порядков. Эта потребность остается неизменной, идет ли речь о феодально-абсолютистском, право-буржуазном или тоталитарно-коммунистическом консерватизме.

Революционной идеологии образ врага нужен потому, что без него невозможна мобилизация масс, необходимая для свержения существующей власти. В этом отношении характерна идейно-политическая эволюция марксизма. В марксистском социалистическом учении содержится научная критика капиталистических отношений, которая сама по себе не предопределяет насильственного их ниспровержения. Об этом свидетельствует практика социал-демократии, мирным путем добившейся, опираясь на марксистский анализ, существенных изменений в структуре капиталистических отношений. Для революционного марксизма мишенью не могла быть лишь *система* капиталистических отношений, ее насильственное свержение требовало ее персонификации, предполагало *ненависть* к воплощавшим ее людям и группам. Поэтому в своих идеологических построениях марксизм-ленинизм делает упор на классовую борьбу и диктатуру пролетариата – классовая ненависть становится лейтмотивом марксистского видения мира и практической политики коммунистов.

Образ врага естественно является органическим компонентом всех *националистических* идеологий. Причем, если национализм угнетаемых, находящихся в неравноправном положении наций имеет основу в реальных этнических отношениях, то национализм угнетающей или свободной от этнического неравноправия нации чаще всего приобретает мифологический характер: ему приходится подпитывать и легитимизировать себя образами врагов, угрожающих национальным интересам.

Социально-психологическую базу мифологических представлений чаще всего образуют люди и группы, испытывающие не только информационные дефициты разного вида (включая элементарное невежество), но и достаточно острое ощущение социальной или личной обделенности. Социальный или материальный статус, рассматриваемый как незаслуженно, ненормально низкий, может сосредоточить сознание на поиске персонифицированных сил, виновных в этой несправедливости. Мифологические представления формируются преимущественно дедуктивным методом: в их основе лежит обобщенный идеологический миф, к которому приспособляются данные реального опыта.

Мифологический тип сознания характерен и для такого широко распространенного идейно-политического явления, как *популизм*. Понятие популизма не означает какой-либо системы политических взглядов и ценностей, популистской может быть как демократическая, так и авторитарная, консервативная или националистическая политика. В США 90-х годов XIX в. популистское движение объединяло на межрасовой основе фермеров и рабочих и было направлено против власти крупного капитала²³. В современной России популистские тенденции характерны как для политики Ельцина в 1989–1993 гг., так и для его противников – националистов и национал-коммунистов. В условиях тоталитарного режима в Китае популистские методы использовал Мао Цзе-дун в период "культурной революции"

Популизм представляет собой прежде всего определенный способ политической мобилизации масс, осуществляемый как бы через голову существующих институтов и организаций. Главные его особенности – предельное упрощение общественно-политической действительности путем сведения ее к дихотомической модели, борьбе сил добра и зла; политическая программа, основанная на простейших панацеях, якобы позволяющих разом решить наиболее острые экономические и социальные проблемы. Популизм демократический обычно настаивает на "прямой демократии", непосредственном участии народа в управлении, авторитарный, "вождистский" популизм направлен на формирование непосредственной психологической связи между массами и "харизматическим" лидером; некоторые популистские программы объединяют установку на сильную государственную власть с идеей непосредственного народного контроля. Независимо от этих различий, в когнитивно-интеллектуальном отношении популизм ближе всего именно к мифологическому типу социально-политической психологии.

*Стихийно-
рациональный
тип*

Другой тип социально-политических представлений может быть назван стихийно-рациональным. Он ближе всего к тем способам познания, которые анализируются в изложенной выше концепции "социальных представлений" У носителей этого типа

может быть больший или меньший интерес к общественно-политической жизни, но обычно не очень интенсивный, не связанный с жесткой идентификацией с каким-либо определенным идейно-политическим течением. Их интерес направлен на те сферы, которые воспринимаются как наиболее близкие к их непосредственным жизненным заботам. Информация об этих сферах черпается из различных источников, в том числе содержащих неоднородные, даже противоположные объяснения и оценки, причем предпочтение отдается данным собственного опыта, которые являются несущей основой представлений. В их формировании преобладает индуктивный тип мышления, что не означает, однако, какой-либо "глухоты" к абстрактным—идеологическим или научным понятиям и концепциям. Напротив, эти понятия и

²³ См.: Новинская М.И. Что такое популизм? (Популистская традиция в США) // Рабочий класс и соврем. мир. 1990. № 2. С. 138–144.

концепции используются, но не в "чистом" виде, а будучи подвергнуты модификации и интерпретации в свете конкретного опыта и прагматических интересов ("объективация", превращение "абстрактного в конкретное").

Эмпирические исследования политических взглядов населения, проводимые в США, показывают, что значительная часть американцев полностью отчуждены от основных идеологических систем, соперничающих в политической жизни страны. Так, одна треть опрошенных в 1976 г. отказались отождествить себя с какой-либо позицией на шкале "либерализм-консерватизм", не более 5% могут определить главные партии и кандидатов на выборах в терминах либеральной или консервативной идеологии. Это, однако, не означает полного равнодушия большинства населения к "общим идеям". Скорее усиливается противоположная тенденция: в 1956–1976 гг. с 9 до 24% увеличилась доля тех, кто воспринимает политику в идеологических терминах. Анализируя эти данные, П.М. Снайдермен и Ф.Э. Тэтлок приходят к выводу, что то большинство, которое так или иначе соотносит свои позиции с либерализмом или консерватизмом, не просто механически усваивает их тезисы, но осмысливает их в соответствии со своими собственными предпочтениями, симпатиями и антипатиями к конкретным явлениям общественно-политической жизни. Иными словами, идеологический материал служит обозначением для выражения субъективного *отношения* к этим явлениям. Идеология – "скорее конфигурация основных симпатий и антипатий, чем набор абстракций". Сами же эти симпатии и антипатии складываются на основе критерия полезности, выгоды для людей, принципов, представленных той или иной идеологией (например, для "либералов" – государственная гарантия занятости или медицинские пособия), ее эффективности в решении проблем, порожденных социэталльной ситуацией (способности справиться с плохим временем или максимально использовать хорошее)²⁴.

Представления, присущие стихийно-рациональному типу, чаще всего противоречивы, подчас алогичны. Проблема целостности, взаимосвязанности представлений, присущих массовому сознанию, вызвала оживленную дискуссию в специальной литературе. Широкую известность приобрела концепция П.Э. Конверса, утверждавшего, что в общественном мнении вообще отсутствует "структурная согласованность"²⁵.

Многочисленные эмпирические исследования этой проблемы показали, что дело обстоит значительно сложнее. Отсутствие у человека единой системы представлений, соответствующей логике какой-либо идеологии или теории, не означает, что его представления вообще не связаны друг с другом: просто эта связь может быть основана на каком-то ином принципе. Из некоторых исследований, например, вытекает, что таким принципом может быть функциональность пред-

²⁴ Sniderman P.L., Tetlock Ph.E. Interrelationship of Political Ideology and Public Opinion // Political Psychology / Ed. M.G. Hermann. San Francisco; L., 1986. P. 63–67.

²⁵ Converse P.E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics Ideology and Discontent / Ed. D.E. Apter. N.Y., 1964.

ставлений, соответствие их ситуации: человек в каждом случае может использовать те из них, которые позволяют ему ориентироваться в соответствии со своими интересами именно в данной ситуации. Снайдермэн и Тэтлок полагают, что даже при отсутствии когнитивной согласованности, т.е. логической системы знаний у людей существует аффективная согласованность представлений, т.е. система симпатий и антипатий, представлений о том, что хорошо и что плохо в политической жизни.

Видимо, именно такая организация представлений характерна для стихийно-рационального их типа. Существует множество социальных объектов, которые поворачиваются к субъекту, так сказать, разными своими сторонами в зависимости от того, в какое именно отношение он с ними вступает, соответственно неоднозначны и его представления о них. Например, опросы и интервью, проводимые среди рабочих развитых стран, показывают, что одни и те же люди могут в зависимости от контекста беседы высказывать и положительное и отрицательное отношение к забастовкам, оценивая их то как необходимое средство защиты интересов, то как ненужное и вредное действие. Точно также капиталисты-предприниматели оцениваются то с позиций классового антагонизма – как эксплуататоры чужого труда, то с точки зрения экономического рационализма – как организаторы производства, обеспечивающие существование рабочих и экономическое процветание страны.

Противоречивость подобных суждений в сущности выражает достаточно ясную и целостную позицию: люди понимают, что система частной собственности и капиталистической прибыли оптимальна для экономики и роста их благосостояния, но чтобы получить справедливую долю растущего пирога, наемные работники должны быть готовы отстаивать свои интересы в борьбе с хозяевами. Такая система представлений соответствует весьма распространенному на современном Западе типу реальных трудовых отношений, который иногда называют "конфликтным сотрудничеством". Сходную позицию выражают и многие активисты нового рабочего движения в современной России. В их представлении социальная справедливость должна заключаться в свободе частной собственности, предполагающей появление на производстве собственника, хозяина, но также в том, чтобы рабочим "можно было против этого хозяина бороться"²⁶.

Существует множество данных, свидетельствующих о том, что стихийно-рациональный тип социально-политических представлений получает все более широкое распространение в современном мире, во всяком случае в развитых странах. Мы еще будем иметь возможность убедиться в том, что та же тенденция весьма характерна и для современной России. Она составляет психологическую основу процесса деидеологизации, который признается многими одним из важнейших культурных сдвигов второй половины XX в.

Можно вместе с тем предполагать, что, ослабляя влияние идео-

---

²⁶ Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92: Социальное сознание рабочей элиты. М., 1993. С. 36.

логий, основанных на жестких стереотипах и непримиримой взаимной конфронтации, стихийно-рациональные представления расширяют почву для идеологических тенденций, ориентированных на смягчение этой конфронтации, сосуществование и компромисс различных приоритетов, терпимость, свободный поиск истины методом проб и ошибок. Такими свойствами обладают те направления современного либерализма, которые нацелены на соединение интересов свободного предпринимательства и социальной защиты (свободы и равенства), экономического роста и оздоровления природной среды, недопущение военных конфликтов, помощь экономически отсталым странам, углубление демократии, равноправное социальное партнерство. Эту идеологическую тенденцию можно было бы назвать социальным либерализмом. Ее массовую базу составляют разнородные слои, обладающие относительно устойчивым или повышающимся экономическим и социальным статусом и свободные поэтому психологически от чрезмерного груза тревожности, неуверенности, ощущения угроз своему "нормальному" бытию.

Развитие стихийно-рационального социального познания сокращает сферу влияния мифологических стереотипов, этнических и социально-групповых предрассудков, "комплекса врага" и тому подобных психических образований, питающих агрессивность в общественно-политических отношениях. После молодежных бунтов на расовой почве, прокатившихся в Великобритании в начале 80-х годов, социопсихологи Джаспарс и Ньютон провели серию интервью с белыми и цветными молодыми людьми: характерно, что не только цветные, но и белые были более склонны объяснять конфликты системой расовой дискриминации, чем свойствами или поведением представителей другой расы²⁷. Этот и многие другие примеры показывают, что стихийный рационализм способен преодолевать наиболее примитивные виды персонифицированного или группового обвинительного "приписывания причин" и подводить к "системному" объяснению социальных явлений; не в последнюю очередь потому, что в той или иной мере он питается научными социальными знаниями, проникающими в массовое сознание.

*Рефлексивный
и инертно-фа-
талистический
типы*

Еще один тип социально-политических представлений можно назвать *рефлексивным*. Он характерен для людей, испытывающих сильный интерес к общественно-политической жизни, отличающихся высокой интеллектуальной активностью, стремящихся сконструировать логически взаимосвязанную и обоснованную картину социально-политической действительности или каких-то ее сфер. По данным американских эмпирических исследований, высокий уровень согласованности знаний типичен, с одной стороны, для политической и идеологической элиты, с другой — примерно для одной трети рядовых граждан, в основном наиболее образованных. Их отличает "монопольность" представлений, как бы подчиненных какой-то одной "главной" идее. Таким образом, очевидно

²⁷ Jaspars J., Newstone M. Cross-cultural interaction, social attribution and intergroup relations // Cultures and contacts: studies in cross-cultural interactions. Oxford, 1982. Vol. 1.

существует связь между целостностью системы представлений и тенденций к их "идеологизации". Как мы видели, "многополюсный" стихийно-рациональный тип представлений проявляет противоположную тенденцию – "отталкивание" от идеологизации. Отсюда было бы неправомерно делать вывод об идеологическом догматизме как неизбежном следствии более интеллектуального, стремящегося к целостности представлений типа познания. Скорее можно говорить об определенном риске догматизации, с которым сталкиваются люди, испытывающие потребность в такой целостности. Риск обусловлен тем, что более интеллектуальные и образованные люди активно используют в своих размышлениях идеологический материал, из которого они черпают готовые, логически организованные системы представлений. Не случайно мы встречаем так много идеологически зашоренных людей среди представителей интеллигенции, особенно профессиональных идеологов – преподавателей гуманитарных дисциплин, научных работников, публицистов.

Если рефлексивное познание сопряжено с опасностью чрезмерной идеологизации, то оно же способно эту опасность преодолевать. Преодолевают ее творческая сила и самостоятельность индивидуального интеллекта, способные сломать рамки идеологических схем. С другой стороны, многое зависит от качества тех идеологий, на которые преимущественно ориентируется познающий субъект. Идеология идеологии разны: они различаются не только своим непосредственным содержанием, но и мерой открытости, способностью осваивать новый опыт, учитывать и совмещать различные точки зрения по конкретным проблемам. По эмпирическим данным, американцы и западноевропейцы с умеренно левыми и центристскими взглядами вырабатывают более сложные и гибкие системы социально-политических представлений, чем левые радикалы и правые консерваторы. Причем среди сторонников жестко консервативных идей особенно много людей с низким уровнем образования, использующих наименее "интеллектуальные" источники информации, тех, кто смотрит телевизор, но не читает газет и журналов²⁸. Таким образом слабая интеллектуально-познавательная активность ведет к тем же результатам, что рефлексивное познание, опирающееся преимущественно на догматизированный идеологический материал.

Наиболее низкий уровень познавательной активности лежит в основе того типа социально-политических представлений, который может быть назван *инертно-фаталистическим*. Психологически определяющим для него является восприятие социально-политической действительности как сферы действия сил и процессов, не поддающихся ни пониманию, ни контролю индивида и его социальной группы. При общем низком уровне интереса к общественно-политическим событиям и слабой информированности представители этого типа могут интересоваться теми из них, которые непосредственно затрагивают их личные судьбы. Однако поскольку происходящее на общественно-

²⁸ Stoetzel J. Les valeurs du temps présent: une enquête eropéenne. P., 1983. P. 47, 68.

политической арене кажется им хаосом событий, не подчиненных какому-либо организующему принципу, они не испытывают желания понять причины и связи явлений. Их представления о конкретных процессах и событиях случайны и изменчивы, зависят от тех сведений и интерпретаций, которые в последний момент поступили к ним от доступных источников информации, от "чужих мнений" или стереотипов, распространенных в их социальной среде.

Предлагаемая типология социально-политических представлений, как и всякая типология, разумеется, условна и относительна: она намечает лишь модели некоторых познавательных процессов и отнюдь не должна рассматриваться как какая-то жесткая классификация людей по признаку их когнитивно-психических характеристик. Важно иметь в виду, что "чистые" представители названных типов встречаются в жизни относительно редко. Большинство людей используют различные способы выработки своих представлений, причем эти способы и типы представлений могут особенно резко различаться в зависимости от конкретного объекта или сферы действительности. Например, один и тот же человек может иметь стихийно-рациональные представления об экономических отношениях и мифологические о сфере этнических и национально-государственных отношений или вовсе ничего не думать и не иметь сколько-нибудь значимых сведений о мало интересующих его сферах. В 80-х годах половина опрошенных американцев не знали, какая партия контролирует конгресс и 40% – считали народ Израиля арабской нацией²⁹. Подобная степень невежества в конкретных вопросах внутренней и внешней политики – не означает, что эти люди не имеют рациональных представлений или идеологических стереотипов по ближе затрагивающим их проблемам общественно-политической жизни.

4. От старого знания к новому

*Когнитивный
диссонанс*

Одним из важнейших качеств социально-политических представлений является уровень их динамизма, способности к изменению и обновлению под влиянием новых знаний и опыта. Механизм реакций человека на новую информацию, противоречащую его сложившимся представлениям (убеждениям, ценностям) интенсивно изучается в социальной психологии. В исследованиях по этой проблеме центральную роль играет концепция когнитивного диссонанса, сформулированная в 50- годах американским социопсихологом Л. Фестингером. Суть ее состоит в том, что при конфликте двух релевантных, т.е. соотносимых по своему объекту, относящихся к одному и тому же вопросу, но несовместимых между собой "когниций" (знаний), человек испытывает чувство психологического дискомфорта. Дискомфорт становится побудительной силой

²⁹ Wolfinger R.E., Shapiro M., Greenstein F.I. Dynamics of American Politics. N.Y., 1980; Mc Guire. The Nature of Attitudes and Attitude Change // Handbook of Social Psychology. Reading, 1985.

психической активности, направленной на преодоление конфликта. В зависимости от индивидуальных особенностей людей, культурных и иных факторов конфликт преодолевается разными способами. Человек может усвоить новое знание и отбросить старое или же, напротив, он может стремиться укрепить старое представление, всячески преуменьшая значение и достоверность новой информации, психологически "отворачиваясь" от нее. Фестингер приводит пример курильщика, получившего информацию о том, что курение вызывает раковые заболевания. Знание об удовольствии, доставляемом курением, вступает в конфликт со знанием об его губительных последствиях. Под влиянием новой информации одни курильщики предпримут волевые усилия, чтобы преодолеть вредную привычку, другие будут искать аргументы, снижающие ее достоверность³⁰.

Нетрудно найти примеры, подтверждающие действие механизма когнитивного диссонанса в социально-политической психологии. Возьмем к ситуации, которая уже упоминалась выше и особенно близка опыту российских читателей. За относительно краткий период, начавшийся в годы перестройки, множество советских людей перешли от веры (пусть довольно вялой и формальной) в социализм сначала к идеологии глубокого реформирования, "очеловечивания" социализма, а затем и к полному отказу от этой веры и переориентации на "западные" социально-политические ценности. Решающую роль в этом процессе сыграла новая информация (не только фактическая, но и аналитическая и обобщающая) о том, "как мы жили и как живем", ставшая доступной благодаря гласности. В то же время другая, меньшая часть общества, напротив, укрепилась в консервативных — коммунистических и национал-"патриотических" воззрениях, предельно идеализируя старые тоталитарные порядки. Их сопротивление новому привело страну в октябре 1993 г. на грань гражданской войны. По всей вероятности, среди тех, кто, потрясая красными знаменами, портретами Ленина и Сталина, выходил на митинги оппозиции, было немало таких, кто десятью годами раньше не проявлял никакого идеологического рвения, ругал власть и жаловался на тяжелую жизнь.

Характерно, что и сторонники противоположного "рыночного" мировоззрения тоже отсекали от себя информацию, противоречащую их вновь обретенным взглядам. И в реформаторской прессе, и в обычных частных разговорах западный мир представлял чуть ли не земным раем, все что еще недавно говорилось о "пороках капитализма", в том числе и вполне достоверные знания об его теневых сторонах, старательно изгонялось из памяти.

Все эти сдвиги в общественном сознании частично объяснимы психологической теорией когнитивного диссонанса. В известных опытах Дж. Брема этот феномен исследовался в связи с процессом принятия решения. Испытуемым предлагалось оценить два бытовых электро-

---

³⁰ Частичный русский перевод работы Фестингера см.: Современная зарубежная социальная психология: Тексты. М., 1984. С. 97. Далее: Современная зарубежная социальная психология.

прибора. Затем им передавался выбранный прибор и вновь предлагалось оценить оба прибора – выбранный и отвергнутый. Выяснилось, что испытуемые значительно повысили оценку ранее выбранного прибора и снизили отвергнутого. Иными словами, они испытали потребность в подкреплении принятого решения, обусловленную когнитивным диссонансом – противоречием между знанием, обусловившим принятое решение, с одной стороны, и данными (негативными характеристиками выбранного и позитивными отвергнутого объекта), ставящими это решение под сомнение, – с другой. Диссонанс преодолевался путем завышения качеств первого и занижения второго³¹. В идеализации Запада советским общественным мнением в сущности проявился тот же психологический механизм.

Приведенные примеры показывают, что теория когнитивного диссонанса позволяет проникнуть в некоторые психологические механизмы, регулирующие идейно-политическую дифференциацию общественного сознания в условиях резкого обновления социального опыта и знаний (вероятно, излишне добавлять, что она регулируется отнюдь не только этими механизмами). Теория помогает понять психологическую природу отторжения нового, консервативного синдрома, присущего многим людям и социальным группам, объяснить, почему расхождения во мнениях, в принципе, преодолимые на основе их рационального, логически обоснованного сопоставления и синтеза, нередко перерастают в непримиримую конфронтацию. Однако такое объяснение сталкивается с рядом трудностей, связанных с недостаточной ясностью самой теории Фестингера.

Одна из таких трудно разрешимых проблем, отмечаемых в социально-психологической литературе, состоит в определении условий, при которых возникает когнитивный диссонанс, границ самого этого явления. Можно ли любое противоречие между старым представлением и новым знанием считать когнитивным диссонансом, т.е. внутренним психическим конфликтом, вызывающим дискомфорт и потребность в его преодолении? Фестингер выделяет четыре класса ситуаций, обуславливающих когнитивный диссонанс: логическое несоответствие, несоответствие культурным образцам, несоответствие нового знания более широкой системе представлений, несоответствие прошлому опыту. Однако, как показали экспериментальные исследования, существуют сильные индивидуальные различия в психической реакции на все эти несоответствия. О двух основных типах реакций: изменении представлений и отторжении нового знания уже говорилось выше; в первом приближении их можно объяснить уровнем динамизма индивидуального интеллекта, различиями между ригидным и пластичным его типами.

Однако различия в реакциях не ограничиваются этим. Как отмечает известный исследователь когнитивного диссонанса Э. Аронсон, "разным людям нужна различная сила диссонанса, чтобы привести в действие силы, направленные на его уменьшение"; то, что является диссонансом для одних, другими вообще не воспринимается как

³¹ *Brehm J.W., Cohen A.R. Explorations in cognitive dissonance. N.Y., 1962.*

конфликт или несоответствие³². В сфере социально-политической психологии это наблюдение можно подтвердить, например, данными о динамике рейтинга ведущих политических деятелей. Как известно, они меняются очень часто и быстро под влиянием текущей политической конъюнктуры, причем, получая одну и ту же информацию о действиях данного персонажа, одни люди перестают доверять ему, а другие остаются на прежней позиции. Имеем ли мы в подобных случаях дело с когнитивным диссонансом? Ведь вполне возможно предположить, что новая информация о лидере у одних не приходит в какое-либо противоречие с их представлением о нем, а другие изменили свое мнение без какого-либо внутреннего конфликта и дискомфорта, иначе рейтинги не менялись бы так легко и быстро, не повышались бы вновь после резкого снижения.

Очевидно, далеко не всякое изменение в системе социально-политических представлений связано с когнитивным диссонансом. В социально-политической психологии эта категория пригодна прежде всего для понимания таких ситуаций, которые связаны с изменениями в наиболее существенных представлениях, затрагивающих всю их структуру: в политических ориентациях и ценностях, в обобщенном образе общества, в образе харизматического лидера, символизирующего убеждения и верования людей.

Думается, что путь к более глубокому пониманию психологической природы диссонанса открывает предположение Э. Аронсона о его связи с *самосознанием* индивида³³. Если приглядеться к социально-психологическому облику людей, представляющих ярко выраженные реформистские и консервативные взгляды в постперестроечной России, эта связь выступает достаточно явно. Российские консерваторы – публика в социальном отношении чрезвычайно пестрая. Среди них представители партноменклатуры и гуманитарной интеллигенции, исповедовавшие и проповедовавшие официальную идеологию. Для тех и других отказ от старых взглядов равносителен утрате чувства собственного социального достоинства, признанию, что всю жизнь они занимались ненужным или вредным делом. Но среди консерваторов много и простых людей, особенно малообразованных и пожилых. В значительной своей части это рядовые труженики, принадлежащие к низам общества, не имевшие ни приличной зарплаты, ни перспектив социального возвышения, словом, неудачники советского образца. Официальная демагогическая идеология, провозглашавшая "власть трудящихся", социальное превосходство рабочих и крестьян в государстве и обществе, была для многих из них единственно доступной психологической компенсацией социальной униженности, поддерживала чувство собственного достоинства. Экспансия "рыночных" ценностей, прямо или косвенно признающих право на достоинство только за удачливыми, талантливыми и богатыми, лишила их этой моральной опоры, создала

³² Аронсон Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы // Современная зарубежная социальная психология. С. 125.

³³ Там же.

острый когнитивный диссонанс. Отсюда столь агрессивная защита ленинско-сталинской мифологии и ненависть к демократам.

Для сторонников реформаторских взглядов – людей в большинстве более или менее молодых, лучше образованных, ощущающих свои силы и способности – либеральные ценности и реформы – это прежде всего освобождение от барьеров, препятствующих свободному самовыражению, материальному и социальному возвышению. Поскольку они в основном люди скромного достатка и положения, эти ценности сталиваются в их сознании со старыми "социалистическими" уравнилельными представлениями, оправдывающими нынешний их реальный статус, и ощущение своей "силы", индивидуального потенциала (которого лишены консерваторы) побуждает решать конфликт в пользу либеральных идей.

Ту же связь между личностным самосознанием и отношением к новому мне пришлось наблюдать в достаточно узкой и социально однородной среде – преподавателей "традиционных" обществоведческих дисциплин, переквалифицировавшихся в политологов. Проводя с ними занятия на курсах переквалификации, я встретился с двумя типами людей. Одни из них весьма активно воспринимали новый материал, спорили, пытались определить свои позиции, чаще всего более "радикальные", чем те, которые излагал профессор. Другие – обычно более старшие по возрасту, ни с чем не спорили, но очень прилежно записывали лекции, не задавая никаких вопросов. С точки зрения психологической теории можно сказать, что активные слушатели переживали когнитивный диссонанс – они преодолевали его, энергично отталкиваясь от старых представлений и принимая новые в их максималистском варианте. Пассивные слушатели сколько-нибудь глубокого диссонанса не испытывали: они принадлежали к тому типу преподавателей, для которых их профессиональная деятельность – прежде всего средство заработка, а содержание, идеи, преподносимые студентам, относительно безразличны, очень слабо затрагивают личностное самосознание. Они пришли на курсы просто для того чтобы узнать, что теперь положено говорить, овладеть новым профессиональным инструментарием.

Роль самосознания и вообще внутреннего мира личности в возникновении и преодолении когнитивного диссонанса показывает, что динамику представлений людей невозможно объяснить в рамках когнитивистской ориентации – из структуры самих знаний, степени их взаимной согласованности и противоречивости. Для ее объяснения необходим еще анализ психической структуры субъекта, рассматриваемый во всей ее целостности, его взаимоотношений с миром.

Деятельность и познание деятельности Один из возможных путей к преодолению односторонних подходов к динамике знаний намечен теорией деятельности, разработанной в советской психологии (особенно С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым). Изложение этой теории можно найти в любом отечественном учебнике по общей психологии, мы же коснемся здесь лишь аспектов, имеющих отношение к теме главы.

Философскую базу психологической теории деятельности образует

Марксова идея о практике ("практической человечески-чувственной деятельности") как основе человеческого мышления и познания, критерии их истинности. В соответствии с деятельностным подходом, в психике отражаются не просто внешние объекты, но те отношения человека с ними, которые образуют его предметную деятельность. Активно воздействуя на мир, преобразуя его, человек интериоризирует (переводит в свой внутренний мир, в свою психику) структуру своей предметной деятельности, т.е., если иметь в виду именно когнитивный аспект, – знания, полученные и подтвержденные в процессе собственной практики.

Эти общетеоретические положения, несомненно, в широкой мере применимы к познанию социально-политической действительности, к историческому движению этого познания. Люди обновляют свои знания, когда они не отвечают новой социальной практике. В сфере социально-политической действует та же тесная связь между познавательной (информационной) потребностью и потребностью в практическом воздействии на действительность, которая выявлена в общей психологии³⁴. И если рассматривать развитие социально-политических представлений в длительной исторической перспективе, его обусловленность развитием практической деятельности людей на общественной арене кажется очевидной. Достаточно сравнить, например, эпохи средневековья и конца XX в. Иная система общественно-политической деятельности соответствует иной системе представлений об обществе и политике.

Вместе с тем деятельностный подход – во всяком случае в его нынешнем виде – вряд ли дает достаточную методологическую основу для понимания динамики социально-политического знания во всем его многообразии и конкретности. Вероятно, это объясняется тем, что эмпирически он разрабатывался в психологии на материале более или менее однолинейных восходящих процессов (генезис человеческой психики, трудовая деятельность, развитие психики ребенка) и относительно простых психических функций. А также таких процессов, в которых результаты воздействия субъекта на объект поддаются непосредственному практическому контролю. В рамках этого материала психическое содержание знаний может описываться как адекватное содержанию деятельности. Но в социально-политической психологии дело обстоит значительно сложнее. Во-первых, развитие ее когнитивной стороны носит не прямолинейно-восходящий, а достаточно извилистый, нередко даже рецидивирующий попятный характер: старые представления обычно не сразу уступают место новым, а долго сосуществуют с ними. Во-вторых, еще труднее говорить об адекватном отражении в знаниях людей их общественно-политической практики.

В реальной истории изменения в этой практике приводят к "старению" существующих представлений и пробуждению потребности в новых, которые могли бы ориентировать новую преобразовательную практику. Но в отличие от более простых видов деятельности прак-

---

³⁴ См.: Социальная психология. С. 101.

тика, имеющая дело с социально-политической действительностью, далеко не всегда находит в себе самой необходимые ей знания: эта действительность слишком сложна и "непрозначна" для познания, слишком трудно поддается сознательному воздействию человека. Так, российское общество, переориентировавшись в начале 90-х годов на переход к рыночной экономике, испытало острый дефицит знаний, необходимых для такого перехода. Кризис старой практики и соответствующих ей знаний сам по себе не породил сразу ни эффективной новой практики, ни новых знаний. Кризис общественно-политической практики российского общества начала XX в. привел к Октябрьской революции и построению тоталитарного социализма; старые знания были в данном случае заменены такими, которые ввергли общество в трагедию.

Подобные ситуации не опровергают деятельностный подход, они просто показывают, что рождение адекватных знаний из деятельности в социально-политической сфере – намного более сложный и мучительно-противоречивый процесс, чем тот, который описывает общая психология.

В этой сфере потребность в новых знаниях нередко удовлетворяют продукты воображения: мифы и утопии, порождающие, в свою очередь, практику насилия над обществом, тормозящие и искажающие его развитие. Рациональное освоение уроков практики часто становится очень длительным, охватывающим много поколений процессом. Рациональные тенденции познания, о которых подробно говорилось выше, полнее всего отражают позитивные связи практической и познавательной деятельности, однако наряду с ними существуют и иные тенденции.

Формулируя свое учение о практике, К. Маркс выводил из него необходимость сознательного планового контроля людей "над общественным жизненным процессом", таких "отношений практической повседневной жизни людей", которые "будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и природой". К сожалению, этот идеал оказался мало реальным, а путь его осуществления, предложенный самим Марксом, ведет, как выяснилось, в тупик. С этим опытом нельзя не считаться, рассматривая возможности и границы применения теории деятельности к социально-политической психологии.

ПОТРЕБНОСТИ И МОТИВЫ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

1. Понятие потребности

Материал, изложенный в первой главе книги, показывает, как люди вырабатывают свое отношение к общественно-политической действительности, какие психические механизмы используют они для ее познания. В то же время рассмотрение познавательных механизмов и процессов не может дать ответа на вопрос о том, чем обусловлено конкретное содержание социально-политических знаний, представлений, убеждений людей, их *отношение* к явлениям, процессам и событиям, происходящим в обществе. Очевидно, межличностные и межгрупповые различия в восприятии одной и той же общественной действительности, да и вообще в содержательных аспектах социально-политической психологии нельзя объяснить только неодинаковыми – объективными и субъективными – познавательными возможностями людей. Ведь хорошо известно, что даже люди, принадлежащие к одной и той же культурной среде, обладающие одними и теми же источниками информации, сплошь и рядом резко различаются по своим социальным представлениям, взглядам, убеждениям.

Ограниченность когнитивистского подхода к психике, о которой уже говорилось выше, определяется тем, что продукты познавательного процесса нельзя понять из самого этого процесса, из его "технологии". Точно также нельзя понять из нее ни движущих сил этого процесса, ни его избирательной направленности на какие-то определенные "объекты", ни факторы, определяющие отбор людьми социальных знаний из того ассортимента, который предоставляют им их время и культура. Ответы на все эти вопросы можно получить, лишь поняв, что нужно людям и чего они *хотят*. Иными словами, необходимо обратиться к *мотивационно-волевой сфере* психики, к лежащим в ее основе *потребностям* индивидов и социальных групп.

Значение этой сферы становится еще более очевидным, если вспомнить, что функционирование психики не сводится к познанию и мышлению. Психика человека направляет и регулирует всю его деятельность, поступки, поведение. А первичной побудительной силой любых действий людей, как и вообще всех живых существ, являются опять же их потребности. Стало быть, и действия индивидов и групп в социально-политической сфере, их *общественное и политическое поведение* нельзя понять, не обращаясь к стимулирующим его потребностям и мотивам.

В современной психологии потребности рассматриваются как энергетическое начало психики. Термин этот употребляется в условном, метафорическом смысле: речь идет не о каком-то особом виде энергии по типу, например, физической¹. Он лишь подчеркивает, что и психические процессы, и действия субъекта приводятся в движение особыми – именно психическими – механизмами, принципиально отличными от физико-химической энергии организма, и представляющими собой поэтому особую сферу психологического знания. Потребности человека всегда интересовали научную мысль, но начало их изучению именно как энергетического "двигателя" психики было положено З. Фрейдом. Эту роль фрейдовского психоанализа в развитии психологической науки признают даже психологи, не разделяющие его основных теоретических и методологических идей.

Говоря конкретнее, один из наиболее значимых выводов психоанализа состоит в понимании потребностей как содержащейся в недрах психики внутренней "силы", не сводимой к одним лишь осознанным желаниям или целям ее субъекта. Этот вывод позволяет выявить структуру и природу психики и поведения гораздо вернее, и глубже, чем психологические теории, описывающие человеческую активность просто как цепь реакций на стимулы внешней среды. Вместе с тем он как бы очерчивает поле научного поиска, генеральную задачу изучения потребностей – уяснение природы и источников этой внутренней силы.

Решение данной задачи (о чем также свидетельствует опыт психоанализа) крайне затруднено громадным многообразием человеческих потребностей. На эту трудность наталкиваются любые попытки выработать обобщенное понимание и определение категории "потребность". В качестве примера можно назвать *гомеостатическую теорию потребностей*, определяющую их источник как вызванное какими-либо причинами нарушение внутреннего психического равновесия (гомеостаза) субъекта и его стремление восстановить уравновешенное состояние. Критики этой концепции справедливо указывают, что она исключает из своего рассмотрения потребности развития, т.е. потребности, ориентированные на "движение вперед", создание новых объектов и ситуаций и противоположные стремлению к гомеостазу.

Более продуктивными оказались те теории, *Потребности и отношения человека* которые пытались объяснить потребности из *отношений* человека с природой и социальной средой. Поскольку человек живет в этой среде и *зависит* от нее во всей своей жизнедеятельности, эти отношения обладают свойством побуждать его к деятельности, направленной на объективный мир или на самого себя. Из этих посылок возникло понимание потребностей как "объективно-субъективного" явления, включающего как объективные отношения, побуждающие к деятельности, так и вызываемые ими внутренние состояния субъекта. Для психологии главный интерес, естественно, представляет именно

¹ См.: Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. М., 1984. С. 287–289.

это внутреннее состояние, которое, собственно и равнозначно субъективно-психологической потребности². В психологической литературе оно часто описывается как "дефицит", ощущение недостатка в чем-то (предмете, знании, внешнем условии), вызывающем психическое напряжение, или дискомфорт, и побуждающее к его преодолению.

Некоторые современные психологические теории рассматривают связь отношений человека с его потребностями в несколько ином ключе. Так, бельгийский психолог Ж. Нюттен считает основой потребностей органически присущую природе человека и всех живых существ активность по отношению к среде. Эта активность выступает как своего рода первичная потребность и проявляется как в биологических нуждах организма, так и в поведении, не связанном с ними (например, игровая активность грудного ребенка); она побуждает субъекта постоянно "функционировать", т.е. вступать в активные отношения со средой. В отношениях "индивид-среда" потребности играют функциональную роль: поскольку активность не просто включается в наличные отношения, но направлена на формирование отношения, оптимального для функционирования индивида, потребность и есть это искомое, "востребованное" отношение. Критерием же оптимальности являются нормы и стандарты, усвоенные или самостоятельно выработанные индивидом, то чувство удовлетворения, которое доставляет ему выполнение этих норм. Таким образом в концепции Нюттена как бы снимается проблема потребности как особого психического состояния (ощущения "недостатка") и его источников, потребности просто вписываются в цепочку поведенческих актов индивида в качестве ее функционального звена и лишаются самостоятельного существования вне этой цепочки³.

Можно полагать, что данная концепция более или менее адекватна тем ситуациям, в которых потребности сводятся к выполнению уже существующих нормативных стандартов личной или общественной жизни. Но она не дает объяснения таким потребностям, которые не удовлетворяются этими стандартами или вступают в конфликт с ними, порождают поисковое и "новаторское" поведение. Между тем такие ситуации достаточно типичны для психической жизни человека вообще и для психологии социально-политических отношений в частности. Еще существеннее, что концепция Нюттена не отвечает на вопрос о факторах избирательной направленности надбиологических потребностей человека – почему из всего многообразия, пусть даже выраженных в нормах и стандартах, возможных отношений со средой индивид выбирает в качестве объекта своей потребности какой-то определенный их вид?

От потребности к мотиву

Путь к ответу на эти вопросы намечают те концепции, которые различают условия генезиса потребности и факторы ее конкретизации, определения ее объекта ("опредмечивания"). В концеп-

² Объективная сторона потребностей изучается главным образом экономической наукой, социологией и другими общественными науками.

³ Nuttin J. *Théorie de la motivation humaine*. P., 1985.

ции Нюттена генерирующие потребность условия как бы размываются в общем недифференцированном потоке активности, свойстве субъекта "делать что-то" в отношении среды. Между тем, то отношение человека с миром, которое порождает потребность, во-первых, конкретно и, во-вторых, не совпадает с тем, которое ее удовлетворяет. Одно дело – потребность в пище и другое – действия, направленные на выбор и присвоение удовлетворяющих ее продуктов. В первом случае перед нами объективные природные отношения организма с биосферой, во втором – деятельные отношения человека со средой, в которые включены его память и навыки, воля и разум. Конечно, в случае элементарных витальных потребностей, удовлетворение которых вписывается в повседневный жизненный цикл, фаза их генезиса может носить чисто физиологический характер и никак не выражаться в психике. Человек питается независимо от того, испытывает ли он острое чувство голода; психическое состояние, соответствующее генезису потребности, существует лишь в потенциальном виде – как "угроза" дефицита и дискомфорта.

Иначе обстоит дело с более сложными нефизиологическими потребностями. Например, рассмотренное выше явление (см. главу I) когнитивного диссонанса выражается вначале в состоянии психического напряжения, или дискомфорта, порожденном конфликтом между усвоенными человеком знаниями и новой информацией; это состояние и есть условие, порождающее потребность. Но само по себе оно не определяет конкретного содержания потребности: она может быть направлена на углубление и укрепление нового знания и соответствующее изменение поведения или же, напротив, на психологическую защиту от новой информации.

Различие между генезисом и "опредмечиванием" потребности последовательно обосновал А.Н. Леонтьев. Опираясь на физиологические и этологические (т.е. относящиеся к поведению животных) данные, этот автор выделяет такую ступень в развитии потребности, на которой ее предмет "отсутствует" или не выделен во "внешнем поле", и она порождает "поисковое поведение", "соотносительное именно потребности", а не ее предмету. «Потребность, – заключает Леонтьев, – сама по себе, как внутреннее условие деятельности субъекта, это лишь негативное состояние, состояние нужды, недостатка; свою позитивную характеристику она получает только в результате встречи с объектом ("реализатором") и своего "опредмечивания"». Потребность, нашедшая свой предмет, преобразуется, по Леонтьеву, в *мотив*, непосредственный стимул деятельности⁴.

Кратко резюмируя изложенное, мы можем сформулировать неко-

⁴ См.: Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971. С. 2–6. Несколько иной принцип дифференциации мотивационных явлений предлагает В.И. Магун. Он разделяет "потребности первого порядка" – в сохранении и развитии субъекта, и потребности более высоких порядков – в средствах, обеспечивающих такое сохранение и развитие. И те, и другие потребности обусловлены отсутствием удовлетворяющих их благ (т.е. выражают состояние дефицита). См.: Магун В.И. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л., 1983. С. 10.

торые исходные методологические принципы исследования мотивационно-волевой сферы психики. Потребности возникают из отношений человека с природой и социальной средой и представляют собой, с психологической точки зрения, порожденные этими отношениями состояния напряженности, связанные с ощущением дефицита. Преодоление этого состояния может быть достигнуто лишь присвоением таких благ и условий, осуществлением таких видов деятельности, которые соответствуют отношениям, породившим дефицит. Психическая напряженность является "энергетическим" источником, "силой", стимулирующей активность, направленную на поиск предмета потребности (т.е. ее конкретизацию и осознание) и на ее удовлетворение. Мотив представляет собой "опредмеченную" потребность и непосредственный стимул деятельности.

Принцип выведения потребностей из отношений человека с миром позволяет правильно подойти к вопросу об их многообразии. Он означает, что лишены смысла попытки искать некую единую общую "базу" всех человеческих потребностей, ибо их источники столь же многообразны, сколь многообразны эти отношения. Данный вывод особенно важен для темы книги: из него следует, что потребности и мотивы, действующие в сфере социально-политических отношений, могут быть выявлены лишь в их причинно-следственной связи с этими отношениями. В то же время необходимо учитывать, что те отношения, которые функционируют на макроуровне – в масштабах "большого общества" – не автономны, не отделены китайской стеной от отношений микроуровня – тех, которые осуществляются в процессах труда, потребления, образования, межличностного общения, словом, в различных сферах повседневной жизнедеятельности людей; в значительной мере они являются продолжением этих отношений. Соответственно и многие потребности, проявляющиеся в социально-политической сфере, суть модифицированное выражение потребностей, функционирующих за ее пределами. Так, витальная потребность людей в пище модифицируется в потребность в макроэкономических, макросоциальных и политических условиях, необходимых для оптимального обеспечения населения продуктами питания.

Социально-политические потребности, таким образом, представляют собой, с одной стороны, продукт *экстраполяции* других потребностей людей в макросоциальную и политическую сферу, обычно вызывающей их модификацию. С другой стороны, содержание социально-политических потребностей обусловлено отношениями и деятельностью, функционирующими в рамках самой этой сферы. Эти два источника могут вызывать к жизни потребности, направленные на совпадающие или различающиеся объекты (отношения), но, по всей видимости, психологические механизмы их осознания и функционирования имеют свои особенности и поэтому заслуживают особого рассмотрения.

В данной связи возникают прежде всего два главных вопроса: какие именно потребности людей экстраполируются, т.е. преобразуются в потребности социально-политические, и как именно, на основе каких модификаций происходит это преобразование?

Первый из названных вопросов ставит нас перед необходимостью как-то классифицировать потребности. Эта задача вызывает немалые трудности.

Прежде всего нелегко решить, какую выбрать основу классификации. Можно, например, попытаться классифицировать потребности по типам их объектов: например, материальные (в продуктах питания, жилье, одежде и т.п.) и духовные (в образовании, самоутверждении, информации, любви, дружбе и т.д.). Однако такой способ может больше устроить экономиста или социолога, чем психолога, которому хорошо известно, что психологические источники и содержание потребностей, направленных на одни и те же объекты, может быть совершенно различным. Если же обратиться к "внутренним" психическим источникам потребностей, то возникает трудность иного рода: многие мотивы людей имеют не один, а несколько таких источников, как бы накладывающихся один на другой. Мы это видели на примере познавательной потребности, которая часто проявляется не в "чистом" виде, а впитывает в себя потребности иного типа. Подобные трудности объясняют факт, хорошо известный всем, кто знаком с психологической литературой: почти любой психолог, пишущий о потребностях, предлагает свою собственную их классификацию...

Оптимальное решение проблемы состоит, на наш взгляд, в том, чтобы как можно больше "укрупнить" классификацию, выделив минимальное число групп потребностей, действительно различающихся принципиально по своим источникам и природе. Такому требованию отвечает применяемое некоторыми авторами выделение биологических и чисто "психологических" потребностей. Однако при своей видимой логичности оно не соответствует сформулированному выше принципу анализа потребностей в связи с конкретными отношениями человека. Дело в том, что на протяжении многих исторических эпох и тем более в современных условиях элементарные биологические нужды многих или большинства людей удовлетворяются не столько в процессе их прямых отношений с природой, сколько в превращенной, опосредованной форме отношений с другими людьми и социальными институтами.

С биологической точки зрения безразлично, съедаю ли я мясо убитого мною животного или купленное в магазине, но мои психические переживания, связанные с охотой на зверя, очень мало похожи на те, которые побуждают меня добиваться денежного дохода, обеспечивающего мясо на моем столе. В любом обществе, в котором существует разделение труда и товарно-денежные отношения, первичные биологические нужды порождают целый ряд потребностей в различных условиях и отношениях, которые необходимы для удовлетворения этих нужд. Их объектами является трудовая или иная деятельность, образующая источник достаточного для жизни дохода, соответствующее общее и профессиональное образование, социальное обеспечение, средства транспорта, связи, информации и многое многое другое. Важно, что психические состояния и процессы, в которых выражаются такого рода "вторичные" витальные потребности и их "опредмечива-

ние", чаще всего отличаются от тех, которые имеют биологическую природу (например, ощущение голода) и не могут поэтому анализироваться психологическими как биологические. Кроме того и сами биологические потребности проявляются у человека в формах, соответствующих не только естественным нуждам его организма, но и обусловленным исторически и социально стандартам потребления. Но в то же время и "первичные" и "вторичные" потребности этого типа сохраняют свои биологические корни. Поэтому они могут быть выделены в отдельную большую группу *потребностей физического существования* людей.

Принципиально иной природой обладают те потребности, которые не сводимы ни к биологическим нуждам, хотя бы и преобразованным общественным бытием человека, ни к материальным условиям, необходимым для их удовлетворения. Это те потребности, которые возникают из *отношений между людьми* – как из межличностных непосредственных, так и из всех других уровней отношений, которые связывают индивида с обществом. К ним относятся, например, "статусные" потребности, т.е. все те, "объектом" которых является психологически позитивное для индивида положение в социальной группе – в признании, уважении, власти, солидарности и т.п. В эту же группу входят потребности в эмоционально насыщенных позитивных межличностных отношениях – любви, дружбе, общении; разнообразные морально-этические потребности; в социально-значимой, т.е. ценной для "других", для социума деятельности. Все они могут быть определены как *потребности социального существования* людей.

Потребности двух названных основных классов различаются по источникам своего происхождения: они обусловлены разными типами отношений человека с миром. Кроме них человек обладает потребностями, которые порождаются не определенными типами отношений, но всей их совокупностью – самим фактом его взаимодействия с природой и социальной средой, его природой как активного действующего существа. Это познавательная потребность, о которой шла речь в первой главе книги, и потребность в самой деятельности, в которой, как упоминалось, некоторые авторы психологических теорий видят первоисточник всех остальных потребностей. Их особенность состоит в том, что они функционируют не отдельно от потребностей первых типов, но тесно переплетаются или даже сливаются с ними, как бы выполняя по отношению к потребностям физического и социального существования служебную роль. Так познавательная активность человека направлена – во всяком случае в большой мере – на выявление объектов и способов удовлетворения всех его потребностей. Что же касается потребности в деятельности, то она проявляется в действиях, опять же нацеленных на удовлетворение всех остальных потребностей.

Это "слияние" стремлений к познанию и к деятельности с потребностями физического и социального существования ни в коей мере не перечеркивает их вполне самостоятельного характера. В качестве

таковых они существуют, как доказано современной наукой, не только у человека, но и у животных и нередко обладают у них большей "силой", чем витальные потребности. Что же касается собственно человеческой психики, то наличие в ней не подчиненного каким-либо утилитарным мотивам, "бескорыстного" интереса к познанию вряд ли нуждается в особых доказательствах. Точно также психологической наукой доказана самостоятельность человеческой потребности в деятельности. Изучены в частности состояния и переживания, обусловленные именно этой потребностью; например, обладающее большей психологической "силой" стремление к достижению цели и решению задачи, независимое от ее содержания, и отношения их (этой цели и задачи) к другим потребностям.

В социально-политической психологии так или иначе проявляются потребности всех названных типов. Однако специфику этой психологии и ее мотивационной сферы, очевидно, удобнее всего выяснять на материале потребностей физического и социального существования. Ведь именно эти потребности порождаются конкретными отношениями человека, именно на них должны прежде всего отражаться характер и структура социально-политических отношений. Поэтому мы последовательно рассмотрим, что происходит с потребностями этих двух типов, когда они превращаются в потребности социально-политические, при каких условиях происходит такое превращение.

2. Потребности физического существования в социально-политической психологии

*Личные и общественные потребности.
Процесс экстраполяции*

В ходе всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в июне 1993 г., 41% опрошенных оценили материальное положение своей семьи как "плохое" или "очень плохое". Среди людей с низким уровнем дохода такой ответ дали 56,5, а с высоким – 20,3%. 64% в тех же терминах оценили экономическое положение России, в том числе

22,4% респондентов с низким доходом и 14,8 – с высоким заявили, что оно является очень плохим. 42,4% получающих низкий доход и только 17,4 – высокий, заявили, что "терпеть наше бедственное положение уже невозможно"

На вопрос "какие проблемы нашего общества тревожат Вас больше всего?" максимальное число опрошенных – 84,3% – назвали рост цен, следующей по значению проблемой (64,4%) общественное мнение признало рост числа уголовных преступлений и на третьем месте (40%) – кризис экономики и спад производства. Другие проблемы, непосредственно затрагивающие условия жизни россиян: ухудшение состояния окружающей среды, вооруженные конфликты на границах России и обострение национальных отношений волновали их гораздо меньше. Отметим, что в оценках значения роста цен не было существенных различий между людьми с низкими и высокими доходами,

а кризис экономики, рост преступности, экологические проблемы чаще называли те, кто получает высокий доход⁵.

В приведенных суждениях россиян перед нами предстает как бы два параллельных ряда данных об их наиболее насущных потребностях. Когда люди говорят о своем тяжелом материальном положении, они фиксируют свои неудовлетворенные личные потребности физического существования, поэтому совершенно естественна зависимость такого рода ответов от уровня семейного дохода. Когда же они отвечают на вопросы о состоянии экономики или о тревожащих их проблемах российского общества, речь идет в сущности тоже о потребностях, но о таких, которые осознаются как общественные нужды и относятся, следовательно, к сфере социально-политической психологии.

Связь между этими двумя рядами суждений очевидна. Потребность в оздоровлении больной экономики чаще и острее испытывают те, кто больше страдает от ее кризиса. Катастрофический рост цен – наиболее непосредственно воспринимаемая причина низкого уровня жизни, но он бьет и по людям с высокими доходами, делая их материальное положение нестабильным, лишая уверенности в завтрашнем дне.

Косвенным образом связь между двумя рядами выражается и в иерархии, относительном психологическом "весе" явлений, вызывающих тревогу россиян. С точки зрения объективного анализа, ухудшение среды обитания идет в России в таких масштабах, что представляет для людей более опасную угрозу, чем ограничение материального потребления, вызванное кризисом. Приграничные и этнические конфликты создают опасность втягивания страны в кровопролитные войны, которые были бы для многих более страшным бедствием, чем рост цен. Спад производства закрывает выход из кризиса и сулит в будущем еще большие материальные бедствия. Однако хорошо известно, что настоятельность потребности чаще всего определяется тем дефицитом, который мы ощущаем как наше актуальное сиюминутное состояние: невозможность купить сегодня необходимые нам продукты и вещи сильнее действует на психику, чем угроза катастрофы, пусть сознаваемая, но воспринимаемая лишь как потенциальная или отдаленная перспектива. Уголовная преступность – страшная вещь, но она неравномерно распределяется по территории страны, и еще не каждый законопослушный россиянин столкнулся с ней на собственной практике.

Дефицит безопасности или надежного будущего реже вызывает психологическую напряженность и сильный дискомфорт, чем дефицит средств, идущих на содержание семьи, и эта "иерархия дефицитов" проецируется на иерархию социальных проблем, тревожащих россиян. В то же время у людей, которым материально живется относительно легче, сохраняется больше психологических ресурсов для того, чтобы тревожиться не только о сегодняшних жизненных трудностях, но и о процессах, которые угрожают их или их детей существованию. Таким образом те потребности, которые образуют мотивационную сферу

⁵ См.: Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1993. № 4. С. 61. Далее: Экономические и социальные перемены.

социально-политической психологии, представляют собой продукт *экстраполяции* в нее потребностей личных. Это их происхождение проявляется и в содержании потребностей, и в их иерархии, и в распределении по различным социальным группам (в данном случае группам доходов).

Сказанное, разумеется, не означает, что любая личная потребность физического существования может трансформироваться в общественную. Приведенные данные отражают совокупные потребности, воплощенные в деньгах. Конкретные же объекты этих потребностей – главным образом продукты питания, одежда, жилье, медицинские услуги и лекарства, образование детей. На вопрос, на что были бы истрачены деньги в случае получения респондентами неожиданного крупного дохода, 28% назвали "текущие нужды", 19 – квартиру, по 13% – товары длительного пользования и образование, лечение. И лишь 7% дали ответ "отдых, развлечения, путешествия"⁶. Очевидно, люди наиболее остро ощущающие рекреационные и гедонистические ("развлекательные") потребности, составляют лишь незначительную долю россиян, которых тревожат экономические проблемы общества. Иными словами, в отличие от большинства развитых стран, потребности, связанные с досугом, не осознаются в кризисной России 90-х годов как общественная проблема. Общественной (в психологическом плане) становится лишь такая потребность, настоятельность которой ощущает некая "критическая масса" членов общества, которая приобретает коллективный, массовый характер.

Второе необходимое условие экстраполяции потребностей в социально-политическую сферу – их макросоциальная атрибуция. Она означает, что люди связывают уровень удовлетворения своих потребностей с социальными и политическими ситуациями, процессами, отношениями. Индивиды лишь тогда адресуют свои потребности к обществу и его институтам, когда они приписывают ему ответственность за то, что происходит в их собственной жизни, за уровень своего потребления.

В весенние и летние месяцы 1993 г. примерно 30% опрошенных россиян относили к числу тревожащих их проблем рост безработицы. При этом половина самих безработных видела причину этого явления в экономической и политической ситуации, 29% – "в руководстве предприятия, на котором работал" и еще 11 – "в себе лично". 55% безработных полагали, что государство обязано обеспечить нуждающихся рабочими местами, соответствующими их профессии и квалификации, а 21% – что люди сами должны проявить активность и инициативу в поисках работы⁷. Очевидно, что если бы мнение меньшинства – тех, кто возлагает на самих себя ответственность за потерю работы и за трудоустройство, – преобладало в общественном сознании, оно не относило бы безработицу к числу острых проблем общества.

В условиях "реального социализма", подчинившего экономику и все

⁶ См.: Там же. № 5. С. 33.

⁷ См.: Там же. № 4. С. 34, 67.

так или иначе связанные с ней стороны жизни людей государственному диктату, удовлетворение потребностей физического существования государством и его политикой естественно воспринималось как общественная норма. Столь же естественно, что это укоренившееся в обществе представление сохраняло свою силу и в условиях начавшегося перехода к рыночной экономике.

В странах, где экономика регулируется иными – рыночными – механизмами, личная активность и личная удача, "везение", а также активность и ситуации – групповые, коллективные – рассматриваются как решающие факторы уровня удовлетворения потребностей. Личная ответственность – краеугольный камень жизненной философии американцев и жителей многих других стран рыночной экономики.

Тем не менее и в этих странах люди не могут не видеть связи между своим материальным положением и процессами, происходящими в "большом обществе". Тем более, что в отличие от "классического" капитализма прошлого в конце XX в. государство повсюду играет значительную (хотя и неодинаковую в разных странах) роль в регулировании социально-экономической жизни – особенно в предотвращении остро кризисных экономических процессов и ситуаций в социальной сфере. Во всяком случае отношение избирателей к президентам, правительствам и партиям во многом зависит от экономической ситуации в период их правления. Разумеется, на государство возлагается, как и всегда возлагалась, ответственность за удовлетворение "неэкономических" потребностей физического существования – таких, которые связаны с безопасностью людей, с поддержанием общественного порядка, борьбой с преступностью, предотвращением войн. Так что экстраполированные на макросоциальный уровень личные потребности физического существования занимают видное место в социально-политической психологии любого общества.

Было бы неправильно думать, что эти экстраполированные потребности выражаются только в требованиях к государству и его политике, вообще к политическим институтам общества. Скорее их "объектом" является вся система общественных отношений.

Восприятие материального неравенства

В результате цитировавшихся уже всероссийских опросов 1993 г. выяснилось, что, по мнению большинства россиян, за последние год-полтора увеличились различия в доходах между людьми, стало больше и богатых, и бедных. Три четверти опрошенных считали распределение доходов в обществе несправедливым и 43% – отнесли себя к тем, кто много работает, но мало зарабатывает⁸. Эти суждения, несомненно, принадлежат к тому же смысловому ряду, что и те, в которых опрошенные выражали неудовлетворенность своим материальным положением и тревогу по поводу экономической ситуации в стране. Констатация несправедливости распределения и вознаграждения за труд – это не просто одно из многих проявлений недовольства собственным положением. Это еще и

⁸ См.: Там же. № 5. С. 56, 58.

модифицированная форма неудовлетворенных потребностей, затрагивающая в данном случае сами принципы, направляющие эволюцию социально-экономических отношений. В результате модификации объектом потребностей становятся отношения между большими социальными группами: "богатыми" и "бедными", работодателями и наемными работниками. Модифицируется и содержание неудовлетворенных потребностей: они осознаются как требование социальной справедливости.

В российской политологии и публицистике популярность в обществе требований социальной справедливости, адресованных к государственной власти, нередко объясняется традиционной для социалистического строя уравнилельной психологией и привычкой к социальному иждивенчеству. Это мнение во многом обоснованно, однако не стоит забывать о том, что ценности равенства и социальной справедливости находят массовую поддержку и в капиталистических странах – главным образом в менее обеспеченных материально слоях населения⁹. Так что данная форма экстраполяции потребностей наблюдается повсюду, где существует материальное и социальное неравенство, т.е. практически в любом обществе.

Другое дело, что в странах Запада акцент на требования равенства в отличие от России характерен лишь для меньшинства населения¹⁰. Кроме того, протест против неравенства и социальной несправедливости в контексте западного общества не следует понимать буквально. Его смысл состоит отнюдь не в осуждении самого феномена частного богатства, которое признается – в духе основополагающих ценностей западного образа жизни – законным результатом личных усилий, свободной инициативы и ответственности личности. Социальная справедливость в западном понимании – это, скорее, альтернатива чрезмерному материальному неравенству, необходимость ограниченного, разумного перераспределения доходов в пользу неимущих слоев.

В России, где слой богачей, не скрывающих, как раньше, свое богатство от посторонних глаз и карательных органов, но напротив, кичащихся им – явление новое, дело обстоит несколько иначе. По данным опроса 1993 г., 14% россиян относятся к недавно разбогатевшим людям с уважением или симпатией, 21% – с интересом, 26% – с завистью или с подозрением и неприязнью или с презрением и 32% – нейтрально¹¹. В обществе еще только вырабатывается адекватное новым социально-экономическим реалиям отношение к богатству, старые "социалистические" негативистские стереотипы постепенно размываются, уступая место интересу, неопределившимся или позитивным представлениям. И в то же время из данных опросов очевидно, что требование справедливости в гораздо большей мере выражает протест против бедности большинства, чем протест богатства немногих (оно

⁹ Конкретные данные по Западной Европе см.: *Stoetzel J. Les valeurs du temps présent: une enquête européenne*. P., 1983. P. 39–53.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ Экономические и социальные перемены. 1993. № 5. С. 64.

активно осуждается лишь четвертью населения). В 1990–1993 гг. с 39 до 43% увеличилась доля опрошенных, выступающих *против каких-либо ограничений на рост доходов*; с 29 до 18% уменьшилась доля тех, кто требует от государства ограничить различия в доходах так, чтобы разница не превышала 3–4 раз¹². Возможно, в этом можно видеть признак сближения с "западным" типом восприятия неравенства.

Следует, наконец, подчеркнуть еще одну важную сторону преобразования личных потребностей в общественно-политические. Она состоит в его неразрывной связи с познавательным процессом. Описывая экстраполяцию потребностей, мы вынуждены обращаться к таким когнитивным понятиям, как стереотипы, представления, атрибуции. Мы видели, что, связывая свои личные потребности с общественно-политической действительностью, люди исходят не только из непосредственных наблюдений и личного опыта, но и из усвоенных ими социальных знаний об обществе и государстве, укоренившихся идеологических представлений. Потребности постоянно взаимодействуют со знаниями, и лишь в процессе такого взаимодействия превращаются в осознанные мотивы.

Понятно, что для того, чтобы объяснить неудовлетворенность насущных жизненных потребностей ростом цен, нет необходимости в каких-то сложных когнитивных механизмах – для этого достаточно посетить ближайший магазин. Не труднее, исходя из повседневного опыта, прийти к выводу о плохом положении экономики страны. Но, скажем, отнесение к числу наиболее острых проблем общества ухудшения экологической обстановки или спада производства предполагает активное усвоение и осмысление более широкого круга информации. Не случайно такие суждения чаще высказывают люди с более высоким уровнем образования¹³.

Еще более явно когнитивные и культурные факторы осознания общественных потребностей проявляются в отношении к частному богатству. Можно предположить, что резко отрицательное отношение к нему означает, что человек склонен видеть в появлении слоя богачей препятствие к удовлетворению собственных потребностей, а в большем материальном равенстве – способ преодоления этого препятствия. Из данных опроса 1993 г. видно, что 34% людей с высшим образованием относится к богачам с интересом и только 15,7% – с непризнью и презрением. Среди респондентов с образованием ниже среднего соотношение обратное: с интересом к богачам относятся только 12% этой группы, не любят или презирают их – более 32%. При этом в своем отношении к распределению доходов обе группы различаются гораздо менее значительно: в первой несправедливым его считает 76, во второй 88%¹⁴. Понятно, что те, кто с интересом относятся к богатым людям, склонны искать путь к преодолению несправедливости и улучшению собственного материального положения не в борьбе

¹² См.: Там же. № 4. С. 7.

¹³ См.: Там же. С. 60–61.

¹⁴ См.: Там же. № 5. С. 64.

против частного богатства, но в каких-то иных личных или общественно-политических акциях.

Перед нами два разных типа экстраполяции одних и тех же личных потребностей, обусловленные в той или иной мере различными уровнями знаний и когнитивных возможностей индивидов. За этими типами в сущности стоят определенные системы идей и представлений об обществе, которые в научной литературе получили наименование "имплицитные теории". Имплицитными, т.е. не высказываемыми открыто, неявными они называются потому, что разделяющие их люди далеко не всегда осознают их на языке четких понятий и логически связанных суждений, часто они выступают просто как набор социальных симпатий и антипатий к явлениям окружающей жизни.

За резко выраженной антипатией к богатству кроется, возможно, не вполне осознанная идея передела имущества: можно избавить людей от бедности, отдав им незаконно нажитое богачами. За симпатией или интересом к ним – образ таких желательных социальных условий и личного поведения, которые обеспечат доступность материального достатка для все большего числа людей. В сущности мы имеем дело с имплицитным конфликтом уравнилельно-социалистических и либеральных представлений.

На рассмотренном уровне экстраполяции происходит определение макросоциальных и политических причин неудовлетворенности потребностей и приписывание (атрибуция) этих причин тем явлениям и процессам в обществе, которые соответствуют дефицитам, ощущаемым в личной жизни. Поэтому этот уровень можно назвать *атрибутивным*. На нем происходит осмысление собственного дефицита как общественной потребности, осознается его социальная природа. Атрибутивный уровень вместе с тем создает лишь некоторые предпосылки для осознания *способов* удовлетворения потребности, без которого ее превращение в мотив не может приобрести законченный характер, стать стимулом к определенному действию. Требование остановить падение жизненного уровня и спад производства, восстановить справедливое распределение доходов говорит лишь о том, в каком направлении должно разворачиваться общественно-политическое действие, но не о том, в чем оно должно заключаться. Ответ на этот вопрос формулируется на *программно-инструментальном* уровне экстраполяции потребностей и их осознания в качестве общественных. На данном уровне к исходной, основной потребности присоединяется обслуживающая ее инструментальная потребность и на ее основе формируется представление о желательной *программе* действий.

На вопрос анкеты ВЦИОМ "Какие силы могли бы вывести сейчас Россию из экономического кризиса таким путем, который бы Вас устроил?" ответы респондентов распределились следующим образом. Более трети или затруднились в ответе, или выразили мнение, что сил, способных вывести Россию из кризиса, вообще не существует. 38% выбрали в качестве такой силы "сильное властное руководство страны", относительно небольшие доли опрошенных – примерно по 4% –

разные группы экономической элиты: руководителей крупных государственных предприятий и новых предпринимателей. И наконец, 11% опрошенных согласились с ответом "экономически активная часть населения"¹⁵.

Можно констатировать, что и на программно-инструментальном уровне мотивации в приведенных суждениях выявляются противоположные "имплицитные теории". В том же опросе около 40% респондентов предпочли экономическую систему, основанную на рыночных отношениях, плановой экономике¹⁶. Но из приведенных выше данных видно, что лишь меньшая – примерно четвертая – часть сторонников рынка видит главный путь к оздоровлению экономики в свободной экономической деятельности всех способных к ней членов общества. Вызвавшее наиболее широкую поддержку решение, возлагающее задачу выхода из кризиса на государственное руководство, разумеется, не исключает поддержки рыночной экономики, но акцент делается в нем не на предпринимательскую и трудовую активность, но на ожидание мер, проводимых без их участия, "сверху". Очевидно, лишь один из десяти россиян действительно усвоил "имплицитную теорию", соответствующую принципам свободного рынка. Остальные или не имеют никакой "теории", или, даже если понимают необходимость рыночных реформ, еще не расстались с "теорией" примата государства в экономической деятельности.

На первый взгляд, между представленными мнениями нет логического противоречия. В конце концов возможность эффективной экономической активности населения, которую акцентирует часть респондентов, зависит от сил и способностей государственной власти последовательно провести рыночные реформы. Однако общественная психология не функционирует по законам формальной логики. Выбор той или иной из возможных позиций выражает психологические предпочтения людей, которые способны подавлять и вытеснять все иные позиции, пусть даже и не противоречащие предпочитаемой.

Еще важнее, что *инструментальная потребность обладает свойством приобретать самостоятельный характер*, относительную независимость от той, которую она "обслуживает". И, соответственно, оказывать собственное сильное воздействие на общественно-политическое поведение людей. В нашем случае потребность в сильном, властном государстве, даже если она увязывается со стремлением к реформам, создает массовую социально-психологическую базу для развития авторитарных тенденций в политической жизни. И напротив, потребность в самостоятельности экономических агентов нацеливает политическое поведение на освобождение от государственной опеки, на сокращение вмешательства государства в экономическую жизнь; и "работает", тем самым, на демократизацию общественно-политических порядков.

---

¹⁵ См.: Там же. С. 48.

¹⁶ См.: Там же. С. 38.

В дальнейших разделах этой главы нам еще неоднократно придется встретиться со взаимодействием мотивационных и познавательных процессов в общественно-политической психологии.

*Абсолютная
и относитель-
ная неудовлет-
воренность
потребностей*

Потребности физического существования людей всегда играли громадную роль в общественно-политической жизни. С самых ранних этапов человеческой истории они направляли активные действия массовых социальных групп, оказывали прямое или косвенное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государства. Войны и завоевания, революции и реформы, миграции и массовые социальные движения, законодательство, дипломатия и политическая конкуренция стимулируются различными потребностями и мотивами, но все они так или иначе увязываются с нуждами, которые люди испытывают в своей обыденной жизни.

Борьба за собственность – один из основных стимулов социальных конфликтов на протяжении нескольких тысячелетий – питается мотивом обладания, занимающим особое и самостоятельное место в человеческой психике. Но для тех, кто этой собственности не имел, он – всего лишь инструментальная потребность, ибо собственность нужна им для жизни. То же можно сказать о борьбе вокруг распределения доходов. А в новейшее время, когда на мировой арене возникло соперничество противоположных систем, в центре его оказалась проблема удовлетворения материальных потребностей людей. Коммунистической утопии всеобщего изобилия капитализм противопоставил рациональную программу своей трансформации в "государство благосостояния", основанную на использовании достижений научно-технической революции и рычагов государственного регулирования экономики.

Социально-психологические механизмы, "включающие" потребности физического существования в общественно-политическую жизнь, были рассмотрены выше на примере современного российского общества. Нельзя не видеть, что этот пример отражает достаточно неординарную ситуацию. Резкий инфляционный рост цен вкупе с общим углублением экономического кризиса вел к абсолютному снижению покупательной способности значительной части населения. В этих условиях субъективное восприятие возрастающей неудовлетворенности потребностей отражало объективный процесс. Летом 1993 г. 45% опрошенных ВЦИОМ заявили, что материальное положение их семьи ухудшилось за последние полгода; 41 – экономил на расходах на питание, 61% – на одежду и обувь¹⁷.

Подобное совпадение объективной и субъективно-психологической неудовлетворенности (или удовлетворенности) потребностей – далеко не постоянное и не повсеместное явление. Во многих обществах люди из трудящихся классов веками владели нищенское и полуголодное существование, воспринимая его как обычное и нормальное, по меньшей мере, как неизбежное. В других обществах острое недо-

¹⁷ Там же. № 4. С. 39.

вольство уровнем своего дохода проявляли группы, которым не угрожали ни голод, ни дефицит одежды или жилья. Во всех этих случаях действуют не объективные физиологические или экономические, но социально-психологические факторы.

В психологическом смысле неудовлетворенность потребностей физического существования отнюдь не равнозначна неудовлетворенности физиологических нужд организма. Объем и состав благ и условий, образующих предмет этих потребностей, у человека обусловлен исторически и социально. Современный россиянин, которому недоступны чай или сахар, является и чувствует себя лишенным необходимого. Между тем наши не столь уж далекие предки даже не знали о существовании этих продуктов. Американец, у которого нет автомобиля, – несомненно, по меркам своего общества очень бедный человек, чего нельзя сказать о 80% не имеющих машины россиян.

Было бы, конечно, чудовищным утверждать, что нет принципиальной разницы между неудовлетворенными потребностями умирающего от голода африканского крестьянина и считающегося бедным, но сытого и одетого европейца или североамериканца. Тем не менее факт остается фактом: необходимое социально и психологически может намного превосходить необходимое биологически. Над биологической "базой" потребностей физического существования строится, во-первых, сложная система инструментальных потребностей, обслуживающих витальные нужды (например, в транспорте, необходимом для переезда к местам трудовой и потребительской деятельности). Во-вторых, все конкретные блага, услуги и условия, которые удовлетворяют как первичные, собственно биологические, так и вторичные, инструментальные потребности определяются – в своих количественных и качественных параметрах – не только содержанием потребностей, но и социально-культурными *нормами, стандартами потребления*, на которые ориентируются данное общество или какая-то его часть.

Здесь у читателя может возникнуть вопрос: насколько оправдано выделение потребностей физического существования в особую группу, коль скоро в своих количественных и качественных параметрах они определяются не только витальными нуждами, но и социально-историческими факторами? На это можно ответить, что между потребностями различных типов вообще не существует непроходимых границ; ниже мы увидим примеры их переплетения и взаимодействия. К потребностям физического существования относятся такие, *первичный источник* которых восходит к нуждам воспроизводства человеческой жизни.

Откуда же берутся социальные стандарты потребления? Во многом их формируют культурные традиции, привычки, коренящиеся в истории данного общества, в природных условиях, в которых оно существует. Громадное воздействие на потребительские стандарты оказывает уровень технического и экономического развития общества, объем национального дохода и характер его распределения между различными социальными группами. Нас, однако, интересует не эта объективная

технико-экономическая база потребления, но психологические условия и механизмы формирования и изменения стандартов, их превращения в социальные потребности, способные стимулировать действия людей в общественно-политической сфере. Говоря конкретнее, проблема состоит в том, когда, почему и как возникает такая неудовлетворенность потребностей физического существования, которая становится явлением макросоциального и политического значения.

Механизмы динамики потребностей

Один из возможных подходов к анализу проблемы разработан в опубликованном еще в 60-х годах исследовании английского социолога У. Рансимена "Относительная лишенность и социальная справедливость"¹⁸. Исходный постулат этой работы состоит в том, что представления людей о своем экономическом и социальном положении и уровень их недовольства или удовлетворенности этим положением не соответствуют их реальной ситуации. Субъективная неудовлетворенность выражает, по терминологии автора, не абсолютную, но относительную лишенность (deprivation), т.е. результат **сравнения** собственного положения с образцовой, "нормальной", ситуацией. Обычно за образец принимается ситуация определенной референтной (термин, применяемый в социальной психологии) группы (или группы соотнесения). В качестве таковой может выступать своя собственная группа, и тогда нынешняя ситуация сравнивается с ранее принятыми ею нормами (жизненного уровня, потребления и т.д.). Такую группу соотнесения Рансимен называет "нормативной". Или же люди сравнивают свое положение с ситуацией другой, известной им, по его терминологии, "компаративной" группы.

Вопрос о том, почему возникает, усиливается или ослабевает относительная лишенность, Рансимен исследовал на большом историческом и социологическом материале о социальных представлениях английских рабочих и служащих в 1918–1962 гг. Из его данных следует, что чувство относительной лишенности было особенно интенсивным у рабочих в конце первой мировой войны, в последующий же период оно в основном уменьшалось. В объяснении этой динамики у Рансимена большую роль играет понятие социальных ожиданий. В период первой мировой войны у рабочих усилились социальные контакты с другими слоями, распространилась надежда на улучшение экономического и социального положения рабочего класса в послевоенный период. Под влиянием этих факторов повысился уровень социальных ожиданий, усилилась тенденция выбирать в качестве референтной компаративную группу – служащих, вообще представителей средних слоев. В результате сравнения своего собственного реального положения с положением этих слоев у рабочих обострилось чувство социальной лишенности.

Наступившая после войны экономическая депрессия, вызвавшая рост безработицы, падение жизненного уровня рабочего класса, привела к снижению социальных ожиданий рабочих. Референтной

¹⁸ Runciman W.C. Relative Deprivation and Social Justice A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-Century Britain. S. Fransisco, 1966.

теперь для них стала ситуация не "среднего класса", а тех групп своего собственного класса, которые чаще других теряли работу и испытали больше бедствий, порожденных кризисом. В результате чувство социальной лишенности ослабло. Рансимен объясняет это явление тем, что рабочие воспринимали ухудшение своего положения как непреодолимое: чем менее преодолимыми, замечает он, представляются материальные лишения, тем уже рамки сравнения, тем слабее чувство лишенности. В сущности Рансимен описывает здесь явление "оценки возможностей" (в данном случае низкой); напомним (см. главу I), что эта оценка является одним из важнейших психических компонентов восприятия общественной действительности.

После второй мировой войны чувство относительной лишенности в рабочей среде продолжало оставаться слабым, но теперь по другим причинам, чем в предшествующий период. В результате реформ, проведенных лейбористским правительством, в рабочем классе возникло убеждение, что произошло перераспределение богатства значительно более существенное, подчеркивает Рансимен, чем в действительности. Уровень социальных ожиданий вновь повысился и рабочим теперь представлялось, что они в основном реализуются. Этому впечатлению содействовало сравнение с обеими референтными групповыми ситуациями, которые находились в когнитивном горизонте рабочих. С одной стороны, их положение улучшилось по сравнению с их собственной (нормативной) группой в предшествующий период. С другой стороны, часть рабочих стала получать зарплату более высокую, чем многие служащие, представлявшие компаративную группу. И в то же время эта ситуация усилила чувство лишенности у служащих.

В начале 60-х годов реальный уровень жизни рабочих был ниже, чем у служащих. Тем не менее, по данным Рансимена, "ощущение относительной лишенности в экономической области, проявленное опрошенными рабочими физического труда и их женами, значительно ниже того, которое соответствовало бы действительному экономическому неравенству". Объясняя этот феномен, Рансимен констатирует узость, ограниченность компаративных референтных групп. Отвечая на вопрос, кто живет лучше них, почти все говорили о какой-то близлежащей, хорошо известной категории; очень немногие рабочие сравнивали себя со средним классом.

Уровень субъективной относительной лишенности, как это видно из данных исследования, является одним из важнейших факторов, определяющих политическое поведение рабочих. Те, у кого он выше, проявляют большую склонность к поддержке лейбористской партии, выступающей под лозунгами защиты экономических и социальных интересов рабочего класса, рабочие со слабым чувством лишенности предпочитают голосовать за консерваторов.

В исследовании Рансимена в той или иной мере отразились социально-психологические особенности английского общества, национального характера англичан. Тем не менее основные его выводы, несомненно, имеют общесоциологические и психологическое значение. Они прежде всего показывают, что неудовлетворенность потребностей

физического существования лишь в ограниченной мере может рассматриваться как абсолютная величина, измеряемая реальным уровнем потребления. Как психологическое состояние, способное порождать групповую мотивацию, экстраполируемую в социально-политическую психологию, эта неудовлетворенность относительна: она определяется соотношением реального жизненного уровня с эталонным – с тем, который представляется нормальным и достижимым. Формирование же эталона – частный случай конструирования социальных представлений и определяется, таким образом, когнитивными факторами. Данные Рансимена показывают, что среди этих факторов решающая роль принадлежит, во-первых, когнитивному горизонту социального субъекта, конкретности его представлений об уровне жизни социально близких ему, "соседних" групп. Во-вторых, весьма сильным когнитивным фактором является выражаемая в социальных ожиданиях оценка возможностей достижения более высокого жизненного уровня.

Сочетание двух названных факторов легко проследить на многочисленных исторических примерах. Вот один из них: русский крепостной крестьянин превосходно знал, как живет его помещик, но знание о социальной дистанции, отделявшей его от барина, исключало восприятие дворянства как "компаративной группы". А на это знание накладывалось и укрепляло его ощущение невозможности сократить эту дистанцию. Однако – и здесь мы выходим за пределы схемы относительной лишенности – описанная ситуация не означала, что у крестьян вообще полностью отсутствовала потребность в иных, более достойных жизненных условиях и что они совсем не сравнивали свое положение с барским. Скорее эта потребность подавлялась, существовала в скрытой форме, и в "обычной" ситуации не оказывала влияния на реальное социальное поведение. Но она прорывалась в моменты крестьянских бунтов, психологической основой которых было временное освобождение от "реалистических", "рациональных" социальных знаний, дававшее простор иррациональным формам социального поведения.

В результате освобождения крестьян, последовавшего затем имущественного расслоения в крестьянской среде, а также под влиянием революционной пропаганды одновременно сократилась социальная дистанция между сословиями и в крестьянской психологии повысилась оценка возможностей достичь принципиально иного материального и социального положения, возросли социальные ожидания. Несомненное влияние на этот процесс оказало и усложнение социальной структуры российского общества, изменившее состав и характер референтных компаративных групп, находившихся в "когнитивном поле" крестьян (например, сельская буржуазия). Все эти факторы оказали мощное влияние на участие крестьянства в политических событиях 1905–1917 гг.

Выведенные преимущественно социологическими методами положения теории относительной лишенности находят опору и в некоторых общепсихологических концепциях мотивации. Это относится прежде всего к исследованиям по динамике потребностей, связанным с именем одного из крупнейших психологов первой половины XX в. Курта

Левина (начинавшего свою деятельность в Германии и продолжившего ее в США). Левин сформулировал свою теорию задолго до Рансимена, совершенно иным научным языком и на ином эмпирическом (лабораторно-экспериментальном) материале. Тем интереснее очевидная близость их выводов.

Значение работ Левина и его школы для понимания мотивационных процессов состоит прежде всего в том, что в них дается систематизированное и формализованное описание механизмов воздействия внешних объектов – предметов потребностей – на их динамику. Его интересовали главным образом факторы, определяющие "силу", интенсивность конкретных, предметных потребностей. Одним из центральных в анализе этих факторов является введенное Левиным понятие "дистанция". Этим термином характеризуется в сущности когнитивное образование – представление субъекта о доступности ему предмета потребности. Полная недоступность означает, что психологическая дистанция до цели непреодолима, в этом случае актуальная потребность в данном предмете не возникает (или, добавим, подавляется, вытесняя ее в сферу мечты или в подсознание). Потребности устремляются лишь к объектам, воспринимаемым субъектом как относительно доступные, отделенные от него преодолимыми дистанциями. Эта устремленность сохраняется до тех пор, пока объект не присвоен субъектом; она образует специфическую психическую напряженность.

В концепции американского психолога Д. Мак Клеелланда некоторые идеи Левина получили дальнейшее развитие. Обосновывая свою теорию "мотивации достижения", Мак Клеелланд и его сотрудники доказали, что сила мотива максимальна, когда трудности достижения цели (дистанция, по терминологии Левина) обладают "средней" величиной. Чем меньше трудность по отношению к некоему среднему уровню, чем более достижимым представляется объект, тем слабее напряженность и тем, следовательно, меньше интенсивность потребности. Уровень достижимости предмета потребности, который Левин измерял "дистанцией", может быть также выражен понятием "барьер". Низкий барьер означает легкость, высокий – значительную трудность достижения объекта потребности.

Привлекательность предмета потребности для ее субъекта Левин назвал термином "валентность". Его концепция и теория "мотивации достижения" подводят к выводу, что наибольшей валентностью обладают объекты, отделенные от субъекта барьерами средней величины; валентность ослабевает как со снижением, так и с повышением барьера¹⁹.

Действие психологических механизмов, описанных Левиным, нетрудно проследить на материале динамики массовых потребностей физического существования и их экстраполяции на уровень социально-политической психологии. Снижение и рост социальных ожиданий, о

¹⁹ Levin K. Vorsatz, Wille und Bedürfnis. B., 1926; McClelland D.C. and oth. The achievement motive. N.Y., 1953; Arkes H.R., Garske J.P. Psychological Theories of Motivation. Monterey, 1977. Ch. 7, 8.

которых говорится в работе Рансимена, – это на социологическом и социально-психологическом языке – то же, что снижение и повышение барьеров на языке психологии Левина.

Из новейшей истории Западной Европы и Северной Америки известно, что кризисные экономические ситуации (в 20–30-х и 70–80-х годах) снижали уровень социальных требований массовых слоев, побуждали их психологически адаптироваться к ухудшавшейся ситуации. Эта адаптация – результат повышения барьеров, снижения оценки возможностей. Напротив, в условиях экономического подъема или осуществления реформ, направленных на перераспределение в пользу трудящихся национального дохода, – реального или ожидаемого роста их "доли пирога" — требования масс, активность в их отстаивании резко возрастали. На рубеже 60–70-х годов западные социологи писали даже о "революции растущих ожиданий"

На высоту барьеров влияли также механизм выбора групп соотнесения, причем этот выбор зависел как от уровня социальных ожиданий, так и от динамики групповой структуры общества: близости уровня и типа потребления различных групп, интенсивности межгрупповых социальных связей (межгруппового общения, горизонтальной и вертикальной социальной мобильности и т.п.). Так, в десятилетия после второй мировой войны формирование в западных обществах среднего класса – социально-психологической общности, отдельные компоненты которой различались по уровню дохода, профессиональному и социальному статусу, но сближались по типу культуры и образа жизни – способствовало выработке единого общественного стандарта потребительских ожиданий и возделений.

*Потребности
в условиях соци-
ального хаоса:
российская си-
туация конца
80–90-х годов*

Рассмотренные социально-психологические механизмы в своеобразной форме проявлялись и проявляются в советском и постсоветских обществах. Интересный материал и анализ, относящийся к динамике потребностей советских людей в годы перестройки, можно найти, например, в работе В.С. Магуна и А.З. Литвинцевой²⁰. Она основана на опросах молодежи – школьников старших классов и учащихся ПТУ, в основном семнадцатилетних юношей и девушек. Исследования проводились в 1985 г. в Киеве (только среди школьников) и в 1990–1991 гг. в Москве. Конечно, мнения еще не вступивших в самостоятельную жизнь молодых людей не вполне репрезентативны для общества в целом, зато они позволяют выявить тенденцию социально-психологических изменений, происшедших за 5–6 лет перестройки, так сказать, в "чистом виде", ведь у молодежи, именно в этот период вышедшей из детства, сила инерции старых представлений проявлялась, несомненно, меньше, чем у людей среднего и особенно пожилого возраста.

Исследование показало, что молодые люди, оканчивавшие школу в

²⁰ См.: Магун В.С., Литвинцева А.З. Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. М., 1993.

1990–1991 гг., обладали гораздо более высокими материальными притязаниями, чем их предшественники середины 80-х. Это относится как к величине денежного дохода, который они хотят или рассчитывают получать, так и к объему и качеству потребительских благ. Так, в 1985 г. размер достаточной, с точки зрения опрошенных, заработной платы был близок к средней реальной зарплате в СССР, в 1990–1991 гг. превышал ее в среднем в 10 раз! 4-х комнатная квартира на семью из 4-х человек заменила в планах молодых людей 3-х комнатную; доля опрошенных, рассчитывающих иметь большую капитальную дачу возросла с одной трети до трех четвертей; если в 1985 г. пятая часть не намеревалась приобретать машину, а большинство остальных мечтало о "Жигулях", то в 1990–1991 гг. автомобиль хотели иметь почти все, причем около 40% – иномарку. Напомним хорошо известный факт: весь этот рост притязаний произошел в условиях углубляющегося экономического кризиса, при отсутствии реального роста жизненного уровня.

Рост запросов, касающихся благосостояния, авторы исследования характеризуют как "революцию притязаний", совершающуюся... под влиянием радикальных культурно-идеологических преобразований, снятия информационных барьеров между нашей страной и развитыми капиталистическими странами... многих существовавших прежде "табу" Революционные изменения в сознании людей произошли очень быстро и поэтому опередили "революцию бытия"

В бывших советских республиках "революция растущих ожиданий" произошла в отличие от Запада 60–70-х годов не в результате возросшей доступности более высокого потребительского стандарта, а под влиянием совершенно иных факторов. Во-первых, в когнитивном поле массового сознания появились новые компаративные группы сопоставления, причем такие, в которые значительная часть молодежи рассчитывает в будущем вступить. Из числа опрошенных в ходе исследования 1990–1991 гг. выпускников школ 63% предпочли бы работать на совместном предприятии или в инофирме, 8 – в кооперативе или на частном предприятии и 22% хотели бы завести свое дело. В 80-х, отмечают в этой связи авторы работы, «в стране возникли "островки" новой экономики, и само по себе "местопребывание" на этих островках (т.е. работа в негосударственной экономике) может, согласно распространенным представлениям, повышать благосостояние человека»²¹.

Во-вторых, созданная перестройкой атмосфера свободы, распада жестких норм, регулировавших жизнь тоталитарного общества, привела к глубоким изменениям в индивидуальной психике, как бы размыла запечатленные в ней "границы возможного", ослабила укоренившиеся приспособительные тенденции. Этот процесс снижения барьеров распространялся в обществе неравномерно и шире всего, естественно, охватил младшее поколение.

В начале 90-х годов молодежь сохраняла более высокий по сравнению с другими возрастными группами уровень притязаний, не

²¹ Там же. С. 48–49.

соответствующий ее реальному материальному положению. Так, по данным за август 1993 г., средний размер дохода, оцениваемого как необходимый для "нормальной жизни" превышал у опрошенных в возрасте до 29 лет реальный доход в три, у остальных возрастных групп – в 2,4–2,5 раза. Значительно чаще, чем люди старшего и среднего возрастов, молодые предпочитали хороший заработок "без особых гарантий на будущее" и положение предпринимателя, ведущего на свой страх и риск собственное дело, "небольшому, но твердому заработку и уверенности в завтрашнем дне"²².

Высокий уровень притязаний в сфере благосостояния, соответствующий возросшей "силе" потребностей физического существования – это факт не социально-политической, но индивидуальной психологии. Однако социальные ожидания, связанные с появлением новой частнопредпринимательской экономики и освобождением от социалистических "правил игры" – создают предпосылки для ее экстраполяции в общественно-политическую сферу. Обществу явно или неявно предъявляется требование создать людям условия для свободного выбора предметов потребления (вместо "Москвича" и "Жигулей" "Вольво" и "БМВ"!) и способов заработка, снять ограничения с форм и уровня дохода. Поскольку этому требованию соответствуют принципы рыночной экономики, они встречают наиболее широкую поддержку в тех социально-демографических группах – особенно среди молодежи, – которые отличает наиболее высокий уровень материальных потребностей. Как показывают данные опросов, именно в позициях по проблеме оптимального типа экономического строя больше всего проявляется разрыв между поколениями. Так, в 1993 г. за экономическую систему, основанную преимущественно на рыночных отношениях, высказался 61% опрошенных в возрасте до 29 лет, 40,5 – в возрасте 30–34 года и лишь 20% – старше 54 лет.²³ В пользу же системы, основанной на государственном планировании, высказалось лишь около 20% респондентов младшей возрастной группы, 31,5% – средней и больше половины – старшей. Характерно, что политические деятели – "рыночники" (Ельцин, Гайдар, Чубайс) пользуются в младшем поколении наибольшей, а политики, отождествляемые со старой хозяйственной номенклатурой (Черномырдин), – наименьшей поддержкой²⁴.

В целом российская социально-экономическая и социально-психологическая ситуация начала 90-х годов отличается уникальностью, крайне затрудняющей ее сопоставление с развитыми странами Запада. Одна из ее наиболее своеобразных черт – крайняя *разнонаправленность*, хаотичность изменений в положении людей – в их материальном и социальном статусе, в социальной мобильности, – проявляющаяся часто в рамках одних и тех же человеческих общностей, объединяемых непосредственным общением. Наряду с обвальным снижением жизненного уровня и усилением пессимистических ожиданий, вызывае-

²² Экономические и социальные перемены. 1993. № 6. С. 46, 50.

²³ См.: Там же. № 4. С. 42, 46.

²⁴ См.: Там же. № 6. С. 43.

мых инфляцией, впечатляющий рост частных богатств и спроса на дорогие импортные товары. Врач или инженер, занявшийся бизнесом или просто перешедший служить в коммерческую структуру, становится богачом по сравнению со своими вчерашними коллегами. Юнец, не закончивший школы, торгуя газетами или сигаретами, имеет доходы, о которых не может и мечтать его отец – высококвалифицированный специалист с ученой степенью. В этих условиях теряются сколько-нибудь ясное и определенное ощущение жизненных перспектив и возможностей, критерии оценки собственного положения. Выбор референтных групп и ситуаций приобретает более индивидуальный и случайный, чем социально-групповой характер, совершается под влиянием индивидуальных психологических особенностей и контактов человека. Часть россиян склонна сравнивать свое положение не с какой-то реальной ситуацией, но с ожидавшейся ранее (в 1991 особенно начале 1992 г.) катастрофой, что стимулирует примирение с действительностью, питаемое также надеждой на успех реформ или личные усилия. Другие, сопоставляя свой нынешний неустойчивый жизненный уровень с недавней стабильной обеспеченностью, а также с богатством других людей, напротив, "сгущают краски". Как уже отмечалось, реальное материальное положение оказывает при этом лишь ограниченное влияние на характер его оценки.

В одном из опросов 1993 г. почти половина людей с низким и 71% с высоким уровнем дохода умеренно позитивно оценила свое материальное положение, выбрав ответы: "все не так плохо и можно жить" и "жить трудно, но можно терпеть". Заметно меньше (42,6%) получающих низкий доход и почти четверть – высокий присоединились к резко негативной оценке: "терпеть наше бедственное положение уже невозможно". Этот калейдоскоп восприятий и представлений свидетельствует об отсутствии какой-либо абсолютно господствующей социально-психологической тенденции не только в обществе в целом, но и в рамках различающихся по доходам групп населения, в том числе бедных. Видимо, эта ситуация в той или иной мере объясняет, почему до конца 1993 г. в России так и не произошел массовый социальный взрыв, неоднократно предрекавшийся прессой и политиками определенного направления. Но она же объясняет и неожиданно большое количество голосов, полученное на выборах декабря 1993 г. силами "непримиримой оппозиции": коммунистами и особенно либерально-демократической партией В. Жириновского. Отсутствие у этой партии сколько-нибудь развернутой и обоснованной экономической программы компенсировалось агрессивностью "тотального" осуждения всего, что делают или предлагают правительство и демократы. Голосование за нее поэтому позволяло избирателям "выплеснуть" свои эмоции, вызванные нетерпимой ситуацией, избавляя себя в то же время от бремени практически невозможного для них выбора альтернативной экономической стратегии.

Чрезвычайно высокий уровень когнитивной неопределенности в условиях глубокого общественного кризиса – таков, очевидно, главный психологический источник хаотичной динамики потребностей в России конца 80 – начала 90-х годов.

3. Потребности социального существования и личность

По справедливому замечанию А.Н. Леонтьева, сфера человеческих потребностей обладает внутренним единством и их разделение на необходимые для поддержания жизни и духовные потребности относительно²⁵. Проблема системной взаимосвязи между потребностями различных типов – одна из центральных и наиболее сложных в психологии мотивации. В предыдущих разделах мы неоднократно касались связи между когнитивными и иными потребностями человека. Теперь нам предстоит уяснить, какое место в мотивационной системе занимают те из них, которые по принятой нами терминологии являются потребностями социального существования людей (см. с. 68). А также рассмотреть, какую они играют роль и как функционируют в сфере социально-политической психологии.

Одна из наиболее популярных в психологии и психологии концепций взаимосвязи потребностей принадлежит видному представителю американской так называемой гуманистической психологии А. Маслоу.

Этот автор располагает все потребности человека на пяти иерархических уровнях. Низший уровень – это физиологические потребности, далее следует потребность в безопасности; на более высоких уровнях находятся потребности в принадлежности к человеческой общности и в любви, в уважении, а высший уровень представлен потребностью в самоактуализации (или самоосуществлении, т.е. полном раскрытии заложенных в человеке потенций и способностей). Главное в концепции Маслоу – это, однако, не "список" потребностей (выше уже отмечалось, что подобным спискам несть числа, многие из них – намного более детальны и полны, чем цитируемый), а его представление об их происхождении и взаимоотношениях. Потребности всех уровней, по Маслоу, "инстинктоидны", т.е. генетически заложены в психике человека в виде потенций. Потребности более высоких уровней актуализируются и начинают влиять на поведение лишь по мере удовлетворения (полного или частичного) низших²⁶. Собственно, это представление о совпадающем с эволюцией человека движении потребностей от основания (физиологические нужды) к вершине (самоактуализация), об их, по принятой в психологической литературе терминологии, "пирамидальной" структуре является главным в концепции Маслоу.

Эта концепция привлекает своей простотой, ясностью и еще более тем, что она соответствует обыденной жизненной "мудрости" и многим хорошо известным фактам человеческой жизни. В общем нетрудно поверить в простую истину: лишь набив желудок и обезопасив себя от угроз собственной жизни, человек начинает стремиться к более высоким материям. "Сначала хлеб, а нравственность потом", – как поют герои "Оперы нищих" Б. Брехта.

²⁵ См.: Леонтьев А.Н. Указ. соч. С. 9–10.

²⁶ Maslow A.H. Motivation and Personality. N.Y., 1954.

Американский политический психолог Дж. Дэвис справедливо отмечает, что, будучи примененной к психологии политики, концепция Маслоу позволяет преодолеть ограниченность когнитивистского подхода и, говоря шире, вообще теорий, исходящих из детерминации взглядов людей внешней средой, социально-культурными нормами. "Этот подход игнорирует роль, которую играют внутренние силы человеческих существ – генетические силы, – производящие отбор... приемлемых и отвергаемых ценностей..." Речь идет о "политически значимых и врожденных силах", "метафизических и не нацеленных на выживание (meta-survival) потребностях, которые побуждают людей стремиться к равенству, достоинству и власти... после того, как обеспечено удовлетворение их физических потребностей"²⁷.

В этих постулатах отчетливо проступают уязвимые места концепции Маслоу и ее политологических ответвлений. Во-первых, вряд ли можно найти убедительные доказательства врожденности потребностей в равенстве или достоинстве. Во-вторых, критики теории Маслоу с полным основанием отмечают, что имеется множество фактов, которые противоречат пирамидальной схеме. "Принцип иерархичности (потребностей. – Г.Д.), – замечает например, А.И. Юрьев, – не позволяет объяснить поведение Яна Гуса... Джордано Бруно... и многих других..."²⁸

Маслоу и сам отмечал ряд выявленных им эмпирических отступлений от "пирамидального" развития потребностей²⁹, однако, похоже, расценивал их лишь как исключение, подтверждающее правило. Несколько наивный схематизм его концепции во многом объясняется узостью эмпирического материала – объектом его исследования были люди из американской университетской среды – материально обеспеченные интеллектуалы из среднего класса, профессионально связанные с познавательной и творческой деятельностью. Между тем при включении в сферу исследования более широкого круга социально-исторических и личностных ситуаций было бы нетрудно убедиться, что в "пирамидальную" схему не вписываются не только герои-мученики вроде Бруно, но и обычные люди. Даже не склонный к особому героизму люмпенизированный римский плебс требовал не только хлеба, но и зрелищ. А как объяснить в рамках этой схемы интенсивность нравственных проблем и идеалов в психологии наиболее обездоленных слоев античного общества, из которых рекрутировало своих адептов раннее христианство? Или феномены крестовых походов, Реформации, раскола, вообще любых массовых религиозных движений? Сколь угодно сходных примеров можно найти и в современном мире. А применительно к психологии личности логика данной концепции подводит к абсурдному выводу, будто у людей, остро нуждающихся в хлебе насущном, нет потребностей в любви или самоутверждении.

²⁷ Davies J.Ch. Maslow and Theory of Political Development. Getting to Fundamentals // Political Psychology. 1991. Vol. 12. N 3. P. 416, 417.

²⁸ Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992. С. 88.

²⁹ Maslow A.H. Op. cit. P. 98–101.

И все же описанный Маслоу механизм пробуждения "высших" потребностей по мере удовлетворения витальных или вообще потребностей физического существования вполне реален. Кстати, он адекватен и изложенным выше представлениям о динамике потребностей: удовлетворенность "низших" потребностей снижает их психологическую интенсивность (происходит снижение барьеров, отделяющих их предметы от субъекта) и тем самым открывает простор актуализации потребностей других типов. "Пирамидальная" схема не в состоянии объяснить всю совокупность мотивационных процессов, но кое-что в них она все-таки объясняет. Поэтому "рациональное зерно" данной концепции, правда, вместе с ее слабостями, вошло в теоретический арсенал современной политической психологии.

На Западе широкую известность приобрели работы Р. Инглхарта, который на основании концепции Маслоу пытался объяснить сдвиги в политических приоритетах населения стран Запада, наметившиеся в 60–70-х годах. В этот период в западном обществе усилился интерес к проблемам свободного самовыражения личности, протест против ограничивавших эту свободу устоявшихся норм частной и общественной жизни. Широкий отклик в обществе находила критика традиционных политических целей: экономического роста, укрепления военной мощи, ценностей "общества потребления". Гонимые за прибыльность и за потребление противопоставлялись экологические и гуманистические приоритеты: гармония человека и природы, свободные от принуждения и лицемерия искренние отношения между людьми. Не удовлетворявшие своей безличностью и формализмом крупномасштабные общественно-политические институты – парламент, партии, профсоюзы – предлагалось заменить или дополнить самоуправляющимися ассоциациями, основанными на непосредственном межличностном общении; труд ради заработка – трудом, развивающим творческий потенциал личности. Эти настроения выразились в новых формах образа жизни, культуры и общественного поведения молодежи – от хиппизма до "студенческой революции", в кризисе традиционной трудовой этики и "сексуальной революции", в подъеме экологических и других нетрадиционных, "неформальных" массовых движений³⁰.

Всю эту совокупность социально-психологических изменений Инглхарт свел к конфликту двух противоположных систем ценностей, одну из них он назвал "накопительской", или "материалистской", а другую – "постматериалистской", к которой он отнес такие приоритеты, как "создание более дружелюбного и менее безличного общества", где "идеи важнее денег", поощряется "участие рядовых граждан в принятии политических решений" и т.п. Основываясь на данных опросов, проведенных в ряде стран, он пришел к выводу, что носителями постматериалистских ценностей являются главным образом люди (особенно молодые) из зажиточных средних слоев. Соответственно главной психологической причиной той новой системы потребностей,

³⁰ Подробнее см.: Дилигенский Г.Г. В поисках смысла и цели. М., 1986.

которую выражает "постматериализм", оказалась – вполне в духе теории Маслоу – удовлетворенность материальных потребностей³¹.

Критики концепции Инглхарта отмечают, что его выводы не соответствуют полученным данным. Системы ценностей, выделенные им в качестве альтернативных, в действительности разделяет лишь часть опрошенных; около или больше половины, как признает сам Инглхарт, не могут быть отнесены ни к "материалистам", ни к "постматериалистам" И это вполне понятно, так как "материалистские" и "постматериалистские" приоритеты на самом деле по большей части вовсе не альтернативны: можно, например, одновременно выступать за рост экономики и за более дружелюбное и менее безличное общество. Последующие эмпирические исследования не подтвердили и гипотезу о тесной связи постматериальных ценностей с определенными социальными группами – зажиточным средним классом: они, хотя и в разной форме, получили распространение в самых различных слоях, в том числе и в озабоченной своим материальным положением части рабочего класса. Наиболее же богатые буржуазные слои как раз враждебны этим ценностям³².

Система факторов, обусловивших "революцию ценностей" в западном обществе, как мы еще будем иметь возможность убедиться, гораздо более сложна и многомерна, чем это изображено в механицистской схеме Инглхарта. Так же как достаточно сложны и противоречивы, несводимы к появлению новой "культуры протеста" последствия этой "революции". Тем не менее в концепции Инглхарта, как и в общепсихологической теории Маслоу, получил отражение один из действительно функционирующих механизмов динамики потребностей. Это подтверждается в частности тем, что кризисные явления в западной экономике, начавшие проявляться с середины 70-х годов, и вновь обострившие проблемы жизненного уровня массовых слоев населения, в известной мере (хотя и далеко не полностью!) затормозили рост новых нематериальных потребностей. Слабость концепций пирамидальной структуры потребностей заключается в том, что они гипертрофировали выявленный ими реальный психологический механизм, приписали ему универсальное значение, которого в действительности он не имеет.

В некоторых работах теория Маслоу используется еще шире, получает статус универсальной модели всемирной истории. Так, американский политолог Дж.У. Дэвис, пытаясь соединить формационную теорию Маркса с психологией Фрейда и Маслоу, строит "новую теорию политического развития" человечества. Это развитие, по его мысли, проходит пять (как у Маркса и Маслоу!) стадий, на каждой из которой "институционально-социальная система" (что-то вроде марксистского

³¹ Inglehart R. The silent revolution. Changing values and political styles among Western publics. Princeton, 1977; *Idem*. Value priorities and socioeconomic change // Barnes S.H., Kaase M.K. Political action: Mass participation in five Western democracies. Beverly Hills. L., 1979. P. 305–342.

³² См.: Дилигенский Г.Г. Указ. соч. С. 127, 230.

"базиса") обуславливает актуализацию того или иного уровня потребностей – от простого выживания до самоактуализации. Разные стадии могут совпадать по времени, сосуществовать в одном и том же обществе. Первая стадия – примитивная анархия – совпадает с первобытным обществом и феодализмом, вторую – аномичную анархию – характеризует "борьба всех против всех", агрессивный индивидуализм; видимо, речь идет о раннем капитализме. Третья стадия – олигархия, к ней Дэвис относит европейский абсолютизм и бонапартизм, тоталитарные общества и современный "третий мир". Все первые три стадии соответствуют низшим уровням потребностей. Потребности более высокого порядка – в самоуважении, достоинстве, равенстве – актуализируются на четвертой стадии – демократической. И наконец, пятая стадия – цивилизованная анархия – существует пока лишь в эмбриональном виде; ей соответствует потребность в самоактуализации, она открывает каждому человеку возможность реализовать свой потенциал (в этой стадии легко распознать своего рода "альтернативного близнеца" Марковского коммунизма)³³.

Хорошо известно, что любые универсальные схемы исторического развития весьма уязвимы для критики, и схема Дэвиса не составляет в этом смысле исключения. Нетрудно показать, что "высшие" потребности, как уже отмечалось, проявляются на сконструированных им низших стадиях, а проблема удовлетворения "низших" потребностей отнюдь не теряет своего значения в условиях демократических режимов. Достаточно натянутым выглядит и отнесение к одной и той же стадии таких разных обществ, как, например, наполеоновская Франция и сталинский социализм. В концепции Дэвиса вызывает, однако, интерес не эта стадияльная схема, а попытка как-то соотнести историческую динамику человеческих потребностей с социально-экономической и политической историей. Освобожденная от Прокрустова ложа "пирамидальной" теории Маслоу, она могла бы привести к значимым результатам.

Иначе, чем Инглхарт и Дэвис, подходит к проблеме роли потребностей в общественно-политической жизни видный представитель "гуманистической психологии" С. Реншон. Его интересует главным образом связь потребностей личности с ее психологической вовлеченностью в политический процесс. Анализ проблемы подводит Реншона к выделению потребности человека в личном контроле над окружающей социальной средой, над происходящими событиями. Эмпирические исследования позволили ему выявить корреляцию между низким уровнем личного контроля и отчужденностью от политики, а также склонностью к экстремизму и насилию. Напротив, высокий уровень личного контроля совпадает с вовлеченностью в политическую жизнь, которую Реншон измеряет степенью доверия к правительству США; доверие в данном случае рассматривается не как слепая вера, а как освоение человеком политической деятельности, психологическое включение в

³³ Davies J.Ch. Roots of Political Behavior // Political Psychology / Ed. M.G. Hermann. P. 39–51.

нее, которые позволяют воспринимать ее как сферу собственного контроля.

Методология Реншона оставляет неясным, в какой мере недоверие к власти и связанная с ним, по данным автора, фрустрация обусловлены личной психологией, и в какой – объективными особенностями представительной демократии, при которой реальное влияние рядового гражданина на политические решения довольно ограничено. Тем более, что лишь незначительная доля опрошенных Реншоном проявила высокую степень доверия правительству³⁴. Легко представить себе человека, обладающего высоким уровнем контроля, поскольку речь идет о его частной и профессиональной жизни, но отчужденного от жизни политической. Тем не менее, как мы уже видели в первой главе книги, связь между "уровнем Я", оценкой возможностей влияния на общественно-политическую жизнь и интересом к ней, психологической вовлеченностью в нее, словом между ощущениями людей собственной "силы" в отношениях со средой (личным контролем) и их социально-политической психологией реальны. В современной России мы видим то же совпадение личной психологической неустроенности (фрустрации) с политическим отчуждением, агрессивностью, экстремистскими настроениями, которые Реншон констатировал у американцев. Поэтому при всех оговорках стоит с вниманием отнестись к его наблюдениям.

В целом опыт "гуманистической психологии" ценен для психологии социально-политической не столько ее концептуальными схемами, сколько избранным ею углом зрения, направлением научного поиска. Этот опыт подводит к той мысли, что потребности, не сводимые прямо или косвенно к нуждам физического существования людей, экстраполируются в социально-политическую сферу, "входят" в нее иными путями, чем такие нужды. Потребности физического существования независимо от факторов, формирующих их объем и форму (непосредственно ощущаемая нужда или соотнесение с референтной ситуацией) суть конкретные потребности в вещах, материальных условиях или воплощающем их денежном доходе; будучи неудовлетворяемыми, они превращаются в требования, предъявляемые обществу более или менее массовыми социальными группами. Потребности социального существования ("высшие", по терминологии Маслоу) имеют иное происхождение и объекты. В основе потребностей в самоутверждении и контроле, в равенстве и достоинстве и т.п. – не дефицит определенных благ, но неудовлетворенность человека самим собой и своей деятельностью, своим положением в системе социальных связей и отношений. Источник таких потребностей, следовательно, надо искать в *психологии человеческой личности*, а условия, их порождающие, – в отношении человека к самому себе и в его отношениях с другими людьми, с обществом.

Один из главных просчетов представителей "гуманистической

³⁴ Критический анализ концепции Реншона и других теорий "гуманистической психологии" см.: *Шестопал Е.Б. Личность и политика*. М., 1988. С. 141–150.

психологии" состоит в том, что они пытались объяснить явления социально-политической психологии однозначно – механически соответствующей именно данному явлению конкретной потребностью людей. Но личность представляет собой некую системную целостность, и ее потребности, в том числе "высшие", могут быть поняты лишь как органический компонент этой системы. Не та или иная взятая отдельно потребность социального существования, но определенные типологические системы личностной мотивации, в которых в том или ином виде представлены такие потребности, экстраполируются в сферу социально-политической психологии, формируют те требования, которые личность предъявляет обществу. Так, приверженность демократии восходит не к одной лишь потребности в равенстве, но к определенному типу личности, оптимальному функционированию которой соответствуют именно демократические общественно-политические порядки. В потребностях же физического существования проявляется не внутренняя структура личности, но обусловленный исторически и социально набор "внешних" благ, необходимых людям для жизни. Анализ потребностей социального существования и их "включения" в социально-политическую психологию должен, таким образом, строиться на "материале" психологии личности.

*О социальной
природе чело-
века*

Придя к выводу, что субъектом потребностей социального существования является человеческая личность, мы входим в одну из наиболее сложных областей психологической науки. Проблема природы личности, сущности и определения этого феномена вызвала к жизни множество различных теорий и подходов, ей посвящена колоссальная, практически необозримая литература, она является сегодня междисциплинарной проблемой, интересующей все науки о человеке. Мы затронем здесь лишь те ее аспекты, которые имеют наиболее близкое отношение к нашей теме.

В ряде рассмотренных выше психологических теорий, в частности тех, которые выдвинуты "гуманистической психологией", проблема личности никак не выделяется, а само это понятие неявно, возможно, даже неосознанно, отождествляется с понятием "индивид". Такой подход коренится в традиции экспериментальной психологии, полем исследования которой первоначально был индивидуальный отдельно взятый человек. Для того чтобы изучать, скажем, зрительные или слуховые восприятия человека, находящегося наедине с воспринимаемым объектом, этот подход в общем был достаточен. Впоследствии индивидуальный угол зрения был перенесен на гораздо более сложные когнитивные и мотивационные процессы. Например, в концепциях Маслоу или Инглхардта речь идет о потребностях, проявляющихся в сфере межлических или общественных отношений, но субъектом этих потребностей фактически выступает арифметическая сумма тех же индивидов (или, если угодно, индивид, помноженный на число психологически подобных ему субъектов). Для представителей "индивидуалистической" психологии индивидуальное бытие человека –

данное, исходная точка отсчета, а его социальное бытие, как отмечает известный современный психолог Р. Харпе, есть нечто "искусственно сконструированное"³⁵.

Понятие "личность" как особая, не совпадающая с изолированно изучаемым индивидом научная категория появляется в психологии лишь с того момента, когда *человеческая психика становится для нее продуктом социальной реальности, отношений между людьми*. Именно эти отношения порождают феномен личности, присущий человеку и отсутствующий в животном мире. К такому ее пониманию подводит уже этимология самого слова "личность". Во многих языках оно происходит от понятия "маска", т.е. образа, который принимает действующий человек (актер), представая перед другими людьми.

Представление о человеке как социальном существе пришло в психологию из философии и социологии. Как известно, Маркс считал сущностью человека "совокупность всех общественных отношений". На этом постулате построено и определение личности, которое в тех или иных вариациях дается в советских учебниках по общей и социальной психологии – она представляет собой "социальное качество человека"³⁶.

"Социологическое" происхождение категории "личность" не означает, что психология просто воспроизводит ее понимание, принятое в этой научной дисциплине. Социология, по определению В.А. Ядова, "исследует личность со стороны ее деиндивидуализированных, деперсонифицированных свойств в качестве определенного социального типа, основные черты которого есть продукт принадлежности к определенному месту в социальной структуре и детерминированы этим положением"³⁷. Психология же изучает не социальные типы, но социально значимые и социально обусловленные свойства индивидуальной психики, субъективные проявления социальной природы человека, психические механизмы реализации этой природы.

Для такого классика социологии, как М. Вебер единицей социального действия является отдельно взятый индивид, или личность, но само это действие интересует социолога лишь постольку, поскольку оно является рациональным ("целерациональным", "правильно рациональным", по веберовской терминологии) и не нуждается для своего объяснения в каких-либо психологических соображениях. При этом целерациональное действие – это, по Веберу, не столько реальное и всеобщее (в реальной действительности оно встречается относительно редко), сколько "*идеально-типическое*" действие³⁸, т.е. фактически абстракция, построенная на основе отвлечения от многообразия конкретных индивидуальных действий. К идеальному типу сводится таким образом и субъект этих действий – личность.

В структурно-функциональной теории другого классика социоло-

³⁵ Harpe R. Personal Being. A Theory for individual psychology. Oxford, 1983. P. 8.

³⁶ Социальная психология / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л., 1979. С. 76.

³⁷ Там же. С. 78.

³⁸ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951. S. 408–411.

гии – Т. Парсонса личность выступает как одна из подсистем системы действия, а ее мотивы и цели – как "вклад" в функционирование социальной или культурной системы. Иначе говоря, функционирование личности задано потребностями системы, "единичной частью", которой она является, а ее социальность сводится к обслуживанию этих общих для всей системы потребностей. Личность познается, следовательно, через познание определяющей ее системы – общества, культуры, а не через понимание происходящих в ней внутренних психических процессов (хотя Парсонс признавал значение психологии, в особенности фрейдистской, для понимания феномена личности).

Социологический подход позволяет главным образом понять те требования, которые общество предъявляет личности, а также механизмы (нормы, цели, социальные роли, социализация, о чем см. ниже), посредством которых оно внедряет эти требования в ее внутреннюю структуру. Но он оставляет без ясного ответа вопросы, почему личность выполняет или не выполняет подобные требования и, главное, *какие требования она в свою очередь предъявляет обществу*, воздействуя тем самым на его функционирование и развитие. Дать ответ на подобные вопросы – задача междисциплинарных исследований, включающих данные и понятийный аппарат общей, социальной и социально-политической психологии.

Как же подходят к проблеме социальной природы человека, личности психологические науки? На этот вопрос невозможно ответить однозначно, так как он по-разному решается разными теориями и школами. Для создателя культурно-исторической психологической концепции Л.С. Выготского социальность человеческого бытия, т.е. отношения между людьми, общение, культура являются тем фундаментом, на котором возникает и развивается специфически человеческая психика. Орудие общения – знаки и прежде всего речь, как и орудия трудовой деятельности воздействуют на всю психическую структуру. Их применение ведет к развитию необходимых для общения и труда внутриспсихических операций и тем самым к их усвоению, интериоризации психикой. Так возникают специфически человеческие психические феномены – мышление, сознание. Постоянно обогащающийся в ходе человеческой истории арсенал знаков запечатлевается в человеческой культуре и усваивается в процессе онтогенеза каждым человеком.

Концепция Выготского носит общетеоретический характер, она заложила методологические основы изучения связи между социальным бытием человека и его психикой. Именно этим объясняется ее широко признанный авторитет как в отечественной, так и в мировой науке. Применение же этой концепции к конкретным сферам человеческой психики – задача, которая была лишь намечена в трудах ее создателя. Не дожив до 40 лет, Выготский намеревался, но не успел исследовать со своих теоретических позиций проблему мотивации, которой он придавал первостепенное значение³⁹.

³⁹ См.: Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 379.

К взглядам Л.С. Выготского близко примыкают идеи диалогичности сознания, развитые в литературоведческих и культурологических трудах М.М. Бахтина. По Бахтину, интериоризированное психикой общение, диалог с другим человеком есть суть сознания, его бытие; любой элемент сознания "интериндивидуален и интересубъективен, сфера его бытия не индивидуальное сознание, а диалогическое общение между сознаниями"⁴⁰.

Если в концепциях Выготского и Бахтина исследуется социальная обусловленность глубинных структур человеческой психики (вернее, ее специфически человеческих свойств), то в социально-психологических теориях главное внимание уделяется социальной природе повседневной жизнедеятельности человека, его поведения. Так, создатель весьма влиятельной в современной социальной психологии концепции символического интеракционизма Дж. Мид считал, что формирование личности происходит в процессе взаимодействия между людьми, в котором центральное место занимает интерпретация ими социальной ситуации. Эту ситуацию собственно и образует взаимодействие; чтобы интерпретировать ее, индивид должен придать ей определенное значение для себя, для своего действия. Это значение Мид называл символом. В формировании значений, полагал Мид, проявляется способность индивида относиться к самому себе как к объекту: если он оценивает, что значит данная ситуация именно для него самого, исходя из этого ставит перед собой цели и т.д., то он смотрит на себя как бы со стороны. А такой "взгляд со стороны" достигается тем, что индивид принимает, усваивает позицию, по терминологии Мида, роль других людей – либо конкретных лиц, либо группы ("обобщенного другого"). Формирование значений на основе интерпретации социальных ситуаций и принятия социальных ролей в процессе взаимодействия людей образует, с точки зрения символического интеракционизма, сущность, свойство личности Я.

Концепцию социальных ролей как структурного компонента личности можно считать одним из наиболее существенных вкладов символического интеракционизма в развитие социально-психологической теории. Ниже мы увидим, что роли и такие связанные с ними понятия, как ролевые нормы и ролевые ожидания могут быть использованы при анализе детерминации мотивов и других психических явлений, представляющих непосредственный интерес для социально-политической психологии.

В целом концепция Дж. Мида представляет собой попытку экстраполировать социологический подход в сферу психологического анализа. Действительно, если собственная психологическая жизнь личности представляет собой цепь интерпретаций социальных ситуаций и принятия ролей, выполняемых другими людьми или группой, если ее поведение регулируется нормами, продиктованными этими ролями, то

⁴⁰ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 147. Анализ этих идей Бахтина см.: Радзиховский Л.А. Проблема диалогизма сознания в трудах М.М. Бахтина // *Вопр. психологии*. 1985. № 6. С. 103–116.

она есть не что иное, как сгусток социальных влияний и отношений. Сторонники символического интеракционизма считают, однако, что их подход отличается от социологического: социологи рассматривают человеческое действие как продукт внешних социальных факторов, а психологи-интеракционисты исходят из того, что люди обладают личностным Я: они сами формируют значения, осуществляют интерпретацию и соответственно конструируют свои действия⁴¹. Тем самым фактически признается, что личность не только социальна, но и индивидуальна, что ее индивидуальность придает ей определенную автономию по отношению к социуму.

От социальности к индивидуальности

Проблема соотношения индивидуального и социального в личности неизбежно возникает при ее анализе в рамках психологической науки. Ведь психология имеет дело с конкретными индивидуальными людьми и должна, следовательно, объяснить, как, будучи социально обусловленной, личность сохраняет индивидуальность и в чем именно эта индивидуальность состоит.

Самый простой ответ на данный вопрос, который можно встретить в психологической литературе, основан на сведении индивидуального в человеке к биологическому. Индивидуальное обусловлено врожденными, запрограммированными в генетическом коде человека способностями и задатками, которые затем в процессе его социализации реализуются или остаются невостребованными в зависимости от конкретных условий социального бытия индивида. Подобное представление отражает вполне реальный процесс, однако самое простое далеко не всегда самое истинное. Человек, несомненно, биосоциальное существо, но сводить социальную сторону психики лишь к "обработке" биогенетического материала значило бы явно недооценивать ее определяющую роль в психической жизни человека. Вспомним идеи Выгодского: в филогенезе социум формирует структуру человеческой психики, в онтогенезе он является необходимым условием воспроизводства этой структуры в отдельном индивиде.

Истории реальных Маугли — детей, лишенных человеческого общества, показывают, что после определенного возраста они уже не могли превратиться в людей, овладеть речью, мышлением. Дикий зверь, родившийся в неволе и затем отпущенный на свободу, быстро становится полноценным представителем своего вида; человек, с рождения изолированный от других людей, превращается в зверя. Таким образом социальное окружение не только развивает те или иные природные задатки, оно делает человека человеком.

Фрейд строил свою концепцию мотивации человека на идее конфликта биологического и социального: биологические импульсы, идущие из подсознания ("Оно") сталкиваются с известными индивидуальными нормативными требованиями общества, "социальной цензурой" ("сверх-Я"), зона этой встречи, в которой происходит осознание и ограничение

⁴¹ См.: Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984. С. 176.

природных импульсов – это и есть человеческое Я. Как уже отмечалось, биологизация человеческих потребностей – один из наиболее уязвимых пунктов фрейдизма: высшие потребности имеют не биологическую, но социальную природу.

Соотношение биологической и социальной природы человека – важная и сложная научная проблема, но она не может быть отождествлена с проблемой соотношения индивидуального и социального: они лежат в разных плоскостях.

Индивидуальность как свойство человека, личности отмечали даже наиболее ревностные теоретики его социальной природы. У раннего Маркса мы встречаем определение человека как "*индивидуального общественного существа*"⁴². Не отрицают ее, как мы видели, и психологи-интеракционисты, однако в их трудах вначале отсутствовала ясная постановка проблемы индивидуального Я и фактически его роль сводилась к самостоятельному приспособлению индивида и взаимодействию с другими. При этом оставалось непонятным, сохраняется ли что-то индивидуальное в результате такого приспособления и, если да, что именно.

В дальнейшем проблема социальности личности начала осознаваться в более четкой связи с проблемой ее индивидуальности, и эта связь стала объектом специального анализа. Одна из наиболее интересных попыток в этом направлении принадлежит современному американскому психологу Р. Харпе. Опираясь на труды Выготского и Мида, этот автор выходит далеко за рамки концептуальной схемы символического интернационализма. Для Харпе очевидна социальная природа личности, он определяет ее как "социально детерминированное, социально воспринимаемое телесное существо, одаренное всеми видами сил и способностей для общественного осмысленного действия". Уже в этом определении, в котором телесность личности, ее природные задатки соседствуют с ее социальными качествами, преодолевается односторонне "социологизаторский" подход к личностной психике. Харпе однако не удовлетворяется этим. Он подчеркивает, что личность возникает в результате трансформации "социальных ресурсов" в индивидуальное достояние; существуют общества, в которых такая трансформация не осуществляется и где поэтому люди не обладают личностным бытием⁴³. Очевидно, здесь имеются в виду примитивные общественные условия, в которых индивидуальная психика просто копирует социальные культурные нормы, не подвергая их собственной переработке. Отметим, что это представление об историческом характере феномена личности близко взглядам советских ученых (в частности И.С. Кона⁴⁴).

Для выявления соединения социального и индивидуального в человеке Харпе вводит понятие Я, обозначая его словом *self*, которое в английском языке имеет, в отличие от местоимений первого лица I,

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 590.

⁴³ Харпе Р. *Op. cit.* Р. 23, 26.

⁴⁴ См.: Кон И.С. Социология личности. М., 1967.

оттенок "я сам", "собственная личность". Self Харпе рассматривает как производное от понятия "личность" и определяет его как личное единство, которое "я" приписываю себе, мое особенное внутреннее бытие. В его работе анализируются различные проявления и аспекты Я. К ним относятся личное чувство идентичности, посредством которого личность осознает себя как особое существо с собственной историей, т.е. вырабатывает самосознание; способность к автономному выбору между равно привлекательными альтернативами, к личному "вызову" социальным нормам; индивидуально-своеобразные пути мышления и действия. Я обладает, по Харпе, собственными внутренними силами, которые представляют собой неосознанные, неформулируемые устремления или потребности (Харпе называет их намерениями), опирающиеся на природные способности. Я присуще также умение выражать, демонстрировать себя во вне. Главное же в Я, по мысли Харпе, состоит в том, что оно осуществляет "трансцендентальное единство" (понятие, заимствованное у Канта) сознания и действия, является и сознает себя одновременно "точкой зрения" и "точкой действия". Трансцендентальным оно является потому, что не дано в опыте: единство сознания и действия становится возможным благодаря тому, что Я упорядочивает опыт таким образом, чтобы реализоваться как субъект действия.

Харпе неоднократно подчеркивает, что именно через Я личность утверждает свою "особость", выделяется из социума: хотя мысли людей суть продукт социального процесса, многие из них "делают напряженные усилия, чтобы в конечном счете отличаться в каких-то отношениях от тех, кого они находят вокруг себя"⁴⁵. Последнее утверждение подводит к весьма характерному для методологии Харпе выводу: индивидуальность, стремление личности к ее утверждению не противостоит ее социальности, но является как бы продолжением и функцией последней: именно "социальный продукт" — мысль вырабатывает у человека чувство своей индивидуальности.

В весьма тщательно разработанной концепции Харпе можно обнаружить противоречия и проблемы. Во многом они объясняются тем, что он склонен видеть в личности артефакт, т.е. феномен, возникший в результате познавательного, мыслительного процесса. Личность, Я — продукты идеи, "теории", которую человек вырабатывает относительно самого себя, независимо от собственного опыта. Эту субъективистскую интерпретацию трудно совместить с утверждением о внутренних силах Я, о неосознанном характере таких сил. Остается неясным, каким образом способности преобразуются в неосознанные намерения и как эти последние взаимодействуют с "теорией" (самосознанием личности), образующей, по Харпе, содержание Я. Неясно также, каким образом столь реальный процесс, каким является индивидуальное человеческое действие, может детерминироваться только лишь тем, что люди думают о самих себе. Возможно, подобные неясности связаны с тем, что в работе Харпе лишь затрагивается, но не разрабатывается проблематика потребностей и мотивов. Судя по некоторым его

⁴⁵ *Harpe R. Op. cit.* P. 24–29, 186–187, 214–219.

замечаниям, понимание человеческих побудительных сил он вообще выводит за рамки психологического анализа.

При всех этих оговорках идея индивидуального Я, неразрывно слитого с социально обусловленной сущностью личности, как бы продолжающего и развивающего ее, плодотворна для понимания связи социального и индивидуального. Индивидуальность – это не просто совокупность биогенетических задатков, реализуемых и трансформируемых социальным бытием личности, она – необходимая форма этого бытия.

Как мы видим, в основе ряда теорий социальности человеческой психики лежит в сущности идея *обмена*, идет ли речь об обмене знаками в процессе общения, обмене ролями в процессе взаимодействия или об интериоризированном диалоге, представляющем собой, по Бахтину, обмен между различными "голосами" сознания. Но обмен возможен только между отдельными, обособленными друг от друга партнерами, а обособленными они могут быть только будучи индивидуальными. Поэтому участник обмена, впитывая в себя передаваемое, сообщаемое ему другими, производя себя таким образом как социальное существо, в то же время вновь и вновь превращает это социальное содержание в частицу своего индивидуального Я. М.М. Бахтин описывал этот процесс как "присвоение чужих слов", в результате которого "сознание монологизируется" и это "монологизированное сознание как одно и единое целое вступает в новый диалог уже с новыми чужими голосами"⁴⁶. Таким образом механизм, реализующий социальность человека, включает его индивидуальность в качестве своего необходимого звена.

Диалектика индивидуального и социального может быть, однако, понята не только из этого психологического механизма. Ее обуславливает объективная структура человеческой деятельности. Во всех ее формах, более сложных, чем простая кооперация (как у бурлаков, тянущих баржу), она включает индивидуальный компонент, предполагает индивидуальную – интеллектуальную и поведенческую автономию субъектов деятельности. Индивид – единица действия: даже строго следуя социально предписанной программе, он конкретизирует ее своей собственной программой, мобилизует свои индивидуальные ресурсы: волю, мышление. Еще более необходима индивидуальная автономия для обновления программы, для инноваций, без которых не было бы развития человека и общества. Следовательно, и с точки зрения деятельностного подхода индивидуальность является функционально необходимой. Именно это ее качество в сущности фиксирует Харпе, когда он говорит о Я как "точке действия".

---

⁴⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 366.

Базовые потребности и мотивационная стратегия личности

Здесь мы подходим к проблеме, выходящей за рамки изложенных выше теорий. Признавая социальность и индивидуальность равно необходимыми свойствами личности, подчеркивая их органическую взаимосвязь (одной не может быть без другой), нельзя в то же время не видеть, что их единство противоречиво, что им соответствуют различные, а точнее *противоположные тенденции* человеческой психики. Если социальность основана на процессе взаимодействия людей, происходящем между ними взаимообмене (мыслями, знаками, ролями и т.д.), усвоения ими социального опыта, она предполагает их *объединение* в общность. Индивидуальность, индивидуальная автономия требует, напротив, их взаимного *обособления*. Очевидна таким образом разнонаправленность, противоположность реализующих их процессов.

На первый взгляд, данный вывод противоречит высказанной выше мысли об индивидуальности как порождении, условии и функции социальной сути человека. Как функция и условие бытия системы, т.е. человека как социального существа может противостоять самой системе? Ответ кроется, очевидно, в многозначности самого понятия "социальность". Та социальность, о которой идет речь в рассмотренных теориях, обозначает совокупность условий, формирующих и воспроизводящих человеческую психику (в том числе частично ее индивидуальные компоненты). В другом смысле социальность – это то непосредственное отношение взаимного притяжения, в которое вступают между собой социально сформированные индивиды и которое отнюдь не является единственно возможной формой их отношений, может сосуществовать со взаимным отталкиванием. Иными словами, одно дело – социальная сущность человека и другое – проявления этой сущности в его отношении к другим людям, к социуму. Поскольку социальность "нуждается" в индивидуальности для своей собственной реализации, поскольку человек не только социален, но и индивидуален, это отношение неоднозначно, противоречиво; еще Гегель отмечал, что человеку свойственны стремления как к уподоблению другим людям, так и к отличию от них.

Некоторые отечественные авторы справедливо, на наш взгляд, рассматривают противоречие социального и индивидуального как исходную детерминирующую характеристику психики. Так, по мнению К.А. Абульхановой-Славской, функция психики состоит "в постоянном возобновлении, поддержании и установлении связей (человека. – Г.Д.) с другими людьми при сохранении качественного своеобразия индивида". Психическая деятельность – это "способ соотнесения" объективных противоречий бытия социального человека и прежде всего противоречия "между индивидуальным и общественным"⁴⁷.

⁴⁷ Абульханова-Славская К.А. Соотношение индивидуального и общественного как методологический принцип психологии личности // Теоретические и методологические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 79, 80.

К этой идее Абульхановой-Славской близко теоретическое понимание субъекта психики, развитое А.В. Брушлинским. Констатируя изначальную социальность человеческого индивида, российский психолог отмечает "двойственность, противоречивость индивида как субъекта... он всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен. Не только общество влияет на человека, но и человек на общество" Исходя из этой позиции, Брушлинский подвергает критическому пересмотру принцип "от социального к индивидуальному", или "от внешнего к внутреннему", "характерный для целого ряда теорий, например, для тех, которые реализуют знакоцентристский подход"⁴⁸ (этот принцип в той или иной мере проводится в рассмотренных выше концепциях Выготского, Мида, Харпе).

Если противоречие между социальным и индивидуальным принять за методологическую основу анализа человеческой психики, неизбежно возникает вопрос: как именно, через какие психические механизмы личности реализуется *отношение* между ее социальностью и индивидуальной автономией, их соотнесение? Ведь личность едина, она не может разорваться на две противостоящие друг другу половинки: социальную и индивидуальную. Вопрос, собственно и состоит в том, чем обеспечивается это единство.

Ответ, как представляется, следует искать прежде всего в мотивационной сфере личности. Ее отношения с другими людьми, с обществом в целом регулируются потребностями социального существования, которые, собственно, и рождаются из этих отношений. Поскольку социальные отношения личности и ее деятельность предполагают одновременно как связи с другими людьми, так и индивидуальную автономию в системе этих связей, обе стороны личностной ситуации генерируют соответствующие потребности. Любой человек *стремится* к поддержанию тех или иных форм социальных связей с другими людьми и в то же время к утверждению себя – тоже в той или иной форме – как индивида, как самостоятельного субъекта этих связей, что невозможно без психологического дистанцирования, обособления от других.

В основе конкретных потребностей социального существования лежат именно эти две "базовых" мотивационных тенденции, или потребности: к психическому объединению личности с другими людьми, к интеграции в социум и к выделению из него, индивидуальной автономии. Хотя эти тенденции не обязательно вступают в конфликт в психике каждого отдельного человека, их противоположная направленность чревата таким конфликтом. Ибо, в принципе развитие каждой из тенденций наталкивается на "сопротивление" противоположной: человек не может на слиться полностью с социумом, превратиться в его лишенную всякой индивидуальности функциональную единицу, ни обрести абсолютную автономию от социального окружения. Конфликт

⁴⁸ Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психологический журнал. 1991. № 6. Т. 12. С. 5, 6.

возникает в ситуации преимущественного развития одной из тенденций: в этом случае подавление противоположной ей вызывает психологический дефицит, дискомфортное состояние личности. Предельный дефицит социально-психологических связей порождает одиночество личности; дефицит автономии, когда человек думает и действует только "как другие", подавляет проявление его собственных внутренних сил – задатков, способностей, ведет к атрофии воли и инициативы, порождает в предельном случае депрессивное состояние психики.

Чтобы избежать внутреннего конфликта и связанного с ним дискомфорта, личность вырабатывает или усваивает относительно устойчивую систему потребностей и мотивов, позволяющую ей определенным образом сочетать "социальную" и "индивидуальную" стороны мотивации. *Эта система и представляет собой несущую основу единства личности.*

Каким же образом конструируется личностная мотивационная система? Совокупность формирующих ее психических процессов может быть определена как *мотивационная стратегия* личности. Она выражается в отборе и укреплении конкретных потребностей, отвечающих базовым мотивационным тенденциям, и в их комбинации по иерархическому принципу. Когда мы говорим о "стратегии", об отборе потребностей, речь идет о неосознанном (по крайней мере в большинстве случаев) психическом процессе, который обусловлен жизненным опытом личности, ее природными задатками, испытываемыми ею социальными влияниями и нередко завершается уже на ранних этапах социализации.

В качестве примера можно назвать альтруистическую стратегию, при которой в качестве доминирующей выступает потребность в любви. Чаще всего это любовь к близким людям – детям, другим членам семьи. Если это любовь активная, сопряженная с самопожертвованием, с переживанием радостей и бед любимых людей как своих собственных, человек не только "сливается" психологически с другими, но и разворачивает в своем практическом отношении к ним свои внутренние силы.

Другой пример – мотивационная стратегия, подчиненная потребности во власти. В той мере, в какой человеку удастся ее удовлетворить, он осуществляет одновременно индивидуальное самоутверждение и психологические позитивные для себя связи с другими людьми. Очевидно, что в первой стратегии резко преобладает "социальная", а во второй – "индивидуальная" тенденции, подчиняющие себе противоположные. Эти противоположные тенденции не вовсе подавляются, но функционируют в форме, соответствующей их подчиненной роли. Это позволяет личности при определенных условиях (которые мы здесь не можем рассматривать) какое-то время избегать мотивационного конфликта, поддерживать психологическое равновесие. Оно, разумеется, может нарушиться при изменении условий.

Альтруистическая стратегия перестает удовлетворять, если те, кого мы любим, не отвечают нам тем же, проявляют по отношению к

нам равнодушие, черствость, эгоизм. Реализуемая потребность во власти содержит в себе потенциальный дефицит обратной психологической связи от подчиненных к властителю: любой лидер ищет в них не только покорности, но и уважения, любви, искренней преданности. Если этих чувств нет, ему грозит болезненное ощущение социальной изоляции. Тиран, знающий, что он внушает страх подданным, часто сам испытывает чувство страха, отравляющую его жизнь подозрительность.

Базовая напряженность и потребности социального существования

Конфликт – реальный или потенциальный – между базовыми мотивационными тенденциями порождает особый вид психической напряженности, отличающейся по своему происхождению и природе от напряженности, которую вызывает неудовлетворенность потребностей физического существования (ощущение голода, холода, угроза физической безопасности, недостатка в нужных для поддержания жизни предметах и т.п.). Поскольку порождающие эту напряженность мотивационные тенденции и их "встреча" в психике является первоисточником всей системы потребностей социального существования человека, ее можно определить как "базовую". Базовая напряженность принадлежит к бессознательной сфере психики, она может присутствовать в той или иной степени, вовсе отсутствовать у отдельного индивида в тот или иной период его жизни, но она является феноменом, органически присущим человеческой природе, источником психической "энергии", пробуждающей, формирующей и организующей потребности социального существования человека, конструирующей мотивационное "ядро" личности⁴⁹.

Базовая напряженность отнюдь не только абстрактно-теоретическое понятие. Она представляет собой общечеловеческий феномен, поскольку обусловлена общим социально-индивидуальным характером бытия и деятельности людей. Но она в то же время может проявляться во вполне конкретных, непосредственно наблюдаемых психических состояниях индивидов и социальных групп, отражающих неблагополучие, неустроенность их "внутреннего мира" Причины таких состояний могут быть каждый раз поняты только на основе конкретного психологического анализа, однако достаточно распространенной и типичной причиной, по всей видимости, является несогласованность индивидуального потенциала человека, т.е. его потенций деятельности, с доступными ему формами социальных связей и социально значимой деятельности. Подобные ситуации становятся особенно очевидными, когда психологическое неблагополучие совпадает с благополучием материальным т.е. с удовлетворенностью потребностей физического существования. Еще французский мыслитель прошлого века А. де Токвиль отмечал "странную меланхолию, которую часто можно наблюдать у обитателей демократических стран, несмотря на

⁴⁹ Подробнее данная гипотеза обоснована в статье: Дилигенский Г.Г. Проблемы теории человеческих потребностей // Вopr. философии. 1976. № 9; 1977; № 2.

окружающее их изобилие, а также охватывающее их чувство отращения к жизни"⁵⁰.

Психическая неустроенность, кризис личности, проявляющийся в неустойчивости поведения, явление чрезвычайно типичное для современных наиболее "благополучных" обществ, и оно давно уже стало одной из излюбленных тем западной социологии и психологии, художественной литературы и публицистики. В свое время ей отдало дань и советское обществоведение, в соответствии со своими идеологическими постулатами возлагавшее всю ответственность за нерешенность личностных проблем на "отживший капиталистический строй". Мы не имеем здесь возможности останавливаться на многочисленных теориях и понятиях, выработанных для описания и объяснения этих явлений, приведем лишь один совершенно рядовой банальный казус, иллюстрирующий сформулированные выше положения.

В начале 70-х годов внимание американской прессы и социологов привлекла история, приключившаяся с семьей процветающего калифорнийского бизнесмена Билла Лауда. По своему образу жизни и психологии Лауды не отличались от множества представителей среднего класса. Относительный деловой успех, скромное, но более или менее стабильное положение в мире бизнеса, домик с голубым бассейном, воплощающий американское представление о комфорте, вечера у телевизора, рок-музыка, коктейли. Муж изменяет жене, она пять лет знает об этом, но молчит, испытывая глубокую депрессию. Старший сын живет в Нью-Йорке в мире пьяниц, наркоманов, торговцев наркотиками. Ничего не делает, вечно требует денег у родителей.

Необычность истории Лаудов заключается только в том, что одна из телевизионных компаний решила снять о них документальный фильм, чтобы показать на экране среднюю американскую семью. Съемки привели к неожиданному результату: Пат Лауд вдруг решила развестись с мужем, все тайное стало явным. Авторы газетных статей пустились в рассуждения о пустоте жизни многих средних американцев, отсутствии у них интеллектуальных, культурных и общественных интересов, о супружеских изменах и алкоголизме как бегстве от бессмысленного "растительного" существования.

Со всем этим спорить не приходится, важно, однако, понять, какие психологические механизмы позволяли семье долгое время поддерживать внешнее благополучие и какие вызвали кризис.

Во-первых, очевидно, что главной, возможно, единственной формой "социальности" для семьи, в том числе для измученной супружеской неверностью Пат Лауд было исполнение определенной социальной роли: как бы следуя теории Дж. Мида, они делали все, чтобы в глазах друг друга, самих себя, соседей и знакомых соответствовать принятому групповому стандарту благополучия и процветающей семьи среднего класса. Избранную ими весьма типичную мотивационную стратегию поэтому можно было бы назвать стратегией стандартизации.

Во-вторых, подобные стратегия и тип социально-психологических

⁵⁰ *Toqueville A. de De la démocratie en Amérique. P., 1961. P. 138.*

связей не оставляют места для каких-либо форм индивидуального самовыявления кроме тайных развлечений на стороне; приходится подавлять и скрывать даже обиду на неверного мужа. В то же время играть роль в требующих искренности и самораскрытия монологах перед телекамерой оказалось значительно труднее, чем в условиях обыденного поверхностного общения; очевидно, поэтому съемки и стали для Пат стимулом к разводу.

В-третьих, хотя социальные условия и культурная среда, в которых существует американский средний класс, способствуют психологической стандартизации и деиндивидуализации, личностная мотивационная стратегия все же является делом *индивидуального выбора*. В конце концов Лауды, подобно многим представителям того же класса, могли бы участвовать в каком-нибудь социальном, культурном или религиозном движении, увлечься благотворительностью, спортом или чем-нибудь еще. Но, как отметила в своем очерке о них писательница А. Ройфи, Лауды "не умеют и не хотят думать... В этой семье вообще не существует понятий добра и зла... Они похожи на неандертальцев"

В те самые годы, когда Лауды таким образом решали свои семейные проблемы, множество других американцев и европейцев осуществляли принципиально иной выбор. Серьезные сдвиги в жизненных ценностях, в семейных отношениях и моральных нормах, в образе жизни и трудовой этике, которые упоминавшийся уже Инглхарт назвал "молчаливой революцией", знаменовали отказ от того типа личностного бытия, который представлен семьей Лаудов. Ведущим мотивом этой "революции" было завоевание свободы индивидуального самовыражения во всех сферах жизни личности.

Под влиянием целого ряда социальных и культурных процессов, о которых речь пойдет ниже, у многих людей возрастал индивидуальный интеллектуальный и поведенческий потенциал, но формы выражения индивидуальности ограничивались социально признанным набором моделей поведения, жизненных целей и образа жизни. Сложившиеся социальные стандарты воспроизводили феномен, который некоторые социологи окрестили "индивидуализмом без индивидуальности": "социальность" подавляла индивидуальность, но поощряла индивидуализм, ибо проявлялась в виде поверхностных, обедненных по содержанию, в основном демонстративных социальных связей. В сформулированных выше понятиях мотивационной психологии эту ситуацию можно описать как одновременный дефицит индивидуальности и социальности, но воспринималась она прежде всего как подавление личности социальными стандартами. В условиях возросших потенций и притязаний индивида все это приводило к обострению базовой напряженности психики, а поиск способов ее разрядки состоял прежде всего в усилении индивидуального начала.

Мы рассмотрели проявления базовой напряженности психики на примере психологических ситуаций, возникших в определенных исторических и социальных условиях – в развитых индустриальных обществах второй половины XX в. В других исторических условиях непосредст-

венные причины ее обострения могут быть во многом иными. Например, ведущую роль в этом процессе может играть разрушение традиционной социальной организации, на которой базировались социальные связи людей, и возникающая в результате необходимость перестройки всей системы таких связей. Нечто подобное происходило в античном мире в канун христианской эры, когда разлагалась объединявшая свободных граждан городская община – полис, что потребовало принципиально новых способов сочетания индивидуальных и социальных сторон психики. Ответом на это требование истории стало возникновение и распространение новой религии – христианства, а в сфере социально-политической психологии ценности свободы и гражданского достоинства уступили место ориентациям, выразившим подчинение людей неограниченной власти империи.

В иных исторических ситуациях кризис старых форм социально-психологических связей и возникновение нового типа индивидуальности было обусловлено изменениями в структуре и типах человеческой деятельности, вызванными сдвигами в социально-экономическом и культурном развитии. В качестве примера можно привести эпоху Реформации и Возрождения, Просвещения и буржуазных революций XVII–XVIII вв. В пореформенной России основой кризисных явлений в социальной и личной психологии было сочетание институциональных (отмена крепостного права) и социально-экономических (развитие рыночных отношений, становление классов капиталистического общества) сдвигов. В целом можно сказать, что обострение базовой напряженности, переход ее из "спящего" и потенциального в реальное и определяющее поведение людей состояние присуще переломным, кризисным историческим эпохам. Именно в такие эпохи происходит разложение старых и возникновение новых типов индивидуальности и социальности людей. Поэтому мы вправе отнести противоречие индивидуального и социального в человеческой природе, порождаемую этим противоречием базовую напряженность психики к числу движущих сил исторического развития человека.

К историческому аспекту проблематики личности мы вернемся в следующем разделе. Пока же отметим, что предлагаемая психологическая категория объясняет не только масштабные социальные изменения, но нередко и то, что происходит с отдельным человеком в самых разных социально-исторических условиях. Большинство героев "Войны и мира" Толстого – добрые и благородные или мелочные, бездумные и себялюбивые – не мучаются какими-либо личностными кризисами и проблемами. Они могут грешить и раскаиваться в содеянном, кутить, влюбляться, лгать и изменять, разоряться или обогащаться, испытывать радость и горе, но живут при этом жизнью "естественной" для своего круга, соответствующей выработанным им "моделям". Лишь двое персонажей – Андрей Болконский и Пьер Безухов – не удовлетворены этими культурными моделями, стремятся так или иначе выйти за их рамки. Такие "ищущие" люди обладают более сильной, чем большинство их современников, индивидуальностью и стихийно стремятся утвердить ее своим поиском. Когда таких людей

становится все больше и больше, уже сам поиск, неудовлетворенность "нормальным" бытием превращается в новую культурную модель и появляется — как это произошло в русском дворянском обществе и в русской литературе — галерея "лишних людей". Таким образом явления индивидуальные переходят в социально-типичные и серия таких переходов шаг за шагом перестраивает социально-психологическую структуру личности и общества.

Все эти наблюдения показывают, что предложенный способ анализа потребностей социального существования позволяет выявить некоторые важные аспекты психологической структуры личности, причем как в ее чисто индивидуальных, так и социально-типичных характеристиках. Конечно, для решения этой задачи недостаточно просто констатировать наличие в мотивационном "ядре" личности потенциального или реального конфликта базовых потребностей. Надо еще понять, как эти базовые потребности и их конфликт воздействуют на формирование конкретных (предметных) потребностей и каким образом организуется единая система потребностей и мотивов личности. Предельно краткий ответ на эти вопросы состоит в следующем. Вступая в деятельные отношения с миром, человек обнаруживает в этих отношениях и в самом себе определенные способы сочетания социальной и индивидуальной сторон своего бытия. На относительно примитивных фазах исторического развития набор этих способов ограничен, жестко и однозначно задан социумом, столь же ограничены поэтому и формы проявления индивидуальности. С развитием цивилизации они становятся все более разнообразными: это происходит как вследствие дифференциации доступных индивиду видов деятельности, и социальных связей людей, так и обогащения человеческой культуры, психически усваиваемой (интериоризируемой) индивидами и развивающей их задатки и способности. Индивид приобретает все более широкую возможность выбора между различными потребностями социального существования, между мотивационными стратегиями и системами, определяющими, в чем именно он автономен по отношению к другим людям и чем именно он с ними психологически связан. Интенсивность базовой напряженности психики воздействует на процесс такого отбора. При слабой ее интенсивности человек развивает и укрепляет те конкретные потребности, "предметы" которых более доступны и привлекательны для него в силу его объективных и субъективных возможностей (нормативных мотивов, усвоенных в процессе социализации, высоты "барьеров"). При интенсивной базовой напряженности или ее усилении, ощущении психического дефицита отбор потребностей происходит в процессе поиска, часто трудного и мучительного, сопряженного с кризисами личности и далеко не всегда успешного.

Социально-индивидуальное строение человеческой деятельности, объективного и психического бытия человека содержит в самом себе различные мотивационные тенденции: ориентации на творчество или воспроизведение сложившихся шаблонов, на любовь или эгоизм, на выполнение требований и ожиданий социального окружения или неконформизм по отношению к нему, на пассивное принятие социально

заданных знаний и ценностей либо их самостоятельную выработку, на собственное лидерство и авторитет либо подчинение лидерству и авторитету других. Все эти и иные потребности социального существования пробуждаются не потому, что, как полагают сторонники "пирамидальной" концепции, они заложены в генетическом коде и актуализируются по мере удовлетворения "низших", витальных потребностей. Их порождает и укрепляет возникающая перед каждым человеком необходимость определить в рамках существующих социальных отношений свою психологическую позицию, мотивы своей активности в этих отношениях.

Вопреки пирамидальной концепции "низшие" и "высшие" потребности сосуществуют и могут проявляться с равной силой в психике одного и того же человека. Так, человек может быть поглощен тяжелой борьбой за кусок хлеба и в то же время любить своих близких, и именно эта любовь может побуждать его умножать свои усилия по обеспечению материальных нужд семьи, утверждать свою личность в таких усилиях. Потребности разного "ранга" не только сосуществуют, но и находятся между собой в определенных взаимосвязях. Такого рода взаимосвязи формируют единство мотивационной системы личности. Один из их типичных видов – использование "объектов" потребностей физического существования в качестве реализаторов потребностей существования социального. Так, родители, которые стремятся хорошо накормить и одеть своих детей, удовлетворяют таким образом свою потребность в любви.

Другой достаточно типичный пример – так называемое "престижное", или "демонстративное" потребление. Хорошо известно, что материальные блага и условия, составляющие объект потребностей физического существования, выполняющие одновременно и другую функцию: они символически демонстрируют социальный статус и групповую принадлежность людей⁵¹. Посредством определенного набора потребительских благ (стиль одежды, марка автомобиля, способы и методы проведения досуга и т.д.) люди удовлетворяют свою потребность включения в социум, группу, демонстрируя приверженность принятым в определенной социальной среде нормам и вкусам. Тот же способ используется для разных видов самоутверждения: удовлетворения потребности в престиже, символизации личного успеха и т.д. Оригинальность, экзотичность потребительского поведения используется как средство утверждения личной автономии. Все эти примеры показывают, что потребности социального существования воздействуют на формы, принимаемые потребностями существования физического, организуя и регулируя таким образом всю мотивационную систему человеку.

На определенной фазе социального и культурного развития самоутверждение и самовыявление личности осознается как самостоятельная проблема, становится предметом рефлексии. Этот происходя-

⁵¹ Эта функция материального и культурного потребления наиболее глубоко раскрыта в концепции французского социолога П. Бурдьё (*Bourdieu P. La distinction. P., 1979*).

ний в общественном сознании процесс дифференциации потребностей различного типа создает почву для появления соответствующих видов самосознания ("личностных теорий") и научных концепций. К числу последних принадлежит и концепция самоактуализации, развития "гуманистической психологией". Представляется, что отделив соответствующую потребность от всех других в качестве вершины их пирамидальной структуры, представители данного направления смешивают культурно-интеллектуальный феномен рефлексии о самоактуализации с ее реальным психологическим содержанием. В действительности личность может реализовать эту потребность практически в любом виде деятельности⁵², никак не рефлектируя по поводу своей "самоситуализации" Фидий и Микеланджело, по всей вероятности, творили свои шедевры, не рассуждая по поводу потребностей, стимулировавших их творчество. Так же, как множество обыкновенных людей с удовольствием работают, любят, делают карьеру или обогащаются, не отдавая себе отчета, почему они это делают.

Это "почему" подводит нас к одной из самых непроницаемых тайн человеческой психики. Если мы можем понять или догадаться, какие мотивы направляют действия конкретного человека, то мы не в состоянии ответить на вопрос, почему он "выбирает" именно данную, а не какую-то другую систему мотивов, чем вообще определяется индивидуальный выбор поведения. Как отмечают В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили, существуют психические явления и связи двух родов: те, которые контролируются волей и сознанием и "неявные по отношению к нему (сознанию. – Г.Д.) и им неконтролируемые (и в этом смысле не контролируемые субъектом и вообще бессубъектные)" Ссылаясь на опыт фрейдовского психоанализа, авторы в то же время возражают против отнесения этих "бессубъектных" явлений к особо выделяемой сфере бессознательного, отмечая, что само это понятие, интерпретация его как "реально существующего глубокого слоя психики" есть "продукт вульгаризации психоанализа". "Величие Фрейда, – считают Зинченко и Мамардашвили, – состояло в том, что он трактовал бессознательное как вневременное и метапсихическое"⁵³. Здесь естественно напрашивается параллель с мыслью Харпе о метапсихическом характере человеческих "сил".

Отнесение наиболее глубоких, неконтролируемых сознанием, но "прорывающихся" в него и воздействующих на него процессов, собственно, и определяющих индивидуальность человека к метапсихическим в сущности означает не что иное, как признание их непознанности (или непознаваемости?), во всяком случае в рамках психологической науки. Конечно, можно признать совокупность таких процессов и явлений неким синтезом природных задатков и интериоризированного социаль-

⁵² См.: Анциферова Л.И. Некоторые вопросы исследования личности в психологии капиталистических стран // Теоретические и методологические проблемы психологии личности. С. 233.

⁵³ Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Изучение высших психических функций и категория бессознательного // Вопр. философии. 1991. № 10. С. 37, 38.

ного, культурного и личного опыта, однако подобное утверждение носит слишком общий характер, не дает само по себе надежного инструментария для конкретного анализа неконтролируемых сознанием сил. Можно отнести тайну индивидуальной личности к той сфере, которую издавна называют душой и которая вообще неподвластна рациональному знанию... Право выбора принадлежит читателю.

Так или иначе, исследование подобных проблем не является специфической задачей социально-политической психологии. Для нее важно другое: масштабы и формы проявления индивидуальности неоднородны и от этих ее параметров зависят типологические структуры личности, существующие в каждом обществе, соответствующие им содержание и интенсивность потребностей социального существования людей. Ибо именно эти структурирующие личность потребности представляют собой тот психический "материал", который формирует мотивационную основу социально-политической психологии. Эти общие тезисы позволит лучше понять историческая динамика диалектики социального и индивидуального, которая рассматривается в следующем параграфе.

4. Социально-индивидуальный человек и историческая динамика социально-политической психологии

Индивидуальность как культурно-исторический феномен

"Одно из поразительных открытий философской антропологии XX века – отмечают философы П. Гуревич и В. Степин, – состоит в том, что человек – это еще не сложившееся создание. Да, в нем есть некий базовый пунктир. Но он открыт для приключения, саморазвития. Возможно, древний человек принципиально иное творение. А человек грядущего станет непохожим на современного"⁵⁴. Многие говорят о том, что исторические уровни человеческого развития, своеобразие каждого из этих уровней имеют в своей основе специфику соотношения индивидуальности и социальности, конкретных форм их проявления в психике.

К такому выводу подводит, например, анализ социально-психологических особенностей античной, точнее, древнегреческой цивилизации. Как показала один из крупнейших социальных философов XX в. Ханна Арендт, эти особенности выражены в знаменитом аристотелевом определении человека как "политического существа". Для Аристотеля политика, т.е. участие в жизни сообщества свободных и равных граждан – полиса есть признак подлинно человеческого бытия, так как в нем человек не является ни объектом, ни субъектом социального принуждения, не подчинен естественным нуждам поддержания собственного существования. Политика противостоит в этом плане частной жизни, домашнему очагу, где осуществляется материально-производственная деятельность и царят отношения господства-подчинения: раба и рабовладельца, главы семьи и ее членов. Иными

⁵⁴ Независимая газета. 1993. 15 апр.

словами, общественно-политическая жизнь есть сфера проявления индивидуальной свободы, базой и условием которой является рабство и авторитарная власть за пределами собственно политической сферы⁵⁵. Из этого, очевидно, следует, что "социальность" грека классической эпохи выступала как бы в двух ипостасях: как ассоциация граждан в полисе, дававшая простор индивидуальному самовыявлению в политической или творческой деятельности, и как подчинение жестким нормам патриархального рабовладельческого общества в частной и хозяйственной жизни. Понятно, что такая форма реализации потребностей социального существования соответствовала принципам античной рабовладельческой демократии.

Аристотелево понимание человека интересно теоретически в двух отношениях. Во-первых, оно выражает такое его отношение к политике, которое представляет собой прямую и непосредственную экстраполяцию потребностей социального существования в сферу социально-политической психологии. В истории такая психологическая ситуация – редкое исключение, связанное в данном случае со своеобразием классического античного полиса как особого типа организации социально-политической жизни.

Во-вторых, Аристотелево определение отражает не столько реальную роль политики в жизни и сознании любого грека классической эпохи, сколько определенную культурную норму. Смысл нормы состоит в том, что индивидуальный потенциал человека, его собственная активность, инициатива и т.д. реализуются в общественно-политической жизни.

Любая культура фиксирует эталоны, нормы мышления и деятельности людей в социуме; тем самым она определяет формы, направления, границы проявления индивидуальности. Воспроизводство социума есть в то же время воспроизводство культуры. Наиболее распространенный способ индивидуального выделения на протяжении длительных периодов человеческой истории состоял в том, что индивид лучше, полнее других реализовал социальные нормы и требования, укорененные в соответствующей культуре. Такова индивидуальность героев древних и средневековых эпосов, воплощаемая воинской доблестью и силой, честью и верностью долгу. По мере усложнения культур, их нормативной структуры возрастает и многообразие задаваемых ими форм проявления индивидуальности; так, в европейской средневековой культуре такими формами выступают одновременно и ратные подвиги рыцаря, и аскетическое самоотречение христианского мученика.

Подобные типы индивидуальности можно назвать конформными, или интракультурными. Ибо их общая черта состоит в том, что они санкционируются, поощряются социальными нормами, закрепленными в культуре. Ценности соответствующей культуры определяют ту сферу деятельности, в которой преимущественно разворачивается свобода индивидуальной инициативы, другие же сферы находятся за пределами этой свободы.

---

⁵⁵ Arendt H. Condition de l'homme moderne. P., 1983. P. 32–34.

Так, в зрелой буржуазной культуре с присущей ей апологией меж-индивидуальной конкуренции, казалось бы, санкционируется неограниченный индивидуализм; однако на деле он заключен в достаточно узкие рамки делового предпринимательского успеха и сочетается со стандартностью мышления и поведения во всех областях, выходящих за эти рамки; стандартизация охватывает жизненные цели индивида, его мораль, философию и т.д.

В условиях позднего капитализма, создавшего "общество массового потребления", границы индивидуальной свободы модифицируются и расширяются: массовая культура распространяет ее на сферу потребления и наслаждения, где она поощряет поиск "индивидуального стиля". Однако, если приглядеться поближе к подобным новым формам индивидуализма, становится ясным, что за ними стоит все та же высшая ценность успеха в межиндивидуальной конкуренции (потреблять и наслаждаться больше и лучше, чем другие!). Герои массовой культуры, будь то Джейм Бонд, звезды политики, кино или эстрады, являются героями не только благодаря каким-то содержательным особенностям их деятельности, сколько потому, что они воплощают мечту об успехе (даже образ Христа переосмыслен в известной рок-опере в качестве супер-звезды мировой истории!).

Интракультурная индивидуальность отнюдь не чужда и обществу, провозгласившему своим идеалом тотальное подчинение индивида интересам коллектива. Это индивидуальность инициаторов различных трудовых починов, победителей в социалистическом соревновании, наконец, долго служившая примером для советских детей индивидуальность Павлика Морозова, превзошедшего и своих сверстников, и старшее поколение в наиболее почитаемой в 30-е годы сфере доносительства.

Интракультурная, конформная индивидуальность всегда преобладала во всех областях человеческой жизни. Но в то же время опыт вновь и вновь подсказывал людям, что привязанность к норме, традиции и привычке сужает и обедняет их бытие, подавляет дарованные им способности, вообще делает невозможным какое-либо обновление жизни⁵⁶. Иначе не возникали бы рядом с героями, покорными судьбе и долгу, герои – бунтари, Прометей рядом с Гераклом. И комичный, не разумеющий простейших общепринятых истин Иванушка-дурачок оказывался в конечном счете умнее и удачливее своих "правильных" братьев.

Вообще, видимо, нельзя считать случайностью, что и в фольклоре и в мифологии индивидуальный выход за рамки общепринятого и общедоступного часто связывается с силой ума, изобретательностью,

⁵⁶ У блаженного Августина понятие "начала" как возникновения чего-то нового (*initium*) выражает специфическую целевую функцию человека: "Человек и был создан для того, чтобы было начало..." (*De civitate Dei*. XII, 20). Комментируя этот тезис, Ханна Арендт справедливо отмечает связь обновленческой функции, присущей человеку, с его индивидуальностью – с тем, что "каждый человек уникален и таким образом с каждым рождением что-то новое приходит в мир". *Arendt H. Op. cit.* P. 199–200.

творческим даром. Именно этими качествами отличается, например, многоумный Одиссей от других героев гомеровского эпоса: Ахилл храбрее и сильнее других эллинов, но храбрость, личное мужество – общепризнанная священная социальная норма в гомеровском обществе. Ум же вообще не может быть нормой, он – сугубо личное достояние, поэтому "новый интеллектуальный героизм", который, по выражению А.Ф. Лосева, воплощен в Одиссее⁵⁷ не вписывается в какие-либо культурные рамки или религиозные предписания, ведь в хитрости и силе интеллекта с ним трудно состязаться даже покровительствующей ему богине мудрости Афине. Поэтому индивидуальность, представленную Прометеем и Одиссеем, всеми чудаками-новаторами мифологии и фольклора, можно было бы – при всем несхождении этих персонажей – назвать метакультурной.

Метакультурная индивидуальность выступает в истории как необходимое звено культурной эволюции, исходный пункт формирования новых культур. Поэтому она становится особенно заметной в переходные эпохи. Архаический Одиссей еще не обладал качествами "интеллектуального героя", он приобрел их лишь на ионийской ступени развития эпоса⁵⁸. Первые христиане-бедняки из городских низов и дети римских патрициев, обрекавшие себя на мученичество ради новой веры, рвали путы, связывавшие их с господствующей культурой, и закладывали фундамент нового культурного здания. А почти два тысячелетия спустя молодые бунтари из западного "среднего класса", объявив себя представителями "контркультуры", в действительности создавали новую систему культурных норм и ценностей, ориентированную на свободное самовыявление личности. В подобных переходных ситуациях метакультурная индивидуальность часто принимает экстремальные, разрушительные по отношению к господствующим нормам формы, необходимые именно для становления, утверждения новой культуры. Впоследствии же она освобождается от этого экстремизма и функционирует в более умеренных, "спокойных", рутинных формах, выражающих не только разрыв, но и элементы преемственности по отношению к старой культуре.

Нонконформизм, отличающий метакультурную индивидуальность, отнюдь не означает, что она вообще не связана с господствующей культурой и объединяемой ею социумом, является, так сказать, асоциальной индивидуальностью. Напротив, можно утверждать, что и сама возможность этого нонконформизма и уровень его радикализма, и те конкретные ценностные ориентации, которые он принимает, коренятся в исторической почве соответствующей культуры. Носитель метакультурной индивидуальности творчески использует для ее утверждения "материал", предоставленный ему обществом и его культурой, ее можно было бы определить как способность к нестандартному освоению и переработке социального культурного опыта. И вместе с тем эта индивидуальность выражает определенную позицию

⁵⁷ См.: Лосев А.Ф. Одиссей. Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 244.

⁵⁸ См.: Там же. С. 243.

индивида по отношению именно к социуму, является в этом смысле социально-значимой.

Сама возможность проявления метакультурной индивидуальности, мера этой возможности определяется культурными нормами данного общества; в этом состоит ее генетическая связь с индивидуальностью интракультурной. Китаист Ж. Жерне и эллинист Ж.-П. Вернан в сравнительном исследовании, посвященном социальной и идейной эволюции Китая и Греции в VI-II вв. до н.э., показывают, сколь различен был статус индивида в этих двух обществах. Китайская культура и религия не оставляли места для какого-либо произвольного вмешательства индивида в естественный ход вещей, в универсальный порядок: "действие может быть успешным, лишь если оно соответствует постоянным тенденциям человека или сил природы" В Греции, напротив, истинно человеческим качеством считалась "свобода человека в его отношениях с другим", индивидуальная автономия⁵⁹. Американский этнограф М. Мид, обобщив результаты коллективного исследования межличностных отношений у первобытных народов, выделила культуры сотрудничества, соперничества и индивидуалистические, санкционирующие "поведение, при котором индивид стремится к поставленной цели, не принимая во внимание других"⁶⁰.

Эти примеры показывают, что культуры обществ, находящихся на сходных стадиях социально-экономического развития и существующие синхронно, дают совершенно различные возможности для выявления индивидуальности. Но это вместе с тем означает и неоднородность культурных предпосылок для возникновения неконформизма, рвущего с заданными нормами, следовательно, и для динамизма всего общественного и культурного развития, в том числе и для появления в нем революционных моментов. Продолжая только что приведенный пример, достаточно сравнить с этой точки зрения темпы культурной эволюции Китая и европейской античности.

Видимо, развитие капитализма в Западной Европе при сохранении докапиталистических отношений в других регионах цивилизованного мира в немалой мере облегчалось подобными культурными факторами. Даже "рыцарский" этос гомеровской эпохи и средневековая польская исследовательница истории морали М. Оссовская считает возможным определить как индивидуалистический: и для Ахилла и для Роланда "соображения собственного престижа были важнее заботы о судьбе боевых соратников"⁶¹, Европейский античный и средневековый индивидуализм создал историческую почву для гуманистического индивидуализма Возрождения и формирования буржуазного типа личности.

В целом представляется очевидным, что каждая культура и субкультура детерминирует конкретно-исторические формы соотношения

⁵⁹ Vernant J.-P. *Mythe et société en Grèce ancienne*. P., 1982. P. 89, 94.

⁶⁰ Mead M. *Introduction // Cooperation and competition among primitive peoples*. N.Y.: L., 1937. P. 16.

⁶¹ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исследование по истории морали. М., 1987. с. 106.

социальности и индивидуальности в психике и поведении личности. И точно также она детерминирует возможности "мутаций" – уровень и формы проявления метакультурной индивидуальности. Эта детерминация, несомненно, осуществляется по многим каналам, но центральную роль в ней играет механизм социализации личности в рамках социальных групп различного уровня.

Еще более глубоким, чем культура, детерминантом указанного соотношения, конкретно-исторических форм индивидуальности является характер социально-групповых связей индивидов, которые, собственно, и образуют в своей совокупности то, что мы называем социумом. Такие качества этих связей, как их объем и интенсивность, сферы функционирования, степень жесткости и эластичности, характеризуют социальную структуру каждого общества.

Разложение определенного типа социальных связей (например, первобытной общины, античного полиса и т.д.) обычно нарушает сложившиеся формы отношений между индивидом и социумом и порождает кризис этих отношений. Индивид оказывается в подобных ситуациях одновременно и более автономным, и одиноким, предоставленным самому себе и лишенным социальной идентичности. Эти кризисные состояния порождают поиск новых форм социальности, которые в конце концов и утверждаются в новых типах культуры. И вместе с тем каждый такой переход вносит какие-то изменения в статус индивида и конкретные формы индивидуальности.

<i>Традиционная модель человека</i>	Примат социального над индивидуальным – основополагающий принцип традиционных типов социально-политической психологии. Этот принцип мог быть нарушен и заменен принципом свободной индивидуальной активности в общественно-политической сфере лишь в специфических, ограниченных временем и пространством исторических условиях, какие сложились, например, в демократических древнегреческих полисах. В иных, абсолютно преобладающих в истории условиях, в древности, средневековье, отчасти в новое и новейшее время господствовали типы личности, для которых социально-политическая жизнь была сферой, отчужденной от их индивидуальных мотивов или подчинявшей эти мотивы социально-групповым нормам. Отношение личности к этой сфере определяется тем, что она, во-первых, воспринимается как источник порядка, стабильности, безопасности, т.е. ценностей, выражающих элементарные потребности физического существования. Во-вторых, воплощающая эту сферу, государственная власть выполняет роль символа, удовлетворяющего потребность людей в психологической интеграции в большую социальную общность: государство "представляет" эту общность, имеющую чаще всего этнический и (или) территориальный характер, выступает как механизм осознания собственного "мы".

Такой тип социально-политической мотивации составлял психологическую базу различных деспотических и абсолютистских, авторитарных и тоталитарных политических режимов, а также организованных по авторитарно-иерархическому принципу ("вождь–массы") общественных

движений. Ибо эта разновидность мотивации предполагает отказ от личной социально-политической активности и инициативы, передачу "права" на такую активность институтам социума, прежде всего и чаще всего – институтам власти. Он питает авторитарно-патерналистский тип политической психологии.

Возникновение и развитие в XVIII–XIX вв. демократических типов общественного устройства, несомненно, было связано со становлением нового типа личности. Развитие капитализма, "культурные революции" позднего средневековья (Реформация, Возрождение) и нового времени (Просвещение) значительно обогащали сферу интракультурной индивидуальности. Личная ответственность и личная инициатива стали необходимыми качествами человеческой жизни в новых исторических условиях, принцип воспроизводства, нерушимой стабильности традиционных норм и отношений стал вытесняться принципами развития, обновления. Личность нового типа проявляла возросшую способность к индивидуальной инициативе, инновационной деятельности, "авантюре". Эти качества ее экстраполировались в социально-политическую психологию: жесткая регламентация различных сторон жизни, сословно-иерархическая организация общества, неспособность институтов власти учитывать многообразные и дифференцирующиеся социальные интересы препятствовали резко возросшей индивидуальной активности. Ценности свободы и равенства, борьба за утверждение представительной демократии стали способом преодоления подобных барьеров.

В современной политической психологии высказывается мнение, будто такого рода ценности непосредственно выражают соответствующие им базовые, врожденные потребности людей⁶². Вряд ли можно отрицать, что требования свободы и равенства в конечном счете восходят к потребности в индивидуальной автономии, однако именно такую ценностно-мотивационную форму эта потребность приобретает далеко не всегда, а в определенных исторических условиях. Потребность человека раннебуржуазной эпохи в политической свободе – это прежде всего потребность в защите от давления государственных, правовых, религиозных институтов на выбор им форм, направления и содержания собственной деятельности и мышления. Это также свобода влиять в своих интересах на деятельность государства. Сходное значение имеет и требование равенства: оно выражает прежде всего стремление к свободе от социально-правовых ограничений, накладываемых на деятельность личности сословными барьерами, к равенству шансов в межличностной конкуренции.

Политическая свобода и демократия имеют для этого человека, как бы он ни дорожил ими, инструментальное значение – они суть внешние условия для выявления и утверждения индивидуальности за пределами социально-политической сферы (в бизнесе, интеллектуальном или культурном творчестве, выборе вида и места трудовой деятельности и т.д.). В самой же этой сфере индивиду – если он,

⁶² Lane R.E. Motives for Liberty, Equality, Fraternity: the Effects of Market and State // Political Psychology. 1979. Vol. 1. N 2.

конечно, не профессиональный политик – делать нечего: в ней господствуют отчужденные от него социальные институты (делегирующие власти избираемым депутатам или президентам отнюдь не означает, как известно, активного участия избирателей в общественно-политической деятельности).

В целом, если в докапиталистических и воспроизводящих их политическую организацию современных обществах социально-политическая психология впитывала в себя главным образом личностные потребности в защите, порядке, предельной интеграции в социум, освобождающей от личной ответственности и трудностей личного выбора, то в демократически (при всей относительности и неточности этого понятия) организованных обществах она выражает мотивационную ориентацию на индивидуальное и социальное развитие, движение, обновление. Понятно, что за этими двумя типами социально-политической психологии стоят принципиально различные и по-разному организованные системы личных потребностей социального существования.

Несмотря на отмеченный выше инструментальный вначале характер потребностей в свободе и равенстве, они приобрели в условиях капитализма и представительной демократии собственную логику развития и оказали в конце концов глубокое воздействие на личностную мотивацию. Ситуация межличностного соперничества ("борьбы всех против всех"), взаимного дистанцирования людей друг от друга вызывала необходимость в новых психологических механизмах защиты личности, способных заменить прежнюю приобретаемую ценой подавления индивидуальности жесткую связь с социумом, конформное подчинение социальным институтам (общине, сословию, патрону, государству). Таким механизмом, психологически компенсирующим возрастающее одиночество личности, стало укрепляющееся у нее чувство самоценности собственного достоинства индивида. А это чувство, в свою очередь, стимулировало становление нового типа социальных связей, основанных уже не на нормативных предписаниях (сословных, общинных или религиозных), но на осознании общности группового положения и социальных интересов.

Такое осознание придало новое – уже не инструментальное, но самоценное значение требованию социально-правового равенства, которое именно в этом своем новом качестве вошло в социально-политическую психологию капиталистических обществ. Такие характеризующие их историю явления, как развитие массового рабочего и других движений, трудового законодательства, успешная борьба за всеобщее избирательное право, за равноправие этнических меньшинств, за последовательное развитие институтов представительной демократии и конституционно-республиканское политическое устройство, за различные социальные права (на образование, социальное обеспечение, здравоохранение и т.д.), были бы невозможны без отмеченных психологических сдвигов. И вместе с тем устойчивость авторитарных режимов во многих странах и регионах мира, рецидивы тирании и деспотизма в тоталитарных режимах XX в. свидетельствуют о неравномерности или незавершенности рассмотренных процессов в исторической эволюции

личностной мотивации. Во многих же обществах до наших дней весьма устойчивы те мотивационные структуры, которые сложились в докапиталистическую эпоху.

При всем различии форм социальности и интракультурной индивидуальности, их комбинаций, характерных для личности капиталистической и предшествующих эпох, между ними существует и глубокая общность.

Примерно до середины XX в. сохранялась определенная всеобщая модель соотношения социального и индивидуального в человеке. Условно ее можно назвать традиционной – разумеется, не в том смысле, в каком говорят о "традиционных обществах", еще не затронутых капиталистической модернизацией. Человек продолжал проявляться как индивид, выделяться из себе подобных лишь в пределах, заданных его социальной группой, как бы с оглядкой на нее. Описанная модель социально-индивидуального строения человеческой психики, разумеется, отражает лишь ее наиболее типичные, "массовидные" свойства в пределах предшествующей истории. Важно в то же время видеть, что на поздних ее стадиях развитие культуры, ее возрастающие плюрализм и внутренняя противоречивость все более расширяют возможности проявления метакультурной индивидуальности. Само по себе это обстоятельство создавало предпосылки для эволюции данной модели. Решающую же роль в ее разложении играют происходящие в наше время далеко идущие изменения в структуре межчеловеческих связей, обуславливающих формы проявления социальности и индивидуальности в психике человека.

Современная индивидуализация

Радикальный переворот в системе социальных связей человека во многом обусловлен процессами, усложняющими социально-групповую структуру общества. Большие и малые группы, основанные на социально-экономической дифференциации общества, все более теряют свою роль пространства, в котором замыкаются непосредственные отношения между людьми, формируются их мотивы, представления, ценности. Разумеется, классы, слои, профессиональные и иные социально-экономические группы, меняя свой состав и границы, продолжают существовать; сложное взаимодействие их интересов и практические отношения между ними, как и прежде, образуют содержание жизни общества, во многом определяют его динамику. Однако значительно ослабевают связи между каждой из такого рода групп, ее "низовыми", первичными ячейками и личностью.

Во-первых, в силу резко возросших темпов социальных изменений эти связи теряют устойчивость, определенность, однозначность: для современного человека все более типичным становится такой жизненный путь, в ходе которого он, переходя из родительской семьи в школу, а затем несколько раз меняя свое профессиональное положение и место в жизни, уже не в состоянии целиком идентифицировать себя с какой-либо определенной ячейкой общества.

Во-вторых, выйдя из своей былой культурной изоляции, большие социальные группы и их первичные ячейки все меньше способны

передавать личности свою специфическую групповую культуру. Эту культуру размывают хорошо известные процессы "омасовления", "усреднения", стандартизации и интернационализации типов материального и культурного потребления, источников и содержания социальной информации, образов жизни и способов проведения досуга. Человек может жить в центре Европы или на побережье Тихого океана, иметь высокий или скромный уровень дохода, быть рабочим или банкиром, но окружающий его вещный мир, его повседневные бытовые занятия и развлечения, продолжая отражать его реальные материальные возможности, тем не менее все больше нивелируются. Традиционные, отличавшиеся относительно высоким уровнем культурно-психологической гомогенности группы в той или иной мере растворяются в более аморфных массовых общностях.

Современные сдвиги в отношениях между индивидом и социумом идут в направлении большей эластичности, многосторонности, меньшей жесткости социальных связей человека и создают, следовательно, больший простор проявлению его индивидуальности. В этих сдвигах выражается новый этап роста автономии индивида, исторического процесса *индивидуализации человека*. При этом надо отчетливо видеть, что индивидуализация сплошь и рядом проявляется чисто негативно – как растущее одиночество, социальная дезориентация человека, расширяющаяся возможность манипуляции его сознанием и поведением. Но она может вести и к реальному возвышению его индивидуальности, способности вносить творческий, уникальный вклад в жизнь общества.

Эта противоречивость тенденций накладывает глубокую печать на развитие потребностей и мотивов современного человека. Освобождаясь от жестких групповых стандартов, они становятся более "раскованными", многообразными. Конечно, в обширных зонах голода и нищеты, столь типичных для стран третьего мира, в наиболее обездоленных слоях развитых обществ забота о хлебе насущном, об элементарном выживании остается доминантой системы потребностей. Но всюду, где человек в состоянии отвлечься от этой заботы, он ищет иных точек приложения своим жизненным силам. И ищет их в разных направлениях, отнюдь не сводящихся к одному лишь материальному благосостоянию, обогащению или превосходству над другими людьми. Сколь часто в одних и тех же социальных слоях мы наблюдаем одновременно людей, отдающих себя погоне за заработком и вещами, и тех, кто отказывается участвовать в этой погоне, стремится уравновесить труд ради заработка более протяженной и эмоционально насыщенной внетрудовой частной жизнью. Не случайно в самых разных уголках мира звучат жалобы на упадок трудовой морали, призывы к поиску новых стимулов труда – таких, как его самостоятельность, творческое содержание.

Современный человек поставил под вопрос традиционное для индустриальной цивилизации обожествление роста производства, материального богатства, цели и ценности, выраженные лозунгом "больше!". "Антииндустриальные" теории, получившие широкое распространение начиная с 70-х годов, подъем экологических движений – это

лишь видимая верхушка айсберга, их питает глубокий перелом в общественных настроениях.

Некоторые наиболее радикальные экологисты полагают, будто наступает время, когда экономика вообще отходит на задний план человеческой жизни. Подобные представления наивны и утопичны: экономика нужна людям не менее, чем раньше, но меняется характер требований, которые они предъявляют к содержанию и к результатам производственного процесса. Становлению этих новых требований в огромной мере способствовали возможности, открытые современной научно-технической революцией. Акцент в них переносится с количественных целей на способность экономики улучшать все стороны качества жизни людей, придавать все более многообразный и индивидуализированный характер процессам выявления и удовлетворения их потребностей. Традиционная ценовая конкуренция уступает место конкуренции, в которой побеждает тот, кто умеет производить более разнообразные и отличающиеся принципиальной новизной блага и услуги. Наиболее привлекательными для производителя все чаще оказываются такие типы производства, которые позволяют не только больше заработать, но и проявить свои индивидуальные способности и автономию (с этим связано бурное развитие технически передового мелкого производства в ряде стран). В общем, от экономики хотят, чтобы она была более гуманной, отвечающей растущему богатству индивидуальных запросов.

Теоретики "массового общества" утверждают, будто оно способствует унификации и обезличиванию человеческих потребностей. Действительно, становление массового производства и массового потребления привело к глобальному распространению унифицированных потребительских стандартов, превращению гонки за этими стандартами и состязание в сфере потребления (иметь столько же или больше, чем другой!), в одну из ведущих социально-психологических тенденций современного общества. Не случайно его назвали "обществом потребления".

И все же унификация и стандартизация потребностей – это лишь один, и притом наиболее видимый, поверхностный аспект их эволюции. Она отражает более глубокий процесс разложения узкогрупповых стандартов потребления и мотивации, символизировавших и закреплявших социальную идентичность личности. Современное массовое потребление вытесняет эти стандарты, но не может заменить их в качестве решающего регулятора потребностей и мотивов. Стремления, запросы, влечения современного человека неизмеримо богаче того набора чисто потребительских ценностей, который задается массовым стандартом. В отличие от ценностей традиционных групповых культур он не дает готового ответа на вопросы: "Кто я и с кем?", "Что для меня более и что менее важно, к чему я должен стремиться и чем могу пренебречь?". Ответ на эти вопросы должен давать сам индивид. Или, говоря точнее, делать собственный выбор из возможных вариантов ответа... Таким образом, за массивификацией и стандартизацией скрывается резко расширившееся поле свободного самоопределения личности.

Трудности такого выбора велики, особенно на ранних этапах становления личности. Множество болезненных явлений современной жизни, – от наркомании до "безмотивной" преступности, от культа вседозволенности и агрессивности до равнодушия к любой целенаправленной деятельности, особенно широко распространенных в подростковой и молодежной среде, так или иначе связано с этими трудностями. И не потому ли столь популярен рок, что он глушит своим шумом, ажиотажем массовых сборищ мучительные чувства бессмысленности и одиночества, которыми охвачена часть молодежи? Но стоящие в этом ряду кризисные явления – лишь одно из следствий индивидуализации человеческих мотивов. О реальности совсем иных ее последствий говорит идущий в той же молодежной среде напряженный поиск новых форм социальной активности и человеческой общности, выразившийся в повсеместном подъеме неформальных движений. В сущности, они знаменуют собой попытку по-новому определить соотношение индивидуального и социального в системе человеческих мотивов.

Человек-индивид не может не черпать свои мотивы из материальной и духовной культуры общества, в котором он живет, не может не выражать в них свою общность с другими людьми. Но он – инстинктивно или сознательно – все сильнее стремится выразить в них и свое собственное, неповторимое Я.

Индивидуализация мотивов тесно сопряжена со сдвигами в способах познавательной деятельности, в отношениях человеческого сознания с объективным миром. Традиционные групповые культуры "снабжали" индивида более или менее четкой системой представлений как о возможных направлениях его действий, так и о пределах этих возможностей. В той мере, в какой групповые культуры выполняли функцию резервуара социальных знаний, они укрепляли самой жесткостью, устойчивостью своей структуры определенность, ясность, целостность подобных представлений. Социальный опыт современного человека, его знания о мире куда более многообразны, противоречивы, "разорваны". Мир, в котором он живет, неимоверно усложнился по сравнению с миром предшествующих поколений. Он требует и принципиально новых способов ориентации в действительности, ее "освоения" человеком.

Такого рода новые способы предполагают, в частности, иное, чем прежде, соотношение между культурой, культурной традицией как воплощением исторической памяти человеческих групп, обобщением их прошлого опыта и ориентацией сегодняшнего, актуального поведения. В быстро меняющемся мире прошлый опыт реже может служить надежным компасом, необходимы гораздо более быстрое освоение нового, большие реактивность, подвижность. В ситуации, в которой возрастают автономия положения и деятельности индивида, неустойчивость и множественность его социально-групповых связей, неизбежно более индивидуализированными, автономными становятся его познавательные и мыслительные процессы.

Речь не идет, разумеется, о том, что все или большинство людей стали вдруг критически мыслящими личностями, способными само-

стоятельно вырабатывать собственное мировоззрение. Интеллектуальная самостоятельность, как и другие аспекты индивидуализации, чаще всего проявляется преимущественно в негативной форме – в недоверии к интеллектуальной компетентности общественных и политических институтов и к распространяемой ими информации. Именно поэтому главным объектом и "жертвой" критицизма становятся идейно-политические доктрины, партии, церковь, средства массовой информации. В США за 20 лет, отделяющих начало 80-х годов от начала 60-х, с 56 до 29% уменьшилась доля людей, верящих в компетентность политического руководства; в 1981 г. 40% опрошенных считали, что и правительство, и телевидение, и газеты часто или всегда лгут⁶³. А ведь американское общество всегда отличал особый конформизм массового сознания. В большинстве развитых капиталистических стран в последние десятилетия происходил процесс секуляризации, падало влияние "официальных" церквей и религий. В иных социально-политических условиях и во многом вследствие иных непосредственных причин процесс отчуждения людей от политических и общественных институтов усиливался долгие годы и в социалистических обществах.

Конечно, подобные факты и явления можно рассматривать как признак кризиса определенных мировоззренческих систем и политических сил, отнюдь не исключаящего все той же некритической веры в какие-то новые системы и силы. Ведь говоря, например, о кризисе религиозности в определенных обществах, нельзя забывать об ее усилении в других местах, а также об оживлении всякого рода нетрадиционных культов. Не только в странах третьего мира, но кое-где и на "просвещенном" Западе появляются новые претенденты на роль харизматических лидеров.

Но все же, думается, нынешние приливы религиозной или политической веры не перечеркивают значения принципиально новых рационалистических тенденций в сознании современного человека. Вообще говоря, любые новые тенденции чаще всего наталкиваются на контртенденции, выражающие сопротивление сложившихся структур. Кроме того, ареал их распространения не может не быть ограниченным в силу крайней неоднородности уровней и типов развития различных обществ. Эта ограниченность сама по себе не может рассматриваться как признак чисто локального характера подобных тенденций: в наше время локальное, если оно порождено причинами, имеющими общее значение, очень быстро становится универсальным.

Именно такой "общей причиной" является происходящее повсюду, хоть в весьма неодинаковых размерах и формах, освобождение человека от подчинения мощной духовной власти традиционного группового мировоззрения. Главный вопрос состоит, конечно, в том, к чему ведет это освобождение. Прав ли Великий Инквизитор, в уста которого Ф.М. Достоевский вложил идею бесперспективности человеческой свободы: "Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как,

⁶³ Yankelovich D. New Rules. Searching for Self-Fulfillment in a World Turned Upside Down. N.Y., 1981. P. 185–186; Public Opinion. 1984. Vol. 7. N 2. P. 6–8.

оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклоняться. Но ищет человек приклониться перед тем, что уже бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение".

В формуле Достоевского гениально уловлены два взаимосвязанных момента в переживании свободы современным ему человеком. Во-первых, это мучительность свободы, порождаемая той бездонной пустотой, пропастью одиночества, которая возникает перед человеком, "освободившимся" от привычного подчинения общественной духовной силе. Во-вторых, сильнейшая внутренняя потребность заново включиться в другую, но аналогичную по своей структуре систему такого подчинения. "Бегство от свободы", как скажет уже в середине нашего века Эрих Фромм. Связь этих двух моментов, бесспорная для человека традиционного склада, представляется, однако, сомнительной для человека современного. Развившаяся у него потребность в самостоятельности, в индивидуальности отнюдь не уменьшила его ужас перед социальным одиночеством, но значительно ослабила стремление выйти из одиночества обязательно "как все", в неразрывной слитности с ними, в общем с ними преклонении перед новым идолом (персонифицированным или абстрактным). Скорее, ему хочется как-то соединить, примирить свободу с человеческой общностью. Из стремления к такому соединению и возникают многие, подчас еще только намечающиеся, трудно уловимые новации человеческой жизни.

Развитие и утверждение этих новаций наталкиваются на трудно преодолимые препятствия. Многие из них коренятся в общественных отношениях, в которые включен человек, в господствующих над ним институтах власти. Экономическая, социальная, политическая несвобода продолжает, как и тысячелетия тому назад, питать несвободу духовную. Современный человек все более демифологизирует окружающую его действительность, освобождается от слепой веры в авторитеты, от доверия к мнениям других, он стремится утвердить свою индивидуальность — больше опереться на собственный разум, "включить" его в формирование общественного сознания. Но, сбрасывая с глаз пелену привычных представлений, становясь более интеллектуально свободным, "рациональным", он обнаруживает, что живет в иррациональном, бессмысленном, возможно, катящемся навстречу своей гибели мире. И он еще не знает, в лучшем случае лишь смутно догадывается, как избавиться от этой бессмысленности, чем заменить не оправдавшие себя ценности, нормы, проекты. Такова природа кризиса самосознания и идентичности человека, пронизывающего духовную атмосферу современных обществ.

Любой кризис порождает неуверенность, дезориентацию, шараханья. Кто-то в ужасе перед сложностью реальных проблем пытается повернуть вспять, ухватиться за старые мифы, укрепить уже подточенные жизненные устои. Кто-то старается отгородиться от бессмысленного "большого мира" в предельно суженном индивидуальном мирке, жить эгоистическими заботами и утехами сегодняшнего дня. В подобных феноменах нет ничего необычного, поступательное развитие человека никогда не шло по прямой восходящей линии и неизменно

сопровождалось колебаниями вбок и назад. И было бы глубокой ошибкой не видеть в современном состоянии общества ничего, кроме всеобщей деморализации и упадка. Нынешний кризис скорее принадлежит к числу кризисов, способных порождать новый уровень, новое качество развития.

Какие альтернативы?

Современная индивидуализация порождает стремление людей к свободному, самостоятельному установлению своих связей, свободному выбору объединяющих их идей, убеждений, вкусов, типов культуры и общественно-политического поведения. И в то же время — множественность этих связей, способность совмещать, интегрировать в своем индивидуальном мире самые разные "продукты" человеческой мысли и культуры. Этот человек нуждается в плюрализме, его потребности отличаются многообразием и динамизмом.

Новый человек все заметнее проявляет себя в различных сферах современной жизни. Как участник производственного процесса, он отказывается видеть в заработке единственную значимую цель, ищет работу по своему вкусу. Как потребитель он не хочет подчиняться массовым "престижным" стандартам, пытается найти свой собственный, индивидуализированный стиль. В общественно-политической жизни его все менее устраивает однозначная приверженность к какой-то определенной "группе интересов" или институциональной политической организации, бездумное подчинение ее установкам. На Западе с этим связан "кризис доверия", который испытывают многие политические партии, пассивность и возрастающая неустойчивость их состава и массовой базы. И в то же время — подъем нетрадиционных массовых движений, ставящих проблемы, действительно волнующие людей, отражающие широкую гамму их интересов и потребностей, позволяющие им непосредственно участвовать в общественно-политической жизни.

Одна из важнейших особенностей нового автономного человека состоит в том, что он отказывается быть пассивным материалом, подчиненным императивам технического прогресса, экономического роста, институциональных или групповых интересов, далеких от его собственных индивидуальных запросов. Напротив, он стремится подчинить этим запросам и само развитие техники, и характер труда, и формы групповых сообществ, и деятельность общественных институтов. В самых различных сферах жизни он отстаивает принцип личной свободы и личной ответственности, свободу выбора и независимость от каких-либо внешних детерминантов. Главными ценностями для него все чаще становится содержание собственной деятельности, взаимообогащающие отношения с другими людьми и с природой, свободное созидание своей собственной общественной жизни. В литературе высказывается мнение, что становление такого человека означает исторический предел индустриальной (или техногенной) и рождение новой, антропогенной цивилизации.

Движение к антропогенной цивилизации не является ни фатально неизбежным, ни безальтернативным процессом. Те ее эмбриональные черты, которые просматриваются в сегодняшней действительности,

могут развиваться в разных направлениях. Стремление к личной свободе может обернуться торжеством эгоизма и индивидуализма, индивидуализация потребностей – более утонченным гедонизмом и потребительством, освобождение от навязанных социальных связей и зависимостей – углублением атомизации общества, утратой человеческой солидарности, пренебрежением к нуждам обделенных людей, групп и народов.

Из всего сказанного ясно, что воздействие процесса индивидуализации на социально-политическую психологию, достаточно амбивалентно, противоречиво. Наиболее общим его знаменателем, очевидно, является ослабление, а в перспективе, возможно, и необратимый распад традиционных способов психологической интеграции индивида в большое общество. Таких например, как "замкнутые" идеологические системы, партийная деятельность, национально-государственные или классовые ценности.

Под вопросом во многих странах оказывается даже такая в прошлом бесспорная и общепринятая ценность, как патриотизм. В 1981 г. около половины опрошенных молодых (в возрасте 20–35 лет) мужчин западноевропейцев ответили отрицательно на вопрос, согласились ли бы они сражаться за свою родину. Ослабление чувства гражданского долга сочетается с обесценением демократических институтов, выполняющих функцию приобщения граждан к общественно-политической жизни. По данным того же опроса, уровень доверия западноевропейцев к парламенту значительно ниже доверия к армии, полиции и судебным учреждениям. Иными словами, государственные институты, выполняющие чисто служебную функцию – охрану безопасности граждан, признаются более важными, чем тот, который так или иначе позволяет им влиять на политику страны⁶⁴.

Общество и его институты рассматриваются скорее как неизбежная "среда обитания", чем как поле активной жизнедеятельности индивида. Отношение к ним преимущественно инструментальное: они должны гарантировать порядок и безопасность (полиция и суды важнее парламента!) и если человеку плохо, обеспечить ему помощь и защиту. Если же все обстоит благополучно, главное требование к обществу: "не тронь меня!", смысл ценности свободы – невмешательство любых социальных инстанций в жизнь индивида. Свобода в таком понимании – это уже не просто защита от политического принуждения и насилия, от ограничения личной инициативы, как в прошлом веке. Это глубоко интериоризированное стремление индивида жить и думать "по своему вкусу", быть свободным не только от давления институтов власти, но и от навязанных идей, ролей и стандартизированных мотивов, от социальных норм образа жизни и образа мысли. Эта свобода не только инструментальна, она обладает самоценностью: "...слово свобода, – как отмечал французский социопсихолог Ж. Стотзель, – наполнено в Западной Европе аффективной ценностью"⁶⁵.

⁶⁴ *Stoetzel J.* Op. cit. P. 57, 65.

⁶⁵ *Ibid.* P. 81.

От новой индивидуальности к новой социальности

Описанные здесь принципы взаимоотношений между обществом и атомизированным индивидом, несомненно, грозят единству и целостности общественного организма, его способности к целенаправленному действию. Грозят они и самому индивиду – утрата социальных связей чревата

обесмысливанием индивидуальной жизни, духовным обнищанием личности. Эти опасности констатировал еще в начале 80-х годов известный американский социопсихолог Д. Янкелович⁶⁶. Описывая "перевернутый мир", возникший в результате культурной революции, пережитой американцами в 60–70-х годах, он предупреждал, что индивидуалистический поиск самоосуществления может сделать Америку безоружной перед лицом "вызовов", которые предъявляет ей современный мир. Вызовов, связанных в частности, с моральным старением американского производственного потенциала, обостряющейся международной конкуренцией. Выход Янкелович видел в формировании новой "социальной этики причастности", для которой – что особенно важно для нашей темы – в обществе уже складываются психологические предпосылки. Янкелович ссылается на охвативший, по его подсчетам, около половины американцев поиск общности с другими людьми, на новую трудовую этику, ориентированную на социально полезный и в то же время творческий труд, на новые религиозные движения. Но "этика причастности" не может, по его мнению, утвердиться без импульсов, идущих от "большого общества" – от политического руководства, общественных институтов, интеллектуальной элиты, призванных обеспечить возрождающееся стремление людей к объединению крупными общественными целями.

Современная индивидуализация не означает фатального и необратимого распада социально-психологических связей индивидов с обществом. Она лишь изменяет мотивационную основу этих связей. Одно из ее важнейших последствий – распад психологии групповой исключительности, порождается ли она общностью социального положения или общими верованиями. На место жесткому противопоставлению своей группы – "мы" другой или другим – "они" приходит более или менее нейтральное и терпимое отношение индивида ко всем другим индивидам, относительно свободное как от позитивной, так и от негативной предвзятости. В западноевропейском опросе 1981 г. среди добродетелей, ценимых европейцами, на одном из первых мест оказались терпимость, уважение к другому человеку, а на одном из последних – верность определенной религии⁶⁷. Подобный освобожденный от межгрупповой изоляции и идеологического взаимоотноуждения тип межиндивидуальных отношений отнюдь не препятствует объединению людей, в том числе и на макросоциальном уровне. Но такое объединение может, во-первых, стимулироваться не социально-культурными нормами, групповыми "предписаниями" или общими идеями, но

⁶⁶ Yankelovich D. Op. cit.

⁶⁷ Stoetzel J. Op. cit. P. 40.

непосредственно переживаемыми актуальными потребностями людей. И, во-вторых, оно может быть только объединением во имя вполне конкретных, осязаемых общих целей.

Многие общественно-политические события последних десятилетий показывают реальность такого рода объединений. Людей все чаще объединяют конкретные проблемы их бытия, непосредственно переживаемые ими в рамках собственного индивидуального опыта. Это могут быть проблемы жизненного уровня или доступности образования, экологии или здравоохранения, условий труда или организации городской жизни, но во всех случаях именно решение данной конкретной проблемы выступает как мотив психологического и практического объединения. С этим связан спорадический, ограниченный по времени, слабо институционализированный и фрагментарный характер многих современных социальных движений.

Подобные их черты не означают, что новые тенденции социально-политической психологии сводятся к приземленному прагматизму, что они вообще чужды каких-либо общих ценностей. Напротив, можно утверждать, что в их основе лежит некая единая ценность, все более глубоко пронизывающая психологию современного человека. Это та самая ценность свободы, которая, как говорилось выше, приобретает ныне качество одной из наиболее настоятельных личностных потребностей. Причем речь идет не только о политической свободе, реализованной в демократических странах, но о свободе управления собственной жизнью, о независимости от подчинения чужой воле и чужим решениям.

Реализация этой потребности сталкивается с двойным рядом трудностей. С одной стороны, организация жизни любого общества построена на системе функциональных социальных и политических институтов, а свойство институтов, по определению современной политологии, есть "право осуществлять принуждение в отношении индивидов"⁶⁸. С другой стороны, помимо "внешних" институциональных барьеров для свободы существуют барьеры "внутренние" — ограниченность собственных способностей индивидов и их ассоциаций принимать и осуществлять решения без участия внешней по отношению к ним власти. Подобные барьеры могут снижаться лишь по мере развития воли и способностей людей к творчеству в социально-политической сфере и к взаимному добровольному согласованию своих интересов и стремлений. Этот процесс предполагает качественные изменения в психике и интеллекте личности, в общей и политической культуре. Пока же между требованием свободы, "предъявляемым" личностью к обществу, и развитием самой личности существует значительный зазор, который порождает кризисные явления в мотивационной сфере социально-политической психологии. Обычные в наше время рассуждения о "вакууме политических целей", даже о "конце истории", очевидно, отражают эти трудности.

Применительно к общественно-политической жизни ценность

---

⁶⁸ Boutoul G. Sociologie de la politique. P., 1985. P. 22, 23.

свободы в сущности означает стремление людей самим решать касающиеся их проблемы. По мнению известного французского социолога А. Турена, современные социальные движения направлены против всевластия технократии, аппарата управления, пришедших на смену старым господствующим классам, но они не ведут в отличие от движений старого типа (например, рабочего) к развитию демократии, так как становятся все менее политическими. Войти в политику им мешают трудности формирования "представительных социальных актеров, т.е. таких, которые определены, организованы и способны действовать через посредство любого канала политического представительства"⁶⁹. Очевидно, атомизированным, дистанцированным друг от друга людям труднее создать устойчивые, ориентированные на изменение структуры власти объединения, чем уходящему в прошлое "групповому человеку".

В 60–70-х годах в левых политических кругах стран Запада приобрел популярность лозунг "демократии участия", наиболее непосредственно выражавший экстраполяцию новых личностных потребностей в сферу социально-политической жизни. Однако впоследствии, похоже, он ушел в песок. Требование демократии участия вступило в противоречие с растущими сложностью и профессионализмом управления общественными системами, и ясного пути разрешения этого противоречия пока не видно. Так что воплощение новых, связанных с индивидуализацией психологических тенденций в адекватные им типы социально-политического сознания и поведения находится пока в начальной стадии, сегодня еще невозможно прогнозировать будущее развитие этого процесса.

---

⁶⁹ Touraine A. La retour de l'acteur. P., 1984. P. 324, 325.

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В предыдущих главах книги рассмотрены два блока процессов – познавательные и мотивационные, – образующие в своем постоянном взаимодействии непосредственное содержание социально-политической психологии. Анализируя эти процессы, мы сталкивались с трудностью описания каждого из них и их взаимодействия, так сказать, в "чистом" виде, абстрагируясь от других воздействующих на них сторон психической жизни. Мы, например, почти не упоминали об эмоциональной стороне психики, которая, совершенно очевидно, пронизывает все ее компоненты и играет громадную роль в социально-политической психологии. Не касались мы подробно и тех психических явлений, которые возникают в ходе коммуникативных отношений людей – как их непосредственного общения, так и их "общения" с массовыми коммуникациями – таких процессов, как влияние одних людей на других, их взаимное притяжение и отталкивание, сопротивление убеждению (контрсуггестия) и т.п. Наконец мы лишь мимоходом затрагивали важнейшую проблему соотношения между внутренними психическими образованиями – мотивами, знаниями – и реальным общественно-политическим поведением людей.

Подобное одностороннее изложение предмета, к сожалению, неизбежно, когда этот "предмет", с одной стороны, крайне сложен и потому подлежит внутреннему расчленению, а с другой – его внутренние компоненты не расположены в какой-либо однолинейной последовательности, но являются взаимопроникающими и взаимопереплетающимися. Именно так организована структура психики. Чтобы избежать искажения реальной картины, которым чревато дифференцированное описание отдельных ее процессуальных компонентов, существует лишь один способ: не ограничиваясь такого рода описанием, попытаться затем, используя его данные и результаты, представить предмет, т.е. в нашем случае социально-политическую психологию в присущем ему *единстве*.

Сформулировав задачу таким образом, мы тут же оказываемся перед новыми вопросами. Что, собственно, представляет собой единство социально-политической психологии, коль скоро оно, как следует из только что сказанного, не может быть сконструировано путем простого сложения различных ее компонентов? В чем проявляется это единство? Каким образом очертить то психическое пространство, которое может рассматриваться как единое, т.е. сцементированное внутренними взаимосвязями "населяющих" его явлений и процессов?

Как показывает опыт психологической науки, ответ (или, точнее,

путь к ответу) на все эти вопросы содержится в понятии *субъекта* психики. Внутреннее единство (при всей его возможной противоречивости и неустойчивости) есть органическое качество субъекта, именно в субъекте объединяются в систему разнородные психические процессы и функции. Анализ психики на уровне ее субъекта не означает, что нас больше не интересуют эти процессы и функции, и мы занимаемся поисками лишь некоей общей, интегрирующей субъектной характеристики. Мы меняем не объект анализа, но угол зрения: в центре нашего внимания оказываются теперь не отдельно взятые психические процессы, но *механизмы их взаимосвязи*, формирующие единство субъекта.

Определение субъекта психики вообще, субъекта социально-политической психологии в частности – это особая и также связанная с немалыми сложностями проблема. Ранее мы столкнулись с ней, когда анализировали потребности социального существования людей и их проявления в сфере социально-политической психологии. Мы пришли тогда к выводу, что эти потребности трансформируются в социально-политические мотивы не непосредственно, но лишь воплотившись в социально-исторические типы личности, в тенденции личностной психологии. Тем самым мы фактически признали личность, взятую в ее социально-исторической определенности субъектом социально-политической психологии. В предыдущей главе мы рассмотрели эту ее роль главным образом с точки зрения проявления в личности социально-индивидуальной природы человека и исторической динамики соотношения в ней социальности и индивидуальности. В данной главе личность в качестве субъекта социально-политической психологии будет рассмотрена полнее и конкретнее. Уже не в плане общих онтологических и исторически эволюционирующих свойств человеческой природы, но с точки зрения тех личностных образований и механизмов, которые формируют психические свойства личности как субъекта общественно-политической жизни. Однако прежде чем обратиться к решению этой задачи, необходимо еще раз вернуться к самому понятию субъекта.

Признание личности субъектом социально-политической психологии вроде бы не нуждается в особых доказательствах. Оно вытекает из того очевидного факта, что общество состоит из людей и поскольку каждый из них является социально-индивидуальным существом, все они участвуют в общественно-политической жизни (в активной или пассивно-приспособительной форме) именно как личности. Следовательно, и социально-политическая психология складывается из выражающих отношение к обществу психических образований личности. Ведь ничего из того, что существует и происходит в сфере этой психологии, не может существовать и происходить вне психологии личности.

Стройную, на первый взгляд, логику этого рассуждения нарушает, однако, весьма существенная трудность. Состоит она в том, что любые события и явления общественно-политической жизни, в том числе и явления сознания, психологии (взгляды, представления, убеждения и

т.д.) представляют собой продукт психической, интеллектуальной или практической деятельности той или иной человеческой *общности*. Причем общности, представляющей собой не просто механическую сумму изолированных и почему-то мыслящих и действующих одинаково индивидов, но объединение людей вокруг какой-то общей цели, мнения или ценности.

Даже такой, казалось бы не требующий каких-то совместных действий или общения акт политического поведения, как голосование на выборах, не является подобной механической суммой. Люди голосуют за одну и ту же партию или кандидата потому, что под влиянием тех или иных социальных факторов (взаимного общения, сложившихся ранее или усвоенных в процессе социализации идейно-политических позиций, политической пропаганды, осуществляемой по каналам массовой информации и т.д.) они фактически объединились в определенную неформальную политическую общность. Когда же мы имеем дело с любым более активным, чем голосование, общественно-политическим действием, его коллективный характер еще более очевиден. Социально-индивидуальная природа человека – феномен чрезвычайно многогранный, многообразный по формам своего проявления, и одно из его проявлений состоит в том, что отношение человека к общественной действительности (интеллектуальное, эмоциональное или практическое), с одной стороны, складывается в недрах его собственной индивидуальной психики, с другой – никогда не бывает абсолютно индивидуальным, изолированным от мнений и поступков других людей (конкретных индивидов или "обобщенного другого"). Это отношение складывается в процессе общения людей и выражается в общих для какой-то их *группы* взглядах и поступках, в групповых психологии, сознании и поведении.

Из сказанного очевидно, что в признании личности субъектом социально-политической психологии содержится правда, но не вся правда. В действительности эта психология формируется, воспроизводится и эволюционирует на двух уровнях: индивидуально-личностном и групповом. Двойственная социально-индивидуальная природа психики человека выражается в двойственности субъекта той сферы этой психики, которая наиболее непосредственно регулирует отношения между человеком и обществом. Субъектом социально-политической психологии является одновременно личность и большие (т.е. функционирующие в макросоциальных масштабах) группы, представляющие собой социально-психологические общности¹. Поскольку же, как убедится читатель, основные структурные компоненты социально-политической психологии восходят к структурным компонентам психологии личности и воспроизводятся в психологии группы, анализ этих компонентов удобно начинать именно с индивидуально-личностного субъекта.

---

¹ Группа как социально-психологическая общность не обязательно совпадает с группой, выделяемой на основании объективных социально-экономических критериев: место в системе производства, уровень доходов, правовой статус и т.д. Например, класс или слой может быть, но может и не быть социально-психологической общностью.

1. Социальные и социально-политические установки личности

*Понятия
установки и ат-
титюда*

Реальная психология личности представляет собой продукт взаимодействия и взаимоналожения мотивационных, познавательных (когнитивных), аффективных (эмоции) и коммуникативных (общение) процессов. Первые два из этих

психологических блоков были рассмотрены в предшествующих главах книги, два последних упомянуты во введении к данной главе. Для понимания результатов взаимодействия и интеграции различных психических процессов, т.е. в конечном счете целостности субъекта психики особый интерес представляют те как бы "вторичные" (ниже мы убедимся в условности этого термина) психические образования, которые являются продуктами такого взаимодействия. Подобные образования в современной психологической литературе иногда называют "гибридными", имея в виду, что их можно рассматривать как смесь "первичных" (мотивационных, познавательных и т.п.) психических компонентов. Данный термин также условен, так как "родители" биологического гибрида существуют независимо от него самого, а в производных психических образованиях "родительские" компоненты находятся в отношениях необходимого взаимодополнения и сплошь и рядом могут функционировать лишь объединившись друг с другом. Мы видели это на примере взаимодействия потребностей и знаний в процессе формирования мотивов. Из различных "гибридных" образований наибольшее внимание психологической, в особенности социально-психологической науки привлекают установки, или аттитюды. Термин "установка" в русскоязычную литературу ввел глава грузинской психологической школы Д.Н. Уznaдзе, определявший ее как предшествующую любым, в том числе психическим актам субъекта готовность осуществлять именно те акты, которые адекватны данной ситуации. Концепция Уznaдзе была направлена против характерного для современной ему психологической науки "постулата непосредственности" – представления о том, что "объективная действительность непосредственно и сразу влияет на сознательную психику"². Он доказывал, что реакция субъекта на ситуацию обусловлена не только самой ситуацией, но и его внутренней, неосознанной предрасположенностью реагировать на нее определенным образом. В рамках грузинской психологической школы теория установки разрабатывалась в тесной связи с категорией потребности: функция установки состоит в том, что она как бы "указывает" потребности ее предмет, способный реализовать ее в данной ситуации, сокращает объем поисковой активности, необходимой для выявления предмета³. Надо заметить, что грузинская школа связывала установку в основном с биологическими потребностями.

С точки зрения теории мотивации, понятие установки важно

² Уznaдзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки // Психологические исследования. М., 1966. С. 158.

³ См.: Прангвишвили А.С. Потребности, мотивы, установки // Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974.

прежде всего тем, что оно раскрывает механизм формирования такого важного качества потребностей и мотивов, как относительная устойчивость их предметной формы. Благодаря установкам субъекту не нужно постоянно определять, в чем состоят его потребности и способы их удовлетворения: они уже зафиксированы в его установках.

Понятие аттитюда, интенсивно разрабатывавшееся в американской социальной психологии, родственно понятию установки, поскольку ключевым словом в его определении также является "готовность" Г. Олпорт еще в 1935 г., объединяя различные определения аттитюда, сформулированные к тому времени социальными психологами, интерпретировал его как "состояние сознания и нервной системы, выражающее готовность и организованное на основе предшествующего опыта; аттитюд оказывает направляющее и динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов, к которым он (аттитюд) имеет отношение"⁴. Это определение оказалось настолько емким с точки зрения синтеза различных подходов, выносящим за скобки все разногласия и неясные вопросы, что и 50 лет спустя с него начинались главы об аттитюдах в учебниках по социальной психологии⁵.

Будучи родственными, установка и аттитюд в то же время отнюдь не аналогичные понятия. Со времен знаменитой работы У. Томаса и Ф. Знанецкого "Польский крестьянин в Европе и Америке" (1918–1920), в которой категория аттитюда была впервые использована для изучения социальных явлений, его стали рассматривать как важнейший компонент социальной психологии и характеристику личности. Если при изучении аттитюда главное внимание уделяется его функциям в социальных отношениях и социальном поведении людей, то установка исследуется в общей психологии прежде всего с точки зрения ее роли и места в структуре психики⁶. Далее, аттитюд чаще всего рассматривается как явление сознания, выражаемое в языке, в вербальном поведении⁷ (на чем основаны и многие методы его изучения), а установка, как показано в частности в работах Д.Н. Узнадзе, имеет неосознанный характер. В русскоязычной литературе английский термин "аттитюд" чаще всего не переводится или же выражается понятием "социальная установка".

Мы не имеем здесь возможности останавливаться на весьма сложной истории изучения аттитюдов и установок, на тех теоретических и методологических проблемах, с которыми оно столкнулось⁸.

⁴ Allport G.W. Attitudes // Murchison C. Handbook of social psychology. Worcester, 1935. P. 810.

⁵ Jaspars J.M. The Nature and Measurement of Attitudes // *Introducing Social Psychology* // Ed. H. Tajfel, C. Fraser. Harmondsworth, 1984. P. 56.

⁶ См.: Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой. М., 1977. С. 145.

⁷ См.: Шихирев П.Н. Исследование социальной установки в США // *Вопр. философии*. 1974. № 2. С. 166.

⁸ См.: Бозрикова Л., Семенов А. Аттитюды и их связь с поведением (обзор исследований в США) // *Социальная психология за рубежом*. М., 1974. Вып. 1.

В американской социально-психологической литературе, где аттитюды — одна из центральных тем, их исследование пошло по пути все более детального структурирования этого понятия, формализации и математизации исследовательского аппарата, в особое направление выделилось измерение аттитюдов. Возникшие при этом многочисленные трудности и противоречия подчас побуждали ставить под вопрос саму правомерность данной категории. Для нас важно прежде всего выделить те результаты изучения аттитюдов и установок, которые полезны для понимания структуры и динамики социально-политической психологии, ее индивидуально-личностного субъекта.

С этой точки зрения наиболее непосредственное отношение к нашей проблематике имеет социально-психологическое изучение аттитюдов, ибо именно оно выявляет отношение индивидов к социальным объектам и ситуациям. Это, однако, не означает, что, изучая социально-политическую психологию, можно пренебрегать общепсихологическими концепциями установки: ведь в этих концепциях раскрываются связи различных психических процессов, в особенности мотивационных и познавательных, а только через такие связи может быть достигнуто понимание единства и структурной организации субъекта этой психологии.

*Функции
социально-поли-
тических уста-
новок*

Установки и аттитюды обладают двумя главными функциональными свойствами, которые определяют их значение в психологии социально-политических отношений. Первое из них можно назвать свойством относительной устойчивости.

В общепсихологическом смысле функция установки состоит в том, что она обеспечивает человека способностью реагировать на ситуацию и внешние объекты (например, на ситуацию неудовлетворенной потребности и объекты, способствующие или препятствующие ее удовлетворению) на основе прошлого опыта. Установка приводит в действие психические процессы и практические действия, адекватные ситуации и объектам, потому что в ней содержится предшествующая ситуации готовая "модель" этих процессов и действия. В обыденной жизни, например в труде, потреблении, межличностных отношениях, она закрепляет те привычки и навыки, без которых эта жизнь была бы невозможной. Установки обеспечивают устойчивость личности, ее диахроническое (сохраняющееся на продолжении более или менее длительного времени) единство. Вместе с тем тот опыт, который формирует "обыденные" установки, более или менее постоянно присутствует и воспроизводится в жизни любого человека, знания, черпаемые из этого опыта, могут противоречить друг другу, вызывать внутренние психические конфликты, но они во всяком случае относительно доступны и способны систематически подкреплять установки или вносить в них необходимые по жизни модификации.

Социально-политический опыт и знания людей, как мы уже видели, отличаются значительно большей удаленностью от их непосред-

ственного восприятия и практики, фрагментарностью и разорванностью, с гораздо большим трудом поддаются адекватному освоению и воплощению в "модели" реакции на явления и события, происходящие в обществе. Поэтому социально-политические установки (независимо от того, каким образом они возникли) играют, в отличие от общепсихологических и социально-психологических, специфическую роль *компенсатора когнитивного дефицита*. Иными словами, они моделируют реакцию людей, не только на знакомые, но и на неясные, непонятные социально-политические ситуации. Одна из функций этих установок – минимизировать риск, опасность, содержащуюся в таких ситуациях. Закрепленное в таких установках отношение к определенным классам макросоциальных объектов и ситуаций, явлений и событий, их "оценка" с точки зрения потребностей субъекта позволяет ему поддерживать минимальные мотивационно-психологические связи с макросоциальной средой, психически, интеллектуально или практически реагировать на исходящие от нее импульсы.

Характерный пример этой роли установок – реакция экономического поведения людей на политические события, воспринимаемые как угроза стабильности положения в стране или мире. В моменты обострения международной напряженности многие стараются запастись продуктами – выстраиваются длинные очереди в продовольственные магазины. Люди не могут знать, перерастет ли очередной конфликт в войну и сопряженный с ней дефицит необходимого, но аккумулирующая прошлый опыт установка подсказывает им поведение, ориентирующееся на такую возможность. Известно, как чутко реагируют курсы валют и ценных бумаг на бирже на политические изменения и события, подчас происходящие в очень далеких странах и не имеющие явной связи с экономической конъюнктурой, в которой живут вкладчики и владельцы капитала. Установка экономических агентов на общую политическую стабильность заменяет отсутствующее знание о последствиях конкретных событий, поэтому нарушение стабильности включает поведение, минимизирующее их возможные негативные последствия.

В рассмотренных примерах мы имеем дело с установками, которые социальные психологи называют ситуационными (точнее, "установки на ситуацию"). Из компонентов, формирующих установку, – потребность, прошлый опыт и ситуация – в таких случаях решающую роль играют два последних: включаемые в установку потребности (например, в продуктах питания, стабильном или растущем капитале и доходе) самоочевидны, не нуждаются в каком-то особом осознании и "опредмечивании".

В других случаях решающую роль в формировании установки играет, напротив, именно фиксация предмета потребности: в социальной психологии ее называют тогда "установка на объект". Такие установки чаще всего связаны с потребностями, предмет которых "выбирается" самим субъектом, не является чем-то само собой разумеющимся, что, как мы видели, более всего характерно для потребностей

социального существования. По отношению к одним и тем же явлениям у одних людей могут преобладать установки на ситуацию, у других – на объект, и это различие, отражающее структуру и иерархию их потребностей, оказывает существенное влияние на их сознание и поведение. Например, в 1992–1993 гг. подавляющее большинство россиян испытывали весьма тяжелую для них ситуацию быстрого роста цен, за которым не поспевали их доходы. Многие из них реагировали на нее подобно одной пожилой москвичке, спрашивавшей: "Когда же они (правительство) перестанут повышать цены?" На возражение, что правительство здесь не при чем, цены – свободные, она отвечала новым вопросом "а на что же в этом случае нужно правительство?"

Перед нами типичный случай установки на ситуацию, опирающейся на сформированное прежним ("социалистическим") опытом представление о государстве как командной инстанции всех экономических процессов. В установке зафиксирован привычный способ удовлетворения потребностей физического существования – государственное распределение благ по доступным ценам. Другие люди, испытывавшие те же тяготы, продолжали неизменно поддерживать политику реформ Ельцина–Гайдара. Далеко не всегда эта поддержка была основана на ясном понимании стратегии и возможных благоприятных последствий реформ, часто ее стимулировала просто позитивная установка на определенную политическую силу (демократов, реформаторов, Ельцина и ельцинистов), включенная в политические убеждения человека. В политическом сознании и поведении таких людей преобладала установка на объект, воплощавшая их потребность социального существования – в интеграции в определенную общность, в идентификации с ней. "Объектом" в социально-политической психологии может быть все, что способно удовлетворить соответствующие потребности: группа, организация, политический лидер, система идеологических ценностей.

Фиксация в установках предметного содержания потребностей подводит к пониманию второго их функционального свойства. Оно состоит в их способности не только опредмечивать – в результате поисковой активности субъекта – его возникшие на бессознательных глубинах психики потребности, но и практически выступать в качестве *относительно самостоятельных потребностей и мотивов*. Еще К. Левин выделил особый класс потребностей, которые возникают не из внутриспсихических, но из внешних, не имеющих физиологического или глубоко личностного содержания импульсов. Например, намерение человека позвонить кому-то по телефону или опустить письмо в почтовый ящик может формировать актуальную потребность – состояние напряжения, стимулирующее определенное действие и не угасающее, пока действие не будет завершено (или не натолкнется на непреодолимые барьеры). Чтобы отличить возникающие таким образом мотивы от тех, которые имеют внутриспсихические источники, (такowymi Левин считал только биологические потребности), он назвал их "квазипотребностями". Фактически они представляют собой приня-

тые субъектом установки на определенное действие, превратившиеся в потребности⁹.

В психологии Левина речь идет в основном о ситуационных квазипотребностях, возникающих в его опытах из стремления завершить решение какой-либо поставленной экспериментатором задачи. Однако сфера действия подобных установок-потребностей чрезвычайно широка и в реальной жизни. Весьма большую роль играют они в общественно-политических отношениях и массовом поведении. Когда толпы жителей средневековой Европы устремлялись в крестовые походы во имя освобождения Гроба Господня, это трудно объяснить одними лишь духовно-религиозными потребностями, неустроенностью жизни и авантюристическими наклонностями их участников: всего этого было бы мало, если бы их всех не охватила общая *идея*, внушившая им страстное стремление изгнать мусульман из Иерусалима. Не менее бурные идейные и политические страсти движут поведением многих людей в наше время – страсти, которые ни по своему "предмету", ни по накалу не могут быть объяснены только потребностями, возникшими из реальных жизненных отношений. В этом, собственно, и проявляется относительная независимость установок, принятых людьми, от соответствующих им потребностей.

Проявляется она также и в том, что средства, предлагаемые для осуществления широких общественно-политических целей, тоже превращаются в самостоятельные установки, в самоцель, отодвигая психологически на задний план, а то и вовсе заставляя предать забвению конечную цель. Такое происходит, например, во время революций, когда победа революции, ниспровержение существующей власти и защищаемых ею порядков оказываются чем-то гораздо более важным, чем конструктивные цели, во имя которых была задумана революция.

Общественно-политическая жизнь, как уже отмечалось выше, во многих своих параметрах развертывается на уровнях, далеких от непосредственно осознаваемых интересов и понимания большинства членов общества. В этих условиях *установки-потребности, имеющие отношение к политике и общественному устройству, служат необходимым средством психологического включения массы в общественно-политическую жизнь*. Так, многие избиратели в любой стране настолько плохо представляют себе возможную политику различных партий или кандидатов, своеобразие их платформы по сравнению с соперниками, что они просто не могли бы участвовать в выборах, если бы не имели позитивных или негативных установок в отношении определенных партий и лидеров.

Независимость установок от потребностей мы определили как относительную. Любая установка соответствует той или иной потребности в том смысле, что она способна предупреждать возникновение какого-то психического дефицита или напряженности. Независима же

---

⁹ Arkes H.R., Garske J.P. Psychological Theories of Motivation. Monterey, 1977. P. 173.

она потому, что предметное содержание потребности с самого начала определяется именно установкой, ее усвоению не предшествует непосредственно переживаемое состояние дефицита, вызывающее поисковое поведение и процесс "опредмечивания" потребности. Подобный способ формирования потребностей из установок (а не наоборот) возможен лишь при определенных условиях. Во-первых, установка не вырабатывается и не отбирается индивидом в процессе самостоятельной психической активности, но усваивается в готовом виде из общественного сознания – через процессы социализации и коммуникации. Во-вторых, установка укрепляется вначале в сознании субъекта, приобретает вербальное выражение и лишь потом укореняется в аффективной и бессознательной сферах психики. В этом сказывается хорошо известный психологам факт: хотя сознание не контролирует целиком все психические явления и процессы, оно способно в значительной мере регулировать лежащие ниже сферы психики.

Установки, приобретаемые в готовом виде из социального опыта и культуры – один из важнейших компонентов социально-политической психологии. Индивид вообще очень редко вырабатывает свое совершенно уникальное отношение к общественной и политической действительности; поскольку она в отличие от частной жизни охватывает множество людей, свои установки в отношении этой действительности индивид сплошь и рядом заимствует от других, от той или иной социальной общности. Такой путь усвоения социально-политических установок в определенном смысле сближает их со стереотипами, и действительно качество стереотипности часто присутствует в установках. Неправильно было бы, однако, отождествлять эти понятия: стереотип – в основном когнитивное образование, разновидность социального знания, установка же помимо когнитивных имеет еще мотивационную, а также, как увидим ниже, и другие функции. Кроме того, в отличие от стереотипа установка не обязательно отличается неподвижностью, особо стойкой устойчивостью: установки, особенно социально-политические, способны меняться, особенно под влиянием изменений в потребностях, в мотивах, в знаниях и опыте людей.

Если подытожить все сказанное об отношениях между потребностями и социально-политическими установками, можно сделать вывод о двойственной мотивационной основе этих установок. Одни из них, как отмечалось во второй главе книги, представляют собой продукт экстраполяции в сферу социально-политической психологии "обыденных" и личностных потребностей людей, сложившихся вне этой сферы. Подобные потребности и выражающие их установки воплощаются в требованиях, которые люди предъявляют обществу и его институтам. Другие потребности и установки рождаются непосредственно из социально-политических отношений людей, причем в процессе их формирования и воспроизводства первичным звеном часто являются социальные и политические установки (аттитюды), усвоенные индивидом из общественного сознания. Из приведенных примеров легко убедиться, что такого рода часто самостоятельными установка-

ми-потребностями являются, например, *политические цели* – если, разумеется, они интериоризированы тем или иным множеством людей, превратились в мотивы их суждений и действий.

Теперь нам предстоит разобраться в том, как именно из социально-политических отношений возникают соответствующие им (а не экстраполированные из других сфер) потребности, мотивы и установки. А также в том, почему и каким образом они включаются в психологию личности.

Установки и феномен идентификации

Социально-политические отношения — это в самом общем виде отношения трех уровней. Во-первых, между индивидами и большими социальными группами различных типов и масштабов.

Во-вторых, отношения между самими этими группами. И, наконец, в-третьих, отношения между людьми (выступающими в качестве индивидов или будучи объединенными в группы) и социальными институтами. Ограничиваясь пока отношениями первых двух уровней (внутри- и межгрупповыми), можно констатировать, что необходимым условием их функционирования является большая или меньшая степень психологической интеграции индивидов в большие социальные группы. С точки зрения изложенной выше (см. главу II) концепции психологии мотивации, такая интеграция есть проявление одной из базовых мотивационных тенденций человека – потребности в связях с другими людьми, в общности с ними.

В психологических теориях личности социально-интегративная тенденция человеческой психики характеризуется и анализируется по-разному. Например, в концепции А. Маслоу она выделяется, как мы видели, в особую инстинктоидную потребность в "принадлежности" (к человеческой общности). В других теоретических контекстах, например в психоаналитическом, эта тенденция рассматривается вне связи с мотивационной проблематикой, но как одно из проявлений полифункционального психического феномена *идентификации* – присущего человеку бессознательного отождествления себя с кем-то другим, переживание тождественности другому. Российский психолог Е.З. Басина считает разновидностью идентификации эмпатию – способность человека переживать, чувствовать за другого, как за самого себя¹⁰.

Идентификация или эмпатия яснее всего проявляются в межличностных отношениях – семейных, любовных, дружеских, микрогрупповых. Труднее понять, как люди могут идентифицировать себя с "другими", которые в основной своей массе находятся вне зоны их непосредственных контактов – с большой социальной группой или институтами (нацией, государством, классом, конфессией, политическим течением и т.д.). Такого рода "обобщенные другие" присутствуют в психике индивида в виде более или менее абстрактного образа, а идентификация, "сопереживание" с абстракцией по всей видимости, дело психологически достаточно трудное. Вопрос, собственно, и состоит

¹⁰ Bassina E. Identification: reality or a theoretic construct? // *Dynamische Psychiatrie / Dynamic Psychiatry*. West Berlin, 1990.

в том, какая "сила" позволяет преодолеть эти трудности. А также в том, какие факторы обуславливают индивидуальный выбор того или иного из наличествующих в социальной действительности "обобщенных других", большую или меньшую степень идентификации с ними.

Ответы на эти вопросы, очевидно, кроются в социальной природе бытия и психической жизни человека. В принципе эта природа вообще не предполагает каких-либо ограничений масштаба практических и психологических связей между людьми: единственное предельное ограничение – это принадлежность к человеческому роду. Реальные и гораздо более узкие ограничения накладываются не человеческой онтологией, но историей, географией и возможностями взаимного познания. История становления человека проходила в социальном плане через эволюцию стай его ближайших предков в родо-племенные общности, вынужденные соперничать между собой за доступ к природным благам, необходимым для их существования. Масштабы человеческих общностей диктовались условиями, оптимальными для выживания и организации совместной производственной деятельности, эволюционировали и расширялись в интересах защиты этих условий и их улучшения. Познание людьми их собственных социальных связей основывалось вначале на совместной жизнедеятельности и непосредственном общении; у многих первобытных племен общее понятие "люди" совпадало с именем племени. Для первобытного человека характерен высокий уровень идентификации со "своей" общностью; люди, находившиеся за ее пределами, воспринимались либо как реальные и потенциальные враги и соперники, либо как нейтральные "чужие". Так возник психологический и лингвистический – выраженный в местоимениях первого и второго-третьего лица дуализм "мы" – "они(вы)"

Знаменитому швейцарскому психологу К. Юнгу – наиболее значительному после З. Фрейда представителю психоаналитического направления – принадлежит идея архетипов – коллективных представлений, выработанных человечеством на ранних стадиях его истории и сохраняющихся на бессознательном уровне до наших дней. Юнг подчеркивал, что архетипы соответствуют типичным жизненным ситуациям и что они воспроизводятся "не в форме образов, наполненных содержанием, но ...только как *формы без содержания*, репрезентирующие просто возможность определенного типа восприятия и действия"¹¹. Можно полагать, что противостояние "мы–они" относится к числу таких архетипов. Конкретное содержание "мы" и "они" разнообразно и изменчиво; весьма устойчивой, если и не полностью неизменной является именно структурная форма восприятия и дифференциации социальных связей людей.

Эту форму можно рассматривать также как исторически первичное проявление тех тенденций к автономии, выделению и к интеграции, объединению, о которых подробно говорилось во второй главе книги. На ранних стадиях человеческой истории, когда практическая и психологическая возможность индивидуального выделения была еще

¹¹ The Portable Jung. Harmondsworth, 1977. P. 66.

крайне узкой, субъектом выделения было не столько индивидуальное, сколько коллективное "я"(мы)"; индивид выделялся из массы человеческих существ как бы в составе той группы, с которой он себя идентифицировал. Подобный способ выделения является, однако, не только архаичным. В трудах упоминавшегося уже французского социолога П. Бурдьё показано, какую большую роль в повседневной жизни современного человека играет поведение, демонстрирующее и символизирующее его принадлежность к определенной социальной группе.

Подобное "коллективное выделение" предполагает в то же время присутствие в психике образа других, не принадлежащих данной группе людей – образа, который может быть вполне конкретным, "эмпиричным", если речь идет о "соседних", находящихся в поле непосредственного восприятия группах, или относительно абстрактным, когда такое восприятие невозможно. Материал мифологии и истории религии показывает, что восприятие этого абстрактного "обобщенного другого" не обязательно подчинялось тесному противостоянию "мы-они". Если в одних антропогонических (описывающих происхождение человека) мифах, как отмечает филолог и культуролог В.В. Иванов, "не всегда отчетливо различимо происхождение всего рода человеческого и отдельного народа", то в других сотворенный божественной силой человек – родовое понятие, не имеющее этнических или племенных характеристик¹². Библейские Адам и Ева – это люди вообще, их потомки живут все вместе и говорят на одном языке, и лишь когда сыны человеческие начали строить Вавилон и вавилонскую башню, "смешал Яхве языки всей земли, и оттуда рассеял их Яхве по всей земле" (Быт. 11,1–9). В библейской легенде отражено представление о первичности всеобщего родового человеческого "мы" и вторичности частных, объединяющих и противопоставляющих друг другу различные племена и народы "мы". Новое пронизанное гуманистическими морально-этическими ценностями воплощение идея общечеловеческого единства получила в христианстве.

Установки на идентичность с макросоциальной общностью тех или иных масштабов – от родо-племенной до национально-государственной, социально-классовой и общечеловеческой – образуют таким образом специфический класс социально-политических аттитюдов, обусловленных социальными отношениями личности и социальными межгрупповыми отношениями. Комплементарными (дополняющими) по отношению к этим аттитюдам являются установки на другие "чужие" общности, которые могут быть однозначно позитивными, дружественными, однозначно негативными, враждебными, индифферентными или носящими более сложный амбивалентный характер.

Какую же роль играют подобные установки в психологической структуре личности? Очевидно, что они прежде всего ориентируют ее психологические и поведенческие реакции на ситуации, которые возникают в сфере межгрупповых отношений. Возникновение и острота

¹² См.: *Иванов В.В. Антропогонические мифы // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 87.*

международных конфликтов, возможности их перерастания в войну так же, как устойчивость мирных или дружественных отношений между соседними государствами зависят от многих экономических, политических и геополитических факторов. А также в большой мере – от психологического взаимовосприятия народов, выраженного в соответствующих аттитюдах. Если, например, отношения между Францией и Германией во второй половине XIX – первой половине XX в. характеризовались напряженностью, трижды на протяжении 70 лет перераставшей в войны, то это объяснялось не только столкновением государственных интересов, наличием спорных территорий, агрессивностью германского рейха и т.п. обстоятельствами. Напряженность и войны вряд ли были бы возможны, если бы в национальной психологии обеих стран не было бы устойчивых антинемецких во Франции и антифранцузских в Германии установок. После же второй мировой войны под влиянием ряда факторов, в том числе становления "атлантической солидарности", западноевропейской интеграции, раскола Германии и устойчивой демократизации западногерманского общества эти установки в значительной мере были вытеснены другими, выражавшими идентификацию французов и западных немцев с "Западом", "свободным миром", "Европой". Соответственно растворилась не только политическая, но и психологическая напряженность в отношениях между соседними народами.

Не менее велика роль групповых установок в межэтнических и социально-классовых отношениях внутри отдельных обществ. Она ярко проявилась, например, в тех процессах, которыми сопровождался распад многонациональных государств, испытавших в конце 80 – начале 90-х годов крах "социалистического" тоталитаризма. В Чехословакии он принял форму мирного "развода", на территории бывшего СССР возник ряд острых межэтнических и межреспубликанских конфликтов, которые однако не переросли (во всяком случае до 1994 г.) во всеобщую войну и относительно слабо затронули подавляющее большинство этнических общностей. Совершенно иначе пошло развитие событий в бывшей Югославии, где кровавые войны между наиболее крупными этническими, а точнее, религиозными общностями – православными сербами, католиками-хорватами и мусульманами-боснийцами приняли перманентный характер. Югославская ситуация в немалой степени обусловлена тем, что этно-религиозная взаимная отчужденность и враждебность – психологический феномен, издавна укоренявшийся в этой части Балкан. Ни в дореволюционной России (за исключением некоторых регионов), ни в Советском Союзе этот феномен не проявлялся в столь жестко агрессивной форме.

Столь же очевидна роль групповых аттитюдов в социально-классовых отношениях. Так, напряженный и перманентно-конфликтный характер отношений между рабочими и предпринимателями отличал социальную историю стран романской Европы, вплоть до 60–70-х годов нашего века. В то же время в англо-саксонских странах они были значительно более мирными, тяготеющими к компромиссу и партнерству. С этими различиями коррелировалось разное восприятие "противо-

положного класса" и разные типы групповой идентификации, закрепленные в психологических установках социальных действующих лиц. В истории же Соединенных Штатов особо драматическую роль играли аттитюды, действовавшие в сфере расовых отношений (между белыми и черными американцами). Кстати, и американский, и западноевропейские примеры подтверждают отмеченную выше историческую изменчивость аттитюдов. В 80–90-х годах во Франции и Италии традиционные классовые, а в Штатах расовые установки в значительной мере ушли или уходят в прошлое. Влияние групповых идентификационных аттитюдов отнюдь не ограничивается сферой межгрупповых отношений. Было бы неправильно думать, что они определяют только отношение индивида к представителям своей и других групп, с которыми он сталкивается на общественно-политической арене или в обыденных бытовых ситуациях. Современная социальная психология изучает воздействие групповой идентификации на относительно "удаленные" от нее уровни и сферы психической жизни и поведения личности.

*Диспозиционная
концепция лич-
ности и пробле-
ма социальных
ценностей*

Весьма плодотворна в этом отношении диспозиционная концепция личности, автором которой является известный социолог и социальный психолог В.А. Ядов (выдвинутая в начале в качестве теоретической гипотезы, она подверглась проверке и корректировке в ходе проведенного под его руководством эмпирического исследования)¹³. По Ядову, диспозиции (т.е. "предрасположенности" – термин, близкий по смыслу к понятию установки) личности образуют иерархическую систему. На низшем ее уровне располагаются установки, изучавшиеся в частности грузинской психологической школой – неосознанные, связанные с удовлетворением витальных потребностей в простейших повторяющихся ситуациях. Диспозиции более высокого уровня – это аттитюды, их формируют, "с одной стороны, социальные потребности, связанные с включением индивида в первичные и другие контактные группы, а с другой – соответствующие социальные ситуации". Наконец, высший уровень диспозиционной иерархии образует система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей, детерминированные общими социальными условиями жизни данного индивида". Эта система ценностных ориентаций, "идеологическая по своей сущности, формируется на основе высших социальных потребностей личности (потребность включения в данную социальную среду в широком смысле как интернализация общесоциальных... условий деятельности)"¹⁴.

Можно выделить два наиболее существенных для нашей темы тезиса диспозиционной концепции. Первый из них, вообще говоря, широко признанный и детально разработанный в социально-психоло-

¹³ См.: Социально-психологический портрет инженера. М., 1977; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

¹⁴ Социальная психология / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л., 1979. С. 109–110.

гической науке, состоит в выделении из всей массы установок личности тех, которые носят *ценностный* характер, представляют собой ценности, или ценностные ориентации, выражающие, что в жизни является наиболее важным для человека, обладает для него *личностным смыслом*, и определяют поэтому его жизненные цели. Обычно считается, что ценности носят более или менее осознанный характер, могут быть выражены индивидом в обобщенных понятиях и что по своему происхождению они социальные, усваиваются им из макросоциальной среды, из того идейного и культурного арсенала, которым располагает общество. Иными словами, ценности принадлежат к тому классу установок, которые относительно автономны от индивидуальных мотивационных процессов, но в то же время они выполняют в индивидуальной психике весьма ответственные мотивационные функции, выражая те потребности, которые определяют ведущие цели, "генеральную жизненную линию" индивида.

Второй тезис диспозиционной концепции значительно более оригинален и гипотетичен. В сущности Ядов предполагает, что способ удовлетворения рассмотренной выше идентификационной потребности (по его терминологии, потребности включения в данную социальную среду) предопределяет и идеологическую по своему содержанию систему ценностных ориентаций личности, и ее жизненные цели. Если понимать этот тезис буквально, получается, что от того, с какой социальной общностью себя человек идентифицирует, прямо зависят и его *собственные* ценности и цели. Применительно к интересующей нас сфере – социально-политической психологии – это означало бы, что она играет "командную" роль по отношению к психологии индивидуальной.

На самом деле подобное буквальное, упрощенное понимание ядовской концепции противоречит всему содержанию его исследований, в которых весьма тщательно анализируется влияние на личную психологию и поведение целого ряда иных факторов: профессиональной принадлежности и уровня образования людей, должностного статуса, условий и характера труда, возраста и пола; учитываются и индивидуальные различия. Из исследования выясняется, что доминирующие личные ценности – такие, как творческая интересная работа, материальная обеспеченность, семья, "жизнь, полная удовольствий" и т.д. – коррелируются скорее именно с этими факторами, характеризующими индивидуальную ситуацию человека, чем с идеологическими ценностями макросоциальной среды или с "общесоциальными условиями деятельности". Да это вряд ли может быть иначе, ибо отношение человека к такой среде – к своему классу, нации, обществу и к ее идеологическим ценностям – в большинстве случаев гораздо менее психологически значимо для него, чем отношение к событиям и явлениям собственной жизни, к людям, с которыми он связан совместной деятельностью и непосредственным общением.

Тем не менее психологическая интеграция индивида в те или иные большие социальные общности, интериоризация им выработанных ею ценностей – факт вполне реальный. Реально и влияние этих

относящихся к социально-политической психологии ценностей на всю мотивационную психологию личности. Но это влияние чаще всего осуществляется не путем простого преобразования социально-политических или идеологических ценностей в личные мотивы, но более сложно и опосредовано.

Можно предположить, что макросоциальные или идеологические ценности, не будучи непосредственным источником ценностей личных, участвуют в их отборе индивидом в качестве своего рода "социального семафора": они "поощряют" одни личные цели и ориентации, "запрещают" другие, проявляют нейтралитет к третьим. Будучи социально-индивидуальным существом, человек не обязательно строго следует этим сигналам, но так или иначе считается с ними, пытается как-то согласовывать свои внутренние побуждения с социально санкционированными, нормативными ценностями. В исследовании Г.И. Саганенко и В.А. Ядова, построенном на сравнении доминирующих ценностей - целей жизни советских инженеров и двух групп американцев (белых и черных), показано, что у советских людей доминируют "ценности широкого человеческого общения, а у американских граждан (независимо от цвета кожи) - "индивидуалистическая направленность". Так, у американцев одно из высших мест в иерархии ценностей занимает свобода, которая вообще отсутствует в советском опросе. У советских инженеров соответствующую иерархическую позицию занимает "интересная работа" Семья ("безопасность семьи", "счастливая семейная жизнь") - высшая ценность у белых американцев, но весьма важна и для советских инженеров (третья иерархическая позиция, после "здоровья" и "интересной работы"). Материальное благосостояние занимает 4-5-е места у американцев и 7-е место в советском обследовании, зато психологическая значимость межличностных отношений в национальных выборках резко различается. У советских людей "любовь" занимает 5-е, а "хорошие", "верные друзья" - 6-е место, у американцев соответственно 14-15-е и 9-10-е места¹⁵.

Бесспорно, эти данные отражают не только "социально-экономические различия образов жизни" (как полагают Саганенко и Ядов), но и своеобразие национальных характеров. Американский индивидуализм и склонность русских людей к самовыявлению в личных отношениях хорошо известны. Позволительно однако усомниться, что содержательные различия в жизненных целях и ценностях американцев и советских людей действительно столь резки, как об этом говорит сопоставление двух обследований. Ценность интересного творческого труда не была почему-то включена в американский опрос, между тем многочисленные эмпирические исследования по трудовой мотивации свидетельствуют о том, что в американском обществе начала 70-х годов (к этому времени относятся оба исследования) она имела значение во всяком случае не меньшее, чем в советском. В условиях низкого жизненного уровня большинства советских людей вообще и технической интеллигенции в

¹⁵ См.: Саморегулирование и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979. С. 90, 91, 100. Далее: Саморегулирование и прогнозирование.

частности, роста их материальных притязаний, начавшегося именно в 60–70-х годах под влиянием нового потребительского стандарта, вряд ли материальное благосостояние могло занимать второстепенное место в их жизненных планах. Приведенные данные отражают не столько реальные личные "жизненные линии", сколько ценностный уровень массового сознания, в значительной мере воспроизводящий ценности, господствующие в соответствующих обществах. В Штатах – это ценности индивидуальной свободы и индивидуального успеха, благосостояния семьи и опоры индивида на собственные силы. В советской системе – одна из высших официальных ценностей – труд на благо общества, материальные же результаты труда для работающего – вторичны по сравнению с его самоценностью, абстрактным социальным значением.

В личных системах ценностей эти представления не воспроизводятся буквально, но в советском случае они побуждают отождествлять смысл труда с самим фактом участия в социальном трудовом процессе, с институциональной принадлежностью к трудовому коллективу. "Я тружусь, если нахожусь 8 часов на работе и состою в штате предприятия" – примерно так ощущали свой трудовой статус и ситуацию многие советские работники. В то же время высокая ценность труда могла стимулировать творческую трудовую мотивацию, установку на "интересный труд", если, конечно, для нее существовали предпосылки в содержании труда, собственных задатках и потребностях работника. Американин, даже если он любит свой труд, выявляет в нем свои творческие потенции, побуждается системой социальных ценностей видеть смысл труда в его материальных результатах, в обеспечении благосостояния семьи.

Эти особенности ценностного сознания различных обществ парадоксальным образом отражаются на реальной трудовой деятельности.

В советском обществе труд был намного менее производителен, интенсивен, эффективен, чем в американском, трудовой процесс изобилует "перекурами", производственный брак и низкое качество продукции — типичные болезни советской экономики. Все это, разумеется, объясняется институциональными особенностями экономической системы, уравниловкой в оплате труда: но имело и свои психологические корни. Для советского работника высокая социальная ценность труда как такового часто оборачивалась равнодушием к его реальным результатам, как для себя лично, так и для общества: он удовлетворялся относительно низкой зарплатой, стабильным положением в производстве и различными социальными льготами¹⁶, а формальное участие в

¹⁶ В условиях перехода к рыночной экономике и ослабления былых гарантий занятости эта психологическая черта проявилась в пассивном отношении значительной части работников к угрозе потери работы и ухудшения жизненного уровня. Как показано в относящемся к началу 90-х годов исследовании В.С. Магуна и В.Е. Гимпельсона, около половины (48% опрошенных) рабочих обнаружили неспособность к таким активным формам индивидуального "сопротивления обстоятельствам", как освоение новой профессии, повышение квалификации или более интенсивный труд. См.: Магун В.С., Гимпельсон В.Е. Стратегии адаптации рабочих на рынке труда // Социол. исслед. 1993. № 9. С. 81–82.

трудовом процессе (своего рода "полутруд"¹⁷) нередко был для него достаточным психологическим основанием чувства собственного достоинства, идентификации с макрообщностью "трудящихся" (или с "рабочим классом"). В США и других странах Запада добросовестный, нередко, качественный труд – условие материального благосостояния человека и общества, поэтому соответствующие ценности выступали как весомый стимул эффективной трудовой деятельности.

Сложнее обстоит дело с ценностями "широкого человеческого общения", столь важными для советских людей. Помимо национальных особенностей, в их высоком иерархическом статусе, по-видимому, сказывается потребность в психологической опоре на "других", особо сильная у людей, не привыкших или отученных рассчитывать на собственные индивидуальные силы, на личную инициативу и энергию. В соответствии с официальной идеологией, такую опору должно было обеспечивать человеку социалистическое общество с якобы присущими ему коллективизмом и гуманизмом. Поскольку же на деле социалистические общественные отношения пронизывал бездушный бюрократизм, гарантировавший лишь минимальную стабильность материального и социального положения людей, но равнодушный к конкретным человеческим судьбам и потребностям, опора на непосредственные позитивные личные отношения – дружбу, любовь – приобретала особое значение для поддержания психологического равновесия личности.

Из всего сказанного очевидно, что идеологические или социально-политические ценности общества, больших социальных групп, в которые психологически интегрирована личность, являются лишь одним из факторов, формирующих ее мотивацию. Удельный вес этого фактора исторически и социально конкретен. В одних социально-исторических ситуациях он играет решающую роль (что было, например, характерно для массовых слоев советского общества в 20–40-х годах), в других идеологические ценности не в состоянии контролировать реальные тенденции личной мотивации и оказывают на них лишь косвенное воздействие. В таких ситуациях люди не столько подчиняют свои мотивы идеологическим ценностям, сколько психологически приспосабливаются к ним, и "продукты" этого приспособления могут значительно отличаться от самих ценностей, хотя и несут на себе их печать.

Чем более велик разрыв между господствующими групповыми ценностями и личными мотивами, тем острее ощущаются ценностно-идеологический дефицит и потребность в новых ценностях, более адекватных запросам личности. Иными словами, связь между социально-политическими ценностями и личными мотивами носит двусторонний характер. Это взаимовлияние социальных ценностей и индивидуальных мотивов ярко проявляется, например, в российском обществе в условиях перехода к рыночной экономике. Изменение реальной ситуации в сфере трудовых отношений, угроза безработицы вызвали у многих работников перелом в их установках, связанных с трудовой деятель-

---

¹⁷ В 1989 г. лишь 27% опрошенных рабочих-мужчин советской промышленности считали, что они работают с полной отдачей сил (Там же. С. 74).

ностью, активизировали мотивы, нацеленные на мобилизацию индивидуальных усилий и инициативы. По данным социологического опроса рабочих, проведенного в 1991 г., 37% опрошенных готовы в случае обострения проблемы занятости освоить новую профессию, 32 – работать над повышением квалификации, 23% – работать гораздо более интенсивно¹⁸. Подобные установки находят опору в новых "либеральных" или "рыночных" ценностях, ориентированных на ответственность индивида за собственный материальный и социальный статус.

Ценности и социальные роли   Интериоризация индивидом идеологических по своему характеру ценностных ориентаций – лишь один из механизмов, реализующих групповую идентификацию людей, обеспечивающих связь личной мотивации с общественным или групповым сознанием. В системе таких механизмов одно из центральных мест занимают социальные роли, ролевые нормы и ожидания. Понятие роли затрагивалось выше в связи с характеристикой символического интернационализма Дж. Миды (см. главу II). Мид и многие другие социопсихологи рассматривают роли преимущественно в контексте непосредственного общения людей и отношений внутри "контактных" групп. Из социально-психологических исследований, ориентирующихся на этот контекст, вытекает, что ролевые ожидания и нормы, формируемые такого рода отношениями и усваиваемые членами группы в соответствии с выполняемыми ими ролями, могут преобразовываться в личностные аттитуды и тем самым в мотивы личности. В концепции Ядова такого рода аттитуды соответствуют диспозициям среднего уровня, "связанным с включением человека в первичные и другие контактные группы". Вместе с тем одно из главных положений этой концепции состоит в том, что высшие диспозиции, т.е. ценностные ориентации доминируют в процессе внутреннего согласования всей диспозиционной системы¹⁹. Если это так, то и в ролях, психологически усвоенных людьми, должны находить отражение не только непосредственные отношения между ними, но и их макрогрупповая идентификация.

Немало исследований ролевой психологии фактически подтверждают, что процесс усвоения ролей происходит не только в микрогрупповом, но и в социальном, общественном пространстве. Так, представители одного из течений символического интернационализма М. Кун и Т. Макпартлэнд провели в 1952 г. эмпирическое исследование "установки на себя", или "Я-концепции" (т.е. представлений людей о самих себе) среди студентов одного из американских университетов. Исследование проводилось предельно простым методом: испытуемым предлагалось в течение нескольких минут дать 20 различных ответов на вопрос "кто я?" Такой тип опроса, очевидно, был рассчитан на максимальные спонтанность, свободу и искренность ответов.

Один из важнейших результатов исследования состоял в том, что при всем разнообразии ответов все 288 опрошенных начинали список

¹⁸ См.: *Магин В.С., Гимпельсон В.Е.* Указ. соч. С. 75.

¹⁹ См.: *Саморегулирование и прогнозирование.* С. 108.

своих характеристик с определений, которые исследователи отнесли к классу "объективных" – обозначали себя как представителей каких-то групп, общеизвестных конвенциональных социальных категорий: "студент", "девушка", "муж", "баптист", "изучающий инженерное дело", "уроженец Чикаго" и т.п. И лишь затем они определяли себя "субъективными характеристиками" обозначавшими физическое или психологическое состояние ("усталый", "счастливый") или человеческие качества ("очень хороший студент", "хорошая жена", "интересная" и т.д.)²⁰. Подобные исследования, во-первых, подтверждают, что людям свойственно идентифицировать себя с определенными (чаще всего несколькими) социальными ролями и группами, и что эта идентификация является первичным элементом самосознания, ощущения собственного Я. Во-вторых, они показывают, что группа, категория, роль, с которыми человек себя идентифицирует, существует и известна *в масштабах общества* (можно идентифицировать себя как чикагца, москвича или одессита, но трудно, если вообще возможно, – как уроженца какого-нибудь маленького, никому не известного поселка).

Все эти наблюдения позволяют яснее представить, как общественные ценности и установки проникают в индивидуальную психику и воспроизводятся в ней, как в этих процессах взаимодействуют микро- и макроуровни социальных отношений. Люди принимают роли на основе непосредственного общения и совместной деятельности, но *содержание* принятой роли, выражаемое и закрепляемое в соответствующих ценностях, установках и мотивах, не может быть определено только на этой основе: это усваивается из *общесоциального и общекультурного* опыта посредством выражающих этот опыт обобщенных социально-ролевых категорий. Социальная идентификация индивида, связанные с ней ценностные ориентации, образуют как бы единый "пакет" передаваемый ему обществом. Поскольку идентификация выражает субъективное отношение между индивидом и обществом, его социально-групповой структурой, в этот "пакет" так или иначе входят и социально-политические ценности. Человек может совершенно не интересоваться общественными или политическими проблемами, не думать о них, но, ощущая себя главным образом, скажем, главой семьи или ее подчиненным членом (сыном, дочерью), представителем своей нации, рабочим, студентом или предпринимателем, он вольно или невольно усваивает общественно признанные ценности и мотивы, "идеологию", которые придают смысл данной роли. Так, доминирование семейных ролей означает, скорее всего, установки на благосостояние семьи и выполнение норм, принятых в данной семейной среде, что предполагает соответствующую направленность личного и общественного поведения. Ориентация преимущественно на социально-профессиональные роли соответствует мотивам успеха в собственной профессиональной (трудовой, деловой) деятельности, учебе и т.д. и, возможно,

---

²⁰ См.: Кун М., Макпарланд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984. С. 180–187.

защиты групповых интересов на социально-политической арене. Идентификация с национально-государственной или этнической общностью может предрасполагать к усвоению националистической идеологии и бытового национализма. Таким образом связанные с ролями установки (диспозиции) различных уровней – как те, которые регулируют повседневные реакции и отношения людей, так и определяющие их жизненные цели и мировоззрение – не разделены какими-то резкими границами, способны взаимно влиять или сливаться друг с другом.

Все эти взаимосвязи между различными компонентами мотивационно-ценностной структуры личности не образуют какой-то механически и единообразно функционирующей системы. Конкретные установки различаются по своей "силе", по удельному весу и иерархическому статусу в психике личности, по влиянию на ее мысли, чувства и поступки, и все эти их характеристики динамичны, меняются в зависимости от ситуации. В этом отношении показателен пример психологических сдвигов, обусловленных особо резкими непосредственно затрагивающими массы людей переломами в политической ситуации – скажем, втягиванием страны в большую войну, вторжением агрессора на ее территорию. У многих людей патриотические ценности–установки, которые в мирное время представляли собой пассивный, мало влияющий на их психическую жизнь, практические дела компонент сознания, в обстановке такой войны становятся доминирующими. На фронте они проявляют храбрость и презрение к смерти, которые вовсе не были присущи им в мирной жизни, в тылу самоотверженно трудятся для победы, подчас забывая о собственных жизненных нуждах. У других людей, "теоретически" разделяющих те или иные патриотические ценности, во время войны, напротив, обостряется инстинкт самосохранения: совершая постыдные с точки зрения общественной морали поступки, они всеми правдами и неправдами стараются не попасть на фронт и нередко ухитряются устроить себе изобильную и уютную жизнь в каких-то тыловых "норах"

Было бы неверно объяснять подобные типы поведения только врожденными различиями между храбрыми и трусливыми, честными альтруистами и лицемерными эгоистами. Такие различия реальны, но подобные черты личности далеко не всегда носят постоянный и абсолютный характер, нередко они зависят от ситуации. В художественной литературе и кинематографе многократно описан достаточно типичный казус: человек, бесстрашно сражавшийся на фронте, рисковавший жизнью, чтобы выручить товарищей, в мирной жизни оказывается трусливым мещанином и конформистом, дрожащим перед начальством и неспособным прийти на помощь другому человеку.

С социально-психологической точки зрения проще всего случай человека, празднующего труса и поглощенного самовыживанием во время войны. Его социально-политические "патриотические" установки носят чисто конвенциональный (т.е. лишь формально соответствующий общепринятым нормам, и слабо интериоризированный), вербальный характер, они практически не связаны с его личной мотивацией, в которой доминирующее положение занимают элементарные витальные

потребности. Храбрость и самоотверженность людей на войне питают "сильные" социально-политические, мировоззренческие установки, основанные на идентификации со своей страной; важно, что они подкрепляются еще индентификационными установками среднего, т.е. микрогруппового уровня – солидарностью с боевыми товарищами. Эта психологическая ситуация точно выражена поговоркой "На миру и смерть красна". В нормальной мирной жизни эта ситуация меняется: "высшие" социально-политические и мировоззренческие ценности, которые на войне актуализирует угроза своему "мы", чаще всего трудно связать с условиями повседневной деятельности, идентификация с контактной группой в этих условиях часто (особенно в трудовых группах, организованных по иерархическому и бюрократическому принципу) имеет совершенно иное значение: она предполагает не сильный альтруизм и взаимную выручку, но соблюдение ролевых норм, во многих случаях, требующих совершенно иных качеств. Подобный анализ отнюдь не отрицает значения индивидуальных характерологических черт (в том числе и генетических), он лишь показывает, что в психике эти черты проявляются во взаимодействии с социальными ситуациями и социально-психологическими механизмами.

Структура установок

Многообразие и подвижность связей между установками различных уровней, их неодинаковые мотивационные функции во многом объясняются сложной, "гибридной" структурой самих установок.

В современной социальной психологии широко признана концепция их трехчленной структуры. В соответствии с ней установка (аттитюд) включает когнитивный (знание об объекте установки и о ситуации), аффективный (положительное или отрицательное эмоциональное отношение к ним) и конативный, т.е. поведенческий (готовность действовать определенным образом, по отношению к объекту и ситуации) компоненты. При этом в литературе высказывались различные мнения по вопросу о взаимоотношениях между компонентами установки. Если одни авторы утверждают, что между ними существует весьма тесная взаимосогласованность, то другие считают, что это не подтверждается эмпирическими данными. Противоречия вызывает и вопрос о роли различных компонентов: является ли центральным звеном установки эмоция по поводу ситуации или объекта, а отбор и мобилизация знаний производится в соответствии с эмоциональным переживанием, как бы по его "заказу" или, напротив, в установке доминирует именно знание. В.А. Ядов исходит в своей диспозиционной концепции из предположения, что познавательные, эмоциональные и поведенческие диспозиции "образуют относительно самостоятельные подсистемы регуляции активности субъекта"²¹.

Это предположение, на наш взгляд, соответствует реальному многообразию типов мотивационных процессов. Рассмотрим в качестве примера установки, относящиеся к принципам общественного устройства и их влиянию на судьбу отдельного индивида. Значение таких

---

²¹ Саморегуляция и прогнозирование. С. 24.

установок очевидно: в них выражается взаимодействие между обобщенным восприятием общественных условий жизни людей, оценкой ими собственных жизненных возможностей и их личной мотивацией.

Перед нами данные различных опросов, проведенных в СССР и в России в начале 90-х годов и так или иначе выявляющих установки по названному кругу вопросов. На вопрос анкеты ВЦИОМ (конец 1990 г.) "Что нужно прежде всего, чтобы достичь хорошего общественного положения?" наибольшее число опрошенных выбрало противоположные по смыслу ответы: "знания, умения, способности" (38%) и "знакомство, связи" (37%). "Упорный труд" ответило 27, "деньги" 20 и "напористость, умение пробиваться" 23%. Очевидно, что в данном случае опрос выявляет установки, выражающие определенные социальные представления, т.е. преимущественно познавательные. Те из них, которые восходят к конвенциональным, принятым в обществе ценностям (добросовестного труда, знаний), несомненно, имеют положительный эмоциональный смысл: упорно трудиться и иметь знания не только полезно практически, но и "хорошо", "правильно" в моральном и психологическом отношении. Этого не скажешь о более "циничных" и "прагматических" неконвенциональных установках, отводящих решающую роль в социальной ситуации индивида связям, деньгам, личной напористости. Люди, давшие соответствующие ответы, могут по-разному относиться к роли таких факторов: осуждать их или считать в порядке вещей. И столь же по-разному могут соотноситься эти представления с реальным поведением. Признание решающей роли упорного труда может реально мотивировать трудовую деятельность человека, содержать соответствующий ценности и знанию поведенческий компонент. Но оно может иметь и чисто "идеологический", вербальный характер, не оказывать существенного воздействия на мотивационно-волевую сферу личности.

Когнитивная составляющая таких установок, очевидно, включает различные иерархические уровни диспозиций. Высший наряду с "идеологическим" представлением (принимаящим или отвергающим господствующую идеологию с ее ценностями труда и знаний) выражает определенное представление об общественной действительности. Одним она кажется построенной на справедливых принципах (вознаграждение достойных), другим – чем-то вроде джунглей, где не преуспеешь без ловкости, "пробивной силы", третьим – построенной на власти денег и неравенстве, определяемом социальными связями людей. Подобные обобщенные представления могут быть заимствованы из общественного опыта, т.е. просто воспроизводить общеизвестные идеологические или "житейские" истины, но могут в то же время подкрепляться собственным опытом человека и его отношениями с непосредственным социальным окружением на работе и в быту. В последнем случае одна и та же когнитивная установка имеет различные иерархические составляющие, включает в себя знания об обществе в целом и о тех социальных ситуациях, которые непосредственно переживает человек.

В целом получается, что как различные в функциональном отношении компоненты установки (когнитивные, эмоциональные, поведенческие), так и установки, функционально однородные, но ориентированные

на ситуации различных уровней (макро- и микросоциальные) могут или соответствовать друг другу и сливаться в единое целое, или расходиться, проявляя большую или меньшую самостоятельность. Вместе с тем относящиеся к разным социальным объектам и ситуациям установки человека обнаруживают тенденцию к взаимному согласованию, к формированию единой системы.

На вопрос всесоюзной анкеты ВЦИОМ (опрос проводился также в конце 1990 г.) "почему некоторые люди живут намного богаче других?" лишь меньшинство (10–18%) опрошенных дало ответы, основанные на положительной оценке индивидуальных качеств "богатых": талант, целеустремленность, деловая хватка, трудолюбие. Большинство же ответов исходило из представления, что богатство несправедливо и достигается неправедным путем (65%: "большинство наживает деньги нечестным путем", 33%: "доходы в нашем обществе вообще распределяются несправедливо"; 28%: "богатыми становятся потому, что имеют богатых родителей, родственников")²². По данным общероссийских опросов фонда "Общественное мнение", в октябре 1992 г. 45, а в августе 1993 г. 40% респондентов согласились с суждением "каждый человек сам, своим трудом должен обеспечить себе достойный уровень жизни". Соответственно 44 и 43% – придерживались мнения, что "обеспечивать гражданам достойный уровень жизни должно государство"²³.

Общество "реального социализма" своей официальной идеологией формировало у людей ценности добросовестного труда и знаний как условия социального продвижения. И одновременно своей практикой опровергало эти ценности, прививая установки на социальное изживенчество и индивидуальное приспособление к бюрократической системе распределения материальных и социальных статусов. Хаотичный и непоследовательный переход к рыночной экономике создал новую ситуацию, в которой возможности обогащения и продвижения стали определяться иными факторами. Развитая, последовательная (т.е. включающая поведенческий компонент) установка на упорный труд, реализацию собственных способностей, приобретение знаний могла послужить тем психологическим "материалом", который помогал адаптироваться к новым условиям: люди, настроенные на интенсивный труд и преуспевшие (или рассчитывавшие преуспеть), беря дополнительную работу или перейдя в частный сектор экономики, были склонны надеяться на собственные силы и видели в богатстве достойную награду за напряженную трудовую активность. Те же, кто не смог адаптироваться к "рыночной" ситуации по объективным обстоятельствам или субъективно, во многих случаях прилагали к переходным условиям привычные представления о несправедливости или случайности распределения социальных благ и актуализировали в своем

²² См.: Общественное мнение в цифрах: Информационный бюллетень ВЦИОМ. М., 1991. Вып. 10.

²³ См.: Фонд "Общественное мнение": Спектр. 1993. № 1 янв.; В поле зрения. 1993. № 37 авг. С. 8.

сознании укоренившуюся установку на ожидание защиты от государства.

Конечно, между различными установками могли складываться и иные соотношения. Нам лишь важно подчеркнуть, что регулируемые ими реакции человека на различные социальные ситуации, объекты и ценности взаимосвязаны некой единой психологической "осью". Существует далеко не механическая и достаточно индивидуализированная взаимосвязь между самыми "интимными" глубинами личной психологии (потребностями и мотивами) и представлениями человека об общественном устройстве, его идеологической и политической ориентацией.

Разумеется, приведенные данные массовых опросов – это лишь весьма косвенное отражение личностных установок: содержание ответов задано формулировками вопросов анкеты и совсем не обязательно адекватно воспроизводит мысли и чувства, реально переживаемые респондентами. Тем не менее выбор из предлагаемого набора суждений производится каждым из них самостоятельно и, следовательно, в той или иной мере соответствует тому – часто не вполне осознанному – выбору личной и общественной позиции, который является продуктом собственной психической активности человека. Сопоставляя данные различных анкет, можно выделить – с большой долей вероятности – психологические "оси", объединяющие различные установки вполне конкретных живых людей, достаточно типичных для советского и российского общества начала 90-х годов.

Можно, например, представить себе энергичного преуспевающего предпринимателя, создавшего собственный бизнес в производственной, научно-исследовательской или банковской сфере, и достаточно уверенно утверждать, что ему близки ценности упорного труда, представление о заслуженности и моральной оправданности частного богатства, отрицательное отношение к вмешательству государства в социально-экономическую жизнь. Зная современную российскую действительность, нетрудно реконструировать и другой тип "частника" – дельца, который легко наживает на спекулятивных операциях и, разделяя, скорее всего, "либеральные" установки по отношению и богатству и роли государства, уповает не столько на упорный труд и знания, сколько на ловкость, умение пробиваться или связи. Судя по данным опросов, среди респондентов с подобными установками особенно много молодых людей, еще не реализовавших их практически, но ориентирующихся на них в своих жизненных проектах. И наконец, приведенные данные отражают реальность психологического типа человека, выбитого из колеи, "взрывными" процессами в социально-экономической жизни. Такой человек может быть добросовестным тружеником, связанным с испытывающей упадок и кризис отраслью хозяйства или культуры. Он может быть и человеком, привыкшим к не требующему особых личных усилий спокойному существованию в одной из ниш административно-командной распределительной системы. И в том и в другом случае он негативистски воспринимает окружающую действительность, не верит в связь личного успеха с какими-либо положительными качествами преуспевающих и видит единственный

способ восстановления справедливости и стабильности в активном вмешательстве государства в экономические и социальные процессы. Наряду с такими целостными системами представлений и установок в жизни достаточно типичны случаи рассогласования между установками различных уровней. Например, идеологически человек разделяет "либеральные" ценности (установку на собственную активность личности), но, не сумев материализовать их в собственной деятельности, не видит в напряженном труде, знаниях и способностях реальной основы успеха в жизни.

В системе установок личности те из них, которые относятся к сфере социально-политической психологии, выполняют специфические функции. Во-первых, они фиксируют определенный образ общественной действительности, те "законы жизни" в данном обществе, которые служат индивиду ориентиром в осуществляемой им оценке возможностей, в определении своих собственных мотивов и целей. Во-вторых, они являются источником ценностей, которые либо непосредственно формулируют эти мотивы и цели, придают им осознанный характер, либо обосновывают и оправдывают их в глазах индивида. Если ориентировочную функцию выполняет преимущественно познавательный компонент социально-политических установок, то в их ценностной функции существенную роль играет эмоциональный компонент: эмоциональная привлекательность, "комфортность" избираемых целей и ценностей.

Индивидуальные системы социально-политических установок различаются по удельному весу в них познавательно-ориентационных и ценностно-эмоциональных компонентов. У большинства людей в большинстве "нормальных" жизненных ситуаций, по-видимому, преобладает ориентационный компонент этих установок; они играют в основном служебную роль в функционировании мотивационно-волевой сферы. Ценностные и эмоциональные их компоненты особенно важны для людей, активно включенных психологически в общественно-политическую жизнь: для них избранная ими общественная или политическая цель и ценность сами становятся личным мотивом. У общественно индифферентного и пассивного человека ("обывателя") ценностно-эмоциональный акцент социально-политических установок выступает отчасти в скрытом виде: в значительной мере он трансформирован в эмоции, объектом которых является не общественно-политическая действительность, но сфера собственной деятельности такого человека. Так, предприниматель в обществе рыночной экономики еще в процессе своей социализации усваивает выработанную этим обществом ценность свободного предпринимательства и позитивное эмоциональное отношение к занятию бизнесом. Однако в качестве сложившейся личности он любит свое дело не только и не столько потому, что в обществе оно признано ценным и почетным (хотя и это имеет немалое психологическое значение), сколько потому, что ему нравится и выгодно им заниматься, оно является объектом и средством удовлетворения его личных потребностей.

Было бы, разумеется, нелепостью утверждать, будто у людей

далеких от общественной жизни, она вообще не вызывает никаких эмоций, отражающих их отношение к тем или иным социально-политическим ценностям. Хорошо известно, насколько сильными могут быть массовые эмоциональные реакции на определенные общественные и политические события. Однако в таких реакциях часто проявляются не столько социально-политические установки как таковые, сколько установки, ориентированные на объекты и ситуации, с которыми люди имеют дело в своей собственной повседневной жизни. Так, сильную массовую реакцию вызывает решение правительства, затрагивающее жизненный уровень людей, или политические перемены, которые рассматриваются как потенциальная угроза подобным жизненным интересам. Эмоциональный аспект социально-политических установок как таковых проявляется на массовом уровне в особых ситуациях, в которых решаются судьбы страны, например, в момент угрозы большой войны или во время выборов, на которых сталкиваются силы, выдвигающие противоположные альтернативы внутри- и внешнеполитической стратегии. В таких ситуациях психологическую значимость приобретают не только непосредственные частные и социально-групповые интересы, но и социально-политические установки, выражающие интеграцию индивидов в национально-государственную общность. У многих в такие моменты пробуждаются и актуализируются, приобретают эмоциональный характер те компоненты социально-политической психологии, которые в обычных условиях находятся в "спящем", пассивном состоянии.

Приведенный выше пример с предпринимателем иллюстрирует отношения между социально-политическими установками и различными уровнями мотивации человека. Этим отношениям чужда какая-либо однолинейная причинно-следственная зависимость. Тезис "каковы потребности человека, таковы и его социальные и политические позиции" так же неверен, как и обратный: "общественно-политические установки человека определяют иерархию его личных мотивов и потребностей" Отношения между этими уровнями психики динамичны, ситуативны, основаны на взаимодействии и взаимоприспособлении. Их можно представить как замкнутую цепь; в одних личностных и социальных ситуациях решающее мотивационное значение приобретает одно ее звено (например, внутреннее психическое напряжение, порождающее потребность), в других – иное (например, актуализированная общественно-политическая ценность); возникшее здесь возбуждение передается по всей цепи. Но во всех случаях социально-политические установки являются *необходимым* звеном мотивационной "цепочки"

Социально-политические установки представляют собой один из важнейших механизмов приобщения личности к культуре общества или социальной группы. Ибо те ценности, верования, идеи, в которых запечатлены исторически сложившиеся типы общественно-политического сознания, органически входят в национальные, региональные (например, западноевропейскую, латиноамериканскую и т.п.) и социально-групповые культуры.

2. Взаимосвязь социальных знаний, ценностей и эмоций в психологии личности

Матрица социально-политических установок личности

Сказанное выше об отношениях между установками и мотивами, между различными компонентами установок, входящих в социально-политическую психологию, может быть обобщено и отчасти уточнено в виде некоей рабочей матрицы.

При этом, разумеется, необходимо учитывать, что такого рода операция, содействуя в той или иной мере пониманию проблемы, может носить лишь вспомогательный характер, и подобно большинству схем или таблиц, применяемых в общественных науках, не претендует ни на полноту, ни на законченность, может дополняться и конкретизироваться в зависимости от целей и объекта исследования.

В предлагаемой матрице (см. таблицу 1) учитываются познавательные, ценностные, эмоциональные компоненты установок. Поведенческий (конативный) компонент представляет собой особую и весьма сложную проблему, потому он будет рассмотрен отдельно. Исходя из принятого деления установок на относящиеся к объектам и ситуациям, мы вносим в матрицу лишь установки на социальные объекты. Тем самым мы ограничиваем содержание матрицы наиболее устойчивыми, долгодействующими установками: ситуации можно трактовать как определенное расположение, соотношение объектов (или изменение этого расположения) и ситуационные установки рассматривать соответственно как вторичные, производные по отношению к установкам на объекты. Например, зарубежные страны являются объектом установок жителей данной страны, отношение к этим странам – положительное или враждебное, нейтральное или настороженно-подозрительное образует содержание установок. Обострение отношений "своей" страны с другим государством приведет в действие установку на возникшую ситуацию, и ее содержание будет зависеть от ряда установок на социальные объекты (на свою страну и ее интересы, на государство, с которым ухудшились отношения, на международные отношения в целом и т.д.). Рассмотрение именно установок на объекты позволяет решить задачу обобщенного понимания феномена установки, так как возможные социальные и политические ситуации гораздо многообразнее, чем объекты социально-политической психологии, и поэтому их гораздо труднее вместить в какую бы то ни было матрицу.

В левой части матрицы поместим когнитивный компонент установок. Это соответствует "логике" психической активности, первичным звеном которой является восприятие мира, знание о нем. Наиболее обобщенные объекты социально-политической психологии – это общество, в котором живет человек, и человеческое общество (мир, человечество) в целом, воспринимаемые обычно в своих геополитических и национально-государственных измерениях (своя страна и другие страны). Общество познается людьми как совокупность общественных отношений, в которые они включены, поэтому различные уровни и

Таблица 1. Структура социально-политических установок

Когнитивные компоненты	Ценностные компоненты	Аффективные компоненты
1. <i>Типология общественных систем:</i> капитализм–социализм, свободное общество–демократия–тоталитаризм, индустриальное и постиндустриальное общество; общество и природная среда	<i>Общие идеологические (мировоззренческие) ценности:</i> оптимальный общественный строй, свобода; порядок, стабильность и дисциплина, "естественная" иерархия статусов и власти; демократия предстательная и "прямая", равенство, социальная справедливость; материальные (потребительские) и постматериальные ценности; консерватизм, реформизм, радикализм, терпимость – авторитаризм, экологические ценности и приоритеты	<i>Доминирующий вектор эмоционального отношения к общественной действительности:</i> удовлетворенность, конформизм, рациональная адаптация, фатализм, умеренный критицизм, неконформизм, недовольство, протест, радикальный (революционный) негативизм
2. <i>Принципы, регулирующие социально-экономические отношения:</i> эксплуатация, межличностная конкуренция, справедливое вознаграждение способностей и усилий; собственность	Оптимальные принципы распределения и экономической власти; установки на борьбу за групповые интересы, на социальный мир, компромиссы и сотрудничество; оптимальные формы и уровень государственного вмешательства в экономику и социальную сферу; отношение к богатству и бедности	Направленность и интенсивность эмоционального восприятия событий и явлений экономической, социальной, политической жизни, расположенные соответственно по шкалам "любовь, энтузиазм – отвращение, страх; ужас, ненависть" и "страсть – равнодушие"; уровень доверия, страха, ощущение возможности контроля по отношению к институтам власти
3. <i>Принципы, регулирующие социально-политические отношения:</i> демократическое волеизъявление народа, власть сильных и богатых, борьба групповых интересов, социальное партнерство и сотрудничество, правовые нормы, отражающие общие интересы, произвол и насилие, роль и функции государства, партий и других общественно-политических институтов	Партийно-политические ориентации; ценностное восприятие политической сферы (заинтересованное, ангажированное, индифферентное, негативное) и институтов власти (представительных, исполнительных, судебных), политических лидеров, общественных институтов (профсоюзов, СМИ и т.д.)	

Таблица 1 (окончание)

Когнитивные компоненты	Ценностные компоненты	Аффективные компоненты
4. Отношения между личностью и обществом, права и достоинство личности	Права и свободы как ценности личности	Ощущения защищенности-беззащитности, достоинства-униженности, свободы-зависимости личности по отношению к институтам власти
5. Социально-групповая структура общества; социально-классовая идентификация	Отношение к основным большим социальным группам: позитивное, негативное, нейтральное, амбивалентное	Эмоциональное восприятие представителей собственной и других социальных и этнических групп, государств, народов
6. Национально-государственные и межэтнические отношения: место и роль своего государства на международной арене, структура международных отношений и национальные интересы, "друзья" и "враги"; межэтнические отношения внутри страны, национально-этническая идентификация, этнические стереотипы, мир, безопасность и военная угроза	Патриотизм, национализм, этноцентризм, национальный нигилизм, "интернационализм"; установки на международную солидарность, сотрудничество, взаимопомощь; агрессивно-милитаристские, шовинистические, миролюбивые, антивоенные; отношение к "другим" государствам, этносам, конфессиональным общностям	
7. Уровень стабильности макроэкономической и социально-политической ситуации, ее факторы	Относительная значимость (иерархия) проблем общества	Уровень психологической тревожности по поводу "критических" проблем общества и политики
8. Факторы, определяющие экономический и социальный статус индивида, оценка возможностей	Социальные ценности, ориентирующие личностные системы потребностей и мотивационные стратегии	Эмоциональные переживания социальных отношений личности, социальных возможностей и барьеров реализации ее потребностей (интеграция в общность – одиночество, свобода жизнедеятельности – подавленность)

виды такого рода отношений образуют центральный объект когнитивных установок социально-политической психологии.

В содержание этого объекта входят иерархия существующих в нем материальных и социальных статусов, отношения собственности и распределения материальных благ, отношения власти. Когнитивный компонент соответствующих установок воплощается в представлениях о богатстве и бедности, о благополучии и обездоленности, о тех, кто имеет и не имеет власти, о причинах и основах социальной и имущественной дифференциации. Их совокупность формирует знания людей о социальном и политическом устройстве общества, об его социальной структуре, о положении, роли и функции образующих его групп.

Особый вид таких установок образуют представления о роли и функциях государства – оно выступает как отдельный объект, воспринимаемый как функциональный орган общества, не обязательно совпадающий в социально-психологическом плане с государственным аппаратом как персонифицированной социальной группой. Один и тот же человек может абстрактно воспринимать государство как необходимое условие общественного порядка и стабильности, а в его конкретных представителях видеть лишь привилегированную группу, притесняющую и обворовывающую рядовых граждан.

В когнитивный субстрат социально-политических установок входят далее представления о национально-этнической дифференциации и национально-этнических отношениях людей. "Пространство", в котором находятся объекты этих представлений, охватывает как собственное общество, так и человечество в целом. В ряд таких объектов входят как отношения между "своей" и "другими" национально-государственными общностями, т.е. международные отношения, так и межэтнические отношения внутри данного общества. К этому виду установок относятся когнитивные основы национального сознания, так называемые этнические стереотипы (представления об особенностях своего и других этносов), представления о взаимоотношениях интересов различных стран, геополитические знания. Одним из важнейших источников таких когнитивных установок является историческая память, в особенности представления об исторических судьбах и роли собственного народа.

Во многих странах значительным удельным весом в структуре социально-политической психологии обладают представления о религиозной дифференциации людей и межконфессиональных отношениях. В одних странах (например, в Северной Ирландии) они практически совпадают с национально-этническими, в других (Ливан) имеют самодовлеющее значение, в-третьих, восприятие этнических различий причудливо переплетается с конфессиональной идентификацией (Индия) или даже формируется ею (в бывшей Югославии православные сербы, католики хорваты и мусульмане боснийцы принадлежат в действительности к одному этносу, но воспринимают себя как разные народы).

Совокупность рассмотренных когнитивных образований представляет собой основу, на которой формируются установки, выражающие

социально-групповую ориентацию и идентификацию личности, систему представлений "мы—они". Современный человек идентифицирует себя не с какой-либо одной, а с несколькими большими общностями: с национально-государственной, региональной ("Запад"), религиозной, этнической, социально-классовой, локальной ("москвич"), профессиональной, культурной, корпоративной, политической, демографической ("молодежь", "женщины") и т.д. Для социально-политического "слоя" его психологии имеет существенное значение не столько набор этих идентификаций, сколько их психологическая иерархия, соотносительная "сила", т.е. кем он ощущает себя в большей и кем в меньшей мере.

Продуктом всей системы социальных представлений и идентификаций является оценка человеком собственных жизненных возможностей. Она строится на основе его знаний об общественных отношениях и социально-экономической ситуации в стране, о положении той группы или групп, с которыми он себя более всего идентифицирует или на которую ориентируется, стремясь в нее проникнуть. В эту оценку включается и представление об уровне стабильности макроэкономической и политической ситуации, определяемое как внутренними, так и международными факторами. Индивидуализированная оценка возможностей складывается в результате взаимодействия всех этих видов социальных знаний с "уровнем Я", т.е. с оценкой человеком собственных сил и способностей.

В следующем столбце матрицы размещаются ценности, на которые ориентируется личность. Необходимость выделения ценностей в особый компонент установок отстаивалась некоторыми авторами, не разделявшими распространенного мнения об их трехчленной структуре и о совпадении ценностей и эмоций²⁴. Этот подход, означающий включение в структуру четвертого компонента, представляется более адекватным психологическим реалиям.

Если когнитивный компонент установки как бы представляет в психике реальность мира внешних объектов и ситуаций, то ее ценностный компонент выражает отношение человека к этой реальности, которое основано на представлении о должном, желаемом. Знание о том, какова действительность на самом деле, естественно отличается от знания о том, какой она должна или не должна быть.

Выявление истинных ценностей личности, особенно социально-политических, — не простое дело: особенностью большинства ценностей является их конвенциональный, общепринятый характер — люди заимствуют их из культуры общества, в которой "хорошее" отделено от "плохого" четкой гранью и сводится к набору истин, с которыми готов согласиться каждый. Все знают, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным, и мало кто в конце XX в. будет отрицать, что свобода — это благо, а рабство — зло. При желании нетрудно доказать, что у всех или почти всех людей ценности одинаковы (во всяком случае на вербальном уровне), что означало бы полную бессмысленность работы с данной категорией, коль скоро она

²⁴ Rokeach M. Beliefs, attitudes and values. San Francisco, 1968. P. 121–122.

никак не отражает реального многообразия психологических типов личности.

Социологи и социальные психологи обходят эту трудность, вынуждая респондентов делать выбор из двух или большего числа ценностей, например, выбирать между свободой и равенством или между национальным величием и гарантированным международным миром. Такой выбор нередко носит несколько "навязанный" и искусственный характер: ведь человеку могут быть одновременно дороги и собственная свобода, и равноправные отношения между людьми; он может хотеть утверждения политического превосходства своей страны, но не ценой войн с другими странами. Тем не менее процедура выбора позволяет в какой-то мере выявить если не всю систему ценностей людей, то их иерархические отношения, относительную значимость для них каждой ценности. Тем более что во многих современных обществах наиболее распространенные ценностные представления символизируют определенные типы идейно-политических ориентаций. Так, "свобода" обозначает экономический, моральный и культурный либерализм, минимальное вмешательство государства и других общественных институтов в распределение доходов и частную жизнь граждан, терпимость, максимальное ограничение сферы запрещенного (по социологической терминологии "норм-рамок"). "Равенство", напротив, предполагает сознательное ограничение имущественного и социального расслоения общества, активную регулирующую роль государства в распределении доходов и в экономической жизни в целом. Приоритет "национального величия" означает активную внешнюю политику, направленную на укрепление и расширение "зоны влияния" страны за пределами ее границ, содержание крупной армии, высокие военные расходы.

Аффективные компоненты установок, образующие правый столбец матрицы, наиболее полно выражают их "силу", истинную значимость в психологической структуре личности. Эмоция, аффект – наиболее "психологический" и наиболее индивидуальный из всех компонентов установки: если знания и ценности могут быть механически усвоены человеком из его социально-культурной среды и представлять собой лишь явление общественного сознания, то эмоция по поводу объекта установки означает, что отношение к объекту *переживается* субъектом, что данный объект так или иначе затрагивает сферу потребностей личности. Установка, не имеющая отчетливо выраженного эмоционального компонента, скорее всего является "слабой", не играет большой роли в мотивации и поведении человека.

Горизонтальные, пронумерованные от 1 до 8 разделы матрицы отражают различные аспекты социально-политической действительности, представленные в психологии личности. Они расположены в порядке нисхождения от абстрактного к конкретному – от наиболее обобщенных представлений об обществе, социальных ценностей и эмоций до установок, отражающих связь социэталных реалий с личной судьбой. Ни конкретное "наполнение" этих разделов, ни их дифференциация не претендуют, повторим еще раз, на полноту и

беспорность; каждый из них может быть расширен или сужен, число разделов может быть доведено до 20, 30 или любой другой цифры. Задача матрицы – наметить возможную модель исследования социально-политических установок и формализовать гипотезы о корреляциях как между различными компонентами установок (представленных в матрице как горизонтальные), так и между различными установками (вертикальные).

*Идеологические
представления
и ценности*

Если рассмотреть, например, первый горизонтальный раздел матрицы, можно заметить, что в его "когнитивном" подразделе представлены различные, существующие в современном общественном сознании способы типологизации общественных систем: 1) формационный; 2) основанный на критериях свободы и демократии и 3) на уровне технико-экономического развития общества. Последний способ типологизации в условиях современного обострения экологической проблематики и угрозы термоядерной катастрофы все чаще связывается и сливается с критериями "естественности" и гуманности – гармоничных отношений общества и природы, способности общественной системы реализовать приоритеты выживания, физического и морального здоровья человека. Каждый из этих способов типологизации не является чисто объективистским, ценностно нейтральным, предполагает предрасположенность к определенной ценностной ориентации. Люди, верящие в формационный принцип классификации обществ, скорее всего оппозиционны капитализму и принимают социалистические ценности в том или ином их варианте или по меньшей мере считают равенство и социальную справедливость приоритетными принципами общественной организации. Для сторонников капитализма, даже если они и признают правомерность понятийной пары "капитализм–социализм", все же психологически более значимым является противопоставление "свободных" и "тоталитарно-авторитарных" (отождествляемых с социализмом) обществ.

Типологизация на основе уровня технико-экономического развития общества, на первый взгляд, менее идеологична, но и она коррелируется с определенными ценностными ориентациями. Правда, в данном случае эта корреляция неоднозначна: один и тот же когнитивный компонент может соответствовать противоположным идейно-ценностным установкам. Деление обществ на доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные одинаково значимо и для "технократов", видящих в техническом прогрессе и экономическом росте генеральный путь к решению всех проблем человечества, и для "гуманистов" и "экологов", акцентирующих антигуманные последствия этих процессов.

Ряд ценностей, включенных в 1-й раздел матрицы, вообще не имеет явного отношения к абстрактно-теоретической типологизации обществ. Объектом соответствующих установок является не тип общественного устройства – формы собственности и власти, но принципы организации, функционирования и развития данной общественной системы. Эти ценности фиксируют выбор между приоритетами порядка, дисциплины, стабильности, верности традициям, жест-

ко иерархической организации власти и свободной от жестких правил и социального принуждения жизнедеятельности людей, инициативы, добровольности, постоянного обновления, неинституциональной и неформализованной "прямой" демократии. Соответствующие системы ценностей на Западе обычно обозначаются как консервативная и либеральная, существуют они и при "реальном социализме". Западные консерваторы и либералы могут быть одинаково привержены принципам частной собственности, свободной конкуренции и парламентской демократии, а "социалистические" – государственной собственности, планированию и "партийному руководству".

"Независимость" консервативно-либерального спектра ценностей от обобщенных представлений о типах общественного устройства вместе с тем далеко не полная. "Социалистические ценности" Горбачева – нечто существенно иное по сравнению с социализмом Сталина и Суллова-Брежнева. Те, кто хочет реформировать существующие институты и отношения, нуждаются в каких-то когнитивных ориентирах реформирования, и в качестве таких ориентиров нередко выступают идеи или опыт альтернативных общественных систем. Западные либералы и реформаторы в те времена, когда социализм был еще не общественным строем, но идеологическим проектом и социальным движением, исходили из необходимости ответить на "социалистический вызов". А позднее придумали теорию конвергенции – объединения "сильных сторон" капитализма и социализма. Хрущев и Горбачев, проводя свои реформы, призывали учесть "положительные стороны" западного опыта. Соответствующие тенденции проявлялись и на уровне массового сознания. Характерно, что в ситуациях, когда знаний об альтернативных системах и соответствующих им ценностям по тем или иным причинам не существует, социально-политическая психология испытывает дезориентацию, возникает острый дефицит общественных целей.

Психология кризиса

После краха "реального социализма" и надежд на его гуманизацию, на конвергенцию противоположных систем такой дефицит ощущает западное общество. С ним связаны концепции "конца истории": в обстановке относительного экономического благополучия и беспрепятственного технического прогресса, краха "формационного" соперника теряется цель дальнейшего исторического движения. В постсоциалистических обществах, особенно в республиках бывшего СССР когнитивный кризис носит намного более острый характер. Потерял былое значение выбор между социализмом и капитализмом: социализм изжил себя, а ориентация на "капиталистические" ценности свободного рынка, экономической и политической демократии, как бы они ни были привлекательны для многих, не приносит и, очевидно, не принесет в обозримом будущем "капиталистического" процветания; пока она сопряжена для многочисленных групп общества с лишениями и бедствиями. В этих условиях установки высшего уровня, обобщающие основные принципы общественного устройства, в большой мере обесмысливаются. Понятия "капитализм-социализм", "демократия-диктатура"

слабо воспринимаются в основной толще общественного сознания, ибо никак не соотносятся с реалиями повседневной жизни. Эти реалии – цены и доходы, богатство и бедность, власть сильных и богатых, произвол, насилие и преступность, этнические противоречия и конфликты – вытесняют из общественной психологии знания и ценности абстрактно-идеологического ряда. Ускорение деструктивных, энтропийных процессов во многих сферах экономической и социальной жизни сосредоточивает познавательные интересы людей на проблемах стабильности и порядка, решающее ценностное значение приобретает преодоление этих процессов, угрожающих их безопасности, жизненному уровню и социально-профессиональному статусу.

В ноябре 1993 г. 82% опрошенных россиян назвали наиболее тревожащей их проблемой российского общества рост цен, 64,7 – рост числа уголовных преступлений, 47,2 – кризис экономики и спад производства, 38% – рост безработицы. По сравнению с этими проблемами все, что удалено от повседневной жизни, – как общие принципы социально-экономической системы, так и политическая сфера – представляется намного менее значительным. Так, уход от идеалов социальной справедливости тревожил лишь 8,6% респондентов, обострение национальных отношений – 14,4, конфликты в руководстве страной – 19,8, конфликты на границах России – 15,2%. В собственно политической области наиболее значимой для россиян была проблема слабости, беспомощности государственной власти (ее выделили около 28%).

Если отдельно рассмотреть центральную для массовой психологии россиян установку на стабильность и порядок, ее структура будет выглядеть примерно следующим образом. "Силу" этой установки определяет психологическое состояние людей, порождаемое повседневным жизненным опытом, а также пессимистическим и тревожным социальным "климатом", поддерживаемым, в частности, средствами массовой информации. О том, каким в рассматриваемый период было это состояние, свидетельствуют данные тех же опросов. В октябре 1993 г. 69% опрошенных испытывали неуверенность в завтрашнем дне, 67,8% – не чувствовали себя в безопасности на улице, в ноябре у половины респондентов в предшествующие опросу дни преобладали настроения напряжения, раздражения или страха, тоски. Отсюда острая потребность в надежности, уверенности в жизни, которая выразительно подчеркивается выявленными тем же опросом предпочтениями и психологическими "дефицитами". Большинство опрошенных было в октябре удовлетворено своим положением в обществе, семейной жизнью, здоровьем и кругом общения, 43% – работой (неудовлетворено – 22), жизнь большинства (62,5%) осложнена низкими доходами и 68,7% не надеялись на улучшение своего материального положения в ближайшие полгода. Если бы можно было выбирать, половина предпочла бы гарантированные, стабильные, но невысокие доходы и лишь пятая часть высокие доходы, но без гарантий на будущее.

Ведущая для большинства личная потребность в экономической стабильности и физической безопасности порождает соответствующую

ей приоритетную социально-политическую ценность. Она усиливает традиционную для советского общества когнитивную установку, возлагающую основную ответственность за макроэкономические и макросоциальные явления на государственную власть. В октябре 1993 г. на вопрос о силах, способных вывести Россию из кризиса, 42% опрошенных ответили "сильное, властное руководство страной", 11% — указали на местные власти и еще треть не смогла найти в российском обществе таких сил. Лишь незначительное меньшинство (немногим более 10%) сочли, что страну могут вывести из кризиса собственно экономические действующие лица (руководители государственных предприятий, предприниматели, "такие люди, как мы").

Было бы неверно думать, что россияне полностью равнодушны как к проблематике социально-экономического строя общества, так и к его влиянию на переживаемую ситуацию. Однако по причине упомянутого выше когнитивного вакуума, дискредитации старых (социалистических) и абстрактно-декларативного характера новых (рыночных) ценностей уверенный и необратимый выбор между ними крайне затруднен. В октябре 1993 г. на вопрос "Какая экономическая система на Ваш взгляд лучше?" одна треть респондентов не смогла ответить и еще по одной трети дали альтернативные ответы: экономика, основанная на государственном планировании и на рыночных отношениях. Эти данные показывают, что у большинства общие мировоззренческие (социалистические и рыночно-капиталистические) установки слабо соотносятся с видением причин кризиса и путей выхода из него. Если допустить, что группа сторонников рыночной экономики в значительной мере совпадает с тем меньшинством, которое в ходе опросов относительно оптимистично оценивает свое экономическое положение и психологическое состояние, то большинство настроенных пессимистически и негативистски, колеблется между мировоззренческим вакуумом и ностальгией по социализму.

Черпая представления о способах выхода из кризиса из старого когнитивного багажа, большинство россиян не находили в сегодняшней политической действительности никого, кто мог бы осуществить этот выход. В ноябре 1993 г. лишь пятая часть опрошенных считала, что выходу из кризиса способствует деятельность президента страны, 19% — правительства, 12% — местных властей²⁵. Таким образом, когнитивный и ценностный компоненты установки на сильную государственную власть как гаранта социально-экономической стабильности вступили в конфликт со знанием о реальной власти. Наряду с накопившимся протестом и возмущением этот конфликт, видимо, был одной из важнейших причин массированного голосования на декабрьских выборах 1993 г. за Жириновского. Решающими преимуществами этого деятеля перед соперниками были, во-первых, успешно сформированный им образ "силы", "решительности" и, во-вторых, афишируемая несвязанность с нынешней "слабой" или какой-либо прошлой властью.

²⁵ Все данные опросов октября–ноября 1993 г. см.: Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. № 1. С. 36–65.

По сравнению с этими преимуществами собственная идейно-политическая платформа Жириновского не имела особого значения для большинства избирателей.

Между эмоциями и сознанием Изложенные наблюдения позволяют высказать предположение о ведущей роли ценностных и аффективных компонентов установок в психологических реакциях на социально-политические события и ситуации. Когнитивный компонент играет роль "поставщика" материала для формирования содержания ценностей, но в процессе этого формирования происходит отбор знаний, подгонка их под некий "психологический заказ". Этот "заказ на знания" представляет собой не что иное, как выражение потребностей субъектов психики. Ценности потому и играют роль "заказчика" по отношению к знаниям, что они суть осознанное выражение потребностей. Однако и сами ценности, чтобы выполнить эту роль, должны подвергнуть себя сортировке и структурированию, выделить в себе компоненты более и менее значимые для субъекта, отбросить в осадок то, что является для него механическим заимствованием от других и не коренится в его собственных, переживаемых им потребностях.

Критерием такой сортировки и отбора являются эмоции субъекта по поводу объектов, ситуаций и событий. В некоторых современных психофизиологических концепциях подчеркивается роль эмоций как "сигнализатора" потребностей, наиболее непосредственного и произвольного, т.е. не контролируемого сознанием их выражения в психике²⁶. Получается, что в определенном смысле аффективные компоненты установок "главнее" ценностных и когнитивных. Подобная направленность внутренних структурных связей компонентов установки, очевидно, не является единственно возможной. Она действует прежде всего в тех случаях, когда источником потребностей является физиологический или психологический дефицит, не зависящий от сознания субъекта. Но бывают ситуации, в которых вполне осознанные идеологические и политические установки глубоко интериоризированы субъектом, выражающие их ценности и знания образуют содержание его собственных потребностей. В таких случаях сами эти ценности и знания являются источником эмоционального отношения к явлениям общественно-политической жизни.

Именно по такой схеме строилась психология многих сторонников российской "непримиримой оппозиции", для которых любое негативное явление в экономической и социально-политической жизни было свидетельством пагубности антисоциалистической или "антипатриотической" политики властей. Социалистические и националистические ценности, обслуживающие их когнитивные установки (о превосходстве социализма и "великом социалистическом прошлом", о самобытности, историческом призвании и имперских национальных интересах России, о "жидо-массонском заговоре" и т.п.) у идейных противников либераль-

²⁶ См.: *Симонов П.В.* Высшая нервная деятельность человека: Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975.

ных реформ первичны по отношению к их эмоциональным реакциям на происходящее в стране.

Вместе с тем массовая неидеологическая оппозиция либерально-реформистскому курсу, переросшая в ностальгию по социализму и Советскому Союзу, питалась в значительной мере именно эмоциональными реакциями. Для сторонников же этого курса, в особенности из более образованной и интеллектуально развитой среды первичным звеном политических установок часто был когнитивный компонент — знание об экономической и социальной эффективности свободных рыночных отношений.

Свобода или равенство?

Указанные теоретические предположения трудно подтвердить строго формализованным и квантифицированным эмпирическим материалом. В научной литературе едва ли можно отыскать эмпирические исследования, в которых социально-политические установки и их компоненты были бы представлены с такой степенью охвата и детализации, как это предусматривается предлагаемой матрицей. Скорее, можно найти работы, данные которых корреспондируют с теми или иными ее фрагментами. Так, эмпирические исследования ценностей могут быть использованы для изучения вертикальных связей различных уровней матрицы — между ценностями, входящими в различные установки.

В масштабном исследовании ценностей западноевропейцев, выполненном в 1981 г. под руководством известного французского социопсихолога Ж. Стотзеля, выявляются корреляции между массовыми политическими ориентациями и общей системой ценностей. Для людей с правыми политическими взглядами наиболее значимыми являются национально-патриотические ценности, для левых — свобода, справедливость, мир. Левые чаще правых активно интересуются политикой. Наименьший интерес к ней и вообще приверженность какой-либо из "высших" общественно-политических ценностей испытывают люди, не имеющие четко выраженных правых или левых взглядов. При движении от левой к правой части политического спектра возрастает доверие к большинству политических и социальных институтов.

Все эти данные более или менее предсказуемы: для западных правых приоритетны защита и укрепление существующего строя, что предполагает социально-политический конформизм и его оправдание национальными интересами и традициями. Столь же естественно критика этого строя, присущая левым политическим ориентациям, ведется с позиций социальной справедливости и антимилитаризма.

Сложнее обстоит дело с ценностями свободы и равенства. С одной стороны, данные исследования, да и весь опыт политической жизни Западной Европы показывают, что приоритет свободы типичен для людей правых взглядов, а равенства — для левых. Это соответствует и особенностям общественных систем, образующих идеалы противоположных политических течений: "свободное общество" воспринимается как синоним существующего, т.е. капиталистического строя, с которым идентифицируют себя люди право-консервативных взглядов;

левые являются сторонниками социализма (чаще всего воображаемого, "демократического") или по меньшей мере "смешанного общества", сочетающего рыночные механизмы и политический плюрализм с уравнительным "социалистическим" распределением.

С другой стороны, выбор между ценностями свободы и равенства не оказывает влияния на другие уровни ценностей, регулирующих практическое отношение людей к различным аспектам социальной действительности. Парадоксальным образом правые сторонники свободы оказываются адептами жесткого порядка, дисциплины, беспрекословного подчинения начальству, а левые адепты равенства, казалось бы, означающего нивелирование положения и поведения людей в соответствии с уравнивающим их всех стандартом, в действительности являются поборниками максимальной свободы индивида. Так, правые чаще левых поддерживают принцип беспрекословного и бездумного подчинения приказам начальника в процессе труда, выступают за воспитание детей в духе послушания. Выбирая между альтернативными приоритетами развития общества, левые западноевропейцы отдают предпочтение "развитию индивида", а правые "укреплению уважения к авторитетам". В качестве главных национальных целей левые чаще выбирают реализацию демократических ценностей – таких, как свобода самовыражения, возможность для граждан выражать свое мнение по поводу важных решений правительства, правые же предпочитают "поддержание порядка". Великобритания, превзошедшая все другие страны по приверженности к свободе (ее выбрало здесь 62% опрошенных, равенство – только 23), одновременно дала рекордную долю поклонников добродетели послушания (37%) и наименьшую – независимости (16%); средние цифры по Западной Европе соответственно 25 и 27%).

Комментируя этот парадокс, Ж. Стотзель замечает, что "выбор между порядком и неподчинением и основополагающий для альтернативы левая–правая выбор между свободой и равенством относительно независимы друг от друга"²⁷. Сходный феномен относительной взаимной независимости более общих и абстрактных, касающихся типа общественного устройства ценностей, с одной стороны, более конкретных – консервативных и либеральных – с другой, уже затрагивался выше.

Природу парадокса в какой-то мере помогают понять корреляции между политическими взглядами и личными аффективно-психологическими характеристиками опрошенных. При движении справа налево уменьшается доля "очень счастливых" и "счастливых" людей и увеличивается доля тех, кто ощущает чувства бессмысленности жизни и одиночества. Среди левых наименьшая доля тех, кто гордится своим трудом и испытывает удовольствие, приступая к работе в понедельник; тех, кто ощущает возможность свободно принимать решения, и больше воспринимающих себя как объект эксплуатации. Удовлетворенность жизнью в целом и конкретными ее аспектами: семейными отноше-

²⁷ Stotzel J. Les valeurs du temps présent; une enquête européenne. P., 1983. P. 40, 49–55, 79.

ниями, профессиональным и материальным положением тем выше, чем "правее" политические взгляды человека²⁸. Корреляция между личной неудовлетворенностью и социальным протестом, или критицизмом, которые питают левые взгляды между удовлетворенностью и социальным конформизмом, стимулирующим правые ориентации, логична и естественна. Особого объяснения, видимо, требуют лишь парадоксальные "связки" между неудовлетворенностью, стремлением к личной свободе и второстепенным значением свободы как общественной ценности, с одной стороны, удовлетворенностью, предпочтением порядка личной свободе и ее приоритетным значением на макросоциальном уровне – с другой.

Ключевым моментом такого объяснения может послужить характерное для неудовлетворенных (и тяготеющих к левым взглядам) западноевропейцев переживание собственной несвободы. Зависимость от чужой воли и решений, невозможность управлять собственной судьбой, ощущение социальной слабости – весь этот аффективный комплекс – знаменует – так же, как чувства одиночества и бессмысленности жизни – неудовлетворенность потребностей социального существования личности, обусловленную одновременно дефицитом позитивных связей с другими людьми, социально осмысленной деятельности и индивидуальной автономии. Поскольку для социально слабых, образующих основную базу левых политических течений, психологически наиболее характерен именно дефицит свободы, переживание социальных связей и отношений как зависимости от сильных и охраняемого ими порядка, неудовлетворенность обостряет потребность в свободе. Удовлетворенные же, ощущая себя социально сильными или, по меньшей мере, защищенными, нуждаются не столько в свободе, сколько в порядке, который гарантирует удовлетворяющие их условия жизни.

"Перевертывание" ценностей на логически противоположные, которое происходит при выборе между свободой и равенством, в сущности является продуктом тех же потребностей, но опосредованных эксплицитными или имплицитными (явными или неявными) "теориями" общественного порядка. Предпочтение нормативного порядка в повседневной социальной практике сочетается с апологией свободы как принципа общественного устройства потому, что "теоретически" свобода признается неотъемлемым компонентом охраняемого порядка. Свобода, которой располагает сильный, предоставлена ему этим порядком, равенство же означало бы его принудительное приравнение к слабым. Для слабого равенства – опять же "теоретически" – есть общественное условие расширения поля свободы.

Выбор между свободой и равенством обусловлен, разумеется, и непосредственными социальными интересами. Среди сторонников правых взглядов, по данным того же исследования, больше людей, обладающих высоким доходом и собственностью, среди левых – рядовых наемных работников, не имеющих ни того, ни другого. Выбор отража-

²⁸ Ibid. P. 83, 86, 170.

ет, следовательно, борьбу социальных групп вокруг распределения доходов. Однако не только ее, но и определенный уровень психологии личности – тот, на котором вырабатываются и воспроизводятся ее абстрактно-теоретические социальные представления и ценности. Эти процессы теоретического выражения потребностей и мотивов происходят на основе заимствования из общественного сознания "готовых" теорий или самостоятельной рациональной рефлексии индивида, или сочетания того и другого. Однако во всех случаях подобные представления и ценности являются продуктами *сознания*.

Данные о различных, даже противоположных значениях свободы в рамках одной и той же индивидуальной психологии позволяют несколько развить и конкретизировать изложенные выше соображения о структуре установок. Установки, характеризуемые В.А. Ядовым как диспозиции высшего уровня, относящиеся к системе общественных отношений и относительно протяженным во времени историческим ситуациям, являются установками сознательными. Точнее было бы сказать сознательно-культурными, ибо они в значительной мере черпаются из культуры нации или большой социальной группы. На более низких уровнях системы установок в их формировании возрастает роль мотивационных стимулов, идущих из сферы бессознательного (или менее поддающихся контролю сознания). Объектом этих установок, напомним, являются более преходящие жизненные ситуации и непосредственные (связанные с общением) социальные и межличностные отношения в семье, на работе и т.п. Такие упоминающиеся в западноевропейском исследовании ценности, как послушание, порядок, уважение к авторитетам, свобода самовыражения, независимость личности и т.п., относятся именно к этим уровням и представляют собой вербально-ценностное оформление подобных внутренних стимулов.

Если использовать трехчленную структуру личности, разработанную З. Фрейдом, установки-ценности высшего уровня восходят к "сверх-Я", низших – относятся к индивидуальному Я и представляют собой результат аккультурации ("окультуривания") бессознательных стимулов, порожденных "Оно". Установки, выработанные таким образом, глубже, вернее выражают психологию личности, чем принятые ею из "сверх-Я". Потребность в свободе, которую испытывает человек, практически ощущающий гнет чужой воли, сильнее и "истиннее", чем та же установка, привнесенная из общепринятой системы ценностей, выполняющей по сути дела охранительные (по отношению к существующему порядку) функции.

Если оценивать истинное психологическое содержание собственно политических установок, то более специфической и органичной для левых ориентаций окажется все же мотивация свободы, а для правых – охраны порядка. Поэтому вряд ли можно признать оправданной ту терминологическую перестройку, которая была произведена в российском политическом языке в посттоталитарный период. Либерально-реформаторские, демократические идейно-политические течения, ранее называемые левыми, из-за их теоретической близости к западному неоконсерватизму с его апологией свободного рынка,

частной собственности, антиэтатизма и антикоммунизма стали именовать правыми, а коммунистов и им подобных – по аналогии с их западными политическими тезками – левыми. В действительности же в России 90-х, с точки зрения политического этоса и ценностной иерархии, правыми являются именно защитники государственного социализма, означающего жестко-авторитарную структуру социально-политических отношений и апелляцию к "старому", к традициям. Особенно наглядно их "правизну" выражает сближение с национал-"патриотами", агрессивный имперский национализм во всем мире – родовой признак правоконсервативных позиций.

3. Установки и социальное поведение

Слово и дело

Напомним, что установка есть заложенная в психике готовность к определенной реакции на определенные объекты и ситуации. Реакция может быть только психологической – интеллектуальной или эмоциональной – или выражаться в действиях.

Одним из событий недавней российской истории, в котором ярко проявилось значение политических установок, были вооруженные конфликты в Москве 3–4 октября 1993 г. После того как президент Ельцин указом 21 сентября распустил Верховный совет, в столице и в стране нарастала конфронтация между сторонниками и противниками президента, в Белый дом (резиденцию Верховного совета), блокированный милицией, подчиненной исполнительной власти, стягивались хорошо вооруженные боевики – "защитники парламента". 3 октября антипрезидентская оппозиция организовала манифестации и публичные беспорядки, а затем, не встретив особого сопротивления милицеских подразделений, перешла к вооруженным действиям. Было захвачено здание мэрии, всю ночь продолжался штурм телецентра в Останкино, оборонявшегося военными частями. На следующий день в город по приказу президента были введены танковые части, но защищавшие парламент боевики продолжали активные действия, на прилегающих улицах велась снайперская стрельба. Защитникам Белого дома был предъявлен ультиматум, и после их отказа сдать оружие по зданию парламента была открыта артиллерийская стрельба, которая и решила исход сражения.

Беспрецедентный характер событий (в Москве не было вооруженных боев со времен Октябрьской революции и гражданской войны), оставленный ими кровавый след (сотни убитых и раненых) не могли не вызвать острой реакции общественного мнения. Однозначные оценки были затруднены запутанной предысторией вооруженного конфликта – долго нараставшей конфронтацией законодательной и исполнительной власти. Тяжелое впечатление на людей производил сам факт артиллерийского обстрела парламента, полуразрушенное, закопченное здание Белого дома. И все же, как показывают данные опросов, большинство москвичей и россиян одобрило действия президента. Вина возлагалась на тех, кто первыми открыл стрельбу, начал убивать людей, разру-

шать и захватывать здания. Но многие обвиняли в пролитой крови Ельцина и демократов.

Не удивительно, что антиельцинскую позицию разделяли сторонники оппозиционных – коммунистических и националистических течений. Однако среди осудивших действия исполнительной власти было и немало людей, политически чуждых этим течениям, в том числе и искренних сторонников демократии. Мне довелось немало разговаривать с такими людьми; все они как бы отталкивали от себя противоречащие их мнению факты: организованные и целенаправленные вооруженные действия, боевиков, в том числе фашистов-баркашовцев, невозможность прекратить их мирными способами. Или оправдывали эти действия – убийства милиционеров и мирных граждан – предшествующим "антипарламентским" указом президента. В ходе всех этих встреч и разговоров я убедился в том, что при всем различии политических взглядов таких людей их объединяет одно: еще до сентябрьских и октябрьских событий *все они резко отрицательно воспринимали фигуру Б.Н. Ельцина*. Одни – простые граждане – потому, что возлагали на него вину за тяжелое экономическое положение в стране; другие – политики и чиновники, связанные с Горбачевым или с союзными структурами и не вписавшиеся в новый истеблишмент – потому, что Ельцин прервал их политическую карьеру. И наконец, третьи – особенно из числа гуманитарной интеллигенции – потому, что его деятельность противоречила их весьма абстрактному и умозрительному идеалу парламентской демократии. У всех них очень сильная аффективная негативная установка на "объект" (политического деятеля) обусловила реакцию на политическую ситуацию, в которой этот "объект" играл центральную роль. Даже если бы президенту удалось действовать значительно мягче, их реакция была бы примерно такой же.

До сих пор речь шла об эмоциональных и рефлексивных проявлениях установок; у активных участников событий реакция на них не ограничивалась оценками и эмоциями. Тысячи противников Ельцина пришли к Белому дому, чтобы защищать его с оружием в руках. Другие тысячи вышли на улицы 3 октября, готовые сражаться с милицией, а затем хлынули штурмовать мэрию и телецентр. Подавляющее большинство москвичей, сочувствовавших президенту, переживали события у радиоприемников и экранов телевизоров, но было и активное меньшинство, которое, последовав призыву Е. Гайдара, в ночь с 3 на 4-е пришло к Кремлю и Моссовету, чтобы противостоять боевикам, а затем захватывало здания районных советов. Политические установки всех этих людей проявились, говоря языком социальной психологии, на поведенческом (конативном) уровне. На примере рассматриваемой ситуации видно, что поведенческий акт (если под ним иметь в виду нечто большее, чем чисто "языковое" поведение – действие, направленное на социальные объекты и каким-то образом меняющее ситуацию) представляет собой возможный, но не обязательный компонент многих установок. Здесь мы подходим к одной из самых сложных

проблем психологической науки: соотношению между психологически переживаемыми, осознанными и высказываемыми мотивами (установками, ценностями, убеждениями и т.д.), с одной стороны, практическим поведением – с другой. Или, говоря проще, между словом и делом.

О психологической регуляции поведения

Во все учебники социальной психологии в качестве своего рода классической модели социального поведения вошла так называемая загадка Лапьера. В начале 30-х годов Лапьер в течение почти двух лет путешествовал по США вместе с двумя китайцами-студентами, останавливаясь с ними во многих отелях, посещал кафе, рестораны и везде (за одним исключением) встречал нормальный прием и хорошее обслуживание. После завершения путешествия он разослал письма в те кафе, рестораны и отели, которые только что посетил, с вопросом: согласны ли их владельцы принять его и группу друзей, в том числе китайцев. 93% владельцев ресторанов и 92% владельцев отелей ответили отказом...²⁹ Данные Лапьера позднее были подтверждены многими сходными исследованиями. В таких случаях проявляется не столько противоречие между словом и делом, сколько между реакциями на один и тот же объект в различных жизненных ситуациях: расистская установка определяет поведение в одной ситуации и никак не воздействует на него в другой.

Подобные противоречия – одно из наиболее типичных явлений человеческой психики вообще, социально-политической психологии в частности. Парадокс Лапьера положил начало осмыслению этого явления с позиций социальной психологии; начиная с 50-х годов был предложен целый ряд теорий, объясняющих рассогласование установок и поведения. Многие авторы сосредотачивали внимание на разработке методик, которые позволяли бы более точно выявлять и измерять установки, надеясь, что более совершенная техника исследований снимет проблему или, по меньшей мере, сделает ее менее загадочной. Другие шли по пути более углубленного понимания самого феномена установки и ее поведенческого компонента. Не имея здесь возможности рассмотреть эту специальную литературу, остановимся лишь на выводах и положениях, которые имеют наиболее принципиальное значение для понимания проблемы.

Как замечает Дж. Джаспарс, проблема состоит не в том, что люди не всегда делают то, что говорят. Реальный вопрос в том, являются ли "вербальные" и поведенческие ответы действительно выражениями одного и того же аттитюда. Автор ссылается на другого исследователя – А. Уикера, полагавшего, что на пути от вербально-выражаемых компонентов аттитюдов к поведению вступают в действие помехи, "препятствующие факторы"³⁰. Этими "препятствующими факторами"

²⁹ См.: Бозрикова Л., Семенов А. Аттитюды и их связь с поведением: обзор исследований в США // Социальная психология за рубежом. М., 1974. Вып. 1. С. 71.

³⁰ Jaspars J.M.F. Nature and Measurement of Attitudes // *Introducing Social Psychology* / Ed.H. Tajfel, C. Frasers. Harmondsworth, 1978. P. 274; Wicher A.W Attitudes versus actions // *Journal of Social issues*. 1969. N 25. P. 41–79.

могут быть другие аттитюды, соотносимые, как и вербально высказанные, осознанные с данной ситуацией, но обладающие по сравнению с ними большей силой, способностью определять поведение.

В казусе Лапьера таким конкурирующим с расистским (не пускать китайцев!) аттитюдом могла быть ролевая, коренящаяся в навыках профессиональной деятельности владельцев отелей и ресторанов установка на оптимальное обслуживание клиентов, предупредительность по отношению к ним. Но тогда возникает вопрос, почему же эта установка не проявилась при заочном заказе? К ответу на этот вопрос подводят ряд концептов, разработанных в рамках изучения проблемы американскими социопсихологами (М. Дефлер и Ф. Уэсти, Л. Линн, М. Рокич, М. Фишбайн)³¹. Так, Рокич подчеркивал, что поведение определяется не только аттитюдом на объект (например, расистской антикитайской установкой), но и аттитюдом к ситуации (в гостиницу вошли гости и просят номер). Линн ввел в механизм функционирования аттитюда параметр социальной вовлеченности, по его определению, "уровень согласованности между расовым аттитюдом и расовым поведением есть функция от устойчивости аттитюдной позиции и степени социального вовлечения между индивидом и объектом аттитюда". Одно дело отказывать заочно некоему абстрактному представителю презируемой расы и другое – делать то же в ситуации непосредственного межличностного контакта, в который вовлечены сам хозяин отеля, студенты-китайцы и еще сопровождающий их белый американец. Чтобы расовый аттитюд реализовался в этой ситуации, он должен обладать очень сильным эмоциональным зарядом, свойством агрессивности, способным перевести ординарное миролюбивое деловое общение в острый конфликт.

"Социальное вовлечение" может быть и фактором, усиливающим поведенческий компонент аттитюда. Например, уличные беспорядки, бунты, погромы и тому подобные агрессивные массовые действия активизируют индивидуальные установки (негативное отношение к власти, полицейским или какой-либо иной "враждебной" группе), которые в обычных условиях проявляются лишь в вербальных оценках или настроениях. Усиливающим дополнительным фактором в подобных ситуациях является изучавшийся в социальной психологии феномен эмоционального заражения, возникающий в больших скоплениях людей, в толпе.

В случаях рассогласования когнитивных, ценностных, словом, так или иначе осознанных компонентов аттитюдов с поведенческими, поведение направляется уже не данным аттитюдом, а каким-то другим психологическим фактором. М. Фишбайн назвал его аттитюдом к выполнению данного действия, отличающегося от аттитюда на объект. Поведение, по его мнению, определяется этим аттитюдом, а также индивидуальными и социальными нормами, которыми руководствуется субъект, его мотивацией к выполнению этих норм. Думается, что данная концепция скорее точнее очерчивает проблему, чем решает ее.

³¹ См.: Бозрикони Л., Семенов А. Указ. соч. С. 78–91.

Она указывает (как и идея социальной вовлеченности) на наличие, кроме определенного аттитюда на объект, ряда других психологических факторов, воздействующих на поведение, но не объясняет, почему этот аттитюд влияет или не влияет на поведение.

Ответ, по-видимому, кроется в многозначности конкретных социальных объектов для каждого субъекта, в том, что в действительности в психике по поводу каждого объекта, а также многих ситуаций заложена не одна, а несколько установок.

В 70-е годы во Франции обострилась проблема миграции. В условиях ухудшения общей экономической ситуации и роста безработицы многочисленные иммигранты (главным образом арабы и африканцы) начали представлять серьезную конкуренцию для французов в борьбе за рабочие места и различные социальные льготы. В рабочей среде получили распространение националистические настроения; опросы показывали, что многие рабочие-французы высказываются за ограничение иммиграции и прав иммигрантов. В то же время, как отмечали социологи, подобные настроения находили слабый отклик на предприятиях и в цехах, здесь между рабочими разного цвета кожи сохранились нормальные товарищеские отношения. Более того, рабочий класс оказал энергичное сопротивление активизировавшему в этот период расистскому движению под лозунгом "Франция для французов", многие рабочие приняли участие в массовых антирасистских акциях, проходивших под характерным девизом "Не трогай моего приятеля!". Очевидно в отношении к одному и тому же "объекту" – иностранным рабочим столкнулись два противоположных аттитюда – один, рационально-прагматический, основанный на знании о конкуренции за рабочие места и роли в ней иностранцев и другой, более эмоциональный, корнящийся в традициях рабочей солидарности и интернационализма и подкрепленный "социальной вовлеченностью" – тем "чувством локтя", которое возникает у людей, работающих в одном коллективе.

Проявление аттитюдов на поведенческом уровне может происходить только при "встрече" его с релевантной ситуацией – такой, в которой возможно или необходимо действие. Установка на ситуацию, как отмечалось, зависит от установок на участвующие в ней социальные объекты. Из аттитюдов, запечатленных в психике субъекта, он "выбирает" тот, который больше "подходит" к ситуации. На этот выбор влияют иерархия реальных мотивов субъекта, нормы, на которые он ориентируется в своем поведении, интенсивность его психологических связей с социальной средой, в которой разворачивается ситуация ("социальная вовлеченность"). В результате возникает установка на выполнение (или невыполнение) определенного действия. По своему содержанию она может расходиться с той из установок на объект или ситуацию, которая ранее наиболее явным образом присутствовала в сознании субъекта, выражалась им вербально (обычно именно такие установки полнее всего "улавливаются" социально-психологическими исследованиями). Рассогласование между установками и поведением, как правило, имеет отношение именно к таким наиболее осознанным, вербальным установкам. Примерно так выглядит проблема отношения

"слова и дела" в свете специальных социально-психологических исследований.

Во многом близки к этим положениям выводы специального эмпирического исследования аттитудно-поведенческих рассогласований, выполненного коллективом социологов под руководством В.А. Ядова. Авторы подчеркивают, что "рассогласование между диспозициями и фактическим поведением личности есть результат как социальных, так и индивидуальных факторов. *Со стороны социальных* условий основной источник таких рассогласований – множественность и подчас противоречивость социально-нормативных предписаний, относящихся к различным сторонам жизнедеятельности людей (и, добавим, запечатлеваемых в принимаемых ими установках). Со стороны субъекта деятельности, подчеркивают социологи, причиной несоответствий являются, во-первых, разнообразные препятствия, возникающие на пути реализации диспозиций, и, во-вторых, уровень их осознания, не соответствующий их реальному психологическому "весу". В исследовании вводится понятие "актуальная диспозиция", соответствующая масштабу действия в данной ситуации – "роль ведущего принимает на себя тот компонент и тот уровень диспозиционной системы, который наиболее полно соответствует данным условиям и цели деятельности именно в этом масштабе"³². Актуальную диспозицию, очевидно, можно рассматривать как установку, "выбранную субъектом" применительно к ситуации.

Несколько иначе подходит к проблеме аттитудов и их рассогласования с поведением В.С. Магун. Этот автор рассматривает аттитуд как "эгоистический" компонент психики, как оценку только *индивидуальной* ценности объектов и действия и противопоставляет ему признаваемые индивидом ценности других людей и социальных систем. Если субъект действует в соответствии с этими социальными ценностями, его поведение расходится с аттитудом³³. Трудность, возникающая при таком подходе, состоит в том, что вряд ли можно найти достаточно ясный критерий выделения чисто индивидуальных аттитудов: ведь глубоко интериоризированные индивидом социальные ценности тоже становятся его установками. Нередко бывает и так, что именно такие нормативные, принятые в данной социальной среде ценности выступают в качестве аттитудов, лучше всего сознаваемых индивидом, а действует он вопреки им, под влиянием каких-то своих собственных индивидуальных побуждений.

Механизм рассогласований, описанный В.С. Магуном, тем не менее вполне реален. Например, он весьма типичен для советского человека с его обусловленным тоталитарным типом общественных отношений "двойным стандартом", двоемыслием. Этот человек был вынужден демонстративно принимать и в какой-то мере разделять официальные идеологические нормы, но чаще всего не следовал им в своем реальном поведении. Так, официально провозглашаемый коллективизм, по дан-

³² Саморегулирование и прогнозирование. С. 193, 194.

³³ См.: Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л., 1983. С. 121, 126.

ным отечественной эмпирической социологии, вообще не обнаруживается в его реальной психологии и поведении³⁴. По формулировке авторов известной монографии о советском человеке, главная особенность его нормативных установок "состояла в том, что они никогда не могли быть исполнены, более того, эта неосуществимость была условием существования советских людей"³⁵.

Другая сторона ситуации двоемыслия заключалась в том, что внешне, демонстративно подчиняясь практически невыполнимым официальным нормам, люди вырабатывали свои собственные индивидуальные установки, служившие им реальным ориентиром поведения. Однако эти установки, например морально-нравственные или культурные, сплошь и рядом расходились с требованиями системы – уже не столько официально декларируемыми, сколько принудительно навязываемыми, прежде всего с необходимостью беспрекословного подчинения власти и диктуемым ею "правилам игры". Такое диктуемое или вынужденное поведение – типичная для советского общества причина рассогласования индивидуальных аттитюдов с поведенческими стандартами. В 1992 г. только 19% опрошенных заявили, что им никогда не приходилось поступать вопреки тому, что они считают правильным, справедливым. Такая же доля опрошенных призналась, что совершали "неправильные" поступки "под давлением начальства", 6% – "под давлением коллектива", 11% – "из-за собственной слабости", 22% – "для пользы дела".

Последняя категория ответов особенно характерна для психологии двоемыслия. Люди, давшие этот ответ, вполне сознательно "держат в уме" два параллельных и противоречащих друг другу ряда установок: один, выражающий их собственные, индивидуальные представления о "правильном и справедливом", другой – интериоризированные ими социальные требования и в своих действиях руководствуются именно этими требованиями. Характерно, что такое осознанное двоемыслие типично для представителей социальных групп, наиболее интегрированных психологически в господствующую систему – членов компартии, военных, подписчиков "Правды"³⁶.

В целом, любая из социально-психологических концепций конфликта поведения и установок раскрывает те или иные возможные причины такого конфликта, но даже вся совокупность этих концепций не дает целостного удовлетворительного, т.е. пригодного для всех случаев, решения проблемы. Самое большее, социально-психологическая теория позволяет выделить несколько наиболее типичных ситуаций рассогласования поведения и осознанных установок. Назовем некоторые из таких ситуаций, относящихся к сфере социально-политической психологии.

1. Существующие общественные и политические отношения и положение человека в этих отношениях ограничивают возможности

³⁴ См.: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов / Отв. ред. Ю.М. Левада. М., 1993. С. 26.

³⁵ Там же. С. 30.

³⁶ См.: Там же. С. 39.

свободного выбора типа индивидуального поведения; человек по объективным причинам не в состоянии реализовать свои убеждения и ценности, выработанные им в процессе осмысления действительности или заимствованные от других. В результате он вынужден руководствоваться актуальной установкой, противоречащей этим убеждениям. Такие ситуации возникают отнюдь не только в условиях прямого давления властных институтов на индивидуальное поведение, сопровождающегося принуждением, санкциями и т.д. С начала 70-х годов большинство жителей западных стран убедились, судя по данным опросов, в антигуманном характере так называемого общества потребления, лишаящего личность содержательных жизненных целей и грозящего истреблением природной среды. Тем не менее подавляющее большинство продолжало участвовать в "гонке за потреблением", ибо не находило в доступных ему видах деятельности таких, которые соответствовали бы идеалам гармонии с природой и полноценного развития личности. В момент российских выборов декабря 1993 г. многие избиратели, разделявшие демократические убеждения, предпочли не участвовать в голосовании (фактически содействуя тем самым успеху антидемократических сил), ибо не находили среди партий, блоков и кандидатов, фигурировавших в избирательных бюллетенях, таких, которых они могли бы считать носителями подлинного демократизма.

2. В психике индивида сосуществуют различные или противоположные установки в отношении одного и того же объекта либо ситуации (что объясняется в конечном счете противоречивостью сознания и социального и индивидуального опыта); одна из установок актуализируется под влиянием конкретного сочетания ситуационных факторов. Так, люди, в принципе отрицательно относящиеся к забастовкам, нередко тем не менее участвуют в них, поскольку *в то же время* видят в забастовках неизбежный способ действия в определенных экстремальных ситуациях.

3. Непосредственной причиной рассогласования является вовлеченность индивида в социальную группу или межличностный контакт (как в случае Лапьера), в интересы "других", побуждающая его действовать в соответствии с ролевой функцией в группе или с групповыми ожиданиями.

В жизни бывают и такие ситуации, когда внутригрупповые и межличностные отношения, напротив, являются источником неконформистского (по отношению к группе) индивидуального поведения, противоречащего также усвоенным индивидом групповым установкам. В подобных ситуациях проявляется глубинное стремление личности к автономии, самостоятельности суждений.

Помню, как меня и моих однокурсников по историческому факультету МГУ поразил один из студентов – в будущем известный писатель и историк Н. Эйдельман, – когда на комсомольском собрании он оказался единственным из нас, не проголосовавшим за исключение из комсомола студента, чьи прегрешения "против коммунистической морали" казались совершенно очевидными. Пытаясь объяснить свою позицию, наш товарищ говорил, что у него вызвала сомнения именно та лег-

кость, с которой собрание достигло полного единодушия, решая судьбу человека.

"Список" ситуаций рассогласования является открытым – он может быть продолжен на основе анализа практически неограниченного числа конкретных казусов. Но его расширение не решает названной выше проблемы: формулирования обобщающей, интегральной концепции. Эта трудность связана с более широкой проблемой стимулов человеческого поведения. Если можно с уверенностью утверждать, что такими стимулами являются потребности и мотивы, обычно закрепляемые установками, то факторы индивидуального "выбора" между соперничающими потребностями едва ли поддаются интерпретации и исчерпывающему научному анализу. А ведь именно из такого "выбора" и рождается поступок, действие.

В самой общей форме есть основания утверждать, что в конечном счете индивидуальное поведение обусловлено совокупностью самых разнообразных – биогенетических, интеллектуальных, волевых, эмоциональных, характерологических, моральных – человеческих свойств, которая может быть определена как психический ресурс личности. Сама уникальная индивидуальная личность является высшей, решающей инстанцией, направляющей ее, личности, поведение (что, как было показано выше отнюдь не противоречит ее социальной природе). Даже в описанных выше ситуациях предельного ограничения внешними по отношению к личности силами выбора форм ее поведения человек может (как это чаще всего бывает) подчиняться, но может и не подчиняться этим силам. Примеры найти нетрудно. Именно уникальность любой человеческой личности делает столь трудным анализ ее психических ресурсов, применимый к "человеку вообще".

Уникальность ресурса личности состоит в частности в том, что индивидуально-неповторимым в нем является конкретное соотношение и конфигурация рациональных и спонтанно-иррациональных, контролируемых сознанием и неосознанных стимулов поведения.

В социологической науке для объяснения социального поведения широко используется категория групповых и личных *интересов*: именно в интересах наиболее четкое и законченное выражение получают потребности и ценности людей. Оспаривать ведущее значение интересов в общественно-политической жизни было бы абсурдом, однако психологи используют эту категорию с большей осторожностью, чем социологи. Проблема состоит в том, что интерес, используя терминологию М. Вебера, категория целерациональная, но в реальной жизни осознание интересов представляет собой достаточно самостоятельный и сложный процесс, в котором кроме рационального мышления участвуют, как мы видели, когнитивные, эмоциональные и социально-культурные факторы. Относительно самоочевидны и бесспорны лишь те интересы, которые выражают наиболее элементарные потребности физического существования – в физической безопасности, пище, тепле, в определенном денежном доходе и т.п. Потребности же второго порядка, фиксирующие средства удовлетворения первичных потребностей и тем более потребности социального существования, воплощающие их

предметное содержание, весьма многозначны и многовариантны; поэтому люди, находящиеся в аналогичной объективной ситуации, часто по-разному представляют себе свои интересы. Владельцы отелей и ресторанов из эксперимента Лапьера, отказываясь принять заочно заказ от китайцев, действовали вопреки своим материальным интересам.

У многих людей наиболее сильными стимулами социального поведения в ряде ситуаций являются убеждения, сознательно принятые ценности и установки, у многих — мало понятные им самим "внутренние" импульсы. На качество ресурса личности, а тем самым и на ее социальное поведение весьма существенно влияет уровень его организованности — то, насколько четко соподчинены между собой различные мотивы и установки. Чем ниже этот уровень, тем более случайны, непредсказуемы для самого человека и связанных с ним людей его действия и поступки.

Социально-политическая жизнь дает примеры и таких ситуаций, в которых те или иные ограничения в психическом ресурсе личности лишают ее возможности реализовать собственные ценности и убеждения. В экстремальных случаях такие ситуации порождают подлинные личные трагедии. В 60–70-е годы в одной из стран Латинской Америки руководитель подпольной партии, борющейся против господствующей в стране террористической диктатуры, попросил своих товарищей освободить его от занимаемого поста, ссылаясь на то, что он "физический трус" и в случае ареста не сможет выдержать пыток. Подобные случаи, когда человек сам отчетливо сознает пределы своих психологических ресурсов, скорее всего — редкое исключение. Гораздо чаще такое сознание отсутствует и люди усваивают установки и берутся за дела, не соответствующие их волевым или интеллектуальным возможностям, реальной структуре их мотивов. В результате у них происходит сдвиг в первоначально принятых целях деятельности, осознаваемые человеком установки вытесняются совершенно другими, которые он подчас скрывает от самого себя. Так происходит с иными политическими деятелями, начинающими с борьбы за высокие общественные идеалы, а кончающими беспринципной "борьбой" за собственную карьеру и доходы.

Для социально-политической психологии особый интерес представляют особенности психической деятельности личности, зависящие от уровня ее вовлеченности в общественную жизнь. По этому критерию члены любого общества могут быть разделены на три группы: во-первых, людей, для которых политика или работа в общественных организациях является основной сферой профессиональной деятельности ("профессионалы" и "лидеры"); во-вторых, тех, кто, будучи занят в других сферах профессиональной деятельности или принадлежа к несамостоятельным категориям населения (взрослая учащаяся молодежь, пенсионеры, домашние хозяйки), систематически и активно участвует в общественно-политической жизни ("активисты"), и, в-третьих, то подавляющее большинство общества, которое такого систематического активного участия в ней не принимает ("масса"). Особенности социально-политической психологии и поведения представителей этих групп рассматриваются в следующих главах.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

1. Лидерство как междисциплинарная проблема

Психология исторических деятелей – монархов и государственных лидеров, вождей партий и массовых движений, министров и революционеров – одна из наиболее древних и в то же время наиболее молодых сфер научных исследований. Люди, внесшие заметный вклад в историю, всегда вызывали интерес у своих современников и потомков. И этот интерес никогда не ограничивался тем, что делали эти люди на политической и общественной арене. Известный деятель всегда привлекает внимание именно как личность – всем своим психологическим, нравственным и интеллектуальным обликом, мотивами своих действий, своими прозрениями и просчетами. Жанр исторической биографии со времен Плутарха – едва ли не самый популярный в историографии; герои всемирной истории вновь и вновь становятся персонажами романов, пьес, кинофильмов.

Психология политиков – это и совсем новая, переживающая еще младенческий период область знаний. Ибо первые попытки применить к исследованию их личностей данные, понятийный аппарат и концепции психологической науки относятся к середине и второй половине нашего века. В этом сказались и относительная молодость самой этой науки, и совсем недавнее ее "вторжение" в сферу политики. Сегодня не имеет смысла рассуждать о сравнительных достоинствах традиционных – научно-исторических и художественных – и новых, научно-психологических методов: эти новые методы только начинают разрабатываться. Более того, позволительно усомниться в том, что, даже достигнув в будущем гораздо большего совершенства, они смогут превзойти по своим познавательным возможностям методы традиционные. Любая личность и тем более личность выдающегося деятеля целостна и уникальна, а эти ее целостность и уникальность скорее "улавливаются" языком, мышлением и интуицией добросовестного и объективного историка или умного и талантливоего беллетриста, чем психолога, "рассекающего" целостную личность на некую сумму ее структурных компонентов и классифицирующего ее по теоретически разработанной им типологии. (Речь не идет, разумеется, ни о псевдонаучных – апологетических или разоблачительных – вульгаризациях, ни о поделках "массовой культуры", спекулирующих на интересе публики к истории и политике.)

Видимо, правильнее говорить не о каком-то соперничестве традиционных и научно-психологических подходов к личности политиков или о превосходстве одних над другими, но о своеобразном "разделении

труда" и взаимодополнении. При всей уникальности любая личность представляет собой совокупность типологических психических – когнитивных, мотивационно-волевых, эмоциональных и т.д. – механизмов и процессов и имеет по тем или иным своим психическим свойствам общие черты с другими личностями. Ограничиваясь научно-психологическим анализом и соответствующими понятиями, мы вряд ли сможем нарисовать "живой портрет" Ленина, Ф. Рузвельта или де Голля, но зато, возможно, лучше поймем те внутриспсихические причинно-следственные и системные связи, которые обусловили их действия в конкретных ситуациях. А также поймем, что психологически объединяло их с другими людьми, особенно их современниками и соотечественниками, что также весьма важно для объяснения как причин и мотивов их действий, так и условий, позволивших им сыграть свои исторические роли.

Как и любое явление жизни, политическое лидерство имеет свою анатомию, в том числе личностно-психологическую, строгий анализ которой требует соответствующего понятийного аппарата и предполагает процедуру типологизации. Именно такого рода задачи в перспективе сможет решать психологическая наука. И если она будет решать их успешно, ее достижения в той или иной мере будут интегрироваться исторической и политической науками, содействуя обогащению их аналитического инструментария.

Следуя целям данной книги, мы не будем рассматривать весь богатейший опыт мировой науки – историографии, социологии, политологии в изучении проблемы политического лидерства. Нас будут интересовать лишь результаты тех исследований, в которых эта проблема изучается с позиций современной психологической науки.

Основная масса этих исследований выполнена американскими психологами и политологами. Поэтому данной области знаний "американский акцент" присущ еще в большей степени, чем социальной и политической психологии в целом. Исследованием теоретического и методологического характера основаны главным образом на эмпирическом материале политической жизни США, излюбленным их сюжетом является психология американских президентов. Естественно, что специфика политической системы США и место в ней президента, формальные и неформальные "правила игры" в политической сфере, наконец, весь культурно-исторический контекст американского общества – все это в значительной мере ограничивает общетеоретическую значимость выводов подобных исследований. Точно так же, как теоретико-психологический анализ советской политической элиты вряд ли мог бы служить путеводной нитью при изучении психологии американских политиков. Тем не менее многие методологические подходы американских политических психологов можно рассматривать как первый существенный вклад в изучение лидерства в целом.

Этот вклад заключается прежде всего в формулировании проблематики такого изучения и ее структурировании. Известная американская исследовательница М. Германин подразделяет факторы, определяющие феномен лидерства на следующие основные группы:

1) исторический контекст (или ситуация); 2) психологические характеристики лидера; 3) последователи или сторонники лидера; 4) отношения между лидером и его последователями; 5) поведение лидера. Остановившись подробнее на понятии психологических характеристик лидера, Германи делит их на 7 групп: 1. "Базовые" политические убеждения лидера. 2. Его политический стиль (например, склонность к работе в группе или в одиночку, к политической риторике и пропаганде, к детальному изучению проблем или к получению лишь обобщенной информации, к засекречиванию или открытости своей работы и т.д.). 3. Мотивация к достижению лидирующих позиций. 4. Реакции лидера на стрессы и давление. 5. Способ, которым он достиг своего положения. 6. Предшествующий политический опыт лидера. 7. Политический климат, в котором "стартовал" лидер¹.

Нетрудно заметить, что оба перечня не построены на сколько-нибудь строгих логических основаниях (непонятно, например, почему "климат", в котором началась карьера политика, отнесен к его собственным психологическим характеристикам, а поведение и политический стиль – к различным группам факторов). Тем не менее предлагаемая совокупность факторов представляется достаточно полной и действительно определяет основные направления возможных исследований феномена политического лидерства. Вместе с тем кажется более логичным отделить "внешние" условия, которые воздействуют на формирование и деятельность лидера, от его собственных "внутренних" психологических характеристик и поведения. Если "внешние" факторы могут служить объектом социально-исторических и междисциплинарных – историко-психологических или психолого-политологических – исследований, то личностные характеристики лидера – предмет специального психологического анализа. Верно, конечно, что политическая психология не может замыкаться в рамках такого анализа и должна так или иначе интегрировать социально-исторические подходы, но предлагаемая дифференциация, возможно, содействовала бы более полному использованию методов различных наук.

Национально-историческая ситуация как детерминант психологии лидерства

К числу ситуационных факторов, воздействующих на психологию и деятельность лидера, в первую очередь, очевидно, должны быть отнесены характер политического строя и политическая культура данной страны. В условиях тоталитарного режима действуют совершенно иные принципы и механизмы формирования политической элиты, чем в странах развитой представительной демократии.

Политическая система и политическая культура общества задают тот минимальный набор психологических характеристик, которые обеспечивают восхождение на вершину власти.

Потенциальный национальный лидер в демократической стране должен уметь завоевывать популярность и доверие в широких массах

¹ Hermann M.G. Ingredients of Leadership // Political Psychology. Contemporary Problems and Issues. San Francisco; L., 1986. P. 168–185.

населения и особенно среди членов и сторонников той партии, которую он возглавляет. Тоталитарный лидер в этом не нуждается, ему нужно прежде овладеть умением обходить и устранять соперников в ходе аппаратных интриг в высших эшелонах бюрократической власти, создавать себе опору в номенклатуре, главным образом в верхушке партийно-государственного аппарата. Во многих странах "третьего мира", где формальный политический плюрализм и соперничество на выборах сочетаются с силовой борьбой политических группировок – военных, этнотрибалистских (племенных) или конфессиональных клик – для претендента на власть важны качества, обеспечивающие лидерство в "своей" группе и ее победу в такой борьбе, в частности способность не стесняться в выборе средств и свобода от моральных ограничений. Эта ситуация во многом напоминает условия завоевания власти в античных и средневековых городах-государствах, в феодальных и абсолютных монархиях, когда там происходила борьба за престолонаследие или насильственное устранение предшественника.

Разумеется, все эти различия не носят абсолютного характера. В условиях демократии и правового общества политики в борьбе за власть нередко прибегают к весьма изощренным и циничным закулисным интригам (достаточно вспомнить Уотергейт). Тоталитарные лидеры не уступают античным и средневековым тиранам в готовности использовать силовые методы, террор и политические убийства; популярность в народе нужна им в общем не меньше, чем руководителям демократических государств. Тем не менее каждой политической системе присущи специфические именно для нее механизмы достижения и удержания высшей власти, во многом определяющие психологический облик "вождя". В устоявшейся абсолютной монархии или тоталитарном режиме одним из таких механизмов является сакрализация личности "первого лица", сам факт его пребывания на троне или в кресле генсека признается достаточным основанием выполнения им этой роли во временных пределах, ограниченных лишь его уходом из жизни. Эта сакрализация оказывает на психологию лидера еще большее влияние, чем на его окружение и различные слои политической элиты: в зависимости от его индивидуальных особенностей она либо снижает его способность реагировать на события, усиливает консерватизм мышления и поведения, либо, напротив, питает психологию вседозволенности, побуждает к волюнтаристским и авантюристическим решениям. В России, где сакрализация высшей власти глубоко укоренилась в традициях политической культуры, "иммобилистский" вариант представлен Николаем II и Брежневым, волюнтаристский – Хрущевым (особенно в последние годы его правления). Авантюризм Гитлера свидетельствует, однако, о том, что этот социально-психологический механизм порождается не столько национальной психологией, сколько – абсолютизмом или тоталитарной политической системой.

В условиях представительной демократии национальный лидер должен повседневно доказывать обществу и самому себе своего рода дееспособность и политическую эффективность, и именно эта необходимость, а не простое исполнение роли носителя высшей власти яв-

яется главной пружиной его действий. Один из ярких примеров – политическая судьба генерала де Голля, дважды достигавшего и в собственном самоощущении и в глазах большинства своих соотечественников ореола героического национального лидера и дважды за несколько лет терявшего этот ореол, когда то же большинство переставали устраивать его политика и стиль руководства. Не менее яркий пример из нашей собственной недавней истории – политическая биография М.С. Горбачева, разрушившего тоталитарную систему, чтобы затем пасть жертвой требований, предъявленных лидеру обществом, освободившимся от ее ига.

Политическая система влияет на психологию лидера и посредством тех нормативных предписаний, которые присущи порожденной ею культуре и образуют трудно переходимые границы выбора им методов своих действий. Речь идет о "правилах игры", которые социологи называют "нормы-рамки" и которые в той или иной мере интериоризируются политиками, становятся органическим компонентом их психологии. В современных условиях крайне трудно представить себе западного политического лидера, которому пришлось бы в голову вопреки конституции разогнать парламент или использовать полицейские и воинские части в борьбе с легальной политической оппозицией (что не исключает разгона чересчур агрессивных, нарушающих порядок массовых манифестаций). Правда, столь же мало вероятно и использование вооруженных методов борьбы оппозиционными партиями (если не говорить о подпольных экстремистских группировках вроде северо-ирландской ИРА или итальянских "бригадистов"). Легальная оппозиция – правая или левая (опять же за исключением маргинальных экстремистских групп) – столь же мало склонна или психологически способна к применению вооруженного насилия – "нормы-рамки" признаются и соблюдаются подавляющим большинством, в отношении них существует общественный консенсус. В целом они являются продуктом относительно поздней культурно-исторической эволюции (нового и новейшего времени), мы не обнаружим их в большинстве обществ в эпохи, предшествующие XVIII–XIX вв. Общецивилизационное развитие оказало влияние не только на систему "норм-рамок" в демократических и демократизировавшихся обществах Северной Америки и Западной Европы, его не избегли и абсолютистские режимы. В России XIX–XX вв. власти жестоко преследовали "бунтовщиков", революционеров и "подрывных" литераторов, но не трогали неугодных императору политических деятелей режима – Сперанский был, кажется, последним опальным сановником, отправленным в ссылку, впоследствии санкции не заходили дальше отставки. Большевицкая революция походя покончила с этим достижением цивилизации и возродила — в намного расширенном масштабе – политические нравы XVI в.

Фундаментальные особенности политической системы – далеко не единственный объективный фактор, воздействующий на психологию лидеров. Конкретный характер этого воздействия во многом определяется состоянием системы, конкретной фазой ее исторического бытия. От этих параметров исторической ситуации зависят, в частности, такие

выделенные в приведенном выше "перечне" М. Германн психологически значимые моменты, как "климат", в котором осуществляется политический старт лидера, его предшествующий политический опыт, способы, которыми он достиг своего положения.

Ситуационные состояния системы можно в первом приближении подразделить на следующие фазы: 1) становление системы; 2) ее устойчивое равновесие и поступательная эволюция; 3) стагнация системы, сопровождаемая дисфункциональными, кризисными явлениями; 4) состояние ситуационного кризиса, вызванное усложнением конкретных проблем внутренней или внешней политики, угрожающим стабильности системы; 5) общий кризис системы, выражающийся в ее необратимой дестабилизации. Каждая из этих фаз предъявляет специфический "социальный заказ" на лидеров по принципу "нужный человек в нужное время"

Советские и западные лидеры В послереволюционной России и Советском Союзе Ленин был лидером, соответствующим фазе становления тоталитарной системы: он создал ее основы, не доведя их, однако, до логического завершения. Сталин завершил процесс становления тоталитаризма, осуществив милитаризацию, распространив принципы прямого репрессивного администрирования на все сферы общественной жизни. И вместе с тем обеспечил на некоторое время равновесие и ограниченное определенными сферами поступательное развитие системы (индустриализация, "культурная революция", достижение военного могущества и статуса сверхдержавы). Методы, посредством которых он достиг этих целей, – массовый государственный террор, система каторжного и принудительного труда, нищенский уровень массового потребления, жесткий идеологический контроль, истребление кадров правящей партии и госаппарата во имя утверждения личной власти, предельная централизация управления – соответствовали фундаментальным принципам тоталитаризма. Личностные различия двух лидеров отражали особенности фаз развития системы. Революционный идеализм и утопизм Ленина, обеспечившие политическую мобилизацию масс, так же как его готовность к "временным отступлениям и компромиссам" (именно так оценивал он идею НЭПа), были необходимы для спасения рождающегося, еще неокрепшего режима от угрозы падения под гнетом всеобщей разрухи, голода, предельного обнищания народа. Последовательный цинизм, политический разбой и патологическая жестокость, присущие Сталину, были адекватны задаче превращения имеющей лишь ограниченную поддержку в стране диктатуры в мощное, устойчиво функционирующее тоталитарное государство. Не менее важен для этого был его идеологический цинизм, облегчивший переход от выдохшейся к 40-м годам романтики "мировой пролетарской революции" к великодержавному имперскому национализму.

Со спецификой различных фаз связаны и особенности политической биографии первых советских лидеров, соответствующие их психологическому облику. Ленин приобрел свою харизму и власть в качестве общепризнанного вождя победившей социалистической революции.

Сталин, будучи в революционном движении второстепенной и для многих сомнительной фигурой, смог добыть то и другое, только оттеснив – вначале путем аппаратных интриг, а затем – преследований, репрессий и убийств – более известных и популярных партийных лидеров. Поэтому Ленина и сегодня продолжают почитать далеко не только поклонники тоталитарной системы, а на Сталина молятся лишь те, кто предпочитает исповедовать ценности националистического тоталитаризма ("коммунофашизма").

В последние годы жизни Сталина созданная им система стала обнаруживать признаки стагнации, в ряде сфер (эффективность экономики, сельское хозяйство, научные исследования, жилищная проблема, социальное обеспечение и т.д.) назревал глубокий кризис. Дисфункциональный характер начала принимать диспропорция в системе номенклатурной власти – бесконтрольное господство госбезопасности над партийной, государственной и военной элитой. Реформы Н.С. Хрущева, его новации в сфере внешней политики – попытка восстановить равновесие и поступательное развитие системы. Независимо от ее результатов как психологические отличия Хрущева от его предшественников, так и его общность с ними обусловлены тем, что он был "тоталитарным реформатором". С одной стороны, смелость в разрыве с некоторыми идеологическими и политическими догмами и практикой, в разоблачении сталинских преступлений, с другой – та же вера во всемогущество неограниченной партийно-бюрократической власти, порождавшая пресловутый хрущевский волюнтаризм, то же стремление командовать всем и вся и – вопреки провозглашенному стремлению к мирному сосуществованию – великодержавные амбиции и авантюризм во внешней политике (Карибский кризис).

Годы правления Брежнева и его двух недолго царствовавших преемников – время усиливающейся стагнации режима, грозившей его глубоким тотальным кризисом. Испугавшись реформаторских рывков Хрущева и ощущая, что любая глубокая реальная реформа несовместима с существующей системой власти ("ткнешь пальцем – все развалится", по формуле секретаря райкома из очерка Ю. Нагибина), правящая номенклатура делает ставку на воздержание от резких движений, статус-кво, стабильность. Она замыкается в уютном мирке собственной власти и привилегий, закрывая глаза на проблемы страны. Стремясь в то же время выиграть от экономических отношений с Западом, предотвратить опасность военной конфронтации с ним и расширить зону советского имперского влияния в развивающемся мире. Лидер, органически неспособный к какой-либо инициативе в экономической и внутренней политике, но обожающий дорогие подарки от западных президентов и премьеров и готовый продемонстрировать военную мощь по подсказке своих маршалов и генералов, – оптимален для фазы позднего, стагнирующего, "размягченного" тоталитаризма. Только в рамках этой системы возможны многолетнее пребывание на высшем посту в государстве тяжело больного, маразмизирующего старца и последующее назначение на тот же пост заурядного чиновника с физическими и интеллектуальными данными К.У. Черненко. Последующие националь-

ные лидеры – разрушители и реформаторы системы – это уже одновременно деятели и жертвы ее тотального кризиса и крушения.

Различные фазы и типы ситуационных состояний системы характерны и для новейшей истории стран Северной Америки и Западной Европы. Наиболее острый ситуационный кризис, перераставший в общесистемный, они пережили в период великой депрессии конца 20-х – начала 30-х годов. Личные качества Ф.Д. Рузвельта были одним из важнейших факторов, позволивших крупнейшей демократической стране перейти из этой опасной фазы в состояние устойчивого равновесия и поступательной эволюции: в нем наиболее полно воплотились черты лидера, выступающего в качестве "демократического реформатора". В другом национально-историческом контексте и соответственно в несколько ином варианте те же черты проявили лидеры народного фронта во Франции, возглавившие массовое антифашистское движение и осуществившие социальные реформы, которые на несколько лет отодвинули крах демократического режима. В Германии, где внутренняя обстановка была во многом сложнее, чем в США или Франции, ситуационный кризис перерос в системный, завершившийся падением демократического режима и переходом к тоталитаризму. Послевоенным лидерам ФРГ – К. Аденауэру и его коллегам – пришлось выступить в роли не только "демократических реформаторов", но и созидателей демократической системы.

Послевоенные лидеры США и большинства западноевропейских стран (за исключением Испании, Португалии, Греции и отчасти Италии) сталкивались в основном лишь с ситуационными кризисами, связанными с "холодной войной", крушением колониальной системы (войны во Вьетнаме, Алжире, Карибский кризис и т.д.) и обострением экономических проблем, они действовали в условиях относительной стабильности и поступательной эволюции системы. По всей вероятности, возможно выявить корреляции между этими "фазовыми" характеристиками состояния общества и психологическим обликом лидирующих политиков соответствующих стран.

Столь же возможны такие корреляции и при анализе проблем политического лидерства в "третьем мире", где в одних странах господствуют стагнация и политическая неустойчивость, а в других проявились тенденции к глубокому реформированию экономической и политической структуры и поступательной эволюции. Авторитаризм, присущий политическим режимам многих из этих стран, играл совершенно различную роль – стабилизирующую, реформаторскую или дестабилизирующую и застойную – в зависимости от преобладания тех или иных тенденций и соответствующих им психологических характеристик национальных лидеров.

Взаимодействие исторических ситуаций и психологических свойств национальных лидеров – сфера увлекательных междисциплинарных историко-психологических или психолого-политологических исследований. Значение ее определяется тем, что, как считают ныне многие профессиональные социальные и политические психологи, именно ситуационные факторы являются решающими в возвышении деятелей

с определенными психологическими характеристиками на роль лидеров. В 70–80-е годы "фундаментально ошибочной атрибуцией" признается склонность ряда исследователей лидерства рассуждать об исторических личностях, не учитывая в достаточной мере "внешние детерминанты" их поведения². Фактически такие исследователи впадают в тот же грех персонификации (или персональной атрибуции) общественных явлений, который, как мы видели (см. главу I) присущ массовому сознанию. Известный американский политический психолог Д.К. Саймонтон сочувственно цитирует в этой связи философско-исторический эпилוג "Войны и мира" Л. Толстого и его знаменитую уничижительную характеристику исторической роли Наполеона. Излагая результаты собственных исследований факторов, определивших сравнительные масштабы исторической роли 342 европейских монархов средневековья и нового времени, американских президентов, а также факты выборов президентом США бывшего вице-президента, Саймонтон приходит к выводу о значительном перевесе ситуационных факторов над личностно-психологическими. В свете этих исследований теория Толстого не вызывает, по его мнению, "серьезных оговорок"³.

*Значение лич-
ностных харак-
теристик ли-
деров*

Некоторые оговорки, на наш взгляд, все же необходимы. Несомненно, что выдающиеся (или признанные таковыми) исторические деятели выполняют "социальный заказ эпохи". Однако для выполнения этого заказа они все же должны обладать соответствующими ему личностными качествами. Трудно вообразить, что могло бы произойти с Америкой в 30-е годы, если бы на посту президента находился человек, не превышающий по своим психологическим данным предшественников и преемников Ф.Д. Рузвельта. Или с Францией, если бы в 1958 г. в ее политическом резерве не было Шарля де Голля. Выборы М.С. Горбачева генеральным секретарем в 1985 г. были результатом сложной комбинации сил в Политбюро ЦК КПСС, его вполне реальным соперником был консервативный и по-сталински крутой ленинградский лидер Романов. Сложись эта комбинация несколько иначе (например, если бы кандидатуру Горбачева не поддержал А.А. Громыко), возможно, история СССР и России в 80–90-х годах приняла бы совсем иной оборот.

Значение личности лидера нетрудно доказать и, так сказать, негативным способом – ведь нередко бывает так, что "социальный заказ" не выполняется, нужный человек не появляется в нужное время. Неадекватность уникальной по сложности, обилию запутанности острейших проблем ситуации в посттоталитарной России качествам верхнего слоя ее политической элиты, видимо, один из немаловажных аспектов российского кризиса 90-х годов. Возможно, в более "спокойных" и стабильных ситуациях – например на фазе поступательной

² Ross L. The intuitive psychologist and his shortcomings // *Advances in experimental social psychology* / Ed. L. Berkowitz. N.Y., 1977. Vol. 10. P. 173–220.

³ Simonton D.K. Personality and Politics // *Handbook of Personality Theory and Research* / Ed. L.A. Pervin. N.Y., 1990. P. 681–684.

эволюции и "частичных" кризисов (как в современных США и других развитых странах) – персональные качества лидеров играют менее значительную роль, чем в условиях становления, общего кризиса и распада социально-политических систем.

В анализе феномена политического лидерства рассматривавшийся выше вопрос "Почему человек становится и является лидером?" неизбежно увязывается с другим: "Как личностные качества лидера влияют на историю и политику?". Иными словами, если в комплексе взаимоотношения "лидер–ситуация" (во всех ее уровнях и аспектах) очевидна детерминирующая роль ситуационного компонента, то это не должно означать умаления активной роли компонента личности. И именно этот компонент занимает в настоящее время центральное место в исследованиях политических психологов, посвященных проблеме лидерства. Ибо, как отмечает Саймонтон, "мало кто может уйти от размышлений о характере этих своеобразных людей – наших лидеров, которые являются наиболее значительными действующими лицами событий, буквально управляющих нашей жизнью"⁴.

Естественно, что данное направление исследований является более "психологическим", чем междисциплинарное изучение ситуационных факторов лидерства. Ведь речь в данном случае идет о психологии личности, точнее, о тех ее особенностях, которые связаны с выполнением специфической социальной роли политического лидера. В то же время в методологии изучения личности лидеров сказывается влияние различных тенденций, идущих от тех "материнских" дисциплин, на скрещении которых возникла политическая психология. Так, в приведенном выше перечне характеристик лидера, принадлежащем М. Германи, преобладает политологический подход: большая часть позиций перечня может быть выявлена непосредственно из политических акций, деклараций и политической биографии лидера и не требует специального психологического анализа. Это проявляется и в принципе дифференциации характеристик, например, в рядоположенных отношениях находятся мотивация и убеждения лидера. С психологической точки зрения, убеждения или ценности не нечто отдельное от мотивации, но ее выражение и продукт; как мы видели, они представляют собой "гибридное" образование, в котором сливаются мотивационные и когнитивные процессы. Однако когнитивные стороны психологии лидера, особенности восприятия им политической действительности и информации о ней вообще отсутствуют в списке Германи.

Если в изучении психологии лидеров следовать методам, разработанным в рамках общепсихологических и социально-психологических концепций личности, ее надо представить как взаимодействие когнитивных, мотивационных, аффективных, коммуникативных и конативных (поведенческих) компонентов, прослеживая их выражение в установках (аттитюдах) лидеров, в том числе в их ценностях и убеждениях. Такой подход характерен для исследователей, изучающих феномен лидерства преимущественно с позиций психологической науки.

---

⁴ Ibid. P. 689.

2. Интеллектуально-познавательные параметры лидерства

*Когнитивный
стиль лидеров.
Концепция "ин-
тегративной
сложности"*

Когнитивный "стиль" политиков исследуется в американской политической социологии по критерию простоты и сложности восприятия ими явлений и процессов, образующих объекты их профессиональной деятельности. "Крайними", противоположными типами по этому критерию являются с одной стороны, политик, мыслящий на основе примитивных жестких стереотипов и нетерпимый к сколько-нибудь многозначным суждениям, с другой стороны, деятель, способный к представлениям и оценкам, отражающим различные аспекты явления, его противоречивость, и к формированию ценностного образа объекта во всей его реальной сложности. Как мы убедились, знакомясь с понятиями стереотипа, социального представления, каузальной атрибуции и т.д. (см. главу I), такого рода различия в восприятии общественной действительности характерны для людей вообще и образуют одну из важнейших основ типов и разновидностей социально-психологической психологии. Однако для политических деятелей они имеют особо важное значение, ибо прямо влияют на принятие ими решений, затрагивающих судьбы целых народов.

Стремясь придать указанной когнитивной характеристике операциональное (т.е. пригодное для применения в эмпирических исследованиях, для формализации и измерения) значение, американские политические психологи ввели категорию "интегративная сложность". Для измерения уровня интегративной сложности была разработана специальная методика контент-анализа выступлений, статей и другой документации политиков⁵. На основании этой методики была проведена серия исследований как на современном (главным образом американском), так и на историческом материале.

Один из наиболее интересных результатов этих исследований — установление корреляций между уровнем интегративной сложности, с одной стороны, взглядами, позициями и конкретной ролевой ситуацией политиков, с другой. Так П. Тетлок, сопоставляя взгляды американских сенаторов с их когнитивным стилем, показал, что у консервативных законодателей уровень интегративной сложности ниже, чем у умеренных и либералов. Объектом его последующего исследования стали члены британской палаты общин, где представлена намного более богатая палитра политических взглядов, чем в американском конгрессе. Его результаты показали, что интегративная сложность связана не столько с идеологическим содержанием политических позиций, выражающимся в партийных этикетках, сколько с интерпретацией этого содержания — жестко догматичной, замкнутой и конфронтационной либо динамичной, гибкой, открытой к восприятию новых идей и компромиссу с другими течениями. В палате общин наиболее низким уровнем интегративной сложности отличались представители противоположных

⁵ Schroder H.M., Driver M.Y., Streufert S. Human information processing. N.Y., 1967.

7. Г.Г. Дилигенский

"крайностей" – левые лейбористы и правые консерваторы, наиболее высоким – умеренные парламентарии обеих партий. Еще в одном исследовании того же автора выявлено влияние интегративной сложности на линию поведения сенаторов в отношении конкретных политических проблем. Деятели, выступавшие за изоляционистскую линию США во внешней политике, обладали этим качеством в меньшей мере, чем те, которые настаивали на активной глобальной политике⁶.

Подобные исследования оставляют открытым вопрос: является ли личностный "когнитивный" стиль предпосылкой избираемой политиком идеологической позиции или, напротив, эту позицию определяют в основном другие объективные и субъективные, в том числе биографические, факторы? Во втором случае уровень интегративной сложности является производным от позиции (политик воспринимает и познает действительность так, как требуют его взгляды, партийная принадлежность и политическая интеграция).

В действительности, по-видимому, имеют место и та и другая причинно-следственные связи. Во всяком случае конкретные исследования показывают, что деятели, выдвинувшиеся на лидерские роли в конфронтационных ситуациях (война, революция, вообще силовой конфликт противоположных лагерей), в которых политический эффект давали скорее упрощенные, однозначные и однолинейные представления и позиции, оказывались менее состоятельными в условиях "нормального" осуществления политической власти. Так, П. Сuedфелд и А. Рэнк в исследовании, посвященном психологии и политическим биографиям 19 деятелей, игравших ключевую роль в 5 различных революциях, пришли к выводу, что присущий им личностный уровень "концептуальной сложности" повлиял на их судьбы после прихода к власти революционных сил. Революционным лидерам с наиболее жесткими и догматическими когнитивными стилями не удавалось сохранить свои главенствующие позиции, когда перед ними вставала задача управления страной, требовавшая иных психологических качеств. Особенно показательным в этом отношении авторы считают сопоставление политических судеб Ленина и Троцкого⁷.

Вместе с тем целый ряд исследований доказывает, что уровень интегративной сложности, проявляющейся в высказываниях и линии поведения политического деятеля, может резко повышаться или снижаться в зависимости от изменения политической или личной ситуации. Так, в США кандидаты в президенты, как правило, представляют политическую действительность в гораздо более упрощенном виде, предлагают гораздо более примитивные, однозначные решения, чем когда те же деятели становятся президентами. В данном случае сказываются императивы борьбы за власть: у большинства избирате-

⁶ Tetlock P.E. Cognitive style and political ideology // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. Vol. 45. P. 118–126; *Idem*. Cognitive style and political belief systems in the British House of Commons // Ibid. 1984. Vol. 46. P. 365–375; *Idem*. Personality and isolationism; Content analysis of senatorial speeches // Ibid. 1981. Vol. 41. P. 737–743.

⁷ Suedfeld P., Rand A.D. Revolutionary leaders. Longterm success as a function of changes in conceptual complexity // Ibid. 1976. Vol. 34. P. 164–178.

дей нет ни желания, ни способностей разбираться в сколько-нибудь сложных, требующих умственного напряжения концепциях, им важнее уловить главную направленность политических программ кандидатов, их "общий дух", а он скорее передается с помощью простейших однозначных формул. В сфере международной политики, как показал, в частности, опыт "холодной войны" и ее преодоления, образы других стран и их лидеров, которыми руководствуются политики, их большие или меньшие простота и сложность прямо зависят от состояния межгосударственных отношений; чем жестче конфронтация, тем примитивнее эти образы.

Очевидно, что когнитивный стиль политиков во многом зависит от конкретных ситуационных мотивов и целей их деятельности (например, от того, является ли целью завоевание или удержание и эффективное осуществление власти), от объективно обусловленных методов достижения этих целей, от ролевых функций, в наибольшей степени интегрированных политиками. Национальный лидер, который ощущает себя прежде всего управляющим уже налаженной и исправно функционирующей системой, использует иные политические механизмы, чем тот, который добивается ее радикального реформирования, или чем "вождь", видящий свою задачу в сплочении нации против внешнего врага. Если же лидер одновременно решает две или больше таких приоритетных задач, он может придерживаться различных когнитивных стилей – "сложных" или "простых" – в различных сферах своей деятельности (например, во внешней и внутренней политике).

В работе российской исследовательницы Е.В. Егоровой проведен тщательный контент-анализ восприятия СССР двумя ведущими деятелями рейгановской администрации – госсекретарем А. Хейгом и военным министром К. Уайнбергером. Обоих министров одного из наиболее жестко антисоветских американских правительств объединяло крайне враждебное отношение к Советскому Союзу и его внешней политике. При этом Уайнбергер, по наблюдению исследовательницы, "обладает более гибким мышлением, чем Хейг, его образ СССР более целостен, структурирован (у Хейга этот образ носит "мозаичный" характер), он более способен к прогнозированию событий. Из этих портретов ясно вырисовывается интеллектуальное превосходство военного министра над госсекретарем, но в то же время и большая жесткость, однозначность, идеологическая зашоренность позиций Уайнбергера: в своем отношении к СССР он исходил прежде всего из перспективы вооруженного конфликта с Советами. По мнению Егоровой, Хейг способен смягчить свою линию в отношении Советского Союза, для Уайнбергера она такую возможность исключает⁸.

Эти наблюдения, на наш взгляд, свидетельствуют, во-первых, о том, что реализм и гибкость в политике (по-видимому, соответствующие понятию интегративной сложности) отнюдь не обязательно зависят от силы интеллекта лидера (к этому вопросу мы вернемся

⁸ См.: Егорова Е.В. Психологические методики исследования личности политических лидеров капиталистических стран. М., 1988.

несколько ниже). Во-вторых, они показывают, что на восприятие политических объектов и проблем существенное влияние, помимо личностных характеристик, оказывают ролевые, в том числе "ведомственные" функции политического деятеля. В обстановке жесткой конфронтации США и СССР глава американского военного ведомства, так сказать, подталкивался этими функциями к однозначно непримиримой позиции, а руководитель государственного департамента — к хотя бы минимальному учету дипломатических возможностей разрешения конфликта. В перестроенном СССР и посттоталитарной России наблюдаются сходные различия между многими деятелями ВПК и ведущими дипломатами.

Ум политика, если понимать под ним широту кругозора, реализм, способность видеть связи явлений, предвидеть ход событий, адекватно реагировать на ситуацию, во многом определяется его общей культурой и знаниями. В Советском Союзе методы политического руководства и характер принимаемых решений по ряду вопросов были в 30–50-х годах значительно грубее, примитивнее, часто попросту глупее, чем при Ленине и в годы НЭПа. Видимо, это было связано не только с общим изменением политической стратегии, но и с переменами в составе коммунистической элиты — вытеснением из нее представителей революционной интеллигенции и их заменой необразованными выдвиженцами. И напротив, в 70–80-е годы, когда в партийный и государственный аппарат пришло более образованное поколение функционеров, власть стала проявлять способность к ограниченному маневрированию и даже — при М.С. Горбачеве — к радикальной ревизии политической идеологии.

Массовые социологические исследования неизменно показывают воздействие уровня образования на те личные психологические характеристики, которые американские политические психологи называют интегративной, или концептуальной, сложностью. Однако, как уже отмечалось в первой главе, значение данного фактора не абсолютно. Хрущева и тем более Брежнева вряд ли можно считать более культурными и умными людьми, чем Сталин, но их политика, по крайней мере в некоторые периоды и в некоторых сферах, была умнее и реалистичнее сталинской. Сопоставление интеллектуальных характеристик американских президентов показало, что наиболее догматичными из них были как наименее, так и наиболее образованные и именно под влиянием своей "учености" чрезмерно идеологизированные деятели. "Как культурная безграмотность, — замечает по этому поводу Д. Саймонтон, — так и идеализм, приобретенный в башне из слоновой кости, вредны для когнитивной гибкости"⁹.

Полезность категории интегративной сложности очевидна, но ее вряд ли можно рассматривать как инструмент совершенно объективного психологического анализа. Создается впечатление, что американские исследователи неосознанно приписывают те или иные интеллектуальные качества своим президентам в зависимости от результатов их

---

⁹ *Simonton D.K. Op. cit. P. 687.*

политики. В этом отношении показательна попытка оценить когнитивный стиль политика не постфактум, но на начальном периоде его деятельности у кормила высшей власти. Речь идет о Билле Клинтоне. Если один политический психолог – П. Сuedфелд, анализируя опыт первых 10 месяцев его президентства, утверждает, что Клинтон обладает крайне низким уровнем интегративной сложности, не способен "осваивать" политические проблемы¹⁰, то другой – Ст. Реншон констатирует у него очень высокий уровень когнитивных способностей¹¹. Противоречивость оценок, очевидно, объясняется тем, что эффективность политики Клинтона в начале 1994 г. была еще величиной неизвестной.

На рассмотренных американских исследованиях, как уже отмечалось выше, лежит печать национально-исторического контекста – общества со сложившейся и устоявшейся политической культурой, "правилами игры" и системой ценностей, в котором вариации в психологических особенностях лидеров ограничены известными пределами и не оказывают обычно решающего воздействия на судьбы страны. В таком обществе потрясения, угрожающие основам его бытия, – это лишь редкое исключение. Наверное, именно в таком контексте возможны исследовательские методики, ориентированные на формализацию и измерение качеств лидеров, их изображение в виде математических формул, шкал и графиков – ведь таким операциям поддаются лишь "объекты", обладающие высоким уровнем общности (в данном случае культурно-психологической) и различающиеся по ограниченному числу параметров. Подобные методики и лежащие в их основе концепции гораздо труднее применять в обществах, где резкие переломы, тотальные кризисы и борьба диаметрально противоположных тенденций – органическая черта исторического развития, определяющая и психологический облик лидеров. Скажем, сравнивать "когнитивные стили" Андропова, Горбачева и Ельцина вряд ли возможно лишь на основе тех показателей, которые используются при сопоставлении американских президентов.

*Когнитивный
стиль совет-
ских и россий-
ских лидеров*

Тем не менее концепции и выводы современных исследований психологии лидерства выходят по своему значению за пределы тех обществ, в которых они осуществляются. Многие из этого теоретико-методологического инструментария может быть использовано при исследовании лидерства в иных, более сложных и противоречивых национально-исторических ситуациях, в том числе советской и российской. Но использовано при обязательном условии его корректировки и развития, отвечающих своеобразию этих ситуаций.

Низкий уровень или отсутствие интегративной сложности можно,

¹⁰ Suedfeld P. President Clinton's Policy Dilemmas: A Cognitive Analysis // Political Psychology. 1994. Vol. 15. N 2, June. P. 346–348.

¹¹ Renshon S.A. Preliminary Assessment of Clinton Presidency: Character, Leadership and Performance // Ibid. P. 377.

например, считать одной из важнейших особенностей психологии И.В. Сталина. Сочетаясь с незаурядной хитростью, ловкостью, прагматическим цинизмом, сталинский догматизм оказал немалое влияние на его политический курс. Веря во всемогущество тоталитарного государства ("диктатуры пролетариата"), его способность решить любые проблемы методами приказа и насилия, Сталин проявлял поразительную неспособность реалистически оценивать экономическую и социальную ситуацию в стране. С наибольшей силой эта черта проявилась в последние годы его жизни, когда он провозгласил скорое пришествие коммунистического рая на основе полного искоренения товарно-денежных отношений. В нищей, разоренной войной и послевоенной милитаризацией стране подобные пророчества отдавали патологическим бредом.

Внешняя политика Сталина может показаться более реалистической и эффективной. После второй мировой войны страна достигла еще не виданного могущества на мировой арене, зона коммунистического господства распространилась на восточную часть Центральной Европы, где стабильность ее границ гарантировалась Ялтинскими и Потсдамскими договоренностями; советским вассалом на какое-то время стал Китай. Жесткая конфронтация с Западом сочеталась с осторожностью, устойчивым воздержанием от опасных военных авантур. Нельзя, однако, забывать о том, что эти "успехи" были достигнуты ценой миллионов жизней советских людей, кровью и потом русских солдат. Те крайне неблагоприятные условия, в которых стране пришлось вступить во вторую мировую войну и взять на себя основную тяжесть сопротивления гитлеризму, были во многом результатом догматических просчетов сталинской политики. Его подыгрывание и упорное доверие Гитлеру после заключения договоров 1939 г., нескрываемая враждебность к западным демократиям базировались на недооценке агрессивной природы фашизма и его фундаментальных отличий от других разновидностей "империализма". Западный мир представлялся Сталину вполне в духе ленинских и его собственных концепций единой империалистической системой, чья враждебность социалистическому государству может быть перекрыта только межимпериалистическими противоречиями, которые, следовательно, надо всячески раздувать, не особенно считаясь с различиями в политических режимах и целях внутри этой системы. Демократические страны психологически были для Сталина даже "хуже" фашистских (так же как левые социал-демократы хуже правобуржуазных политиков), поскольку они воплощали принципы буржуазной демократии, в борьбе с которыми сформировался марксизм-ленинизм; с тоталитарным же германским диктатором он, возможно, чувствовал политическое родство. Нельзя в то же время не признать, что западные лидеры своей политикой умиротворения Гитлера укрепляли подобные установки Сталина: им тоже явно не хватало "интегративной сложности", когда они рассчитывали, что антикоммунизм Гитлера спасет их страны от угрозы агрессии.

В деятельности Сталина бывали периоды, когда он отходил от идеологических догм, способствуя, например, укреплению антигитлеровской коалиции в период войны, распустив Коминтерн, препятствуя в

послевоенные годы дестабилизирующим коммунистическим мятежам в странах Западной Европы и поощряя переход западных коммунистов на "парламентский путь" борьбы за социализм. Подобные факты подтверждают наблюдение политических психологов о влиянии конкретной ситуации на уровень интегративной сложности политических лидеров. Вместе с тем высказанная Сталиным в 1952 г. "надежда" на перспективу новой войны между западными странами без участия СССР в результате обострения межимпериалистических противоречий показывает, что его оценки глобальной ситуации, определявшие стратегию напряженности и "холодной войны", продолжали базироваться на уже совершенно обветшавших к тому времени марксистско-ленинских догмах.

Гораздо труднее оценить однозначно уровень интегративной сложности преемников Сталина. Когда размышляешь о Н.С. Хрущеве, не легко определить, чего в нем было больше – реализма в понимании внутренних и внешнеполитических проблем страны или волюнтаристского догматизма, выразившегося, в частности, в намерениях "закопать" капитализм и построить коммунизм к 1980 г. По-видимому, начало кризисной эпохи в истории реального социализма вызвало к жизни лидеров, или – как Хрущев, а позднее Андропов – обладавших неполной или частичной интегративной сложностью, или – как Брежнев – с парализованным, отключенным когнитивным аппаратом, что позволяло подменять руководство страной исполнением церемониала власти. Стагнирующий социализм возродил известный из истории наследственных монархий тип "ритуального лидера"

Эпоха перестройки и реформ породила новую психологическую разновидность лидерства. Ни Горбачеву, ни Ельцину не откажешь в способности к адекватному восприятию всей сложности, многомерности исторической ситуации, в которой им пришлось действовать. К Горбачеву такое понимание пришло в 1986–1987 гг., к Ельцину – после августовского путча 1991 г., когда простая биполярная формула "народ против коммунистической партократии" уже не могла служить достаточным политическим ориентиром. Однако весьма сложные, многоплановые образы общественной действительности, сформировавшиеся в сознании обоих лидеров, вряд ли можно назвать интегративными, целостными. Судя по высказываниям и действиям Горбачева, образ экономической, социальной и внутривнутриполитической ситуации у него был скорее мозаичным, противоречивым, не ориентированным на последовательную взаимосвязанную политику. Весьма двусмысленным до 1991 г. были его представления о роли КПСС и других общественно-политических сил, о возможных путях реформирования экономики, о федерализме и национально-этнических отношениях в стране, об общественных настроениях. Отсутствие целостной картины страны было тем более заметным по контрасту с горбачевским видением международных отношений ("новое мышление"), стимулировавшим смелый, целостный и последовательный внешнеполитический курс.

Подобный когнитивный стиль, пожалуй, можно было бы назвать "дезинтегративной сложностью", помимо общей мозаичности, "клочко-

вѳтости" образа действительности, его характеризуют неодинаковые уровни интегративной сложности составляющих его образов различных сфер, например внутрѳполитических и международных отношений. После отстранения Горбачева от власти его политическое мышление испытало процесс явного упрощения, его в основном стали определять роль оппозиционного экс-лидера, негативные эмоции по отношению к новой власти.

Для когнитивного стиля Ельцина характерно сочетание дезинтегративной сложности со стремлением упростить образ действительности, "подвести" его под однозначные простые решения. Оказавшись реальным главой государства после поражения августовского путча, он испытал вначале период колебаний и сомнений, а затем разрешил их, призвав к руководству команду Гайдара. Это решение, видимо, выражало не только политическую волю к проведению радикальных реформ, но и влияние сложившегося ранее антикоммунистического биполярного стереотипа: либеральные установки Гайдара импонировали президенту своей диаметральной противоположностью "социалистическим ценностям".

Деятели команды реформаторов, обладая весьма высоким уровнем интегративной сложности в понимании процессов одной сферы – макроэкономических процессов, – в основном ограничивали еѳ своим когнитивный горизонт, сознательно оставляя социально-политический анализ и политическое обеспечение реформ на долю президента. Общественная действительность, однако, едина и взаимосвязана, и она плохо поддается "ведомственному" подходу. Сталкиваясь со все более ожесточенным сопротивлением большинства Верховного совета и стоящих за ним сил, Ельцин волей-неволей вновь вернулся к близкому его когнитивному стилю биполярному образу: президент вместе с демократами и народом против реакционно-коммунистического Верховного совета. Несомненно, Хасбулатов и парламентская непримиримая оппозиция делали все, чтобы придать убедительность этому образу, однако в результате сложилась ситуация, при которой руководство оказалось неспособным к целостному анализу всего комплекса экономических, социальных и политических проблем страны и выработке соответствующей интегральной политики. Результатом стали сентябрьско-октябрьские события и выборы декабря 1993 г. После выборов в когнитивном стиле Ельцина явно усилилась дезинтегрирующая тенденция. После выборов в его политике проявляется нерешительность и колебания, но в то же время чувствуется и стремление к расширению сферы и обогащению методов политического анализа, к более целостному и последовательному курсу.

Опыт политического лидерства в перестраивающейся и реформируемой России не опровергает методологическую значимость категорий интегративной сложности, но в то же время показывает, что ее величина носит не абсолютный, но относительный характер, масштаб ее измерения зависит от сложности ситуации. Познавание и мышление определенного уровня интегративной сложности могут быть вполне адекватны одной исторической ситуации и совершенно недостаточными

в другой, более сложной. Уникальная сложность современной российской ситуации такова, что для эффективного воздействия на нее, возможно, требуются лидеры, обладающие гениальным политическим даром. К сожалению, гении и особенно гении политические рождаются крайне редко...

Интеллект и лидерство

Некоторый свет на эту проблему проливает одно парадоксальное наблюдение, сделанное американскими политическими психологами. Сопоставляя измеряемый на основе специальных психометрических методик уровень интеллекта политических лидеров с масштабами их влияния, они пришли к довольно пессимистическому выводу. Оказалось, что зависимость второго показателя от первого имеет вид криволинейной функции, а решающим условием влияния политика является близость его интеллекта к среднему интеллектуальному уровню его сторонников и последователей. Наиболее низкий уровень влияния обнаружился у лидеров, чей интеллектуальный потенциал в 3–4 раза ниже или выше(!) среднего, наибольший же успех (например, на выборах) доставался тем, у которого он превышал средний лишь на 25–30%¹². Мы не располагаем подобными математизированными исследованиями интеллекта советских и российских лидеров, но сумма впечатлений об их словах и делах позволяет предполагать, что результаты таких исследований за небольшими исключениями были бы сходны с американскими.

Американские авторы склонны возлагать ответственность за интеллектуальную посредственность национальных лидеров на избирателей. "Лидеры, – писал один из них, – не могут слишком возвышаться над не-лидерами... Любое приращение интеллекта дает более мудрое правительство, но толпа предполагает быть плохо управляемой людьми, которых она понимает"¹³. В этом объяснении большая доля истины, но его вряд ли можно считать исчерпывающим или единственно возможным. Во-первых, интеллектуальный аспект лидерства, как и многие другие его качества, зависит от ситуации. Приводившиеся уже примеры Рузвельта и де Голля свидетельствуют о том, что в острокризисных экстремальных ситуациях (для Америки весьма нетипичных) может значительно возрастать влияние деятелей, выдающихся своим интеллектом. В таких ситуациях "толпа" стихийно ищет харизматического лидера, "спасителя", который по каким-то своим качествам резко выделялся бы из общей массы политиков. Такими качествами могут быть воля, решительность, целеустремленность, ассоциируемые с образом лидера, неординарность и радикализм его программы, но бывает и так, что им становятся его интеллектуальные качества.

Американской политической культуре не особенно свойствен феномен харизматического лидера, но в других частях мира и особенно в прошлые исторические эпохи, начиная с античности, популярность

¹² Psychological Review. 1985. Vol. 92. P. 532–547.

¹³ Gibb C.A. Leadership // Handbook of Social Psychology / Ed. N. Knutson. 1969. Vol. 4. P. 218.

лидера часто во многом зависела от его способности стать объектом поклонения. Патерналистский тип лидерства, еще и сегодня сохраняющийся во многих странах, отличается этим от присущего демократической – и особенно американской политической культуре – установке на лидера "своего человека", "первого среди равных". Лидер – отец нации должен обладать мудростью и знаниями, недоступными прочим простым смертным. Это, конечно, идеотип, который довольно редко совпадает с действительностью, но во всяком случае выражает социальные ожидания, сфокусированные на фигуре лидера. В условиях абсолютной наследственной монархии патерналистский тип лидерства в идеале вообще исключает какую-либо связь авторитета лидера с его личными качествами: слова и действия "помазанника Божия" не подлежат критической оценке его подданными (как ни удивительно, в современных, даже весьма "либеральных" российских газетах примерно с таких позиций подчас оценивается фигура Николая II). Однако связь типа лидерства с политической культурой – особая тема, которую мы не можем рассматривать более подробно.

Во-вторых, поддержка лидера "толпой" имеет значение для достижения и удержания им власти лишь в условиях представительной демократии. Источником власти советских лидеров от Сталина до Горбачева было не народное волеизъявление, но аппаратная номенклатура, которую они со своей стороны постоянно сортировали, "перелопачивали", чтобы предотвратить возможность оппозиции. Но и в странах с демократическим устройством выдвижение политика на роль национального лидера – отнюдь не только результат его популярности среди избирателей.

Прежде чем выйти на поле предвыборных баталий, политик должен получить поддержку какой-то команды – партии и особенно ее верхушки, достаточно влиятельной части истеблишмента. На этом уровне политической конкуренции действуют социально-психологические механизмы, типичные для отношений в малых группах: чтобы возглавить команду, приобрести сторонников, будущий лидер должен удовлетворять установкам и ожиданиям своих коллег, психологически приспосабливаться к ним. Конечно, очень сильный, самобытный лидер способен сам заново сформулировать систему ценностей своей команды или групп поддержки, но чаще всего он должен проявлять конформизм по отношению к групповым ценностям и ожиданиям. Такая ситуация крайне неблагоприятна для людей с сильным интеллектом и весьма удобна для посредственностей. Сила ума – это прежде всего его творческий потенциал, способность находить неординарные, принципиально новые решения, психология же группового конформизма неизбежно подавляет эту способность. Поэтому люди, обладающие сильным умом и потребностью в его реализации, чаще идут не в политику, а в науку, литературу и публицистику. Политиками же чаще всего становятся те, для кого позиции власти важнее выявления собственного творческого потенциала или вообще таковым не обладающие. Речь здесь идет, разумеется, о, так сказать, "обычных", "среднестатистических" политиках и политических лидерах. Но не о тех, которые приходят в

политику, движимые собственной или усвоенной политической идеей, выражаемыми ею социальными интересами. Здесь мы подходим к проблематике, которая касается уже не интеллектуально-когнитивных, но мотивационных аспектов психологии лидерства.

3. Проблемы мотивации лидеров

*Потребность
во власти. Ма-
киавеллизм*

В политико-психологической литературе важнейшим мотивационным источником лидерства обычно признается потребность во власти. С этим тезисом, вероятно, согласится большинство людей, весьма далеких от научных политологических исследований и изысканий. Борьба за власть – явная или тайная – пронизывает политическую жизнь любого общества. Многие авторы считают стремление к власти присущим биологической природе человека, заложенным в его генах. Они располагают убедительным доказательством – ведь ожесточенная борьба за лидерство в группе происходит и в животном мире.

Подобный подход к психологии лидерства при всей внешней бесспорности, разумеется, не может решить проблему его мотивации. Скорее он ставит новые вопросы. Во-первых, стремление к власти у одних людей сильнее, чем у других; у многих оно вообще отсутствует. Понять причины этих различий необходимо хотя бы для того, чтобы выяснить, кто и почему становится политическим лидером. Во-вторых, даже на уровне обыденного сознания власть не признается единственной возможной целью политиков. Весьма обычное в сегодняшней российской прессе и общественном мнении осуждение политиков за то, что они думают только о власти, а, скажем, не о благе народа, равносильно признанию, что хотя бы в принципе у них могут быть и иные, менее своекорыстные цели. Если это так, важно понять, как потребность во власти взаимодействует в психологии лидера с другими мотивами и с какими именно.

Сильную потребность во власти, присущую потенциальным и реальным лидерам, проще всего объяснить их врожденными индивидуальными особенностями. И действительно, исходя из здравого смысла невозможно отрицать, что условием достижения и осуществления лидерства является какой-то минимальный набор природных задатков: организационные способности, воля, сила убеждения, быстрота реакции, стиль общения и т.д., хотя, как мы уже видели, этот "набор" различен в различных социально-исторических условиях. Способности же, как известно, трансформируются в потребности: человек, способный осуществлять власть, испытывает потребность в ней. Однако в ходе своего развития политико-психологическая наука вышла за рамки "генетического" подхода. С 30-х годов на исследование психологических предпосылок лидерства значительное влияние оказывают идеи фрейдистского психоанализа. Они побуждают искать эти предпосылки в условиях первичной социализации личности, в отношениях ребенка с непосредственной социальной средой.

Так, в работах американского психолога Г. Лассуэла доказывалось, что психологической основой политической деятельности является бессознательное вытеснение "частных конфликтов", пережитых личностью, в сферу общественных объектов и последующая их рационализация в понятиях общественных интересов. По мнению этого автора, проявляющаяся во все более сильной форме потребность во власти имеет компенсаторное происхождение: обладание властью психологически компенсирует ущербность, фрустрацию, испытываемую личностью¹⁴. Иллюстрацией к этим тезисам может служить высоко оцениваемая в США биография президента В. Вильсона, написанная А. и Дж. Джордж. Стремление Вильсона к власти и характерные черты его политического стиля: жесткость позиций, неумение идти на уступки и компромиссы авторы выводят из отношений будущего президента с суровым и требовательным отцом. Эти отношения, сочетавшие идентификацию с отцом и подавленную враждебность к нему, породили в психике Вильсона фрустрацию, которую компенсировало жесткое осуществление власти¹⁵.

Подобное психоаналитическое анатомирование собственных национальных лидеров приобрело широкое распространение в американской литературе. Так, в одной из биографий Р. Никсона этот президент описывается как невротик, одолеваемый страстью к самоутверждению, страхом смерти и потребностью в эмоциональном враге, что порождало у него склонность к провоцированию политических кризисов, подозрительность, социальную изоляцию и трудности в принятии решений¹⁶.

Можно по-разному оценивать адекватность подобных выводов. В американской политической психологии психопатологический подход к феномену лидерства вызвал серьезные возражения. Один из ее видных представителей Р. Лэйн даже выдвинул в противовес этому подходу тезис, в соответствии с которым успешно действующими демократическими политиками становятся люди со здоровой, уравновешенной психикой¹⁷. В любом случае было бы неверно недооценивать значение бессознательных внутриспсихических конфликтов в развитии и укреплении потребности во власти и различных черт личности, проявляющихся в ее осуществлении.

С точки зрения изложенной в главе II концепции базовой напряженности психики, доминирование этой потребности в личностной мотивации можно рассматривать как следствие дефицита позитивных психосоциальных связей личности, ее общности с другими людьми. С этим дефицитом часто взаимосвязано одностороннее, гипертрофированное развитие индивидуалистических или эгоцентрических амбиций; для одинокой социально изолированной личности особо острой, настоя-

¹⁴ *Lasswell H.D. Psychopathology and Politics. N.Y., 1930; Idem. Power and Personality. N.Y., 1948.*

¹⁵ *George A.L., George J.L. Woodrow Wilson and Colonel House: A Personality study. N.Y., 1956.*

¹⁶ *Sears D.O. Political Psychology // Annual Review of Psychology / Ed. M.R. Rosenzweig, L.W. Porter. Palo Alto (Calif.), 1987. Vol. 30. P. 231-232.*

¹⁷ *Lane R.E. Political Life: Why People Get Involved in Politics. Glencoe, 1959.*

тельной является потребность в самоутверждении. Поскольку оно возможно лишь в отношениях с другими людьми, гипертрофированно-индивидуализированная личность ищет путь к самоутверждению в господстве, власти, контроле над ними. Дефицит эмоционально позитивных отношений – любви, сочувствия – в раннем детстве может стать первичным звеном всей этой цепочки причин и следствий и превратить в конце концов страсть к власти в доминирующий мотив личности¹⁸. Соответствующие наблюдения политических психологов представляются достаточно убедительными: не только в Америке неблагополучие в родительской семье – типичная черта биографий наиболее властолюбивых и авторитарных политиков.

Впрочем, для объяснения этой черты не всегда нужно обращаться к детским годам. Участие в борьбе за политическую власть нередко бывает результатом неудовлетворенного самолюбия вполне взрослых людей, отсутствия успеха и низкого профессионального статуса в первоначальной сфере деятельности. Такими людьми в значительной мере наполнялась партноменклатура КПСС, а в годы перестройки в политику хлынули профессора и доценты, научные работники и инженеры, не сумевшие по тем или иным причинам получить признание и выйти на первые места в своей области.

Конечно, среди них были люди с различными мотивами, но та легкость, с которой впоследствии многие из них меняли свои политические позиции, показывает, что чисто "статусная" карьерная потребность была достаточно типичной для этого поколения российских политиков.

Конкретные исследования да и тот же здравый смысл показывают, что властолюбие или карьеризм далеко не всегда являются единственными или главными движущими силами вхождения человека в политику и его дальнейшей деятельности в данной сфере. Политики, воплощающие подобную мотивацию, так сказать, в "чистом", законченном виде, обычно легко распознаются общественным мнением (или хотя бы наиболее проницательной его частью) и как бы выделяются им в особую категорию. Ибо таких деятелей отличают явные черты поведения: цинизм, вероломство, неразборчивость в средствах, жестокость. В политологии и политической психологии их относят к *макиавеллическому* типу лидеров (по имени флорентийца Николо Макиавелли, рекомендовавшего в XVI в. именно такую линию поведения современным ему властителям).

Современные американские исследователи разработали коэффициент измерения уровня макиавеллизма, основанный на таких показателях, как слабая роль эмоций в межличностных отношениях, пренебрежение конвенциональной моралью, отсутствие идеологических убеждений, наслаждение, получаемое от манипулирования другими людьми.

¹⁸ Существуют, например, специальные исследования, выясняющие связь стремления человека к лидерству с отсутствием в его семье отца в раннем детстве.. *Cutron M.V., Marvick E.W. Family Experience and Political Leadership. An Examination of Absent Father Hypothesis // International Political Science Review. 1989. Vol 10. N 1. P. 63–71.*

Наиболее благоприятными для проявления макиавеллизма считаются ситуации, в которых политик обладает относительной свободой действий в определенной сфере, например, если он возглавляет ведомство, обладающее относительно высоким уровнем автономности в государственном аппарате. Именно таким, по мнению некоторых американских исследователей, было положение Г. Киссинджера в администрации Никсона, что и позволило расцвести пышным цветом макиавеллическим чертам этого деятеля¹⁹.

За пределами американского контекста ситуации, благоприятные макиавеллизму, легко обнаружить в условиях тиранических, абсолютистских и тоталитарных режимов. А также в обстановке крупных революционных катаклизмов, когда разрушены старые и еще не возникли новые "нормы-рамки" политической деятельности. Генри Киссинджер выглядит богобоязненным монахом по сравнению с такими отечественными воплощениями макиавеллизма, как Сталин, Берия или Андропов. Именно специфика и ограниченность исторических (или административно-управленческих) условий, в которых проявляются деятели макиавеллического типа, показывают, что гипертрофированное властолюбие не может рассматриваться как единственно возможная мотивация лидерства.

С этой точки зрения особый интерес представляют мотивы революционных лидеров. Эта проблема кажется достаточно сложной. С одной стороны, обстановка революционного подполья, жесткой дисциплины и конспирации создает предпосылки "вождизма" и революционного макиавеллизма (по принципу "цель оправдывает средства"), воплотившегося в русской истории в феномене нечаевщины и разоблаченного в "Бесах" Достоевского. С другой стороны, невозможно отрицать, что для многих революционных лидеров исходным мотивом их деятельности были бескорыстные мотивы борьбы за свободу и народное благо, которые в России утвердились в культуре и ценностных ориентациях разночинной интеллигенции. Исследователи, принадлежащие к психоаналитическому направлению, склонны видеть в таких мотивах лишь рационализацию личных неосознанных страстей, но это трудно доказать в каждом конкретном индивидуальном случае. В то же время очевидно, что наиболее революционные течения – и прежде всего большевизм – по мере своего становления, развития и особенно приобщения к борьбе за власть и ее осуществлению неизбежно порождали макиавеллический тип лидерства.

Ленин, по свидетельству знавших его людей, был чрезвычайно авторитарным, властолюбивым человеком не только в политике, но и в быту, однако трудно доказать, что только стремление к власти заставило юного Владимира Ульянова засесть за труды Маркса и детально исследовать развитие капитализма в России. Читая "Тюремные тетради" Антонио Грамши, прошедшего многие годы жизни и погибшего в фашистских застенках, невозможно поверить, что к наприя-

---

¹⁹ Christie R., Geis F.L. *Studies in Machiavellianism*. N.Y., 1970; Elms A.C. *Personality in Politics*. N.Y., 1976.

женному интеллектуальному творчеству, к поиску новых ответов на проблемы теории и практики революции его побуждала хотя бы и неосознанная страсть к власти.

Возможно, у многих революционных лидеров потребность во власти развивается и укрепляется не с раннего детства, а под влиянием тех лидерских ролей, которые они приобретают в революционном движении. Реальная власть, сначала над ближайшими сторонниками, а потом и над более широкой массой, превращается у них в способ самовыявления и самоутверждения, в потребность и устойчивую установку. Такая динамика в общем не противоречит современным научным представлениям о мотивации.

Важно иметь в виду, что политика – далеко не единственная и даже не самая благоприятная сфера для удовлетворения потребности во власти. В демократическом "рыночном" обществе власть промышленного и финансового магната или менеджера крупной компании во многом не уступает, а по показателю устойчивости превосходит власть политического лидера. Люди, посвятившие себя политике, прекрасно знают, что лишь немногие из них достигнут верхних этажей политического здания, где индивид (президент, премьер, министр, партийный лидер, губернатор) является носителем реальной власти; даже члены высших законодательных органов обладают лишь властью коллективной, вряд ли способной удовлетворить сильное личное властолюбие. Кстати, эмпирические исследования, проводимые среди западных законодателей, не обнаруживают у них подобной мотивации. Все это подтверждает многообразие и сложность мотивации политиков вообще и политических лидеров в частности.

Иерархия мотивов

Это многообразие констатируется и в современных концепциях психологии лидерства. Так, кроме потребности во власти и в компенсации неосознанного психического дискомфорта в качестве мотивов лидера выделяются его убеждения и стремление решить какую-то политическую проблему (например, вывести страну из кризиса); чувство долга; потребность в одобрении и уважении со стороны других людей; в статусе и признании; те требования ("вызовы"), которые предъявляет к лидеру занимаемое им положение²⁰.

По другой классификации, основанной на исследованиях психологии американских президентов, мотивацию лидеров могут определять три доминирующие потребности: во власти, в достижении цели (или успехе) и во внутригрупповых связях, в любви, дружбе, в общем в позитивных межчеловеческих отношениях²¹.

Нетрудно заметить, что как бы ни классифицировать мотивы лидерства, все они, как правило, не являются взаимоисключающими; все или почти все могут сочетаться в психологии одного и того же человека.

²⁰ Herrmann M.G. Op. cit. P. 175.

²¹ Winter D.G. The power motive. N.Y., 1976; Barber J.D. The presidential character. Englewood Cliffs(NJ), 1977; Herrmann M.G. The psychological examination of Political leaders. N.Y., 1977; Simonton D.K. Op. cit. P. 675–677.

Так потребность во власти чаще всего совпадает с потребностями в статусе, в одобрении, признании и уважении со стороны других людей; лидер-властолюбец в процессе осуществления власти и часто в качестве способа реализации своего властолюбия может стремиться к достижению каких-то конкретных внутри- и внешнеполитических целей, решению определенных проблем. При этом в соответствии с общепсихологическими представлениями о мотивации одни мотивы могут играть служебную, инструментальную роль по отношению к другим, выступать как потребности "второго ранга". Так, потребность в признании или успехе обычно обслуживает "содержательные" потребности – во власти, в достижении конкретных целей и т.д.

Анализируя психологию президента Клинтона, Ст. Реншон приходит к выводу, что ее отличает чрезвычайно высокий уровень уверенности в себе и в правильности своих действий, доходящий до самоидеализации, стремление к достижению поставленной цели. В то же время – потребность "быть с людьми", иметь друзей, получать от них моральное подкрепление своим планам и действиям, одобрение. Эти качества обуславливают весьма высокую политическую активность Клинтона, склонность к выдвиганию все новых инициатив. По мнению Реншона, с этим связаны определенные опасности, поскольку общество и его институты не смогут абсорбировать слишком много новых инициатив²². Другой исследователь – Ф. Гринстейн полагает, что Клинтон поведет страну к принципиально новым целям в области внутренней политики²³.

Смысл классификации лидерских мотивов состоит, очевидно, не в том, чтобы классифицировать в соответствии с ней реальных лидеров (приписывая каждому какой-то один из них), но в выявлении в их психологии относительной силы различных мотивационных тенденций, их иерархии. Иерархию же эту можно выстроить лишь на основе анализа ситуаций выбора – когда одни мотивы приходят в конфликт с другими: в этих случаях "победивший" мотив характеризует психологию лидера в большей мере, чем "побежденный" или отброшенный им, и можно утверждать, что первый занимает более высокое иерархическое место в мотивации данного деятеля. Например, о деятеле, стремящемся к власти, но не способном ради этого стремления совершать действия, которые могут снизить его моральный престиж, уважение или любовь к нему окружающих, можно справедливо сказать, что властолюбие не является его доминирующим мотивом.

Важно также учитывать, что сама возможность конфликта мотивов обусловлена объективной ситуацией, в которой находится лидер, особенно его место в отношениях власти. Политик, который еще не имеет реальной власти, но стремится заполучить ее, подвержен во многом иным мотивационным импульсам, чем уже обладающий властью и прочно удерживающий ее. Французский президент Ф. Миттеран

²² Renchon S.A. A Preliminary Assessment of Clinton Presidency // *Political Psychology*. 1994. Vol. 15. N 2, June. P. 377–388.

²³ Greenstein F.I. Two Leadership Styles of W.J. Clinton // *Ibid*. P. 360.

на ранних этапах своей политической деятельности выглядел не особенно принципиальным и не слишком разборчивым в средствах деятелем, озабоченным главным образом поиском своей политической ниши, карьерой. В 60-е годы политическая обстановка во Франции сложилась таким образом, что Миттеран – в частности из-за неприязненных личных отношений с де Голлем оказался наиболее удобным кандидатом на роль "первого лица" нарастающей антиголлистской оппозиции. Приобретенный таким образом имидж объединителя левых сил позволил ему возглавить перестраивающуюся после тяжелого кризиса Социалистическую партию, а в 1981 г. – победить на президентских выборах. Последовавшее через 7 лет в совершенно иной политической обстановке переизбрание на новый срок придало редкую устойчивость его позициям: те мотивы, которыми направляется деятельность французского президента в конце 80–90-х годов – обеспечение стабильности и мира в стране и за ее пределами – весь его спокойный, уравновешенный и уверенный стиль очень мало походят на засвидетельствованное политической хроникой 50-х годов "стремление наверх" не слишком удачливого депутата Миттерана. Не менее известны, однако, (и приведенные выше) другие примеры – когда достижение высшей власти усиливает патологический страх ее утратить и этот страх становится доминирующим мотивом лидера.

Исследования американских психологов показывают, что относительная сила различных мотивов может оказывать существенное воздействие на политическое поведение главы государства. Так, наиболее властолюбивые американские президенты, имеющие в то же время сильную "мотивацию к достижению", проводили более активную политику, проявляли способность к принятию крупных решений, но в то же время меньшую гибкость, чем президенты, ориентированные на дружеские межличностные отношения (в частности в вопросах ограничения гонки вооружений). В то же время лидеры, ориентированные на такого рода отношения, склонны подбирать правительство и свой аппарат больше по признаку личных симпатий, чем компетентности. В целом наиболее властолюбивые президенты признаются более эффективными и более опасными для страны, чем лидеры с иной мотивационной иерархией.

Одна из наиболее сложных проблем мотивации лидеров – роль в ней их убеждений, ценностей, политических целей, не сводимых к личным, эгоистическим побуждениям и амбициям. Совершенно очевидно, что эта роль, значение мировоззренческого, или идеологического, фактора, соотношение личных и общественно-политических мотивов в психологии и деятельности политиков носят ярко выраженный индивидуальный характер. В политической сфере действуют не только последователи Макиавелли, но и такие люди, как академик А.Д. Сахаров, абсолютно чуждые стремлению к власти и руководимые лишь силой своих убеждений. Биография генерала де Голля убедительно доказывает, что вопреки его репутации деятеля, стремившегося прежде всего к личной власти, она была для него лишь орудием осуществления определенной политической программы. Генерал легко расстался с властью, когда

убедился, что его политику отвергает большинство французов. Противоположный пример – советские лидеры вроде Брежнева, упорно цеплявшиеся за власть, не будучи физически и интеллектуально в состоянии осуществлять свои функции. В то же время, как уже отмечалось, личное властолюбие даже очень сильное, подчас помогает национальному лидеру решать важные для страны задачи. Страсть к власти генерала Бонапарта побудила его отбросить республиканские убеждения своей молодости, установить империю на развалинах приконченной им республики и втянуть Францию в военные авантюры, стоившие ей одного из самых сокрушительных поражений в ее истории. Но это не помешало ему провести глубокие внутренние реформы, заложившие фундамент нового общественного строя. Ричард Никсон в борьбе за власть использовал неприглядные методы, впоследствии преждевременно оборвавшие его карьеру, но за недолгие годы своего президентства успел вывести страну из вьетнамского тупика и заключить исторические соглашения об ограничении гонки термоядерных вооружений с Советским Союзом.

Верность политика своим убеждениям также может находиться в совершенно разных отношениях с уровнем его властолюбия и авторитаризма. Скажем, убеждения лидера фашистского движения оправдывают и поощряют его стремление к неограниченной личной власти, чего не скажешь о либерально-демократических движениях.

Социальная идентификация политиков

Достаточно сложную и часто противоречивую структуру мотивации политиков помогает понять категория идентификации, в общем виде рассмотренная в предыдущей главе. Как мы видели, процесс идентификации с той или иной большой социальной общностью, с объединяющей ее системой ценностей происходит в психике любого человека. Однако у политиков и особенно у политических лидеров этот процесс полное овладевает психикой, чем у большинства смертных. Политика – по определению это не личное или частное, но общее публичное дело (в первичном древнегреческом значении слова – дела городской общины, полиса). Относительно глубокий в психологическом смысле характер социальной идентификации политика с нацией, страной, этносом, классом и т.д. обусловлен тем, что это – ролевая идентификация. Заниматься политикой – значит выполнять определенную социальную роль, функцию, служить интересам, выходящим за рамки личных.

Самый эгоистический властолюбивый и макиавеллически-циничный политик отличается, скажем, от жаждущего власти собственника-предпринимателя тем, что служение интересам и целям общности есть обязательная ролевая норма его деятельности. Эта социальная ролевая функция не может не оказывать влияния на структуру его мотивации. Идентифицируя себя с общностью, политик исповедует взгляды, ценности, убеждения, соответствующие этой идентификации. Исходя из сказанного, можно сформулировать следующую гипотезу: структура мотивации лидера связана с тем, с чем (или с кем) и каким образом он себя идентифицирует.

Объект и способы идентификации определяются характером политического строя и политической идеологией эпохи. В античных городах-государствах политические лидеры идентифицировали себя с общиной свободных граждан. В патриархальной монархии источником высшей власти считался божественный промысел, поэтому абсолютно-му монарху не было нужды идентифицировать себя со своими подданными. Страна, этнотерриториальная общность, отданная монарху божьей волей, ассоциировалась не с совокупностью образующих ее людей (в предельных случаях – как в древневосточных монархиях или в допетровской Руси "рабов" венценосца), но со скреплявшей ее системой власти, как бы продолжавшей власть Бога над смертными ("власть от Бога"). Верховный властитель ассоциировал и идентифицировал себя поэтому с институтом власти – государством, ощущал свою ролевую функцию в соответствии со знаменитой формулой Людовика XIV "государство это я"

Отождествление страны и ее населения с государством укоренилось настолько глубоко, что до наших дней живет в языке и общественном сознании. Оно означает отождествление национальных интересов с интересами институтов власти и подчинение первых вторым. Своего апогея оно достигает при тоталитаризме, но лидеры демократических стран подчас, подобно М. Тэтчер, развязывают нелепые войны за какие-то острова – лишь бы отстоять престиж государства. И вознаграждаются аплодисментами своих сограждан! Ибо идентификация носит двусторонний характер: человек с улицы нередко принимает власть и влияние правителей, чиновников и генералов на какой-то территории или в каком-то регионе мира за свои собственные, якобы воплощающие национальные интересы. Такова одна из самых застарелых и устойчивых иллюзий массового сознания.

Понятно, что описанный способ социальной идентификации политического лидерства позволяет легко сочетать его ролевые нормы с личными мотивами и целями, ориентированными на власть – ее охрану, максимальное расширение ее объема и пространства. Защита территории своего государства и завоевание новых территорий, предотвращение смут и беспорядков – это одновременно нормативная функция, долг властителя и способ удовлетворения его властных амбиций. В его функции входит, разумеется, и забота о благе подданных. Но эта забота осмысливается на основе принципов патернализма: она осуществляется лишь в той мере и форме, которые соответствуют приоритетным интересам власти, содействуют ее укреплению. Иными словами, эта забота никак не соотносится с собственной волей и стремлениями людей, составляющих ее "объект".

Войны, служащие амбициям властителей, могут приносить те или иные материальные выгоды каким-то слоям населения победившей страны (солдатские трофеи, земли для расселения, новые рынки и т.д.). Но власти нет нужды думать о жертвах, приносимых народом на алтарь войны. Во всех случаях демонстрация и утверждение "державности", мощи государства остается приоритетной политической целью независимо от того, соответствует она или нет жизненным потреб-

ностям людей (в наши дни такое понимание национальных интересов изиязно маскируется геополитической фразеологией).

Демократизация и гуманизация политического строя и политической идеологии в новейшее время, перемещение центра тяжести в решении социально-экономических проблем с методов внешней экспансии на внутренний технико-экономический прогресс, появление угрозы термоядерного апокалипсиса – все это постепенно, хотя и не полностью изменяло объект и способы социальной идентификации политиков. Уже проникновение в общественное сознание принципов свободы и равенства, зависимость судьбы политиков от воли избирателей означают, что им в той или иной мере приходится идентифицировать себя со всей массой членов общества. Появляются условия для идентификации по принципу эмпатии (см. главу III) – установка лидера на удовлетворение потребностей руководимых им людей, на включение их воли и стремлений в процесс принятия политических решений. Таким образом складывается тип демократического лидера.

Разумеется, реализация этих тенденций возможна лишь при демократических порядках, обеспечивающих права и свободы личности, предполагающих диалог власти с обществом. Тоталитарные и авторитарные режимы проявляют свободу о "благе народа" в духе патерналистских установок (руководство, "вождь", правящая партия обладают монопольным правом решать, что хорошо и что плохо для народа). В условиях демократических режимов политики обладают различными убеждениями, исповедуют различные системы ценностей, либо усвоенные ими из политических культур и субкультур общества, либо в той или иной мере сформированные или модифицированные ими самими.

Лидер может идентифицировать себя с партией или политическим течением, быть консерватором, либералом, социал-демократом, националистом или вообще не иметь четкой идеологии, предпочитая прагматический подход к решению проблем. Он может в различной пропорции сочетать в своей психологии потребность во власти, другие эгоистические – карьерные и корыстные мотивы, авторитарный стиль с верностью определенным общественным целям и идеалам. Однако при всех этих различиях нормативная идентификация лидеров с реальными людьми, "обобщенным другим", обществом (а не только с безличными властными институтами) создает в его психике ограничитель для одностороннего и гипертрофированного развития потребности в личной власти, побуждает добиваться влияния и контроля на основе убеждения других людей, согласия с ними. Не случайно люди, наделенные непомерным, патологическим властолюбием нередко примыкают к экстремистским – крайне правым или крайне левым – течениям, отвергающим демократические нормы. Можно утверждать, что интериоризация политиком демократических ценностей и ценностных норм и демократического правосознания, соответствующий им способ его социальной идентификации являются одним из важнейших организующих начал его психологии, мотивов, которыми он руководствуется в своей деятельности.

Все сказанное, возможно, не опровергает психоаналитический тезис, рассматривающий убеждения, ценности и цели политика как рационализацию неосознанных личных мотивов. Однако даже если ценности и цели имеют такое происхождение, это ничего не меняет в том факте, что они могут выступать как реальные мотивы деятельности политика. С точки зрения политической истории США и других стран в конце концов факт заключения Версальского договора намного важнее тех семейных обстоятельств Вудро Вильсона, которые, как считают его биографы, определили его роль в этом событии.

4. Личностно-психологические предпосылки политических решений

Психология лидерства есть результирующая сложной "пирамиды" факторов, в основе которой лежат исторические условия и ситуации, в которых действует лидер, его индивидуальные свойства, природные или приобретенные, а в вершине – психические механизмы, непосредственно регулирующие его политическую деятельность. Естественно, что политическую психологию более всего интересует эта "вершина", ибо именно на ней проявляются качества лидера, определяющие принимаемые им решения и оказывающие тем самым влияние на политическую жизнь. Помимо рассмотренных выше когнитивно-интеллектуальных и мотивационных, в том числе ценностных и идеологических компонентов к ним относятся и такие индивидуальные психические свойства, которые как бы переходя с основания "пирамиды" на ее вершину, оказывают самостоятельное и весьма существенное воздействие на деятельность политиков и ее результаты. Различные политики могут иметь сходные мотивы, убеждения, цели, не особенно различаться по своему интеллектуальному уровню и используемым когнитивным механизмам, но принимать при этом в сходных ситуациях решения, резко различающиеся по уровню своей адекватности ситуации и результативности.

Политическая психология испытывает потребность в понимании такого рода различий, но наталкивается при этом на громадные трудности. Фактически речь идет об анализе неопределенного числа психологических характеристик, образующих в совокупности неповторимую индивидуальность человека, переплетающихся друг с другом и не поддающихся при современном уровне науки четкой дифференциации и классификации. Иллюстрацией этих трудностей может служить попытка американских психологов описать психологический облик президентов США с помощью 110 определений (например, "умеренный, скромный, темпераментный", "дружественный, консервативный, холодный" и т.д.), сгруппированных в 14 агрегированных "укрупненных" характеристик²⁴. Подобные исследования могут представлять определенный интерес для описания и сравнения психологии политических деятелей, однако их результаты не отличаются особой доказатель-

²⁴ *Simonton D.K.* Op. cit. P. 678.

ностью, ибо набор анализируемых свойств достаточно произволен (почему их 110, а не 55 или 220?) и не имеет ясных логических и методологических оснований.

Матрица психологических характеристик лидеров

Более перспективной представляется дифференциация психологических свойств лидеров на крупные блоки, разделяемые по достаточно четким основаниям. Так, их можно, во-первых, подразделить на *содержательные* и *процессуальные* характеристики. Определенным содержанием, или

значением обладают мотивы, цели, ценности, убеждения человека, знания и представления, формирующие в его психике образы действительности. Процессуальные характеристики описывают как происходят осуществляемые человеком процессы познания, мышления, практического действия; к ним относятся его когнитивный, поведенческий, коммуникативный стили, в которых отражаются его темперамент, способности, сила воли, особенности эмоциональной сферы.

Во-вторых, психологические свойства лидеров целесообразно подразделить на *интрапсихические* и *поведенческие* (имплицитные и эксплицитные). К интрапсихическим относятся все компоненты психики – содержательные и процессуальные – образующие сознание, мышление и неосознанные переживания, мотивы, установки, к поведенческим – конативные компоненты установок, стиль поведения и общения.

Предлагаемая классификация подчинена задаче анализа психологического механизма принятия политических решений. Ее преимущество состоит в том, что совмещение положенных в ее основу двух дифференцирующих принципов позволяет выявить взаимосвязи различных компонентов этого механизма, отделить причины от следствий.

Проиллюстрируем сказанное на конкретном примере из области международных отношений. Предположим, что президент США принимает решение достичь договоренности с Россией, предусматривающей взаимное сокращение определенного вида вооружений. Посмотрим, как выглядит процесс принятия этого решения в свете предложенной классификации (см. таблицу 2).

Предлагаемую схему можно также использовать при прогнозировании политических решений и позиций лидеров по конкретным вопросам. На основе известных из прошлого опыта эксплицитных данных о лидере аналитик-психолог может реконструировать картину его интрапсихических образований и процессов, регулирующих его политическую деятельность, а затем, исходя из нее, предсказать его поведение в прогнозируемой ситуации.

Наконец еще одно преимущество предлагаемой классификации состоит в том, что она позволяет **придать более точный смысл многим определениям, используемым в обыденном языке для характеристики политиков.** Подобные определения часто сбивают с толку своей семантической многозначностью. Например, если попытаться применить ходячую пару определений "умеренный-радикальный" к советским реформаторам постсталинского периода, сразу же обнаружится не-

Таблица 2

	Содержательные компоненты	Процессуальные компоненты
ИмPLICITные компоненты	Убеждение в необходимости разоружения, соответствующие ему ценности и политические цели, знание об уровне вооружений США и России, образ российского руководства, его политики и политической ситуации в России, соответствующий представлению о возможности достижения соглашения и контроля над его выполнением	Жесткость или гибкость (динамизм) политических представлений, уровень интегративной сложности в восприятии глобальной ситуации; когнитивный и интеллектуальный стиль; соотношение эмоций и рационального мышления
Эксплицитные компоненты	Публичные высказывания президента по вопросам российско-американских отношений и разоружения; принятые им позиции по конкретному содержанию предполагаемого соглашения	Стиль диалога с российским руководством; учет позиций противоположной стороны, способность к уступкам и компромиссам; к суггестии (убеждению) и контрсуггестии

адекватность однозначных характеристик. И Хрущев, и Горбачев могут восприниматься в зависимости от точки отсчета и как умеренные, и как радикальные реформаторы. Оценки окажутся более точными, если признать, что Хрущев по своим убеждениям, ценностям и целям, по содержанию принимаемых принципиальных решений был гораздо более умеренным реформатором, чем Горбачев 1987–1989 гг. Но по процессуальным характеристикам, по стилю мышления и политической деятельности Хрущев был, скорее, "радикалом": его решения (разоблачить преступления Сталина, отдать Крым Украине, покрыть всю страну полями кукурузы) носили импульсивный, "взрывной", часто не продуманный характер. Горбачев же, напротив, долго вынашивал свои решения, проявлял осторожность, колебания, нередко нерешительность. Это не могло не сказаться на результатах его политики: с одной стороны, гласность, многопартийность и плюрализм, свободные выборы, "новое мышление" во внешней политике радикально подорвали тоталитарный строй и изменили глобальную ситуацию, с другой – нерешительность и непоследовательность в проведении реформ и во взаимоотношениях с партноменклатурой КПСС обернулись деструктивными последствиями для экономической и политической ситуации в стране. Этот пример показывает, насколько сильно результативность деятельности лидера зависит от соответствия или рассогласования между содержанием (мотивами, целями) его политики и ее процессуальными политическими компонентами – стилем ее осуществления.

Отметим, что предлагаемый подход к анализу психологии лидерства не противоречит уже применяемым в науке, но скорее дополняет и уточняет их. Это относится в частности к "перечням" характеристик лидеров. Так, позиции цитировавшегося выше "перечня" М. Германи

Таблица 3

	Сильная потребность во власти	Слабая потребность во власти
Экстраверт	Активная глобальная политика совершенствования мирового порядка (Т. Рузвельт, Ф. Рузвельт, Кеннеди, Джонсон)	"Примиренческая" политика, обычно малоэффективная (Эйзенхауэр)
Интраверт	Политика замкнутых блоков (Вильсон)	Политика международного статус-кво (Кулидж)

(см. с. 185) могут быть без труда распределены по клеточкам нашей таблицы. Еще более детальный "перечень" предложен Е.В. Егоровой – в рамках разработанной ею "методики построения психологического портрета политических лидеров капиталистических государств". В числе выделяемых ею компонентов "портрета" одни – потребности, мотивационная сфера, система убеждений – относятся к имплицитным содержательным, другие – познавательные процессы, устойчивость к стрессу, отношение к неудачам, решительность – к имплицитным процессуальным, третий – тактический аспект принимаемых решений, определяющий их конкретное содержание – к эксплицитным содержательным, четвертые – стили руководства и межличностных отношений, "лингвистические и поведенческие характеристики личности, наблюдаемые визуально" – к эксплицитным процессуальным²⁵. Практически речь идет не о пересмотре принципов дифференциации психологических компонентов, но о замене однолинейного способа их расположения матричным, позволяющим в какой-то мере отразить их соотношение в структуре психики и поведения.

Подобный способ уже применяется в политико-психологических конкретных исследованиях, правда, пока с учетом более ограниченного числа компонентов. Например, Л. Этеридж анализировал психологию американских президентов XX в. по двум параметрам: потребность во власти, господстве над другими людьми и стиль общения с ними, определяя его по известной классификации К. Юнга как экстравертный или интравертный (открытый или замкнутый). Этериджа интересовало, какое влияние оказывали различные сочетания этих качеств на внешнюю политику президентов. Полученные им результаты можно передать следующей таблицей²⁶ (см. таблицу 3).

Применяя нашу терминологию, можно сказать, что в данном случае подтвердилось влияние на политику лидеров взаимодействия содержательных (сильный или слабый мотив стремления к власти) и процессуальных (коммуникативный стиль) компонентов их психологии.

²⁵ См.: Егорова Е.В. Ук. соч. С. 16–24.

²⁶ Etheredge L.S. Personality Effects on American Foreign policy, 1896–1968 // American Political Science Review. 1978. Vol. 78. P. 443–451.

охватывает отношения внутри больших социальных групп и между ними; международные и межгосударственные отношения, которые реализуются главным образом на уровне государственного руководства, но также и на массовом уровне; отношения внутри малых контактных групп, функционально осуществляющих политическую деятельность или вовлеченных в нее, а также между такими группами. Взаимодействие неразрывно связано с общением людей, причем психологическая наука пока не достигла особой ясности в понимании взаимоотношения между этими двумя понятиями. Одни концепции (например, интеракционизм Дж. Миды) фактически отождествляют их, в других взаимодействие признается лишь одной из сторон общения, наряду с коммуникативной (обмен информацией) и перцептивной (восприятие людьми друг друга) его сторонами.

Феномен лидерства, в том числе и лидерства политического, в сущности представляет собой один из видов взаимодействия и общения. Словосочетание "одинокый лидер" выглядит абсурдным, лидером можно быть только по отношению к другим людям. В политической психологии интеракционистский подход к проблеме лидерства является одним из наиболее распространенных; как отмечают авторы американского учебника по этой дисциплине, для него характерно рассмотрение отношения "лидер—его последователи" как единицы анализа, он сконцентрирован на том влиянии, которое они оказывают друг на друга²⁷.

Некоторые авторы выделяют свойства лидера, характеризующие особенности его отношения к другим людям, его взаимодействия с ними в отдельный "социально-психологический" блок (наряду с мотивационным, когнитивным и т.д.). Такая операция наталкивается на серьезные трудности, пожалуй, даже превышающие те, которые, как отмечалось, возникают при любых попытках структурирования психики. Ведь реализуемые в общении отношения между людьми являются тем "пространством", в котором происходит формирование и функционирование большинства психических процессов. Мы видели, что из этих отношений рождаются многие потребности и мотивы людей, в том числе те, которые специфичны для психологии лидерства; те же отношения обуславливают процесс социальной идентификации. По данным политико-психологических исследований, мотивы, ориентированные на сферу общения, могут быть доминирующими в психологии лидера. Не менее трудно отделить социально-психологические характеристики от когнитивных: объектом знаний лидера, его образов действительности являются другие люди или их общности, а такие знания представляют собой перцептивную и коммуникативную стороны общения.

Для преодоления этих трудностей возможны два пути. Первый

²⁷ Barber-Barry C., Rosenwein R. Psychological Perspectives on Politics. N.Y., 1986. P. 141.

состоит в выделении процессуальных, имплицитных и эксплицитных черт, характеристик психологии лидера, образующих коммуникативный и перцептивный стили его отношений с другими людьми: общительность или замкнутость, дар убеждения или подверженность влиянию других, доверие, подозрительность, эмоциональный или трезво рациональный подход к ним и проч. и проч. Такие характеристики могут быть определены как социально-психологические в узком смысле этого понятия. К ним тесно примыкают "гибридные" образования, в которых социально-психологические характеристики сливаются с мотивационными, например инструменталистское, или основанное на эмпатии отношение к людям.

Второй путь состоит в том, что личность лидера рассматривается не как таковая, а именно в ее отношениях, "связке" с другими людьми, это отношение и становится объектом социально-психологического анализа. Избирая такой путь, мы сразу же сталкиваемся со значительной разнотипностью такого рода отношений, невозможностью рассматривать их как единое целое. Одно дело "горизонтальные" отношения между различными лидерами (государств, партий), другое – "вертикальные" между лидером, его последователями и массой, доверие которой он стремится завоевать. Это "вертикальное" взаимодействие и общение, в свою очередь, весьма неоднородно по своим механизмам и содержанию. По этим признакам их можно разделить на отношения лидер—масса, лидер—его активные сторонники (например, члены и активисты возглавляемой им партии или движения, поддерживающего его политический курс, высокопоставленные государственные служащие и военные) и отношения лидера с его "командой" (членами правительства, партийным руководством, узкими группами помощников и советников).

Поскольку на каждом из этих уровней отношений во взаимодействии с лидером находятся субъекты, различающиеся по своим интересам, целям, месту и роли в таком взаимодействии, логично анализировать конкретно каждый из них. Так, психологические аспекты взаимодействия и общения лидеров государств исследуются в рамках психологии международных отношений, выделившейся в особое научное направление. Социально-психологические отношения лидеров с населением своей страны и политическим активом целесообразно рассматривать в рамках анализа соответствующих групповых субъектов социально-политической психологии (которым посвящены последующие разделы книги). В контексте же данного раздела мы касаемся главным образом отношений, складывающихся в политических "командах".

На предыдущих страницах психология лидерства рассматривалась в основном как разновидность психологии индивидуальной. Такой подход связан с традицией политической психологии, главным объектом которой пока являются национальные лидеры – "первые лица" в государстве. В действительности субъектом лидерства, в том числе лидерства национально-государственного, далеко не всегда являются лица, формально облеченные высшей властью. Реальными индивиду-

альными лидерами становятся лишь деятели, обладающие соответствующими мотивационными, интеллектуальными и поведенческими качествами – вряд ли этот тезис нужно иллюстрировать общеизвестными примерами. Когда таких качеств у формального лидера нет, лидерство фактически делегируется другому лицу или группе. Здесь тоже возможны различные ситуации. В условиях наследственной монархии фактически лидером мог стать всемогущий "серый кардинал" (Ришелье, Борис Годунов, Бирон). Или же монарх, мало вмешиваясь в текущую политику, сохранял за собой роль высшей инстанции в определении принципиального направления политического курса и в выборе воплощающего этот курс лидирующего политика. В этих случаях политика государства нередко приобретала неустойчивый характер, зависела от конъюнктуры, влияния на монарха его непосредственного окружения и придворных интриг. В России такими чертами отличалось царствование Александра I и особенно – Николая II, последние годы которого отмечены уродливым явлением распутищины. Современная действительность свидетельствует о том, что подобные ситуации – пусть не в столь экстремальной форме – возникают далеко не только в условиях монархии.

В несколько иных формах сходные различия проявляются и в условиях республиканско-демократических режимов – как президентских, так и парламентских. Достаточно сравнить тот след, который оставили в истории своих стран Рузвельт и Черчилль, де Голль и Аденауэр, Тэтчер и Пальме, с "вкладом" в нее более заурядных президентов и премьеров, например с бесконечной чередой глав часто сменяющихся кабинетов IV Французской или Итальянской республик. Недавняя история свидетельствует о том, что независимо от институциональных особенностей политического устройства, наличия или отсутствия в нем предпосылок личной власти, национально-государственное лидерство может быть в разной мере индивидуальным или групповым. Тоталитарные и авторитарные системы создаются под индивидуального лидера, но и они в определенных условиях порождают олигархическое "коллективное руководство".

Особенности политического строя, конкретной исторической ситуации и личностные качества национально-государственных лидеров – таковы факторы, определяющие соотношение индивидуального и группового лидерства. Их перечень был бы, однако, неполным, если не учесть еще один фактор: объективно необходимое разделение труда в осуществлении лидерских функций. Даже деспотический лидер, стремящийся лично контролировать все сферы жизни общества, не всегда может обойтись без консультаций с помощниками, лучше, чем он, знающих ту или иную сферы. Эта необходимость многократно возрастает с усложнением экономической и социально-политической жизни, с повсеместно возрастающей ролью государства и политики в регулировании экономических и социальных процессов. Ныне невозможно единолично управлять государством так, как это делали Цезарь, Наполеон или Петр I. Функциональный фактор оказывает растущее

воздействие на институциональную структуру власти, на осуществление принятого в развитых странах принципа разделения властей и в то же время на неформальную дифференциацию внутри лидирующей микрогруппы. Одним из наиболее типичных ее оснований является разделение общеполитических и "экономических" функций, особенно необходимое в условиях модернизации и реформирования экономики. Глава государства делегирует всю экономическую политику компетентному специалисту (классический пример Аденауэр – Эрхардт). Еще одно проявление действия того же фактора – обрастание высшей исполнительной власти обслуживающим ее экспертным аппаратом. Так, администрация и аппарат помощников президента России насчитывает несколько тысяч служащих. Сходные процессы происходят и за пределами институтов государственной власти – в крупных партиях, профсоюзах, других общественных организациях.

Психологические аспекты отношений, складывающихся внутри лидирующих групп, несомненно, оказывают существенное влияние на процесс принятия политических решений. Однако до настоящего времени они исследуются больше в рамках общей теории управления, социологии и социальной психологии, концепций групповой динамики, чем в качестве специфического объекта политической психологии. Несомненно, механизмы лидерства, выявляемые этими научными направлениями, действуют и в политической жизни. Так, широко признанная классификация стилей руководства групповой деятельностью: авторитарный, демократический, устраняющийся — вполне применима к политическим лидерам. Тем не менее отношения в группах, осуществляющих политическое лидерство, имеют свою специфику, связанную с масштабом и общественными последствиями принимаемых решений, с влиянием на них идеологических ценностей и социальных интересов. Эту специфику, очевидно, должна была бы исследовать политическая психология, но она мало интересует подобными проблемами.

Представляется, что в рамках социально-политической психологии взаимодействие внутри лидирующих групп могло бы изучаться в двух основных аспектах.

Во-первых, с точки зрения влияния механизма этого взаимодействия (стиля лидерства, распределения ролей и т.д.) на качество принимаемых решений. Обычно решения, принимаемые коллективно, на основе свободного сопоставления различных точек зрения, организуемого демократическим лидером, считаются более адекватными, чем навязанные авторитарным лидером, к которому подлаживаются его сотрудники. Роль "первого лица", однако, во всех случаях очень велика.

Политические психологи специально исследовали механизм решения американской администрации, принятого в начале правления Дж. Кеннеди. Речь идет о военной акции против Кубы, совершенно бессмысленной и приведшей к крупному политическому провалу. Это решение фактически было принято небольшой группой высших чинов администрации и, как считают исследователи, явилось результатом

группового конформизма – явления, обстоятельно изученного социальной психологией и вырастающего в присущую многим малым группам тенденцию к нивелированию индивидуальных мнений. В нем, видимо, реализуется присущее человеческой психике стремление к интеграции с социальной общностью, с "другими", которое особенно сильно проявляется в ситуациях непосредственного общения и совместной деятельности (см. главу II). В рассматриваемом случае еще не набравшийся политического опыта новый президент, очевидно, поддался "общему мнению".

Как показывает советская история, "коллективное руководство", объединяемое конформистским единством, стремлением избежать разногласий и сохранить стабильность группы, ничуть не эффективнее авторитарной власти единоличного лидера. Достаточно напомнить о коллективном решении направить войска в Афганистан. Вряд ли нужно специально доказывать, что в политике в основе группового конформизма лежит общность "базовых" идейно-политических ценностей лидирующей группы.

Эффективность группового взаимодействия зависит от того, в какой мере оно обеспечивает "интегративную сложность" анализа решаемой проблемы. Оптимальна ситуация, при которой лидер стимулирует столкновение позиций, акцентирующих различные ее аспекты и соответственно обеспечивающих различные варианты решения. Но этого недостаточно: в группе должен быть человек, способный сопоставить и "сложить", интегрировать различные мнения в целостную картину и на этой основе предложить оптимальное решение. В идеале таким человеком должен быть лидер, обладающий формальным статусом, дающим право ставить точки над "и". "Устраняющийся лидер", не способный выработать собственное мнение, резко снижает эффективность группового взаимодействия, нередко делает его безрезультатным.

В свете сказанного очевидна весьма неоднозначная роль компромисса в процессе группового взаимодействия. Компромисс компромиссу рознь. Только что рассмотренная ситуация группового конформизма представляет собой как бы абсолютный компромисс – члены группы бессознательно авансом подавляют собственные мнения, чтобы сохранить единство. Компромисс политически эффективен, если он представляет собой целостное решение, учитывающее разные стороны проблемы, и различные мнения, но основанное на достаточно четком выборе приоритетов и целей. Компромиссы же, основанные на механическом соединении различных, в том числе взаимоисключающих позиций, ценностей, целей, приводят к противоречивым или бессодержательным, чисто бумажным псевдорешениям, подрывают стабильность и последовательность политического курса. Такими компромиссами изобилует российская политика в посттоталитарный период.

Во-вторых, внутригрупповое взаимодействие можно изучать с содержательной точки зрения – как соединение подходов, ориентированных на единую цель, но основанных на различных профессионально-

ролевых и ценностных приоритетах. В современном мире соответствующая ситуация складывается в странах с отсталой, неэффективной и кризисной экономикой, пытающихся преодолеть отсталость и выйти на уровень наиболее развитых стран. Техничко-экономическая отсталость в большинстве таких стран тесно связана с тоталитарным или авторитарным политическим строем: государственная власть в той или иной мере срачивается с экономическими структурами, заставляет их обслуживать свои интересы, пытается командовать ими и тем самым тормозит экономическое развитие. Поэтому стремление к экономическому прогрессу сливается с борьбой за демократию.

Дискредитация социалистического пути модернизации, не приводящего, как показал исторический опыт, к экономическому процветанию и полностью подавляющего демократию, повсеместно повысила престиж альтернативного пути: перехода к свободной рыночной экономике. В странах Западной и Центральной Европы с относительно отсталой (Италия, Испания, Португалия) или ранее частично огосударствленной экономикой (ФРГ), где для такого перехода существовали солидные экономические, социальные и психологические предпосылки, двуединая задача демократизации и рыночной модернизации решались довольно легко; иначе обстояло дело в большинстве республик СССР, ряде стран Восточной Европы и третьего мира, где таких предпосылок было намного меньше. Модернизация, означает здесь радикальную ломку устоявшихся экономических и социальных структур и в то же время не может привести к быстрому и массированному росту благосостояния, требует значительных жертв как от части связанных со старой системой элитарных, так и особенно от массовых слоев. Перед лидирующими группами этих стран возникала трудно разрешаемая дилемма: как обеспечить политически реформирование экономики, коль скоро оно – во всяком случае на первых, наиболее трудных своих этапах – не может опереться на достаточно широкую социальную поддержку, как совместить его и нужно ли вообще совмещать с функционированием демократических институтов, с политическим плюрализмом?

Разумеется, такая формулировка проблемы носит теоретико-аналитический характер. В реальной же жизни она решалась на основе иной "логики", в зависимости от хода политической борьбы, состава и политической идеологии группировок, осуществляющих государственную власть. Уже имеющийся опыт позволяет поставить вопрос, имеющий прямое отношение к теме наших размышлений: какой тип политического лидерства и взаимодействия в лидирующей группе оптимален для решения проблем переходного периода?

Более или менее ясен один из компонентов ответа: переход "получается", если непосредственная разработка и осуществление реформ доверяется команде квалифицированных специалистов, а политическое их обеспечение берет на себя носитель высшей власти. Гораздо труднее однозначно определить, каким должен быть этот политический лидер и какими методами должен он выполнять свои функции.

В качестве образца успешного и относительно быстрого решения проблем модернизации в современной российской публицистике нередко преподносится опыт Чили. Своеобразие этого опыта заключается в том, что рыночная модернизация оказалась здесь побочным продуктом подавления начавшейся мирной социалистической революции и прихода к власти контрреволюционной террористической военной диктатуры. Глава хунты генерал Пиночет, жестоко расправившись с левосоциалистическими силами и поддерживавшей их частью общества, полностью делегировал экономическую политику группе университетских либеральных экономистов, преодолевая при этом сопротивление своих коллег по хунте, предпочитавших сохранить за собой (в соответствии с обычной практикой "генеральских" латиноамериканских режимов) командные позиции в экономике. По словам лидера реформаторской группы экономиста С. де ла Куэдра, твердость Пиночета – "случайность, совпадение, почти чудо"²⁸. Очевидно, Пиночет рассчитывал, что развитие рыночных сил и экономические успехи укрепят его власть. И... ошибся: эти процессы через полтора десятка лет, напротив, размыли почву диктатуры и привели к установлению демократического режима. Если же обратиться к позициям де ла Куэдра и его коллег-либералов, трудно не задаться вопросом: как либеральные интуллектуалы могли предложить свои услуги (а дело обстояло именно так) одной из самых кровавых в истории Латинской Америки диктатур, покрывшей страну сетью концлагерей и пыточных камер? Какими бы соображениями они ни руководствовались, очевидно, что для этого надо было обладать незаурядной глухотой и слепотой к тому, что происходит в стране, к крови, и смертям и страданиям многих тысяч чилийцев. Скорее всего, профессиональные приоритеты и ценности (либеральное экономическое кредо) сочеталось у чилийских реформаторов с полной индифферентностью к ценностям гуманистическим, попросту говоря, к судьбам реальных людей. Модернизация Чили была осуществлена под руководством лидирующей группы, организованной по принципу разделения труда между топором и компьютером – между авторитарным лидером-палачом и "высоколобыми" интеллектуалами с последовательно технократическим менталитетом.

Исходя из опыта Чили и ряда других успешно модернизирующихся стран третьего мира, некоторые российские политологи выдвигают идею авторитарного пути реформирования России. Логика их рассуждений состоит в том, что временная отсрочка демократизации и утверждение авторитарной политической власти позволили бы стране относительно быстро проскочить этап "шоковых" реформ, а их успех создал бы условия для восстановления демократии. В наши задачи не входит анализ этой проблемы во всех ее аспектах, в контексте нашей темы важно лишь констатировать отсутствие в составе реформистского российского лидерства психологических предпосылок для реализации авторитарного пути. Проще говоря, Ельцин – не Пиночет, а Гайдар, Федоров и Чубайс, видимо, сильно отличаются психологически от де ла

²⁸ Сегодня. 1994. 8 апр.

Куэдра. Правда, российский президент не чужд авторитарного стиля, но он затрагивает лишь процессуальную сторону его деятельности – методы принятия и осуществления решений. В содержательном же, ценностном плане Ельцин – популист-демократ. Он ни разу не пытался установить собственную единоличную власть, даже когда для этого создавались благоприятные условия (в августе 1991 и в октябре 1993 г.), не хотел отказываться от демократических правил игры. В менталитете команды Гайдара заметен элемент технократизма (выражавшийся, например, в относительно слабом внимании к социальным проблемам), но весьма трудно представить ее действующей в рамках жестко авторитарного террористического режима. Само ее появление на политической сцене – результат демократизации. Людей, психологически готовых ввести такой режим, нетрудно найти в лагере антиельцинской оппозиции, но зато весьма трудно ожидать от них проведения рыночных реформ.

Сторонники авторитарного пути могут сослаться на слабую результативность реформаторского лидерства в России. И они будут правы, однако корни этой слабости вряд ли правильно видеть в отказе от насилия и соблюдении определенных демократических норм. Скорее, она во многом объясняется отсутствием продуманного взаимодействия внутри лидирующей группы, соответствующего принятой ею демократической ориентации. Такая ориентация предполагает, с одной стороны, необходимость компромисса между приоритетами экономической эффективности реформ и приоритетами социальными – минимизацией жертв, приносимых населением, достижение минимального консенсуса власти с массовыми слоями. С другой стороны, ориентация на рыночные преобразования предполагает, что они должны проводиться широким фронтом, охватывать все уровни экономической структуры (например, в Чили были отменены все льготы, квоты и привилегии для предприятий, характерные для государственно-административного руководства экономикой). В России ни в 1992 г., ни в 1993–1994 гг. не было соответствующего этим задачам четкого распределения ролей внутри исполнительной власти: министры-реформаторы инициировали лишь отдельные направления рыночных реформ, параллельно теми же вопросами занимались президент и его администрация, социальные проблемы решались спорадически под давлением конъюнктурных факторов либо не решались вообще, практически отсутствовал диалог с обществом. В 1994 г. с изменением состава правительства ориентация на реформы оказалась еще менее обеспеченной институционально и политически.

Не касаясь здесь других, не менее существенных аспектов российской ситуации, отметим лишь, что отсутствие сколько-нибудь продуманной системы взаимодействия внутри лидирующей группы (или ее подгруппами) является одной из основных ее особенностей.

Возвращаясь к "чилийской модели", стоит констатировать, что выбор между репрессивно-террористическим и относительно демократическим вариантами модернизации невозможно основывать на чисто рациональных критериях эффективности. В конечном счете он основан

и на базовых ценностях, которые принимает политическое руководство и которые отражают психологические предпочтения достаточно широких социальных групп. Для того чтобы арестовывать и убивать несогласных с принятым политическим курсом, нужно обладать определенными психологическими качествами, которых, по-видимому, "не хватает" у российских руководителей. Считать ли это их слабостью или достоинством – вопрос, который каждый решает для себя, исходя опять же из своей личной морали и системы ценностей. Автору более долгий, извилистый, сопряженный с попятными движениями, изнурительный, но относительно мирный путь модернизации кажется все же меньшим злом, чем пролегающий через новый ГУЛАГ и море крови.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК: ПСИХОЛОГИЯ ВЫБОРА

Психика и поведение человека суть продукты биологических и социальных обстоятельств. И в то же время в рамках этих обстоятельств человек реализует свою субъективность, свое собственное Я, свободу своих мыслей, решений и поступков. Соотношение детерминизма и свободы – одна из центральных проблем философии и всех наук о человеке. Чрезвычайно важна она и для социально-политической психологии. В ходе всемирно-исторического процесса постепенно – хотя далеко не прямолинейно – расширялось поле свободы, амплитуда альтернативных возможностей самоопределения человека, его отношения к общественно-политической действительности. В подавляющем большинстве современных обществ люди *выбирают* те мотивы и ценности, цели и средства, ту линию поведения, которыми они руководствуются в общественно-политической жизни. А также в той или иной мере *создают* новые цели, ценности и поведенческие установки. Какие объективные и субъективно-психологические факторы определяют этот выбор и это созидание? В какой мере он является сознательным, рациональным и в какой совершается спонтанно – под влиянием устоявшихся стереотипов, неосознанных потребностей и эмоций, социального окружения? Каков психологический механизм выбора общественно-политических позиций? Таковы главные вопросы, которые будут рассмотрены в этой главе.

1. Политический актив: вовлеченность в систему власти

Два типа вовлеченности

Для социально-политической психологии наибольший интерес представляют два типа личного и группового выбора. Во-первых, выбор человеком уровня и форм своей *вовлеченности* в общественно-политическую жизнь. Крайние точки континуума таких уровней и форм, с одной стороны, активное участие в этой жизни, осмысление ее как главной сферы деятельности человека, с другой – полное отчуждение от нее, принятие роли пассивного объекта социальных и политических процессов. Этот выбор лежит в основе упоминавшейся выше условной дифференциации членов общества на лидеров, активистов и массу, а также и весьма подвижной, неустойчивой дифференциации самой массы по признаку большей или меньшей вовлеченности в общественно-политическую жизнь. Он же проявляется в существующем в любом обществе разделении людей по степени их интереса к политике (см. главу I).

Второй выбор определяет конкретную общественно-политическую позицию или ориентацию человека, основанную на одной из систем идейно-политических ценностей, существующих в обществе. Оба эти выбора взаимосвязаны. Уровень психологической и практической вовлеченности людей в жизнь общества влияет на определенность и последовательность их идейно-политического выбора: чем меньше человек интересуется политикой, тем более аморфны, бессистемны, неустойчивы его политические взгляды. В то же время отчуждение от господствующих в обществе конвенциональных систем ценностей и форм политической жизни может означать психологическую готовность к активной альтернативной, вне- или антисистемной общественной деятельности (именно такими были психологические предпосылки так называемых неформальных движений в ряде стран).

Условия обоих типов выбора определяются характером политической системы. Понятно, что наиболее полные возможности для них дают общества, где право на выбор является действующей конституционной нормой, существует представительная демократия, идеологический и политический плюрализм. Но даже и в условиях деспотических режимов существуют различия между теми, кто искренно поклоняется и ревностно служит власти, и теми, кто старается держаться подальше от нее или питает осознанную или эмоциональную враждебность к господствующему порядку. Психологический выбор возможен даже в условиях полного отсутствия выбора форм общественно-политического действия: мыслить и чувствовать, как известно, не запретить.

Уровень вовлеченности людей в общественно-политическую жизнь обусловлен достаточно сложной системой факторов. Обычно он возрастает в периоды бурного обновления общественных отношений, когда происходит взлет социальных ожиданий масс, создающий психологические предпосылки для политической мобилизации вокруг новых целей. Такие ситуации складывались в СССР в 20-х – начале 30-х годов, в Западной Европе после окончания второй мировой войны, в ряде стран третьего мира после обретения ими независимости. В периоды стабилизации системы, когда политическая жизнь приобретает рутинный характер, а также в трудные времена кризисов обычно происходит спад массовой политической активности. В первом случае потому, что она не находит точек приложения, во втором – из-за груза давящих на людей материальных забот.

Помимо таких ситуационных факторов на масштабы вовлеченности в общественную жизнь влияют факторы структурные. Они коренятся в особенностях социальной деятельности, присущих каждому обществу. В странах, где эта деятельность является монополией политической власти и осуществляется исключительно под ее контролем, после только что упоминавшихся фаз массовой политической мобилизации вовлеченность приобретает *инструментальный* характер. Частично она совпадает с обыкновенной службой в бюрократических институтах партийно-государственной власти и подчиненных ей псевдообщественных организациях, частично – выполняет функцию политического и идеологического контроля, "рычага" аппаратного влияния в толще

общества. Чем более широкие контингенты людей охватывает такая вовлеченность, тем более она является формально-символической, практически сводится к демонстрации преданности власти. Такой была вовлеченность миллионов рядовых членов КПСС и сотен тысяч ее низовых "активистов".

В странах с развитым гражданским обществом широкое распространение получает вовлеченность, которую можно назвать *ценностно-ориентированной*. Ибо она направляется прежде всего теми ценностями, которые вырабатываются различными социальными группами в процессе осознания ими своих интересов и предпочтений. Самодеятельная, независимая от институтов власти активность таких социальных субъектов – отличительная особенность гражданского общества. И хотя она чаще всего разворачивается вокруг конкретных проблем – общенациональных или локальных и групповых – и не претендует на участие в "большой политике", даже противопоставляет себя ей, она так или иначе влияет на деятельность партий и органов власти. Данная форма социальной активности эволюционирует относительно независимо от уровня активности политической и представляет собой один из важнейших механизмов саморегулирования общества, связей между гражданами и органами власти.

Ценностно-ориентированный характер носит, разумеется, не только такая неполитическая социальная деятельность. В условиях многопартийности соответствующий тип вовлеченности присущ рядовым членам и активистам политических партий, особенно оппозиционных и не имеющих больших шансов прорваться к власти. По данным некоторых эмпирических исследований, существует положительная корреляция между политической активностью человека и уровнем его психологической вовлеченности в профессиональную трудовую деятельность, особенно если она предполагает участие в принятии решений, затрагивающих других людей¹. Таким образом такую активность можно рассматривать как проявление особых психических черт личности: ее способности и потребности активно воздействовать на социальную среду.

Инструментальный "службистский" тип социально-политической вовлеченности отнюдь не исключительная особенность бюрократически организованных политических режимов. В обществах с развитой представительной демократией он сосуществует с ценностно-ориентированным типом, нередко даже в психологии одних и тех же людей. В психологическом плане эти типы различаются прежде всего *личностной мотивацией*, побуждающей к прямому участию в общественно-политической жизни.

*Вовлеченность
и мотивация*

Мотивы инструментальной вовлеченности часто не отличаются от тех, которые определяют выбор профессии и осуществление избранной профессиональной деятельности. Как известно, такими

¹ Sobel R. From occupational involvement to political participation: an exploratory analysis // Political behaviour. 1993. Vol. 15. N 4. P. 339–359.

мотивами для очень многих людей являются стабильность профессионального положения, гарантии определенного социального статуса и его роста и удовлетворительные доходы и условия труда. Положение государственного, партийного или профсоюзного чиновника по всем этим параметрам обладает значительными преимуществами. С одной стороны, оно является "чистой", беловоротничковой профессией и обеспечивает статусную принадлежность к "среднему классу". С другой, хотя приносимый им доход ниже того, который может дать, например, предпринимательство, он более гарантирован, меньше, чем в большинстве других видов деятельности, зависит от способностей и удачи, элемент риска здесь минимален. Вертикальная социальная мобильность, повышение в должности носит в бюрократических учреждениях в значительной мере рутинный, автоматический характер. Со всеми этими преимуществами связаны типологические особенности инструментально вовлеченных: среди них много людей, не ощущающих в себе какого-либо призвания или особых способностей и в то же время не склонных к инициативе, риску, не имеющих активной жизненной позиции. Так, в Советском Союзе в аппарат часто вербовались выпускники вузов, не проявившие себя в учебе, но зато делавшие успешную комсомольскую карьеру, ИТР и научные сотрудники, не имеющие особых перспектив в своей профессии, секретари и члены парткомов, фактически выполнявшие подсобные управленческие функции при администрации предприятий. В качестве несколько экзотического, но достаточно характерного примера можно назвать весьма известного в 70–80-х годах деятеля, который был послом, заведующим Отделом ЦК КПСС, руководителем государственного туристического ведомства, а начал свою карьеру в качестве актера и секретаря партбюро провинциального театра. Говорят, он по привычке гримировался перед приемами в посольстве.

Разумеется, материальное благополучие и стабильность, карьера не исчерпывают мотивации инструментальной вовлеченности. Большую или меньшую роль в ней играет потребность во власти, причем совсем не обязательно выражающаяся в надежде прорваться к ее вершинам. Психологически достаточно привлекательной может быть и принадлежность к системе политической власти, участие в этой системе, выступающее как способ социального самоутверждения личности, ее выделения из массы простых смертных. Особенно в условиях тоталитарно-авторитарного бюрократического строя, при котором властвующая номенклатура командует не только в политике, но и во всех других сферах жизни общества, обладает многочисленными материальными и социальными привилегиями и является по сути дела единственной социальной группой, осуществляющей реальную власть.

Существенное психологическое отличие инструментальной вовлеченности от ценностно-ориентированной состоит в том, что ценностный уровень мотивации играет в ней подчиненную, служебную роль. Она не требует глубокой интериоризации личностью какой-либо системы ценностей, достаточно хотя бы формально демонстрировать верность официальной идеологии, выражающую лояльность системе. В странах

с развитой демократической культурой даже это условие не всегда является обязательным, ибо высшим приоритетом признается право личности на собственное мировоззрение. Поэтому в демократических странах существует довольно четкое деление на политиков, исповедующих идеологию своей партии, находится ли она у власти или в оппозиции, и чиновников, от которых требуют лишь добросовестного выполнения профессиональных обязанностей. В период, когда будущий французский президент В. Жискар д'Эстен был министром финансов, один из высокопоставленных служащих его министерства – экономист и член Коммунистической партии, публиковал в коммунистической прессе статьи, естественно, антиправительственной направленности. Узнав об этом, Жискар попросил чиновника-коммуниста печататься под псевдонимом, чтобы избежать двусмысленной ситуации – ему и в голову не пришло применить какие-либо санкции к своему политическому противнику.

Конечно, и в капиталистических странах подобная идеологическая терпимость – явление далеко не постоянное и не повсеместное, а в некоторых звеньях госаппарата (например, в спецслужбах и военном ведомстве) и вовсе невозможное. В условиях же тоталитарно-авторитарных порядков идеологическая "выдержанность", конформизм – неперемненное условие пребывания в аппарате. Поэтому хотя она, как отмечалось, может носить чисто внешний, демонстративный характер, как и любое ролевое требование (см. главу III), она нередко накладывает отпечаток на психологию личности, во всяком случае на ценностный уровень ее сознания.

Любопытной иллюстрацией различий между двумя типами вовлеченности может служить сравнение реакций различных групп, вовлеченных в общественную жизнь, на новые идеологические ориентиры выдвинутые советской перестройкой. В 1988 г., когда в стране уже существовала гласность и полным ходом осуществлялась политическая реформа Горбачева, на эту тему был проведен опрос среди участников неформальных (т.е. самостоятельных, не связанных с властью) общественных движений и функционеров аппарата КПСС. Партийные работники наиболее широко поддерживали политические цели, выдвинутые Генеральным секретарем и его окружением: "социалистическое самоуправление народа", "социалистическое правовое государство". В отношении же целей, в то время не санкционированных официально, но уже выдвигавшихся демократическим движением, позиции групп резко разошлись. Так, 51,4% неформалов и только 23,6% партработников высказались за многопартийную систему (т.е. отказ от неограниченной власти КПСС), соответственно 64,2 и 33,3% – за ликвидацию партийного контроля за средствами массовой информации². Таким образом, если в аппарате больше носителей инструментальной вовлеченности, принимающих лишь те новые ценности, которые провозглашаются начальством, то самостоятельные активисты гораздо более восприимчивы

² Амелин В. Неформалы, интеллигенция, партактив: политические ориентации // Общественные науки. 1989. № 4. С. 201.

к ценностям альтернативным. Неформальные движения в тот период в основном еще не имели "антисистемной" политической направленности (почти половина их участников не поддержала требования многопартийности), но присущая им ценностная мотивация обуславливала их большую свободу от идеологии, выражавшей интересы системы.

Приведенные данные интересны и в другом отношении. Несмотря на укоренившийся конформизм аппаратчиков и их корпоративную заинтересованность в сохранении властных привилегий КПСС, от одной четверти до одной трети представителей данной группы высказались за перемены, прямо подрывающие эти привилегии, фактически приняли вне- или антисистемные ценности. Это показывает, что даже в условиях лишь начавшей размываться тоталитарно-авторитарной системы принадлежность человека к аппарату власти совсем не обязательно означала его невосприимчивость к ценностям, этой власти оппозиционным. Человеческая психика неизмеримо богаче ролевых норм, диктуемых властными функциями, на мотивы индивида могут оказывать влияние любые ценности, существующие в обществе, особенно те, которые усиливаются в нем под воздействием динамики общественных настроений. Отношения власти порождают инструментальную вовлеченность, но этой зависимости чужд жесткий однолинейный детерминизм.

Фактором, противодействующим такому детерминизму, является идентификация политиков и чиновников с потребностями и интересами основной массы членов общества (этот тип социальной идентификации рассматривался в главе IV). С расширением социальных функций государства в мотивах осуществляющих их людей все чаще эти потребности и интересы доминируют над карьерными, стяжательскими, корпоративно чиновничьими или партийными. Во всех странах бюрократический менталитет и коррупция – явления достаточно распространенные, но не определяющие целиком психологию всех, кто работает на государственной службе. В странах с развитой и укоренившейся демократической культурой специалист, обладающий высокой профессиональной этикой и чувством социальной ответственности, – нередкая фигура в госаппарате. Подобные качества часто сочетаются с отсутствием политической ангажированности: честный судья или полицейский, экономист или социолог, служащий в органах управления – это часто человек с гуманистическими ценностями, видящий свою профессиональную задачу не в службе государству, но в служении людям, обществу. В распространенности подобного социально-психологического феномена сказывается общий уровень развития социэталных демократически-гуманистических ценностей. Одним из последствий движения за новые "постматериальные" ценности, охватившего западные общества в 60–70-х годах, стал приход в институты власти людей, отвергших традиционный тип политики, подчиненный борьбе за власть и "долю пирога", ориентированных психологически на социально-конструктивную и социально-творческую работу. Подобная мотивация вряд ли стала господствующей, она сосуществует с традиционными – полити-

канскими, бюрократическими и стяжательскими, – но во всяком случае завоевала значительные позиции.

В России, где государственная служба веками рассматривалась как способ "кормления", а позднее стала важнейшим компонентом тоталитарной системы, для развития такой ценностной мотивации политиков и чиновников существуют значительные социально-культурные препятствия. Крах тоталитаризма, коммерциализация общественного организма и ослабление "вертикали власти" привели не к демократизации государственного управления, но к превращению его в поле свободной игры частных и мелкогрупповых интересов. "Хватательный рефлекс" овладел множеством старых и "новых" – экс-демократических – политиков и чиновников. Без массированного прихода в аппарат властей людей с высокой профессиональной этикой и с мотивацией ориентированной на ценности социальной ответственности российское общество вряд ли сможет решить проблемы формирования подлинного демократизма и эффективной системы управления.

По мнению политического психолога А.И. Юрьева, "политическая работа в парламенте... является частным случаем трудовой профессиональной деятельности. Предмет этого труда – состояние населения региона, государства"³. Этот тезис не вызывает сомнений и может быть отнесен не только к парламентской, но и к любой политической работе. Для психолога, однако, важно не столько подвести политическую деятельность под какую-то более общую категорию, сколько разобраться в ее специфической психологической структуре, а в ней одно из центральных мест занимает мотивация. Как известно, мотивами любого труда могут быть его материальные и социальные результаты для работающего (зарплата, статус), интерес к самому процессу труда и решению трудовых задач, самоосуществление и самоутверждение личности, потребность в принадлежности к социальной общности (трудовому коллективу), в общении. Все эти мотивы в тех или иных пропорциях присутствуют и в работе политика, но от других видов трудовой деятельности ее отличает та специфическая роль, которую играет в ней мотивация власти.

Американский политический психолог Дж. Барбер, проведя эмпирические исследования мотивации членов конгресса штата Коннектикут, выявил у них четыре типа доминирующих мотивов. Для одних конгрессменов таким мотивом была политическая карьера, для других, игравших пассивную роль в законодательном процессе, – потребность в одобрении своих коллег, для третьих – чувство долга, морально-этические ценности (по нашей терминологии, их отличала ценностно-ориентированная вовлеченность), для четвертых – интерес к содержанию самой законодательной деятельности, к подготовке законов⁴.

По этим данным получается, что мотив власти или, по крайней мере, стремление к повышению статуса во властных структурах, был присущ только части законодателей. Сам по себе он не является какой-

³ Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992. С. 143.

⁴ Barber J.D. The Lawmakers. New Haven, 1965.

то исключительной особенностью политиков: этот мотив может проявляться и у людей, занятых в производстве, науке, военном деле и во многих других сферах деятельности. Существенно, однако, то, что независимо от своих исходных личных мотивов любой активный политик (а к таким принадлежат три из четырех типов, выделенных Барбером) для их реализации вынужден овладеть какой-то позицией в системе власти и заботиться об ее удержании. Такая позиция, выражается ли она в каком-то посте, иерархическом статусе или членстве в выборном органе, в формальном или неформальном лидерстве в партии, движении, парламентской фракции, реализует ли она власть индивидуальную или групповую (партии, "команды"), необходима для осуществления политических целей и ценностей. Для одних политиков власть – самоцель, для других – средство и выступает в качестве предмета инструментальной потребности. Но и в том и в другом случае политик может вовлечься в борьбу за власть, и чем острее и напряженнее эта борьба, тем больше шансов, что данный вид вовлеченности и стимулирующая его цель – одержание победы, накладываясь на все другие мотивы, в конце концов перекроет их и станет доминирующим мотивом в деятельности политика.

Наблюдая активных участников реальной политической жизни, не всегда легко различить, что у них первично, что вторично: борются ли они за власть, чтобы осуществить определенные общественно-политические цели, или эти цели, напротив, являются лишь средством завоевания или укрепления власти. При этом не имеет большого значения, как оценивает свои мотивы сам политик, ибо, как мы видели на примере лидеров, он вполне может приукрашивать их не только перед публикой, но и перед самим собой.

Вовлеченность и политические конфликты

Вовлеченность в борьбу за власть может совершенно не соответствовать первичным намерениям и целям политиков. В Российском Верховном Совете в период 1991–1993 гг., наверняка, было немало людей, которых привело туда стремление принять участие в решении судеб страны, реализовать те ценности и цели, которые они считали соответствующими ее интересам. Однако нарастание конфликта между различными течениями в парламенте, между парламентским большинством и президентом привело к тому, что для многих его участников расширение собственной власти и оттеснение противоположной стороны превратились в самоцель, которой подчинялись их позиции по конкретным социально-экономическим и политическим вопросам. В результате парламент оказался неспособным в выполнении своей главной – законодательной – функции. Подобные ситуации свидетельствуют о весьма существенной роли мотивации политиков в динамике политических конфликтов.

Конфликт – явление, органически присущее общественно-политической жизни, и его исследование выходит за рамки одного лишь психологического анализа. Очевидно, что влияние конфликтов на функционирование и развитие общества весьма неоднозначно. Столкновение позиций по проблемам, стоящим перед обществом, в принципе

позволяет выявить различные социальные интересы и в конце концов прийти к их согласованию, к решению, приемлемому для большинства. Бесконфликтное политическое развитие обычно обусловлено монополией на власть определенных общественно-политических сил и рано или поздно ведет к застою и кризису. В той мере, в какой конфликт связан с выработкой альтернативных решений, он содействует выбору оптимального с точки зрения широких общественных интересов варианта и тем самым рационализации политического процесса. Наконец, конфликт полезен для политического развития в том смысле, в каком конкуренция полезна для экономики: состязание различных политических группировок нередко ведет к выявлению той из них, деятельность которой наиболее адекватна ситуации и потребностям общества.

В то же время общественному сознанию всегда была очевидна деструктивная роль политических конфликтов. В своих наиболее острых формах они ведут к дестабилизации и распаду общественного организма, к резкому ухудшению условий жизни людей, способны перерасти в гражданские и международные войны, порождать насилие, террор, нести страшные лишения и смерть множеству людей. В отличие от цивилизованной политической конкуренции подобные силовые конфликты нацелены на физическое устранение и подавление противника и часто ведут к установлению деспотической власти над своим и другими народами, к экономическому и социальному, нравственному и политическому регрессу. Но даже и не приводя к столь трагическим последствиям, а просто никак не разрешаясь в продолжение длительного времени – многих лет, десятилетий, они способны воспроизводить в обществе или в международных отношениях состояние перманентной напряженности, кризиса.

С психологической точки зрения, одним из важнейших факторов развития деструктивных конфликтов является определенный тип политической мотивации. Для него характерно неограниченное и неконтролируемое доминирование в политике мотивов и интересов власти. Нетрудно убедиться в том, что этот тип мотивация господствовал в подавляющем большинстве обществ в течение длительных исторических эпох, широко распространен он и в наше время. Его обслуживает инструментальная вовлеченность в политику. Инструментально вовлеченному политику и чиновнику безразлично, что делает власть, полезны ли ее действия для общества: ведь он служит ей в основном ради собственного блага.

Лишь на том этапе цивилизационной эволюции, на котором возникли ценности демократии и прав личности, появились определенные механизмы, ограничивающие и контролирующее стремление к власти. Эти механизмы встроены в политическую и правовую культуру обществ, в которых существует представительная демократия. В той мере, в какой ценности и нормы этой культуры интериоризированы политиками, они способны превращаться в мотивы, конкурирующие с мотивами личной власти, карьеры, корыстолюбия или придавать им социально-конструктивную цивилизованную форму. Одной из таких норм является верность конституционному порядку. Как показал еще

3. Фрейд, культура играет роль цензора по отношению к импульсам и страстям, возникающим в бессознательной сфере психики. Именно в этой сфере рождается страсть власти.

Ограничителем этой страсти является и определенный тип ценностно-ориентированной вовлеченности в политику. А именно тот, в основе которого лежит эмпатия. Политик, действительно мотивируемый интересами блага и безопасности своих сограждан, психологически защищен этой альтруистической мотивацией от эгоистических – личных или корпоративных – страстей.

Перед аналитиком, исследующим посттоталитарные общества в России и других республиках бывшего Союза, неизбежно возникнет вопрос: почему эти общества не сумели воспользоваться обретенной политической свободой и преимуществами представительной демократии, почему политическая деятельность в них так мало связана с интересами основной массы населения?

Ответ более или менее очевиден: он кроется в психологических установках, относительно независимых от сегодняшних политических взглядов людей и сформированных тоталитарной культурой. В рамках этой культуры единственным ограничителем личных и групповых амбиций были интересы иерархической системы власти, практически не подчиненные ни закону, ни чисто декоративному конституционному порядку, ни интересам членам общества, рассматривавшимся лишь как "винтики" системы. Откуда же могли люди, оставшиеся в политике или пришедшие в нее в посттоталитарный период, почерпнуть нормы правового и демократического общественного порядка, психологическую установку на эмпатию к согражданам? Разрушение старой властной иерархии имело для многих из них лишь один психологический эффект: освобождение уже ничем не контролируемых теперь эгоистических страстей и амбиций. Эта культурно-психологическая ситуация оказала сильное влияние на характер и динамику личных конфликтов в ряде посттоталитарных обществ.

Культура цивилизованного разрешения конфликтов ориентирована на расширение поля общественного консенсуса. Это, однако, не означает установки на достижение консенсуса любой ценой. Механическое эклектическое соединение противоположных, взаимоисключающих систем ценностей, принципов общественного устройства либо невозможно, либо, если его все же пытаются осуществить, ведет к деструктивным, дезорганизующим общество процессам. Не может быть полутоталитарного, полудемократического общества или экономики, сочетающей рыночные принципы с неограниченным диктатом государства. Попытки вырастить таких кентавров – и об этом свидетельствует опыт России и других экс-тоталитарных стран – чреваты параличом в функционировании и развитии общества. Консенсус конструктивен в тех случаях, когда он основан на компромиссе между реальными общественными потребностями. Например, между экономической эффективностью и социальной справедливостью, свободой и общественным порядком. Именно такой тип консенсуса обеспечил стабильность и поступательное развитие многих современных обществ.

2. Ценностно-ориентированная вовлеченность: активисты массовых движений

*Мотивы
активности:
"действовать
вместе"*

Анализ мотивов и типов поведения, характеризующих инструментальную вовлеченность в общественно-политическую жизнь, не представляет большого труда. Властолюбивые амбиции, карьеризм или корыстолюбие политиков и чиновников у всех на виду. Обыденное представление о политике как "грязном деле" с незапамятных времен стало расхожей истиной. Гораздо труднее распознать лишенную личной корысти ценностно-ориентированную вовлеченность. Даже самый честный и идейный деятель не избегает подозрений, что он движим какими-то тайными помыслами или занят излечением личных психологических травм. Да и в действительности, как отмечалось выше, идейные мотивы нередко переплетаются или сливаются с "инструментальными". Подобные трудности побуждают обратиться к таким формам ценностно-ориентированной вовлеченности, в которых она представлена в максимально "чистом" виде, сопряжена с такой активностью, которая по самому своему характеру не может приносить ее участникам каких-либо персональных выгод.

Можно полагать, что именно такой является деятельность многих низовых активистов и рядовых участников массовых общественных и политических движений и некоторых партий. Речь идет о таких движениях и партиях, которые не претендуют на власть (или не имеют больших шансов ее достичь) и не имеют иных возможностей обеспечить своим участникам и членам какой-либо материальный или социальный статус. Разумеется, и у таких партий или движений есть свои лидирующие группировки и аппарат, и действуют механизмы внутрипартийной или внутридвиженческой карьеры. Однако эти возможности крайне ограничены, чаще всего не слишком привлекательны по своим материальным и профессиональным (условия труда) характеристикам. Подавляющее большинство рядовых активистов не имеют ни возможностей, ни желания продвигаться по иерархической лестнице своих организаций. И в то же время их общественная деятельность часто приносит им материальный ущерб, ведет к физическим и нервно-психологическим перегрузкам, нарушает, а то и вовсе подрывает семейную жизнь. О такого рода фактах подробно рассказывается, например, в социологическом исследовании, посвященном активистам возникших на волне забастовочного движения 1989 г. в угольных районах СССР свободных шахтерских профсоюзов⁵.

Какие же мотивы направляют такую форму общественной активности? По мнению исследователя "неформальных" движений периода перестройки О.Н. Яницкого, их наиболее глубокой психологической мотивацией были потребности в самореализации личности, в проявлении

⁵ См.: Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92: Социальное сознание рабочей элиты. М., 1993. С. 88–92.

ее индивидуальности, в самостоятельно конструируемых, разнообразных, эмоционально насыщенных социальных связях, общении⁶. Действительно для человека, чьим уделом является повседневная рутина неинтересного труда и однообразных семейных обязанностей, общественная активность – сфера приложения личностных сил и способностей; она радикально обогащает содержание жизни, наполняет ее новым смыслом. Как объясняла свое участие в неформальном движении одна из "героинь" Яницкого – молодая женщина из Омска, оно означало для нее разрыв с прежним образом жизни: "живешь как клуша – муж, ребенок..."⁷

Стремление к самоосуществлению или самоутверждению вместе с тем объясняет многое, но далеко не все. Ведь "бескорыстная" социальная активность – далеко не единственно возможный их способ. Самоосуществляться и самоутверждаться можно и в более "эгоистических", лучше вознаграждаемых занятиях. По данным эмпирических исследований, многие активисты возникшего в 1990 г. движения "Демократическая Россия" впоследствии ушли из него в бизнес. Так же поступила и часть активистов-шахтеров⁸. У них мотив самоосуществления действительно был ведущим, и они искали оптимальную сферу его реализации. Но для тех, кто остался в движении, он, очевидно, таковым не был. Или дополнялся и перекрывался другими мотивами.

Обогащение социальных связей личности, которое Яницкий наряду с самоосуществлением выделяет в качестве мотива активности "неформалов", более, на наш взгляд, специфично для этого социально-психологического типа. Но и данный мотив – лишь одно из проявлений более общей "базовой" черты психологии активистов: ориентации их мотивов на интеграцию в социальную общность. Доминирующая в психике тенденция к включению в общность может осуществляться разными способами, в том числе через полное подчинение группе и ее лидерам, неограниченный конформизм по отношению к ним, утрату собственного я. В рассмотренных примерах она носит иной характер: социально-интегративная тенденция (или потребность в принадлежности, по терминологии А. Маслоу и его последователей) соединяется с потребностью в индивидуальном самоосуществлении, точнее, самоосуществление достигается через соответствующий ему уровень интеграции.

Проиллюстрируем этот несколько абстрактный тезис описанием психологии рабочих активистов, принадлежащим авторам уже упоминавшегося исследования о шахтерах. "Видно, – пишут они, – что шахтеры отождествляют себя с движением, что они готовы добровольно принимать его дисциплину при одновременном согласии с правом

⁶ См.: Яницкий О.Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. М., 1991. С. 49, 50.

⁷ Там же. С. 162–163.

⁸ См.: Новые социальные движения в России: по материалам российско-французского исследования. М., 1993. С. 70. Далее: Новые общественные движения в России; Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Указ. соч. С. 87.

на разномыслие, свободу обсуждений и критики... Поддержка линии движения и принятие авторитета лидеров не становятся здесь насильем над внутренними установками отдельных людей"⁹.

"ДемРоссия, – говорила одна из активисток этого движения, – дает людям выразить себя, всем вместе участвовать в конкретных действиях. За два года жители Москвы сумели увидеть, сколько их единомышленников". По словам другой активистки, "из людей ушел страх. Они знают, что все вместе они сила. Люди осознали свое место в политической жизни страны"¹⁰. Формула "все вместе" чрезвычайно характерна для психологии активистов – она выражает ценностную, аффективную и поведенческую установку на формирование активной, действующей общности и включение в нее. Эта социально-интегративная установка становится основной целью комплекса норм и ценностей, интериоризируемых личностью. Так, по наблюдению исследователей, "свойства и личностные особенности" шахтерских активистов свидетельствуют, что они обладают сознанием "людей, которые чувствуют себя не просто индивидами, но участниками движения, ощущают свою ответственность за это движение и ответственность перед движением" Восприятие движения как высшей ценности, чувство ответственности за его судьбу воздействует на характер дискуссий и разногласий, возникающих в среде активистов. "Обсуждения и споры, которые ведут шахтеры, направлены не на самовыражение... но прежде всего на поиск эффективного решения, на возможно более полный учет всего практически полезного в разных взглядах"¹¹.

В социально-политической психологии интегративная тенденция, деятельность по созиданию и воспроизводству действующей человеческой общности, разумеется, может возникать и развиваться только на основе определенных социальных ценностей, общественных или политических целей. Этим такие общности отличаются, например, от общностей культурных, объединяемых не какими-либо общими целями, но лишь стилем жизни и поведения (например, молодежных группировок вроде хиппи или рокеров).

В России конца 80-х–начала 90-х годов массовые демократические движения возникли на волне протеста против власти КПСС и командно-бюрократической системы, сохранявшихся в условиях реформ сверху, проводимых партийно-государственным руководством СССР. Их застрельщиками были люди, еще до возникновения движения психологически ориентированные на борьбу с системой: диссиденты, наиболее непокорные и сопротивляющиеся начальству наемные работники. "Так дальше жить невозможно" – таков наиболее осознанный мотив участников движений. Их общими и довольно абстрактными ценностями были свобода, демократия, рыночная экономика. Общность, выступавшая в форме движения, воспринималась как орудие общественного действия, борьбы, способной изменить общественно-политическую ситуацию.

⁹ Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Указ. соч. С. 77.

¹⁰ Новые социальные движения в России. С. 39.

¹¹ Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Указ. соч. С. 77.

Главной же целью как для участников политических движений, так – в значительной мере – и для нового рабочего актива было свержение власти КПСС.

Нравственно-эмоциональная основа мотивации

Дальнейшая судьба этих движений позволяет лучше понять их главные социально-психологические характеристики. После августовского путча 1991 г. и ухода КПСС с политической сцены непосредственная политическая цель демократического движения была достигнута. Для "Демократической России" это означало кризис целей – дальнейшее осуществление демократических и рыночных преобразований стало функцией президента и правительства. Значительные трудности испытало и независимое рабочее движение: если на первых этапах его борьба за экономические и социальные интересы трудящихся естественно сливалась с борьбой против коммунистической власти, то с приходом к власти демократов идейно-политические установки рабочих лидеров побуждали их к поддержке правительства Ельцина–Гайдара, а ухудшение положения трудящихся под влиянием проводимых реформ ограничивало возможности такой поддержки. Обнаружилась слабость когнитивной составляющей всего демократического движения: вынужденное перейти от борьбы "против" к участию в конструктивной работе, в создании новых общественных отношений, оно оказалось к этому не готовым, не смогло занять самостоятельную ясную позицию в тех ожесточенных политических схватках, которые развернулись вокруг темпов и методов проведения реформ.

Движение, ориентированное лишь на конкретные цели и не способное после их достижения выдвинуть новые, обречено на распад и исчезновение. В России демократическое движение испытало глубокий кризис; по своему влиянию, способности организовать массовые акции, политическим связям "Демократическая Россия" мало напоминала весной 1994 г. ту мощную силу, которая практически сорвала августовский путч. Но говорить об исчезновении движения было бы неверно: сохранилось ядро активистов, которые были его цементирующей силой с момента возникновения. И хотя эти люди в значительной мере дезориентированы и не имеют – особенно после декабрьских выборов 1993 г. – сколько-нибудь ясной программы действий, они вносят свой вклад в политическую жизнь. Об этом свидетельствует хотя бы та роль, которую демократы сыграли в избирательной кампании либеральной политической группировки "Выбор России", получившей, несмотря на поражение на выборах по партийным спискам, наиболее многочисленную фракцию в Государственной думе. А также те усилия, которые предприняли лидеры "Выбора России", чтобы привлечь демороссов во вновь сформированную ими в 1994 г. партию.

Чем же объяснить относительную устойчивость активного ядра движения, хотя и сильно сократившегося за годы реформ, его выживаемость в крайне трудных и неблагоприятных условиях, при отсутствии общепризнанных популярных лидеров, разработанной идеологии и программы, при постоянных внутренних конфликтах и расколах

высшего руководства? Думается, что главной причиной является *прочность ценностной ориентации* этой общности: ценности, глубоко интериоризованные активистами, позволили им сохранить свою сплоченность и верность движению. Причем речь здесь идет не столько о таких программных общественных ценностях, как демократия и рынок, которые с самого начала носили во многом абстрактно-символический характер и в значительной мере поблекли под влиянием опыта 1992–1994 гг. Большее значение имеют нравственные ценности, моральный долг, формирующий установку личности на сильное, но активное вмешательство в процессы, происходящие в обществе, готовность противостоять явлениям, эмоционально воспринимаемым как негативные, противоречащие принятым ею нормам и идеалам. Общие идейно-политические установки играют в этой психологической ситуации как бы роль когнитивного ориентира, помогающего осознать, рационализировать имеющие нравственное происхождение эмоции, потребность в "правильном", нравственном общественном устройстве. Именно о такой основе мотивации демократических активистов свидетельствует характерное для многих из них отталкивание от участия в институциональной, т.е. партийной, парламентской политике, хотя они и признают ее необходимой, оказывают поддержку близким им по ориентации политикам, проводят их избирательные кампании. Отторжение политики они сами объясняют сомнением в возможности ее соединения с нравственностью. Пытаясь объяснить свое представление о роли движения по сравнению с политическими партиями, один из активистов "Демократической России" сказал: "партия – это механизм, который работает, а движение – это совесть, которая, наверное, не должна что-то делать, она должна предупреждать человека о том, чего делать не нужно"¹².

3. Вовлеченность в общественно-политическую жизнь и проблема группового субъекта

*Субъектные
и субъекто-
образующие
группы*

Выше были рассмотрены формы *личностной* вовлеченности людей в общественно-политические процессы. Очевидно, что подход к феномену вовлеченности и, говоря шире, к проблеме выбора социально-политической позиции, так сказать, со стороны личности является необходимым, но в то же время недостаточным. Человек активно вовлекается в общественную жизнь и в политику не в качестве изолированного индивида (такие случаи возможны лишь как редкое исключение), но путем установления формальных и неформальных, социально-психологических связей с другими людьми, с общностью. Или, как мы видели на примере массовых движений, участвует в создании такой общности. Поняв, кто и почему вовлекается в ту или иную общность или создает ее, мы должны еще выяснить, что представляет собой сама эта общность, каковы

¹² Новые общественные движения в России. С. 29.

психологические механизмы ее возникновения, функционирования и эволюции, ее социально-психологические качества, например уровень сплоченности, гомогенности, способность к активным действиям. Ибо действующая общность – это не механическая сумма индивидов, но особое относительно самостоятельное образование, обладающее своими собственными психологическими свойствами и оказывающее обратное влияние на индивидуальную психологию.

Ставя вопрос таким образом, мы подходим к проблеме *группового субъекта* социально-политической психологии. Как отмечалось в другом месте книги, группа, как и личность, является наделенным собственной психологией действующим лицом на общественной и политической сцене.

Социальная группа – одно из основных понятий общественных наук. При этом разные научные дисциплины и школы подходят к определению и классификации групп со своих собственных теоретико-методологических позиций. Группы различают по объему: большие, малые, среднего уровня, по объективному месту в системе производственных отношений (классы в марксистском понимании этого термина), по другим социально-экономическим критериям (уровень дохода, профессии), этнонациональным, географическим, культурным признакам. В контексте данной работы наибольший интерес представляет подход к группам как субъектам общественно-политического действия и классификация их именно по этому критерию.

Наиболее полно и последовательно черты субъектности выражены у тех групп, которые самым принципом, мотивами и целями своего объединения непосредственно вовлечены в общественную и политическую жизнь. Такие группы различаются по масштабам: они могут быть малыми, или контактными, – например, политические "команды", лидирующие группировки и низовые ячейки партий, движений, политических течений, парламентские фракции – и относительно большими: членский состав и активные сторонники партий и движений, члены профсоюзов и других массовых общественных организаций. Многие из таких функционально вовлеченных групп являются институциональными: например, политическая партия, особенно если она имеет свой фиксированный членский состав, является одновременно и политическим институтом и группой большего или меньшего объема. То же самое можно сказать о государственном аппарате, хотя его роль как субъекта социально-политической деятельности неодинакова в различных национально-исторических ситуациях. В тех странах, где, как отмечалось выше, политики (депутаты, министры и другие высшие руководители) четко отделены от чиновников, исполнительный аппарат психологически характеризуется инструментальной или в наиболее квалифицированной своей части профессиональной вовлеченностью в политику и оказывает влияние в основном лишь на технические (как делать), но не принципиальные политические решения (что делать). В странах с неразвитой партийно-политической структурой (например, в России, во многих странах третьего мира) госаппарат превращается в мощную и

самостоятельную политическую силу, наиболее влиятельную часть политической элиты.

Непосредственным субъектом общественно-политической деятельности являются и те институциональные организации, которые формируются с целью защиты интересов социальных групп, существующих вне и независимо от сферы такой деятельности. К ним относятся предпринимательские, профсоюзные, лоббистские, этнонациональные (обычно представляющие национальные меньшинства), молодежные и другие неполитические общественные организации. В социологической и политологической литературе их нередко называют "группы интересов" или "группы давления". Они, несомненно, участвуют в общественно-политической жизни, но в основном вмешиваются в решение лишь тех вопросов, которые непосредственно затрагивают представляемую ими социальную или профессиональную категорию. Правда, в определенных, особенно кризисных ситуациях общественно-политическая роль таких организаций, как предпринимательские или профсоюзные, может резко возрасти, в некоторых же странах профсоюзы составляют массовую базу политических партий. Однако поскольку речь идет о массовых общественных организациях, субъективно вовлеченными в общественно-политическую жизнь являются в них – по крайней мере в большинстве случаев – лишь лидеры, активисты и работники аппарата. Основная же масса в основном играет роль потенциальной и часто довольно пассивной "базы поддержки" этих лидирующих группировок, а часто и вовсе не связана с ними психологически.

Более сложно оценить "субъектность" тех больших общественных групп, которые различаются по своему положению и месту в социальной структуре общества, а также по национальной или национально-государственной принадлежности. К ним относятся нации, классы, социальные слои (страты). Поскольку такие группы существуют независимо от воли образующих их людей, их можно называть "объективными".

В марксистской, да и не только в марксистской, литературе о классах, о "народных массах" принято говорить как о реальных субъектах исторического процесса, наделять их волей, мотивами, целями. Несомненно, любая большая социальная группа обладает определенными потребностями и интересами. Очевидно и то, что эти потребности и интересы оказывают громадное воздействие на политическую деятельность; институты власти не могут существовать, опираясь только на насилие, не имея активной или пассивной поддержки тех или других групп общества. Без такой поддержки не могут возникать и действовать сколько-нибудь влиятельные общественные и политические организации. В современном обществе любое политическое решение принимается в интересах каких-то групп общества.

Все это, однако, не означает, что "объективные" массовые группы являются субъектами общественно-политической деятельности в том же смысле, что институты, организации и индивиды, специально этой деятельностью занимающиеся. Прежде всего потому, что большая

часть масс большую часть времени не думает об общественно-политических проблемах и крайне мало и спорадически участвует в каких-либо общественных и политических действиях. В политических партиях почти во всех странах участвует лишь незначительное меньшинство населения.

Не могут большие "объективные" социальные группы быть субъектом и по другой причине. Имманентным качеством субъекта является способность осуществлять целеполагание и целенаправленную деятельность; чтобы выступать в роли "единицы действия", субъект должен обладать минимумом психологического единства, целостности. Лебедь, рак и щука из басни — это, несомненно, группа, но, конечно же, не субъект. Политическая группа, будь то "команда", фракция, партия или государственный орган, состоит из людей, которые могут иметь разные позиции по тем или иным вопросам, но они не могли бы действовать на политической арене, если бы не обладали тем минимумом единства воли, который необходим для принятия и осуществления решений. Большие национальные и социально-экономические группы такой целостностью не обладают. У них, несомненно, есть свои интересы, но входящие в них люди осознают и понимают эти интересы по-разному. Принято считать, что если арифметическое большинство группы, например взрослого населения страны, проголосовало за какое-то решение (утвердить конституцию, выбрать президентом определенного кандидата), оно тем самым выразило свою волю. Однако такое толкование верно лишь с точки зрения юридически закрепленной конвенциональной нормы ("правило 51%"), но сомнительно с точки зрения строгого социологического и социально-психологического анализа. Ибо оно сбрасывает со счета мнение проголосовавших иначе или не участвовавших в голосовании избирателей, которые, в зависимости от норм закона о выборах, могут составлять около половины или даже большинство электората. Субъектом такого решения в действительности является не группа, а лишь та ее часть, которая в соответствии с принятыми юридическими правилами считается достаточной для его принятия. На любых демократических выборах голоса членов больших социальных групп — избирательного корпуса в целом, классов, профессиональных и других сообществ раскалываются между кандидатами от разных партий: это свидетельствует о том, что ни одна из таких групп не имеет ни единого представления о своих интересах, ни единства воли, необходимого субъекту действия.

Итак, большие группы, существующие на основе объективной экономической, социальной, этнической, национальной, демографической дифференциации людей, не являются в строгом смысле субъектами социально-политической психологии и регулируемой ею деятельности. Это, однако, не значит, что психология и действия реальных субъектов независимы от тех социально-психологических процессов, которые происходят внутри таких групп, от осознаваемых на основе внутригруппового общения общих потребностей и стремлений входящих в них людей. Ходячее выражение: "такая-то партия или политик выражают интересы такого-то класса, слоя и т.д." весьма неточно, ибо они

выражают, во-первых, не только эти, но и свои собственные интересы, во-вторых, выражают групповые интересы по-своему, в соответствии с собственным пониманием, не обязательно разделяемым группой как целым. Но данное выражение не вовсе лишено смысла, ибо конкретное содержание политических решений и политического курса, деятельность общественной организации в той или иной мере формируется из содержания реальных социальных интересов. Когда большевики в 1917 г. совершили политический переворот в России, они стремились захватить власть и осуществить общественные преобразования, которые, следуя своей идеологии, считали соответствующими интересам "пролетариата". Но, выдвигая лозунги выхода из мировой войны и передачи земли крестьянам, они использовали реальные интересы громадной массы населения страны. В демократических странах любая претендующая на массовое влияние партия включает в свою программу осмысленные и сформулированные ею групповые интересы, отражающие те настроения и предпочтения, которые рождаются на массовом уровне, и в то же время пропагандируют в массах свое понимание этих интересов.

Не представляя собой непосредственных субъектов общественно-политической деятельности, "объективные" (социально-экономические, национальные, демографические, территориальные) группы формируют необходимые социальные и психологические условия и предпосылки деятельности таких субъектов, соединены с ними системой прямых и обратных связей. Поэтому такие группы можно назвать *субъектообразующими*. Эту субъектообразующую роль разные макрогруппы выполняют в весьма различной степени. Например, в дореформенной царской России у крепостного крестьянства она была близка к нулю, а у дворянства и особенно у аристократической его части относительно высокой. У рабочего класса развитых стран в середине XX в. она была значительно большей, чем на ранних этапах индустриализации. У наций, обладающих демократическим государственным устройством, субъектообразующие функции развиты на порядок выше, чем у тех, которые живут в условиях деспотического или тоталитарного режима.

В данной связи стоит заметить, что современную представительную демократию вообще можно охарактеризовать как систему, создающую оптимальные условия для субъектообразующей деятельности массовых социальных групп. Такое определение может показаться излишне усложненным, однако оно, возможно, более адекватно, чем основанное на буквальном понимании слова "демократия" – власть народа. В условиях парламентского или президентского режима власть осуществляет не народ, а политическая элита, которая в социальном и психологическом отношениях не тождественна и не может быть тождественной ни с народом в целом, ни с одной из образующих его массовых групп. Как свидетельствует опыт демократических стран, не может быть такого тождества и между "народными избранниками" и избирателями. Однако в зависимости от конкретных национально-исторических ситуаций эти массовые социальные группы могут оказывать

большее или меньшее влияние на субъектов власти, в большей или меньшей степени осуществлять по отношению к ним субъектообразующую функцию.

Уровни групповой общности

Масштабы осуществления этой функции зависят не только от характера политического строя, но и от определенных социально-психологических качеств массовых социальных групп. Главным детерминантом субъектообразующей способности групп является *характер внутригрупповых связей*.

Наименее развиты эти связи у групп, которые могут быть определены как **типологические**. Их общность – как, например, у тех же русских крестьян середины XIX в. – выражается главным образом в типологическом сходстве социальных, социально-психологических и культурных черт входящих в них людей. Их групповые связи замыкаются в основном в рамках непосредственной социальной среды – семейной, локальной. У таких групп могут быть общие культура, морально-этические нормы и ценности, обыденная жизненная философия, но у них нет институтов и организаций, способных представлять их на общественно-политической арене, нет и своей ориентированной на целенаправленное действие системы социально-политических воззрений.

Более высоким уровнем развития внутригрупповых связей отличаются **идентификационные** группы. Эти группы обладают групповым самосознанием: они идентифицируют себя как общности социэталного, национально-государственного или регионального масштаба, у входящих в них людей имеются определенные (хотя и различные) представления об общегрупповых интересах и потребностях. Однако они не владеют механизмами и процедурами систематизации этих потребностей и интересов, их "перевода" на язык социально-политических программ и концепций, формирования в своих собственных рамках общностей, способных действовать на социэталной и политической арене. Настроения и потребности таких групп учитываются различными политическими силами и используются в политической борьбе, но сами они отчуждены от всех этих сил, не делегируют защиту своих интересов какой-либо из них. К данному типу относится большинство массовых социальных групп постсоциалистического российского общества – прежде всего рядовые наемные работники, но также и частники – предприниматели, которые в своем большинстве не определились в социэтално-политическом пространстве, не верят ни государственной власти, ни партиям, не имеют представительных и влиятельных корпоративных организаций.

Высшего уровня внутригрупповых связей достигают группы, обладающие качеством *солидарности*. Оно выражается в том, что большая или, во всяком случае, значительная часть группы проявляет способность к объединению на общей идейно-политической платформе и формированию своих собственных институтов и организаций. Таким уровнем общности обладают во многих странах различные слои

предпринимателей, некоторые этнонациональные группы. В современной России к этому уровню ближе всего основная часть государственной бюрократии: ее платформой, правда, нигде полностью и открыто не сформулированной, является защита своих властных prerogatives; ей не надо создавать каких-то особых групповых организаций, так как она изначально организована самим аппаратом государства.

Предлагаемая типология, разумеется, весьма условна, ее задача – моделировать зависимость субъектообразующей функции группы от интенсивности и структуры внутrigрупповых связей. В реальной жизни названные типы редко существуют в чистом виде, скорее преобладают "промежуточные" группы, объединяющие черты "соседних" типов.

По сравнению с "объективными" массовыми группами гораздо более развитыми субъектообразующими и иногда субъектными качествами обладают добровольные общественные и политические ассоциации. Поскольку они создаются ради достижения каких-то политических целей или систематического отстаивания определенных социальных интересов, целеполагание и целенаправленная деятельность – необходимое условие их существования. Однако вопрос о том, насколько такие ассоциации могут выступать в роли *массового* субъекта, не имеет однозначного ответа – вернее, он зависит от конкретных ситуаций.

Это хорошо видно на примере политических партий. В обществах, где существует политический плюрализм, они представляют собой добровольные ассоциации, обладающие довольно сложной, многоуровневой структурой. Если говорить только о крупных, имеющих массовое влияние партиях, их политика осуществляется на основе взаимодействия таких малых, средних и больших групп, как лидеры, актив, партийный аппарат и масса относительно устойчивых сторонников и избирателей. В партиях с фиксированным членством просто сторонники отличаются от обладателей партийных билетов. Субъектные качества ярко выражены у лидеров, актива, партийных деятелей разного уровня, что же касается рядовых членов партий, дело обстоит по-разному. В партиях, требующих от своих членов высокого уровня политической мобилизованности и дисциплины (например, в организованных по принципу "демократического централизма" массовых компартиях), рядовые партийцы активно участвуют в политической деятельности. В других массовых партиях членство носит чисто формальный характер (например, в британской лейбористской партии, в которой существует коллективное членство профсоюзов, рядовые члены последних чаще всего никак не участвуют в партийной работе). Такие пассивные или формальные члены партий, как и массы сторонников и избирателей, представляют собой субъектообразующие группы: чтобы сохранить их поддержку, партийное руководство должно учитывать их настроения и позиции по конкретным политическим проблемам, но они не являются активно действующими лицами на политической сцене. Такие же различия существуют и между массовыми неполитическими общественными организациями: одни из них отличает высокая массовая актив-

ность, в других масса выполняет функцию пассивной (и не всегда устойчивой) "базы поддержки" активного ядра.

Движения как субъект социально-политической психологии

Означает ли все сказанное выше, что *массового группового субъекта* социально-политической психологии, общественного и политического действия вообще не существует? Напротив, можно утверждать, что такой субъект не только вполне реален, но и играет ключевую роль во всем общественном развитии.

Ими являются *массовые социальные и политические движения*. Выше проблемы движений затрагивались в связи с вопросом о психологии их активистов. Теперь же попытаемся дать краткую характеристику социально-психологических параметров данного феномена.

Один из наиболее известных исследователей социальных движений французский социолог А. Турен считает их действующими лицами ("актерами") процесса самопроизводства общества. Смысл этой идеи заключается в том, что движение есть такая форма коллективной деятельности, посредством которой социальные общности устанавливают, по выражению Турена, "контроль над историчностью", т.е. вмешиваются в ход истории. Это вмешательство становится возможным потому, что социальные движения носят конфликтный и наступательный характер: они оспаривают те или иные параметры существующих общественных отношений и культурных моделей и тем самым выступают как факторы изменений¹³.

Социальные движения являются массовым групповым субъектом, хотя они и не подходят под определение группы как имеющей определенные границы и относительно устойчивой общности людей. Общность, охватываемая движением, обычно чрезвычайно подвижна: состав его участников постоянно меняется, то расширяясь, то сужаясь; форма его существования – более или менее спорадические акции, которые могут многократно возникать и прекращаться в течение более или менее длительного времени, но могут быстро и необратимо пойти на убыль, затухнуть вместе с самим движением. Эти черты движения объясняются их массовым характером: масса не в состоянии вся сразу и в течение длительного времени отдаваться общественной или политической деятельности.

Вместе с тем именно эти особенности движений позволяют им выступать в роли подлинного массового субъекта и фактора социально-политических изменений. Движение – это действие, а действие, в котором непосредственно участвует масса, способно оказать гораздо более сильное и быстрое влияние на ситуацию, чем пассивные, институциональные формы вовлеченности масс в общественно-политическую жизнь (как, например, голосование на выборах). Движение выражается в таких действиях, как забастовки, демонстрации, митинги, и если масса их участников достигает некоей критической точки, в стране,

¹³ См.: Турен А. Введение к методу социологической интервенции // Новые социальные движения в России. С. 9–10.

городе или регионе возникает принципиально новая психологическая атмосфера, которая становится самостоятельным фактором политических решений.

Мы не можем здесь обстоятельно рассматривать социально-психологические механизмы динамики общественно-политических движений, их мотивационные, когнитивные, аффективные и другие аспекты¹⁴. Социология и социальная психология общественных движений – весьма широкое направление научных исследований, в его рамках сформировалось немало школ и концепций. Стоит отметить, что попытки обосновать некую общую теорию движений или их типологию наталкиваются на трудности, связанные с чрезвычайным многообразием этого феномена. История знает как движения, ориентированные на достаточно определенные программные цели, так и таких целей не имеющие, выражающие лишь протест против тех или иных институтов, социальных явлений; движения "против" и движения "за"; хорошо организованные и стихийные. С точки зрения рассматриваемого здесь вопроса о групповых субъектах социально-политической психологии, важно прежде всего понять, чем движение психологически отличается от других видов массовых общностей и как оно соотносится с другими ее субъектами.

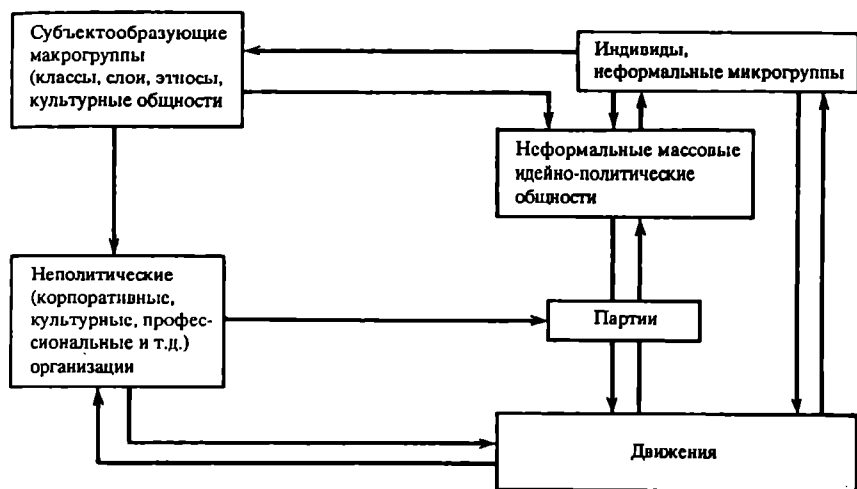
В отличие от социально-экономических, культурных, региональных, этнических, профессиональных групп, движение представляет собой общность, объединенную общим действием. Такое действие означает сближение людей, интенсификацию социально-психологических связей общения между ними, причем связей, не "заданных" обстоятельствами, не навязанных общей судьбой, но конструируемых ими самими. В движениях проявляются не только те конкретные потребности и интересы, которые приводят к их возникновению, но и глубинная социально-интегративная потребность, присущая человеку. Мы видели ее проявление у активистов движения, но и основная масса их участников испытывает то же ощущение слитности с большей общностью людей, способной "действовать вместе", активно вмешиваться в ход событий. В движении личность на какое-то время преодолевает свою изоляцию, отчуждение от других, незнакомых людей и в то же время возрастает ее чувство социального достоинства – человек ощущает себя частью коллективной силы. С этим связан тот повышенный эмоциональный тонус, который обычно характеризует массовые акции.

Массовое движение может возникать как принципиально новая общность, черпающая своих участников из различных социальных групп, и может быть связана генетически с интересами какой-то определенной социальной или этнической группы. Примером движений первого типа могут служить экологические движения, второго –

---

¹⁴ В отечественной литературе психологии общественных движений посвящен большой раздел книги А.И. Юрьева "Введение в политическую психологию". См. также: Диллигенский Г.Г. Феномен массы и массовые движения // Рабочий класс и совр. мир. 1987. № 3.

*Субъектообразующие и субъектные общности:
генетические и структурные связи*

Рис. 1

массовое рабочее движение. По отношению к нему рабочий класс является субъектообразующей группой. Другие субъекты социально-политической психологии – партии, группы активистов могут быть зачинщиками и организаторами движений, а в других ситуациях создаются самим движением, представляют собой его продукты. Например, многие социал-демократические и коммунистические партии возникли из рабочего движения, были его частью, и лишь затем отделились от него, превратились в самостоятельные политические институты.

Различные виды связей – генетических и структурных – между различными субъектообразующими, субъектными общностями и движениями иллюстрируются приводимой ниже схемой (см. рис. 1).

В науке идут споры, совместима ли деятельность движений с их институционализацией. Многие исследователи утверждают, что движения и социальные и политические институты – взаимоисключающие феномены, превращение движения в институт убивает его, так как лишает его главной сущностной характеристики – способности воплощать свободную, никем не контролируемую и не регулируемую творческую самостоятельность масс.

В действительности отношение между институтами или организациями и движениями, очевидно, определяется конкретной ситуацией. Отделение движений от институтов – прежде всего от политических партий – явление, типичное для стран со сложившейся и относительно устойчивой социальной и партийной структурой, где партии имеют налаженные связи с субъектообразующими группами, что позволяет им представлять различные социальные интересы. В этих ситуациях движения как бы сигнализируют о проблемах и потребностях,

ощущаемых массами, но недостаточно осознанных политической элитой, и выступают "мотором изменений": их напор заставляет вносить коррективы в институциональную политику, а подчас приводит и к существенным изменениям в партийной структуре и в составе политической элиты. В случае превращения движений в институты это "разделение труда" нарушается, и массы теряют возможность непосредственного вмешательства в политику. В этой связи весьма характерны те мучительные сомнения и противоречия, которые испытывали в ряде стран движения "зеленых", когда перед ними возникла перспектива превращения в обычные парламентские партии.

Иная ситуация складывается в тех странах, где в связи с процессом ускоренной модернизации или перехода от государственной к рыночной экономике происходит бурная ломка старых структур и далеко еще не завершившееся формирование новых. В этой ситуации еще нет условий для функционирования партий, обладающих устойчивыми социальными связями, и воздействие массовых слоев на политику может осуществляться в основном в форме социально-политических движений. Если существующие в этих странах партии не связаны с такими движениями, они превращаются в не имеющие сколько-нибудь устойчивой социальной базы группки политиков, занятых борьбой за власть и неспособных к проведению устойчивого политического курса. Чтобы выжить и приобрести статус реальной политической силы, партии, действующие в подобной ситуации, нередко стремятся подвести "под себя" массовые движения, мобилизация путем организации массовых акций потенциальных сторонников заменяет им организованную систему связей с обществом. В посттоталитарной России такие попытки – в основном не особенно успешные – инициирования массового движения особенно характерны для национал-патриотических и коммунистических группировок.

В ряде стран третьего мира феномен "партии-движения" стал типичной чертой политической жизни; характерно, что многие ученые из этих стран решительно отрицают дуалистический тезис "или движение, или институт", отстаиваемый западными социологами.

Российский опыт, с одной стороны, демонстрирует громадную роль массовых социальных и политических движений в обществе переходного периода, а с другой – крайнюю нестабильность, которую вносит в общественное развитие "волнообразная", по схеме "подъем-спад" динамика этих движений. Кризис и спад демократического движения после августа 1991 г. явился одним из решающих факторов неустойчивости политической ситуации и курса, проводимого руководством страны. "Организовать" массовое движение сверху, разумеется, невозможно, но демократические политические организации и властные структуры могут создавать "благоприятную среду" для их нового подъема, поддерживать те инициативы снизу, которые идут в этом направлении. В большинстве случаев политическая элита, в том числе ее группы, в свое время вышедшие из демократического движения, занимали противоположные позиции. Один из примеров – игнорирование этими группами и властными структурами в целом нового рабочего движения

и его профсоюзных организаций, предпочтение, оказываемое ими "официальной" профсоюзной федерации – институту, унаследованному от тоталитаризма и имеющему мало общего с массовым движением.

Массовый субъект общественно-политической жизни – движения, несомненно, во многих отношениях неудобен для любой власти и связанных с ней политических институтов, воспринимается ими как дестабилизирующий фактор. Однако, если стратегические цели этих институтов и движений совпадают, противодействие движениям, отказ от диалога с ними (при всех его сложностях) равносителен запрету на непосредственное участие масс в выработке и осуществлении политического курса. Такое противодействие может способствовать частичной и конъюнктурной стабилизации социально-политической ситуации, но является фактором углубления ее структурной, долгосрочной нестабильности. Ибо она делает политический курс страны игрушкой в руках отчужденных от общества соперничающих политических "команд" и клик.

4. Психологические основы политических ориентаций

*Понятие
политической
ориентации*

В первых трех главах книги были рассмотрены те когнитивные и мотивационные механизмы, взаимодействие которых формирует отношение людей к общественно-политической действительности, их социальные и политические установки.

Было показано также, как совокупность различных установок объединяется в целостную систему, характеризующую личность как субъекта социально-политической психологии, как взаимодействуют ценностные, когнитивные, аффективные и поведенческие составляющие этой системы. Теперь нам предстоит уяснить каким образом все эти процессы влияют на выбор людьми позиции и линии поведения в общественно-политической сфере.

Иначе эту задачу можно сформулировать так: если до сих пор мы рассматривали различные процессы, происходящие в сфере социально-политической психологии, то теперь речь пойдет о конечном выходе, или "продукте" этих процессов, определяющем направленность общественно-политического поведения людей. Таким продуктом являются *политические ориентации* – представления людей о соответствующих их потребностям целях политической деятельности и приемлемых для них средствах достижения этих целей.

Политические ориентации отличаются от идейно-политических концепций, программ партий и течений, изучаемых политологией, историей общественной и политической мысли. Политическая идеология есть продукт общественного сознания – система вербализованных воззрений, выражаемых на языке абстрактных понятий, фиксирующих ценности и цели, направляющие общественно-политическую деятельность. Ориентации представляют собой социально-психологическое образование; словесно выражаемые идеи и ценности в той или иной степени сочетаются в них с неосознанными или не вполне осознанными предпочтениями и мотивами, которые люди переживают на

эмоциональном уровне. Как показывают многочисленные эмпирические исследования, целостные системы воззрений присутствуют в сознании лишь меньшинства членов общества, ориентации же распространены в гораздо более широкой массе. Часто употребляемый термин "массовое сознание" в свете сказанного нельзя считать вполне адекватным, под этим понятием в сущности подразумевается сочетание продуктов сознания и неосознанных психологических тенденций.

Ориентации и концептуальные воззрения не разделены какой-то четкой гранью, они взаимосвязаны и частично сливаются друг с другом. Осознанные системы воззрений, теории, идеологии имеют психологические источники и психологическое содержание и в то же время выступают в качестве фактора формирования массовых ориентаций, их утверждения и распространения в толще общества. Источники ориентаций имеют двойственный характер: их порождает взаимодействие собственных мотивов и эмпирических знаний людей и усвоенных ими идейно-политических концепций. В когнитивном отношении они близки рассмотренным в главе книги социальным представлениям и отличаются от них тем, что помимо знаний содержат ценностные, аффективные и поведенческие установки в отношении явлений общественно-политической жизни.

Формы и уровни политического выбора

Выбор людьми политических ориентаций – одна из центральных тем политической социологии и психологии. Рассматривая возникающие в данной связи проблемы, приходится сразу же констатировать, что само понятие "выбор" далеко не самоочевидно. Его смысл более или менее ясен, поскольку речь идет о современных демократических обществах, где сосуществуют и свободно распространяются различные системы политических взглядов, где положение "политического человека" сходно с ситуацией потребителя в условиях свободного рынка: он "покупает" идейный и политический "товар", наиболее соответствующий его предпочтениям. Но о каком "выборе" можно говорить в условиях крепостной России или сталинского социализма? На первый взгляд может показаться, что понятие выбора релевантно только определенным, довольно ограниченным во времени и пространстве историческим ситуациям. На самом деле это не так. Даже в условиях абсолютной социальной и политической несвободы люди производят определенный психологический выбор: человек может интериоризировать свою несвободу, превратить фиксирующие ее социальные и политические нормы в свою собственную ориентацию и может внутренне отвергать ее, даже если у него нет возможностей выразить ее неприятие в каких-то общественных или политических акциях. Выбор в таких случаях выражается в эмоциональном восприятии данной системы отношений, в индивидуальной линии поведения в рамках этой системы. Среди американских негров-рабов были "дяди томы", искренне преданные своим хозяевам, были и такие, которые, рискуя жизнью, убегали в свободные штаты. Такие же психологические и поведенческие различия существовали в среде русских крепостных крестьян.

Конечно, поведение крепостного, убежавшего от барина в разбойники или в казаки, трудно назвать политическим выбором, но, скажем, массовые бунты, поднимавшие крестьян на вооруженную борьбу с властями, – это уже стихийная политическая акция. Психологическое родство этих явлений очевидно – в их основе определенная позиция в отношении существующей системы власти, неприятия освящавших ее патерналистских ценностных норм ("власть от Бога", "вы наши отцы, мы ваши дети"). Очевидно, также, что это неприятие может различаться по формам и уровням своего проявления – от скрытых, внутренних эмоций (ненависти к носителям власти, отчуждения от них) до активного индивидуального или группового поведения. В условиях жестко репрессивной системы протестующее поведение доступно в обычной ситуации лишь ограниченному меньшинству выделяющихся по своим психологическим свойствам индивидов – таким, например, как те героические одиночки, которые пытались бороться против сталинского режима, а впоследствии, как диссиденты брежневского периода. В условиях деспотически организованных общественных систем латентное неприятие распространено в относительно широких слоях общества и проявляется не только в скрывааемых от всех переживаниях, но и в определенных формах коммуникативного поведения (например, массовое слушание "плохих голосов" и "кухонные" политические дискуссии в Советском Союзе) и культурного творчества, особенно в "смеховой культуре", комически занижавшей образы носителей власти (фольклор, политические анекдоты).

В целом можно утверждать, что психологический общественно-политический выбор происходит так или иначе при всех политических системах (т.е. таких общественных отношений, которым присуще наличие институтов власти). От характера системы и политической культуры зависят возможные формы и уровни такого выбора. В одних исторических ситуациях он ограничивается принятием дисперсных аффективных и поведенческих установок, в других выбором отдельных социально-политических ценностей, например, в рамках альтернативы: является ли воля монарха–властителя высшим законом или он должен сам подчиняться правовым нормам. В этих случаях имеют место до- или предориентационные формы выбора. Высшей его формой является идентифицирующая ориентация, означающая, что человек сознательно отождествляет себя с какими-то системами ценностей, неформальными или институционализированными типами воззрений и политического поведения. Для идентификации могут использоваться как реально существующие, так и воображаемые, мифологические идейно-политические системы. Так советские "фронтеры-шестидесятники" и многие сочувствующие им граждане отождествляли себя с мифическим ленинским, сиречь "подлинным", социализмом, а их противники-сталинисты с вполне реальной политической практикой тоталитаризма.

Общественно-политический выбор характеризуется не только своими исторически обусловленными формами, но и уровнем проявляемой в нем индивидуальной и групповой активности осуществляющих выбор людей. С этой точки зрения его можно оценивать по двум типам

критериев. Во-первых, по отсутствию или наличию творческого компонента в политическом самоопределении индивидов и групп: осуществляется ли выбор из уже имеющегося набора ориентаций и позиций или дополняется их модификацией, развитием, внесением новых элементов. В странах Запада 60–80-е годы, а в СССР и России перестроечный и постперестроечный период были временем бурного обновления старых и созидания новых идейно-политических ориентаций, в котором принимали участие не только политики и идеологи, но и обычные граждане, испытывавшие потребность в самоопределении в условиях резко меняющихся социальных и культурных реалий.

Во-вторых, выбор может быть групповым или индивидуальным. В тех случаях, когда индивид тесно связан психологически с социально-культурной группой, имеющей определенные идеологические и политические предпочтения, он часто автоматически, не размышляя, принимает свойственные ей ориентации. Этот автоматизм закладывается в период ранней политической социализации, когда ребенок на веру принимает все, чему его учат окружающие взрослые, и воспроизводится в случае сохранения устойчивых связей человека со средой происхождения. Он не обязательно равнозначен консерватизму – верности унаследованным от прошлого воззрениям. Групповые ориентации нередко меняются под влиянием перемен, происходящих в обществе, и многие психологически интегрированные в группу индивиды как бы незаметно для себя, автоматически усваивают эти изменения.

Для англосаксонских стран, отличающихся стабильной партийной системой, характерен феномен традиционной партийной приверженности: семья или локальная социальная группа в течение ряда поколений поддерживают одну и ту же, "свою" партию, независимо от тех изменений, которые претерпевает ее программа и политика. Групповой характер носила идейно-политическая эволюция части российской интеллигенции в периоды застоя и перестройки: следуя своим идейным лидерам и не обременяя себя самостоятельным размышлением, многие ее представители переходили от латентной оппозиционности режиму к горбачевскому "социалистическому" антитоталитаризму, затем ельцинскому радикальному антикоммунизму и рыночному либерализму и наконец, разочаровавшись в Ельцине и Гайдаре, – к демонстративной тотальной оппозиции институтам власти.

Нелишне, наконец, отметить, что выбор ориентации далеко не всегда и не у всех бывает определенным и законченным. Феномены политической дезориентированности и вакуума политических представлений существуют в различные эпохи, усиливаясь в наиболее сложные и переломные периоды общественного развития.

Факторы выбора: психология и история

Разговор об исторической обусловленности форм общественно-политического выбора подводит к теоретической проблеме, не всегда четко осознаваемой исследователями, но имеющей фундаментальное значение для социально-политической психологии. Речь идет о соотношении общечеловеческого и конкретно-исторического в той совокупности явлений и процессов, которую мы

обозначили этим понятием. С одной стороны, очевидна тесная связь содержания социально-политической психологии с политической системой и политической культурой и, следовательно, его исторический характер. Аргументы в пользу этого тезиса можно почерпнуть в тех научных теориях, которые обосновывают историческую эволюцию субъекта психологии – человека, личности (о некоторых аспектах этой эволюции см. главу II).

С другой стороны, даже и не проводя глубоких исследований, легко заметить поразительное сходство многих психологических механизмов и процессов общественно-политического поведения людей, живших в совершенно различных исторических условиях. Борьба за власть в России 90-х годов XX в. весьма напоминает в этом отношении ту, которая происходила в Афинах IV или в Риме I в. до Р.Х., а психологические отношения между властителями и подданными в средневековых азиатских деспотиях могли бы служить моделью для сталинского тоталитаризма. По мнению А.И. Юрьева, "политико-психологические процессы, идущие в обществе", "являются константными во времени, на всех территориях и у всех народов... Политический порядок, подчиняющийся психологическим закономерностям... вечен и неизменен как сам человек"¹⁵. С этими тезисами трудно согласиться в полной мере, но определенное рациональное зерно в них, несомненно, имеется. Человек вряд ли абсолютно неизменен, но исторические изменения в нем происходят в пределах, заданных его биосоциальной природой. Очевидно, она так или иначе проявляется и в социально-политической психологии.

В выборе политических ориентаций "участвуют" как константные психологические структуры, присущие людям, когда бы и где бы они ни жили, так и психологические особенности "политического человека", порожденные его эпохой, типом цивилизации и общества. Развести эти две группы факторов и выявить механизмы их взаимодействия – одна из самых сложных проблем, изучаемых социально-политической психологией.

Если обобщить опыт научных исследований, прямо или косвенно затрагивающих проблему политического выбора, можно выделить четыре наиболее распространенных подхода к его детерминации.

Ситуационные и социологические факторы   Первый из них может быть назван *ситуационным* (или историческим). Этот подход исходит из совершенно бесспорной посылки, что любая политическая ориентация представляет собой реакцию на ту конкретную историческую ситуацию, в которой находится общество. Эта ситуация определяет, во-первых, набор и иерархию тех проблем, которые призвана решать политика. Политические психологи подметили, что в ситуации, воспринимаемой как угрожающая, например, когда в стране свирепствует тяжелый экономический кризис или ей грозит нападение внешнего врага, возрастает притягательная сила жестко авторитарных полити-

¹⁵ Юрьев А.И. Указ. соч. С. 219, 220.

ческих ориентаций¹⁶. Потребность в общественном порядке, дисциплине, неукоснительном соблюдении норм, ограничивающих индивидуальную свободу, в твердой власти, способной контролировать поведение людей и их готовность подчиняться ей, — все эти тенденции выступают как механизмы психологической защиты. Люди пытаются преодолеть страх и неуверенность путем сплочения в жестко организованную и жестко управляемую общность.

Во-вторых, в ситуацию входят та конкретная совокупность уже сложившихся политических ориентаций, выражающих их организаций, течений, лидеров, которые собственно и являются объектом выбора.

Ситуационный подход затрагивает определенные мотивационные и когнитивные механизмы социально-политической психологии. Он раскрывает зависимость выбора ориентаций от динамики потребностей и их иерархии, обусловленной сдвигами в социальной и политической ситуации, а также от содержания знаний (сложившихся политических представлений, идей и т.д.), которыми располагает общество. Этот подход особенно важен для анализа эволюции общественно-политических настроений. Однако вне его сферы остаются внутриспсихические структуры, которые обуславливают преобразование потребностей и мотивов в определенные (например, авторитарные), а не какие-то иные ориентации. О значении этих структур в процессе выбора свидетельствует хотя бы тот факт, что далеко не все люди под влиянием определенной ситуации выбирают одну и ту же ориентацию, не все в равной мере поддаются усилившемуся общественному настроению.

Второй подход можно назвать *социологическим*. Он нацелен на анализ зависимости индивидуального и группового политического выбора от объективного экономического, социального и демографического статуса людей. Как известно, марксизм объясняет политическое мировоззрение и поведение прежде всего классовым положением и классовыми интересами людей (либо недостаточно развитым классовым сознанием, если такая зависимость не прослеживается). Адекватность такого объяснения применительно ко многим конкретным ситуациям не вызывает сомнений. Представители привилегированных классов во многих случаях выбирают консервативные политические ориентации, поскольку они заинтересованы в сохранении и стабильности существующих порядков. Наемные рабочие часто примыкают к реформистским ориентациям, так как надеются, что реформы улучшат их положение. Однако можно назвать не меньше ситуаций, которые не подтверждают "классовой" схемы. Например, английский рабочий класс с конца 70-х годов XX в. нередко оказывал консерваторам более широкую поддержку, чем "классовой" рабочей партии лейбористов. "Классовый" принцип не объясняет, почему в 60–70-х годах в странах Запада множество молодых людей из буржуазной среды активно выступали против норм буржуазного образа жизни. Вообще в условиях политического плюрализма ни одна классовая общность не выбирает

¹⁶ Sales S.M. Threat as a factor in authoritarianism // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. N 28. P. 44–57.

вся скопом единую политическую ориентацию. Например, если какая-то часть буржуазного класса в некоторых ситуациях придерживается правоавторитарных или фашистских политических установок, то не меньшая, а чаще всего большая его часть разделяет либерально-демократические или умеренно-консервативные взгляды. Все это не означает, что марксистский социологический подход полностью неверен. Скорее, он содержит зерно истины, но слишком груб и примитивен, нуждается в значительной корректировке и уточнении.

В немарксистской позитивистской социологии проблема выбора решается на основе исследования корреляций между политическими ориентациями и набором социальных и демографических характеристик людей: уровня дохода, профессионального статуса, образования, возраста, пола, места проживания и т.д. Эти исследования ориентированы на получение данных, поддающихся измерению и носящих вероятностный характер. Их результатом является информация примерно такого типа: "сторонниками реформ мужчины являются чаще, чем женщины, люди среднего возраста чаще, чем молодежь и пожилые, специалисты чаще, чем рабочие и предприниматели, люди с высшим образованием чаще, чем менее образованные, получатели средних доходов – чем богатые и бедные, жители крупных городов – чем более мелких населенных пунктов". Таким образом, мы узнаем, каков наиболее вероятный выбор представителей каждой категории населения, а математизация данных позволяет измерить величину этой вероятности и значимость корреляций. Правда, при публикации такого рода исследований (особенно в массовой прессе) нередко происходит абберрация: абсолютное или даже относительное большинство группы (социальной или демографической) как бы выдается за группу в целом, и мы получаем, мягко говоря, весьма неточные сообщения типа: "рабочие против реформ, интеллигенция – за реформы".

Социологический подход имеет громадное значение для выяснения социальной базы и масштаба влияния политических ориентаций и их динамики. Однако он скорее ставит, чем решает проблемы их психологических основ; мы узнаем, что определенное сочетание социальных характеристик индивидов создает оптимальные предпосылки для того или иного идейно-политического выбора, но не получаем психологического объяснения этой зависимости. Правда, в наиболее глубоких эмпирических социологических исследованиях такое объяснение дается, но оно находится уже за рамками собственного социологического подхода.

Третий подход может быть назван манипулятивным. В его основе представление о зависимости идейно-политических позиций людей от их "обработки" системой массовых коммуникаций и пропаганды. Такая зависимость реальна; общеизвестно, что шансы на победу в борьбе за массовое влияние наиболее велики у политиков, которые искуснее своих соперников умеют манипулировать общественным мнением. Психология массовых коммуникаций стала предметом особого, весьма разветвленного направления социально-психологических исследований.

В терминах общепсихологических категорий массовая манипуляция – это разновидность процесса убеждения или внушения (суггестии), что делает необходимым рассматривать ее в связи с научными знаниями об этом явлении. Принципиально важно, что людям свойственно не только поддаваться внушению, но и вырабатывать психологические механизмы защиты от него – контрсуггестию. Между тем некоторые сторонники манипулятивного подхода представляют человеческую психику и сознание как своего рода пустой контейнер, в который политики и масс медиа могут заложить любое содержание. Специальные исследования последних десятилетий опровергают эту в свое время весьма распространенную точку зрения. Обнаружилось, что эффективность пропаганды, в том числе наиболее мощной – телевизионной, отнюдь не беспредельна, а во многих случаях просто низка. В США рост расходов на проведение избирательных кампаний не ведет к росту числа голосов, поданных за соответствующих кандидатов. Интересен такой факт: американцы, наиболее активно следящие за политическими телепередачами, образуют наиболее нестабильную и колеблющуюся по своим политическим симпатиям часть электората. Очевидно, в условиях политической конкуренции, чем интенсивнее поток манипулирующей информации, которой подвергает себя человек, тем больше он сопротивляется ей и старается занять позицию, равно удаленную от соперничающих сторон. Этот психологический феномен американские исследователи называли "воинственным нейтралитетом"¹⁷.

В целом в современных обществах массовая информация – один из главных источников формирования социально-политических установок населения. Однако ее манипулятивное воздействие обратно пропорционально многообразию, плюрализму всей той суммы социальных знаний, которой располагает каждый индивид. В эту сумму входят, во-первых, те представления, которые человек усваивает в процессе первичной социализации: в родительской семье и школе, во-вторых, получаемые им в различных контактных группах, в которых он участвует на протяжении своего жизненного пути (дружеских, производственных и т.д.). В-третьих, любой индивид обладает знаниями, почерпнутыми из собственного опыта, ибо макросоциальные явления, политические события и решения влияют на условия его жизни, а это влияние так или иначе осознается и переживается им. Наконец, весьма важно, что идейное содержание самой массовой информации, получаемой человеком как в различные периоды его жизни, так и в каждый данный момент неоднородно: сегодня оно может быть иным, чем усвоенное им несколькими годами ранее; в различных телепередачах, газетных статьях, пропаганде соперничающих политиков и партий он сталкивается с противоположными ценностями и суждениями. Кроме того, если не все, то многие люди формируют свои взгляды под влиянием не только массовой информации, но и идей, почерпнутых из арсенала культуры: художественной и научной литературы, в частности, созданной в другие исторические эпохи и далекой от интересов сегодняшней идейно-политической борьбы.

---

¹⁷ *Sears D.O.* Op. cit. P. 244.

Многочисленными эмпирическими исследованиями установлено, что эффект пропагандистских кампаний, воздействие какого-то комплекса идей, интенсивно распространяемых масс медиа, зависит от их соответствия потребностям, настроениям, установкам, ранее сформировавшимся в психологии массовой аудитории. Этот вывод вполне подтверждается и опытом политической борьбы в современной России. Успех Жириновского и поражение гайдаровского "Выбора России" на декабрьских выборах 1993 г. многие объясняют тем, что пропагандистская кампания первого была весьма искусной и продуманной, а "выбороссы" вели ее на крайне низком профессиональном уровне. Этот вывод бесспорен, но, во всяком случае, не меньшую роль сыграл другой фактор: за Жириновского проголосовали главным образом группы населения, наиболее пострадавшие от последствий реформ 1992–1993 гг. Из всего того комплекса идей, которые звучали в его пропаганде, они "услышали" прежде всего то, что соответствовало их настроениям. Соперниками Жириновского в борьбе за недовольных и разочарованных избирателей были коммунисты, но равного с ним успеха им помешали добиться антикоммунистические установки, сохранившиеся в этой части избирательного корпуса: преимуществом лидера ЛДПР был имидж "нового человека", не связанного с дискредитированной КПСС.

О манипулировании как *доминирующем* факторе формирования политических ориентаций, по-видимому, можно говорить лишь применительно к тем ситуациям, в которых влияние всех или большинства источников социально-политических представлений массовых групп населения гомогенно, характеризуется единой направленностью. Ситуации, близкие к такой монолитной модели, возникают на высших точках развития изолированных от внешних влияний тоталитарных обществ. Более типичны ситуации, в которых гомогенность коммуникативных влияний существует на уровне неких базовых социальных ценностей (например, таких, как "социализм", "демократия"), но распространяемые по коммуникационным каналам представления о способах их реализации и оптимальных системах более конкретных идейно-политических приоритетов достаточно гетерогенны (например, социализм "реальный" и "с человеческим лицом"). В современном мире процесс социально-психологической индивидуализации (см. главу II) порождающий отторжение всего, что воспринимается как навязываемое индивиду социальными институтами, ведет, скорее, к ослаблению эффекта манипуляции. Во всяком случае, опросы, проводимые в различных странах, показывают, что за последние два-три десятилетия повсеместно резко снизился уровень доверия населения к масс медиа.

Индивидуально-психологический подход. Концепция авторитарной личности

Четвертый подход к анализу политического выбора можно назвать *индивидуально-психологическим*. Он основан на посылке, что устойчивые характерологические черты индивидуальной психики ("психические структуры") – врожденные или приобретенные – влияют на общественно-политические позиции человека. Классическим трудом,

представляющим данное направление, считается фундаментальное эмпирическое исследование "авторитарной личности", выполненное в США в 40-х годах под руководством одного из основоположников неофрейдизма Т. Адорно¹⁸. Используя весьма рафинированную методику, авторы этого исследования установили системную взаимосвязь различных психологических черт и взглядов людей, которых они определили как "потенциальных фашистов". Наиболее очевидной оказалась взаимосвязь между преобладанием примитивно-стереотипных способов восприятия, антисемитизмом и "этноцентризмом". Этим последним термином обозначался воинствующий национализм, "псевдопатриотизм", выразившийся во враждебном отношении к другим этническим группам. Столь же характерна для этого типа приверженность к иерархическому принципу социальных отношений, предполагающему подчинение "чужих" групп "своей".

Менее отчетливой, но тоже значимой оказалась взаимосвязь между этноцентрическими и иерархическими установками "потенциальных фашистов", с одной стороны, их общими экономическими и политическими воззрениями – с другой. Следуя укоренившемуся в американской политической культуре делению политических ориентаций на консервативную и либеральную, исследователи установили, что консерваторы разделяют указанный комплекс установок чаще, чем либералы. Однако были выявлены и группы консерваторов со слабо выраженным этноцентризмом и "этноцентристов", не принадлежащих к консерваторам. По-видимому, в этом результате сказалась расплывчатость и многозначность понятий, обозначающих американский политический дуализм. В США 40-х годов консерватор – это прежде всего сторонник традиционного индивидуалистического капитализма, что не исключает ни приверженности демократическим политическим традициям, ни этнической и расовой терпимости. Либералы же выступали за вмешательство государства в экономику с целью социальной защиты обездоленных слоев населения и предотвращения кризисных потрясений.

По данным исследования, авторитарную личность отличают не только определенные этнонациональные и социально-политические установки, но и характерологические личностные черты: приверженность принятым нормам ("конвенционализм"), готовность к подчинению иерархии и идеализация иерархической структуры общества, авторитарная агрессивность, суеверность и стереотипная ментальность, дух разрушения и цинизма, гипертрофированный интерес к сексуальной проблематике, проекция собственных признаваемых порочными склонностей на других людей, поиск "козлов отпущения". Авторитарной личности Адорно и его сотрудники противопоставляли либеральную, или демократическую, личность, отличающуюся полярно противоположными чертами.

Несомненным достижением исследования "авторитарной личности" был типологический психологический портрет определенной разновидности "политического человека" и установление структурной взаимо-

¹⁸ Adorno T.W. and oth. The Authoritarian personality. N.Y., 1950.

связи между такими установками и характерологическими чертами, как агрессивный национализм, антидемократизм, иррационализм, крайне примитивный, тяготеющий к мифам, стереотипам и фобиям когнитивный аппарат. Достоверность этого портрета подтверждается тем, что выявленный им психологический комплекс нетрудно обнаружить в социально-исторических условиях, весьма далеких от Соединенных Штатов 40-х годов. Многие его черты мы узнаем, например, у людей, принадлежащих к национал-"патриотическому" течению или к так называемым красно-коричневым в России 90-х годов.

Менее убедительно был решен в исследовании Адорно вопрос о происхождении этого комплекса. Авторы пытались ответить на него, руководствуясь психоаналитической методологией, обращаясь к переживаниям, испытанным авторитарными индивидами в раннем детстве в их отношениях с родителями, первичных восприятиях проблем секса, Другого, Я. Критики исследования отмечали, что такой подход неоправданно игнорирует более поздний опыт субъекта и его актуальную социальную ситуацию. Дальнейшие исследования авторитарной личности подтвердили значение этих факторов. Так, было доказано, что авторитарные черты чаще проявляются у людей старше 30 лет, чем у более молодых, у менее образованных (что, очевидно, связано с когнитивными особенностями данного типа), в более бедных и обделенных социальных слоях, а в буржуазной среде главным образом у мелких собственников с относительно низкими доходами¹⁹.

Совокупность всех этих наблюдений позволяет предположить, что типичной (но не единственно возможной!) предпосылкой формирования авторитарных черт является *неблагополучие*, ущербность личности – неблагополучие либо психологическое, заложенное в ее структуру в раннем детстве, либо материальное и социальное, которое человек может начать испытывать значительно позже. Видимо, именно этот последний фактор объясняет возрастные характеристики авторитарных личностей: в молодости люди надеются на будущее, лишь достигнув среднего возраста, они начинают терять надежду. Зависимость уровня авторитаризма от ситуационных факторов подтверждает и резкое увеличение числа "авторитарных личностей", которое происходит в плохие, кризисные времена.

Психология этноцентризма и фашизма

Исследования группы Адорно вместе с рядом работ другого ведущего представителя неофрейдизма Э. Фромма положили начало изучению психологии одного из наиболее мрачных общественно-политических явлений XX в. – фашизма. В период максимального распространения фашизма – в 30-х – первой половине 40-х годов – он представлялся многим неким трагическим парадоксом, исторической и психологической загадкой. Парадокс заключался в том, что принесенное фашизмом одичание, возврат к типам общественного сознания и политической практике, напоминающим то ли первобытное варварство, то ли самые темные времена

¹⁹ Lancelot A. Les attitudes politiques. P., 1969. P. 82.

средневековья, происходили в странах европейской культуры, где, казалось бы, прочно укоренились идеи либерализма, демократии, гуманизма, человеческих прав и достоинства. Опыт фашизма, казалось, лишал всякого смысла те представления об общественном прогрессе, культуре, разумном социальном устройстве, на которые опиралась общественная мысль и политическая деятельность в развитых странах.

Проблема фашизма, в том числе и ее социально-психологические аспекты, сложна и многогранна. Здесь мы можем коснуться лишь некоторых, наиболее существенных моментов.

В психологическом плане весьма важным представляется различие между лидерами, активными участниками фашистского движения, глубоко впитавшими его идеи и ценности, с одной стороны, и его более или менее пассивными сторонниками, покорными подданными фашистских государств – с другой. Во втором случае мы имеем дело с разновидностью рассматривавшегося выше патерналистского сознания, для которого любая власть, какой бы жестокой она ни была, является законной и оправданной уже потому, что она власть, что она способна гарантировать порядок, стабильность определенных основ социального бытия, внушать страх соседям и подданным. Многие немецкие бюргеры в 30-х годах приняли Гитлера так же, как они приняли бы любого "твердого" политика, который, независимо от его идеологических лозунгов, сумел бы положить конец смутам и беспорядкам в фатерлянде, внушить уважение его врагам, облегчить бремя экономических проблем.

Во многом иначе выглядят социально-психологические предпосылки фашистского движения и фашистских настроений, которые во времени и пространстве – явление гораздо более распространенное, чем фашизм, овладевший государственной властью. Главный вопрос, который оно ставит перед психологической теорией, можно сформулировать так: почему и как этические нормы христианской культуры, ценности и нормы культуры либерально-демократической, веками внедрявшиеся в сознание европейцев (и других народов, воспринявших европейскую культурную традицию), столь часто обнаруживают полную неспособность контролировать психологию и поведение индивидов и целых социальных групп? В сущности он совпадает с вопросом о соотношении психологической силы "культурной цензуры", "сверх-Я" и бессознательного "Оно", поставленным фрейдистским психоанализом.

Ответ, очевидно, требует анализа как индивидуально-психологических, так и социально-исторических факторов. Простой и бесспорный факт неоднородности индивидуальных психологий, в частности, означает, что разные люди в весьма разной мере поддаются процессу аккультурации ("окультуривания"), у какой-то их части бессознательные, существующие независимо от культурных влияний страсти и влечения могут намного превосходить по своей мотивирующей силе господствующие в обществе нормы и ценности. Одной из разновидностей подобной психологической структуры является тип личности, ориентированный на утверждение превосходства и власти над другими людьми для того, чтобы получить свободу распоряжаться чужой

жизнью, уничтожать ее. Э. Фромм, специально описавший этот психологический феномен, который он назвал некрофилией (любовь к мертвому. – *греч.*), отмечал связь "некрофильной ориентации" с гипертрофированным влечением к силе и власти. "Для некрофила характерна установка на силу, – писал он. – Сила есть способность превратить человека в труп... В конечном счете всякая сила покоится на власти убивать... Кто любит мертвое, неизбежно любит и силу... Для такого человека... применение силы не является навязанным ему обстоятельством приходящим действием – оно является его образом жизни".

В уголовном мире из числа некрофилов рекрутируются профессиональные убийцы. В мире политическом – наиболее убежденные "идейные" фашисты, члены "правых" и "левых" террористических группировок. Среди поклонников Гитлера и Сталина, отмечал Фромм, были люди, которые просто боялись их, не желая признаться себе в этом страхе, были и те, кто видел в них "создателей, спасителей и добрых отцов"²⁰. Но самое глубокое и искреннее поклонение они вызывали у людей с "некрофильной" ориентацией. Правоту этих наблюдений подтверждает возрождение культа Гитлера в среде современных русских фашистов: видимо, именно глубокое психологическое родство побуждает их выбирать в идейные лидеры "фюрера", принадлежащего к другой нации и иной исторической эпохе. Для этой психологии весьма характерна надпись, оставленная одним из снайперов-боевиков коммуно-националистической оппозиции во время октябрьских событий 1993 г. на стене церкви, расположенной рядом с Белым домом: "Я убил шесть человек, и очень рад этому".

Возможно, "некрофильная" ориентация является архетипом, атавизмом, унаследованным от времен, когда люди убивали друг друга, чтобы выжить. В латентном (скрытом) состоянии она может существовать в глубинах психики вполне добропорядочных и законопослушных граждан демократических стран. Ее превращение в реальный мотив поведения связано с сочетанием ряда личных, социальных и исторических обстоятельств. Во-первых, ее могут усиливать идеологические ценности и культурные нормы, ориентированные на нетерпимость, непримиримую вражду к другим группам: этническим, классовым, религиозным. В странах, где традиционно велико влияние религиозного фундаментализма, призывающего к искоренению иноверцев или экстремальных, агрессивных форм национализма, политические организации или группы, практикующие физическое насилие, террор, убийства, воспринимаются как более или менее нормальная деталь местного культурного колорита.

В Западной Европе возникновение фашизма было непосредственно связано с кризисом либерально-демократических и гуманистических ценностей, вызванным первой мировой войной, с обусловленным ею взрывом националистических настроений, особенно в странах, потерпевших поражение. "Некрофильная" ориентация, преобразованная в политическое движение или тенденцию, нуждается в объекте нена-

²⁰ Фромм Э. Душа человека, М., 1992. С. 31–32.

висти, в обобщенном образе врага, которого можно и нужно уничтожать, и эта потребность порождает исследованную Адорно органическую связь фашизоидных авторитарных политических установок с национализмом, этноцентризмом и этническими фобиями (особенно с антисемитизмом).

Другим возможным объектом этой ориентации может быть классовый враг, поэтому, несмотря на радикальное различие идеологических источников фашизма и коммунизма, ленинско-сталинская идеология классовой ненависти как в России, так и в ряде других стран содействовала распространению "некрофилии" на общественно-политической арене. Не случайно среди "часовых революции" – чекистов – было так много людей с явно выраженными садистскими наклонностями. Чтобы сохранять свою мобилизующую силу, эта идеология вынуждена изобретать все новых врагов: когда классовых противников уже не осталось, их стали искать в собственных рядах, потом среди "космополитов-сионистов"...

Конечно, идейный коммунист – романтик, мечтающий осчастливить трудящихся всего мира, часто не имеет ничего общего с убежденным фашистом, однако множество сторонников "революционной идеологии" впитали именно ее "некрофильские" установки ("если враг не сдается, его уничтожают"), что обусловило их психологическое родство с фашистами. В России 90-х годов оно ярко проявилось в смычке сталинистов-коммунистов с русскими последователями Гитлера.

Во-вторых, развитию "фашизоидных" и этноцентрических тенденций обычно содействуют разного рода кризисные ситуации – кризисы экономические и культурные, личные и социальные. Выше уже говорилось о связи возникновения фашизма с кризисом либерализма и социально-политического рационализма, обостренного первой мировой войной. По сути дела это был кризис определенного типа культуры. Именно поэтому в фашистском движении участвовали или сочувствовали ему некоторые видные представители европейской культурной элиты, разочарованные в ценностях, господствовавших в прошлом веке. Фашизм и этноцентризм отражают также кризисную ситуацию, которую испытывает личность, невосприимчивая по своей внутренней структуре к либеральной, демократической и рационалистической культуре, восходящей к идеям Просвещения. Осевыми ценностями этой культуры являются мощь человеческого интеллекта, научное знание; утверждаемый ею приоритет духовной жизни человека над его грубо материальными запросами фактически объединяет ее с европейской христианской традицией. Люди, по типу своей мотивации и интеллекта неспособные к органическому и практическому освоению таких ценностей, могут испытывать – в условиях их господства в обществе – комплекс социальной неполноценности, зависти к более умным, образованным и духовно развитым. Фашизм с его антиинтеллектуализмом, проповедью грубой силы и бездуховным "языческим" мистицизмом позволяет таким людям преодолеть кризис идентичности, обрести социальное достоинство.

Стремление к максимально упрощенному, не требующему знаний и

умственных усилий видению общественной жизни – таков важнейший когнитивный источник и величайший искус фашистского и любого этноцентрического мировоззрения. Как отмечает А. Худокормов (псевдоним автора газетной статьи, принадлежавшего к русскому фашистскому движению, а затем отвергшего его идеологию и практику), "фашизм – это максимальное упрощение всей духовной жизни и всех социальных связей. Это черно-белое видение мира и людей без всяких оттенков и нюансов"²¹. В когнитивном отношении фашизм и этноцентризм – наиболее последовательное выражение мифологического типа социально-политической психологии, описанного в первой главе этой книги.

Максимально благоприятные условия для развития отмеченных личностно-психологических тенденций создаются в обстановке дестабилизации социально-групповых связей людей и особенно кризиса всей социальной и политической системы. Можно утверждать, что усиление фашизоидной и этноцентрической психологии является одним из возможных последствий современных процессов индивидуализации (см. главу II). Психологическая идентификация людей с объединенными культурной общностью и морально-этическими нормами группами плюс интеграция этих групп в более или менее устойчивый социальный порядок суть факторы, сдерживающие агрессивные, "некрофильные" устремления испытывающих их индивидов. Естественно, что ослабление этих факторов и тем более массированная дискредитация, моральная делегитимизация существующих социальных структур и политических институтов создают широкое поле для подобных устремлений.

В таких ситуациях возрастают одиночество и дезориентация личности, превращающие в тяжкое бремя вдруг обретенную ею свободу от социальных норм и связей, усиливается поиск ею таких способов жизнедеятельности, которые одновременно позволили бы ей обрести максимально простые и ясные ориентиры, противостоять обесценившим себя общественным нормам и институтам, включиться в общность, обладающую соответствующими качествами. Людей, по структуре своей мотивации и интеллекта предрасположенных к упрощению образа мира, агрессивно-враждебному восприятию "чужих", приоритету силы, этот поиск сплошь и рядом ведет в ряды фашизоидных общностей. Причем возможность такого выбора особенно велика в юношеском возрасте, когда естественный поиск самоопределения, идентичности становящейся личности осложняется обстановкой социального кризиса. Как рассказывает А. Худокормов, в ряды фашистов-баркашевцев его привела "глубокая, почти патологическая ненависть к российской бюрократии, к чинодралам, ко всей казенной сволочи..." Но тут же приводит другой мотив, характерный для основной массы его бывших молодых соратников, охотно подчинившихся "ритуалам примитивной эсэсовской казармы": "Главное – тебя освобождают от чувства одиночества, неприкаянности, покинутости и страха. Ты в волчьей стае, а следовательно – защищен"²².

²¹ Известия. 1994. 18 апр.

²² Там же.

Бесспорное достижение группы Адорно заключалось в плодотворном исследовании структуры фашизоидной психологии. Вместе с тем Адорно и его коллег справедливо критиковали за жесткую привязку типов индивидуальной политической психологии к дуалистической партийно-политической системе США, что фактически приводило к отождествлению авторитаризма с консервативными, или правыми, а противоположного типа – с либерально-демократическими, или левыми, позициями. Такой подход явно противоречил фактам, в том числе и результатам исследования: авторитарные черты не обязательно присущи правым и не являются чем-то совершенно несовместимым с левыми взглядами.

Право-левый дуализм – характерная черта западной политической культуры, и естественно, что поиск его психологических основ стал одним из центральных направлений политико-психологических исследований. Эта работа шла в разных направлениях. Работы французских социологов 60-х годов позволили более четко очертить рамки проблемы. В них был доказан факт, вообще-то очевидный из повседневного опыта, но недостаточно учитывавшийся в концептуальном плане: распределение политических ориентаций по оси правые – левые охватывает далеко не всю массу населения. Во Франции примерно треть избирателей не может быть отнесена ни к правым, ни к левым, ни к промежуточным – центристским ориентациям. Эту массу людей, не интересующихся политикой, не имеющих и не испытывающих настоящей потребности иметь политическую ориентацию, социологи выделили в особую, "политическую семью", которую они окрестили "болотом"²³. Тем самым фактически была поставлена задача изучения психологических типов, образующих эту "семью", от голосов которой во Франции и, очевидно, в других странах обычно зависят итоги парламентских и президентских выборов.

Недостатки одномерной схемы Адорно пытался преодолеть английский психолог Г. Айзенк. В своем исследовании, признанном, как и "Авторитарная личность", "этапным" в развитии политической психологии, он наряду с "политической" осью правые – левые (по его терминологии, "консерваторы – радикалы") ввел особую психологическую ось "авторитаристы – демократы" (см. рис. 2).

Рис. 2

Если на первой оси располагались типы политических взглядов: правые радикалы – фашисты, консерваторы, социалисты, левые радикалы – коммунисты, то на второй – политические темпераменты, измеряемые

²³ Deutsch E., Lindon D., Weill P. Les familles politiques aujourd'hui en France. P., 1966.

уровнем жесткости, нетерпимости и "мягкости", терпимости политических позиций человека. Жесткость, по Айзенку, равнозначна авторитаризму, мягкость — демократизму²⁴. Двухмерная модель позволила выявить наличие аналогичных психологических типов среди сторонников противоположных политических воззрений. Так, нетерпимость и авторитаризм оказались в равной степени характерными для фашистов и коммунистов, социалисты и консерваторы заняли на авторитарно-демократической оси одинаковую центральную позицию; либералы, расположились в центре "политической" оси, но ближе к ее "демократическому" полюсу; психологически, по мнению Айзенка, только "политические темпераменты" (но не выбор между левой и правой идейно-политической позицией) коренятся в глубинных психологических структурах личности.

В свете последующего исторического опыта этот вывод мог бы быть дополнен и скорректирован. Во-первых, несовпадение деления на правых и левых с психологической дифференциацией людей, очевидно, но его неправильно объяснять отсутствием психологических основ (или содержания) политических ориентаций. Скорее оно связано с грубостью, упрощенностью этого деления, отражающего лишь некоторые общественно-политические приоритеты, но не различные системы целей и средств политической деятельности. Реальные же политические ориентации, очевидно, представляют собой, если использовать терминологию Айзенка, синтез "темпераментов" и идеологических установок. Поэтому "соседние" по месту на политической оси ориентации, например представленные в его схеме коммунистами и социалистами, в действительности могут находиться в отношениях непримиримой конфронтации. Хорошо известна вражда, долгое время разделявшая эти формально левые течения. Такая же, если не большая несовместимость разделяла в Англии 40-х годов консервативных последователей У. Черчилля и поклонников фашистского лидера О. Мосли.

Во-вторых, формальные идеологические и программные установки, представляя собой символическое и вербальное выражение политических ориентаций, необходимое им для собственной идентификации, не совпадают с последними. По сравнению с ориентациями они обычно более инерционны и менее динамичны. Сплошь и рядом идеологический "ярлык" ориентации остается тем же, а политическое и психологическое содержание существенно меняется. Так, коммунизм в Англии и ряде других стран Запада за истекшие десятилетия в значительной мере утратил свой жестко авторитарный характер времен Коминтерна, в коммунистическом движении произошла идейно-политическая дифференциация, расколовшая его на догматиков ленинско-сталинского закала и демократов, лояльных к существующему политическому строю. Подобные факты свидетельствуют о том, что социально-политическая психология должна с осторожностью использовать партийные и идеологические "ярлыки", всякий раз проверяя, действительно ли они отражают единую систему политических установок.

²⁴ Eysenck H.J. The Psychology of Politics. L., 1954.

С учетом этих оговорок познавательное значение методологии Айзенка неоспоримо. И это доказывается в первую очередь тем, что спустя 40 лет она может служить для объяснения происшедших за это время изменений.

К 90-м годам в странах Запада при сохранении межпартийных различий и борьбы партий наметилось очевидное сближение идеологии и политики умеренно-правых и умеренно-левых течений, выразившееся в компромиссе между принципами свободного предпринимательства и социальной справедливости (или солидарности), национализма и анти-милитаризма. Образовавшееся основание нового общественного консенсуса, оно было вызвано рядом экономических, социальных и политических сдвигов, но, взглянув на схему Айзенка, легко обнаружить также и его исходные психологические предпосылки. Уже в 50-е годы такие течения, как консерваторы и социалисты, находились в одной и той же точке "психологической" оси (авторитаризм – демократизм), а за истекшие годы оба они, судя по ряду признаков, приблизились к либералам и тем самым – к демократическому полюсу. Эта исходная психологическая близость (при демонстрируемой противоположности идеологических платформ) сыграла свою роль в формировании консенсуса при одновременном политическом и психологическом отмежевании от него крайних течений – ультралевого и ультраправого (агрессивного националистического) экстремизма.

Еще более впечатляющим доказательством аналитических возможностей двухмерной модели может служить ее применение к исследованию политических ориентаций в посттоталитарной России. Так, политическое сближение полярных по исходным идеологическим установкам течений – ортодоксальных марксистов-ленинцев и ультра-националистов, их фактическое слияние в единую "непримиримую оппозицию" было предопределено их исходной психологической близостью – одинаково высоким уровнем авторитаризма и антидемократизма. Причем сближение произошло на основе националистической и шовинистической идеологии, что, как отмечалось, подтвердило тезис Адорно о системной связи "этноцентризма и авторитаризма" (и к ней мы еще вернемся).

*Политические
ориентации
в России*

Но дело не только в этом. Представляется, что двухмерное моделирование, предложенное Айзенком, может быть применено для определения и анализа социально-психологических основ российских политических ориентаций (см. рисунок 3).

Две координаты, образующие приводимую схему, отображают два основных принципа политико-психологической дифференциации населения России. Во-первых, россияне имеют различные представления об оптимальном государственно-политическом устройстве, во-вторых, по-разному относятся к происходящим в России социально-экономическим преобразованиям, к потенциальному переходу от государственного социализма к рыночной экономике. Первое членение, отображенное на ординате схемы, распределяет россиян (как и англичан у Айзенка) между тоталитарно-авторитарным и демократическим полюсами. Вто-

Рис. 3

рое, изображенное на абсциссе, более соответствует российским условиям, чем "западный" дуализм, "левые—правые". Именно отношение к реформам, к государственно-распределительному прошлому и туманному рыночному будущему образует главную ось политической борьбы в России, в которой левые и крайне правые (в западном смысле слова) оказываются в одном лагере, а просто правые — в другом. Поэтому в качестве полюсов абсциссы выступают государственно-социалистический консерватизм (не путать с консерватизмом буржуазным), тесно слитый с великодержавным национализмом, и рыночный "западнический" реформизм. Отметим, что двухмерное моделирование политических ориентаций даже больше отвечает российским условиям, чем английским и большинству западных стран. Ведь авторитарно-демократическая ось там отображает главным образом различие между демократически ориентированным большинством и намного меньшими, большей частью политически маргинальными группами авторитаристов. У нас авторитаризм — весьма мощный и массовый политико-психологический феномен.

В верхнем правом углу схемы находятся сторонники коммунистов. Для них наиболее характерна ностальгия по плановой экономике и тоталитарному "порядку", они наиболее непримиримые противники частной собственности и рыночных реформ. В этой группе значителен удельный вес людей старшего возраста. Национал-"патриоты" и жириновцы, превосходя коммунистов по силе великодержавно-националистических "имперских" установок, более индифферентны по сравнению с ними к вопросам собственности, менее "антирыночны". Эти течения

поддерживают некоторые националистически и протекционистски ориентированные круги предпринимателей, их сторонники менее консервативны экономически, чем политически, готовы "включиться" в рыночные отношения при условии их жесткого регулирования государством и участия в них структур власти. Впрочем, эти различия ощущаются скорее в более идеологизированных (например, среди ветеранов КПСС, активистов национал-"патриотических" организаций и т.д.) и элитарных слоях "непримиримой оппозиции", чем в основной массе рядовых ее сторонников. На организуемых ею манифестациях все они смешиваются в толпу, в которой фашисты и православные монархисты объединяются с коммунистами под красными знаменами, антисемитскими транспарантами и портретами Сталина. Мобилизующим фактором "непримиримым" служат не столько общие идеологии, сколько – что вообще типично для ультраавторитарных течений – образ врага – жидо-массонов и "дерьмократов", продающих страну западным империалистам.

В социологическом и психологическом отношении представители данной ориентации достаточно гетерогенны. Наиболее массовую их часть образуют "ситуационно-неблагополучные" и "угрожаемые". Среди них рядовые наемные работники, страдающие от экономического кризиса и инфляции, представители привилегированных в прошлом социальных и профессиональных групп, либо не сумевшие адаптироваться к новой социально-экономической ситуации, либо видящие в реформах угрозу своему статусу. Особую подгруппу образуют сельские жители – работники колхозов и совхозов, объединенные с аграрными генералами (председательско-директорский корпус) системой патерналистских отношений, боящихся потерять "кормушку" и относительную гарантию стабильности в случае разрушения этой системы.

Боевая сила и ядро непримиримой оппозиции – "структурно-неблагополучные" и "идейные авторитаристы". Первые обладают чертами "авторитарной личности", описанной Адорно. Это люди, страдающие – часто с молодых лет – комплексом социальной неполноценности, одиночества, неприкаянности, формирующими у них агрессивность, цинизм, деструктивные склонности. Они – социальные и психологические маргиналы, и могли бы служить иллюстрацией к описанию патологий, выявляемых фрейдистским психоанализом.

Идейные авторитаристы, напротив, нередко обладают вполне уравновешенной психикой. Психологическим источником их позиций может быть интериоризированная социальная роль в системе жестко иерархических отношений власти (армия, другие силовые структуры); принадлежность к профессии, формирующей технократический рационализм, также ориентированный на модель жесткой властной иерархии (естественные и технические науки); защита социального статуса и достоинства включенных в структуру авторитарно-тоталитарного милитаризованного государства (ВПК). Этим источником могут быть также абстрактно-ценностные националистические и великодержавные установки, возникшие как способ самоидентификации в профессионально-

интеллектуальной или художественно-творческой – деятельности (ученые-гуманитарии, кинорежиссеры, художники и др.)²⁵.

Идейные авторитаристы происходят из старой партийной, хозяйственной, научно-технической, идеологической (преподаватели марксизма) номенклатуры, из офицеров вооруженных сил, госбезопасности и МВД, работников карательных органов. Но среди них немало и представителей научно-технической интеллигенции, ориентированных на проект нового авторитаризма, очищенного от архаических наслоений коммунистической идеологии, на ценности силы и порядка. Этот психологический тип характерен для "интеллигентной" части партии Жириновского. В целом идейные авторитаристы отличаются более высоким уровнем образования от малообразованной и поэтому восприимчивой к примитивным стереотипам и мифологии основной базы "непримиримой оппозиции".

Государственники-"центристы" по основному содержанию своих экономических и политических воззрений мало отличаются от жириновцев и национал-"патриотов". Их идеалом также является сильное государство, распространяющее свою власть на экономику и защищающее великодержавные национальные интересы. Однако все эти установки проявляются у них в менее агрессивной, более смягченной форме, не обязательно сопряжены с антисемитизмом и этноцентризмом. На их систему ценностей некоторое, хотя и весьма поверхностное влияние оказывают демократические и реформаторские идеи, присутствующие в их "сверх-Я" в качестве конвенциональной нормы, вовсе отвергать которую было бы неприлично. Многие лидеры и идеологи этой ориентации – бывшие номенклатурные "прогрессисты" 60–70-х годов и люди из окружения Горбачева; органически не принимая либеральное реформаторство и отказ от великодержавия, они дорожат своим самосознанием борцов с тоталитаризмом. Все это придает их менталитету двойственный характер, побуждает их прикрывать свое родство с откровенными авторитаризмом и национализмом демократически-реформаторским флером. Отсюда курьезное тяготение к декларативной самоидентификации с социал-демократизмом, к которому они имеют ненамного большее отношение, чем ЛДПР Жириновского к либерализму и демократии.

Все эти особенности государственников-"центристов" позволяют разместить их по абсциссе ближе к центру, чем коммунистов, а по ординате – чем непримиримую оппозицию. И в то же время заключить в кавычки "центристскую" часть их политического титула.

Социальную базу данного течения составляют группы населения, которые хотели бы совместить государственный авторитаризм с наиболее соблазнительными прелестями рынка и демократических свобод (возможностью коммерческой прибыли, обильным потребительским

²⁵ Например, исследователь, изучающий национальную этнографию, историк или художник, погруженные в национальное прошлое, могут под влиянием своих занятий прийти к идеализации исторических персонажей, нравов или политической практики, противопоставляемых негативно воспринимаемому настоящему.

рынком, гласностью). Или хотя бы сохранить свободу выбора между рыночной и традиционно-социалистической формами экономического бытия в условиях неопределенности переходного периода. Впрочем, эта база весьма узка, "элитарна" и охватывает главным образом некоторые слои хозяйственной номенклатуры (часть директорского корпуса) и интеллигенции.

В верхнем левом квадранте схемы размещаются реформаторы-государственники. Они близки к реформаторскому полюсу абсциссы и весьма далеки от демократического полюса ординаты. Осознанно или интуитивно эти люди делают ставку на авторитарный путь осуществления рыночных реформ, на сильную исполнительную власть; пороки хасбулатовского Верховного совета, Государственной думы, Советов убедили их в фундаментальной недееспособности представительной демократии, во всяком случае в условиях современной России. В рефлектирующих группах сторонников этой ориентации популярны рассуждения "о неготовности России к демократии", интерес и чилийскому, южнокорейскому и т.п. опыту модернизации, мечтания о превращении госаппарата в главную силу реформ. Их более широкие слои высказываются за "сильную руку" в ходе социологических опросов. К ним принадлежат часть тех, кто идентифицирует себя с либерализмом, представляя его технократический вариант. Представители этой ориентации, происходящие из самых различных социальных слоев, образуют значительную, возможно, даже бóльшую часть относительно устойчивого электората Ельцина и демократов.

К реформаторскому и одновременно к демократическому полюсам двух осей близка реформаторско-демократическая ориентация. К ней принадлежат часть интеллигенции и элитарные (в культурном отношении) группы других слоев общества, которые интериоризировали демократические ценности, выработанные мировой цивилизацией. Кроме этих "идейных демократов", базу данной ориентации образуют "демократы-прагматики". Это представители тех социальных групп, которые под влиянием собственного практического опыта выработали ориентацию на самостоятельную деятельность и самовыражение на общественно-политической арене. В силу их объективного положения или характера отстаиваемых ими интересов они поняли, что нуждаются в *независимости от власти*, в возможности оказывать давление на нее извне или вступать с ней в партнерско-договорные отношения, не включаясь в ее структуры. В такой ситуации находятся, например, независимое рабочее движение, негосударственные и несвязанные с бюрократией предпринимательские структуры, группы, поддерживающие гражданские инициативы и движения: экологические, правозащитные, потребительские и т.д. Словом, различные компоненты складывающегося гражданского общества. Независимо от уровня и характера политической вовлеченности всех этих групп, их цели и интересы соответствуют демократическим принципам политической организации общества, бюрократический авторитаризм – их общий противник.

Для определенной части социально-профессиональных групп глав-

ным ориентиром их общественно-политического поведения являются собственные корпоративные интересы. В силу гетерогенности и часто конъюнктурного характера этих интересов данная ориентация занимает на обеих осях промежуточное положение. Одни группы в каких-то ситуациях могут быть заинтересованы в дистанцировании от государства и в рыночных реформах, другие – в его покровительстве и торможении реформ. По своей объективной ситуации они близки ко многим демократам-прагматикам; корпоративистская ориентация черпает своих сторонников среди людей, связанных с профессиональными – рабочими и предпринимательскими – сообществами. В той мере, в какой эти сообщества стремятся избежать государственного контроля и зависимости от бюрократического произвола, они представляют потенциальный резерв демократической ориентации.

Вокруг центра пересечения осей расположена обширная зона, "население" которой составляют массовые слои с противоречивыми, неустойчивыми и слабо выраженными политическими ориентациями. Совокупность этих качеств, однако, не равнозначна "пустому контейнеру", не исключает наличия определенных, хотя и не особенно логически взаимосвязанных предпочтений. Люди, находящиеся в центральной зоне, являются в принципе сторонниками реформ, видя в их продолжении прежде всего путь к преодолению хаоса, неопределенности, к стабилизации экономической и политической ситуации. Испытывая подчас ностальгию по спокойствию и стабильности доперестроечных времен, они все же не хотят возвращения к тоталитарному режиму и коммунистической власти, ценят те возможности свободного выбора в разных сферах жизнедеятельности, которые открылись в посттоталитарной ситуации. В то же время "политического человека", принадлежащего к "центральной зоне", не устраивает большинство сегодняшних реальных последствий реформ, он настаивает на их корректировке, которая существенно уменьшила бы материальные жертвы, приносимые им населением, и сократила бы дифференциацию доходов, на восстановлении общественного порядка, энергичной борьбе с коррупцией, преступностью.

С авторитарными и консервативными ориентациями этого человека сближает отношение к функциям государства: не будучи готов к самостоятельному плаванию по морю свободного рынка (хотя нередко уже вынужденный пуститься в такое плавание), он требует от государственной власти гарантий своего экономического и социального положения, активного регулирующего и контролирующего вмешательства в экономические и общественные процессы. Он не разделяет агрессивного национализма "непримиримых", относительно индифферентен к волнующим их проблемам восстановления Союза и решительно против великодержавных политических акций, которые вовлекли бы Россию в войны в ближнем зарубежье. Но ему свойствен, по выражению некоторых социологов, "диффузный национализм", выражающийся в недовольстве падением международного веса страны, питаемый проблемами русских в зарубежье, сепаратизмом автономий и активностью различных этнических мафий в коренных русских областях.

Понятие демократии в его институциональном и культурном значениях, принцип разделения властей не имеют для представителя "центральной зоны" ясного смысла, качества государства он, скорее, склонен измерять в терминах силы и слабости. В опросах он чаще всего высказывается за "сильную руку" и проявляет равнодушие к приоритету демократизации. Но он не является и антидемократом, демократия для него абстрактная ценность, сближающаяся с политической и социальной справедливостью. Практические, непосредственно затрагивающие его проявления антидемократизма – бесконтрольная и коррумпированная власть чиновников вызывает у него протест и возмущение. Судя по данным опросов, он считает, что, несмотря на перестройку, гласность и свободные выборы, он подчинен недемократической власти и этот факт оценивается им негативно.

"Центральная зона" охватывает значительную, возможно, большую часть взрослого населения России. В терминах электоральной политологии она может быть отнесена к "болоту", так как не оказывает устойчивой поддержки ни одному из существующих политических течений. На референдуме апреля 1993 г. она в значительной своей части поддержала Ельцина, на декабрьских выборах того же года не участвовала в голосовании, а отдельные ее слои отдали голоса Жириновскому. Основной массив этой зоны составляют наемные работники госсектора и, возможно, развитие в стране ориентированной на эти слои массовой социал-демократической или социал-либеральной партии способствовало бы их политическому самоопределению.

Заметим, что "болото" состоит не только из центральной зоны. В него входят массы людей, совершенно отключенных от политики, не видящих никакой связи между ней и своими заботами и устремлениями. К ним относятся, в частности, многочисленные люмпенизированные и криминальные слои. В схеме не выделены также группы населения бывших автономий, особенно северокавказских, включенные в националистические и сепаратистские движения и воспринимающие общероссийскую политику сквозь призму соответствующих этнонациональных конфликтов.

*Неготовность
России к демократии?*

При общем взгляде на рассматриваемую схему бросается в глаза слабая выраженность демократических ориентаций: верхняя "авторитарная" половина политического пространства заполнена гораздо гуще, чем половина "демократическая"

Объясняется ли это тем, что русские от природы менее психологически демократичны, т.е. менее терпимы, сговорчивы, добры друг к другу, более властолюбивы и более покорны власти, чем, например, немцы, французы, американцы? Вспомнив историю, в это поверить трудно. А ведь весьма популярный в 90-е годы в российских политических и околополитических кругах тезис о неготовности России к демократии имеет в числе прочих и психологический смысл.

Думается, что глубинные национальные психологические структуры, особенности национального характера вряд ли имеют прямое отношение к демократизму или авторитаризму политической психо-

логии. Если бы это было не так, одни нации с момента своего появления на свет божий достигли бы высот демократизма, а другие вечно были бы обречены прозябать в авторитарной низине. Однако мы хорошо знаем, что демократия – продукт истории и столь же историчны те черты психического склада наций, которые могут быть названы демократичными (или авторитарными). Эти черты закрепляются в национальной политической культуре. Если же говорить о низком уровне политического демократизма россиян, то он объясняется по меньшей мере тремя главными факторами.

Во-первых, фактор культурно-исторический. Многовековое почти непрерывное развитие страны в условиях политической деспотии и тирании не смогло сформировать демократическую политическую культуру, соответствующие ей психологические установки и нормы поведения.

Во-вторых, фактор ситуационный. В учебниках политической психологии обычно отмечается рост уровня авторитаризма в обществе в периоды глубоких кризисов. В ужесточении политических порядков и системы власти люди ищут защиты от угрожающих им процессов усиления хаоса, социального распада. Современный российский массовый авторитаризм во многом ситуационен: в разгар перестройки (в 1988–1989 гг.), когда кризис экономики и политических институтов еще не был столь очевиден, наблюдалась противоположная тенденция – взлет демократических устремлений и ожиданий.

В-третьих, фактор практического опыта. Лишь незначительное меньшинство может выработать демократические установки путем усвоения соответствующих абстрактных ценностей. Большинство может прийти к ним лишь пройдя *прагматический* (или инструментальный) этап их освоения, лишь убедившись на собственном опыте, что "демократия полезна". Но та незавершенная, непоследовательная и формальная демократия, с которой россияне столкнулись в перестроечные и постперестроечные годы, скорее, могла убедить их в обратном – в дисфункциональности демократии. Во всяком случае, вряд ли они могли поверить в ее достоинства, наблюдая по своим телевизорам в 1992–1993 гг. за "боевыми действиями" в Верховном совете. Рассматривая реальную и потенциальную базу массовой демократической ориентации, мы уже имели случай заметить, что в российском обществе существуют такие социальные группы, которые в силу особенностей своего положения могут прийти к демократизму именно практически – эмпирическим путем.

Неготовность России к демократии можно признать реальной, если рассматривать ее как феномен культурный, конкретно-исторический и ситуационный. Но было бы ошибочным видеть в ней некую внеисторическую психологическую константу, коренящуюся якобы в природных особенностях "русского духа". Если реально оценивать именно психологические, т.е. закрепленные в установках "массовой личности" параметры этой "неготовности", то не следует забывать о том, что, как и любое состояние, она может измеряться не абсолютными, но относительными показателями. С точки зрения психологического де-

мократизма, россияне стоят в конце XX в., очевидно, на более низкой ступени, чем западноевропейцы, но выше многих жителей стран Азии и Африки, для которых всевластный и коррумпированный чиновник – нормальная социальная фигура, не вызывающая какого-либо морального осуждения. Психологическое неприятие бюрократического авторитаризма, особенно в его повседневных житейских проявлениях – не менее характерная черта российской политической психологии, чем ее относительная информативность к ценностям представительной демократии. И эту черту, укорененную в представлении о "неправедности" чиновничьей власти, правильно было бы считать серьезной психологической предпосылкой развития демократического сознания.

*Типы личности
и политические
ориентации*

Теперь мы можем вернуться к оценке познавательных возможностей индивидуально-психологического подхода, рассмотрение которого, собственно, и подвело нас к проблематике политических ориентаций в России. В свете имеющегося научного опыта, очевидно, можно согласиться с тем, что действительно в процессе первичной, дополитической социализации складываются определенные личностные психические структуры, более или менее релевантные различным политическим ориентациям. В свете нашей гипотезы о базовой напряженности и способах ее разрядки можно – также в гипотетическом плане (иное невозможно в силу слабой изученности проблемы) – высказать некоторые соображения о типах этой релевантности. Их источником является спонтанный выбор личностной стратегии в системе отношений "Я – Другой". Предпосылки развития "демократического" типа личности создает стратегия интеграции в общность при сохранении собственной психологической автономии. Она становится возможной при условии благожелательной открытости личности к другим людям, достаточной силы собственного Я, способности к эмпатии, мотивации "для других". Другой тип интеграции обусловлен слабостью Я, низким уровнем контрсуггестии, неспособностью установить равноправные отношения психологического обмена с другими, происходящим отсюда бессознательным переживанием одиночества, активностью защитных психологических механизмов. Такое сочетание порождает тип конформно-пассивного (психологически) авторитариста – человека, ищущего в принадлежности к иерархически организованной общности компенсацию слабости собственной индивидуальности и компенсирующего также эту слабость агрессивностью в отношении "чужих". Существует, наконец, стратегия индивидуального выделения из общности и поддержания связей с ней на основе стремления к преобладанию над другими, власти, лидерству, манипулированию. Она может, сочетаясь с силой Я и высоким уровнем суггетивности, формировать тип активного агрессивного авторитариста.

Слабостью модели Айзенка является имплицитно заложенное в ней представление о непосредственной связи между психической структурой личности ("политическим темпераментом") и ее политической ориентацией. По его модели получается: чем выше уровень авторитаризма человека, тем ближе оказывается он к полюсам "политической оси". В

действительности такой непосредственной связи как некоего всеобщего закона не существует; скорее она работает лишь в некоторых ситуациях. Дело в том, что личностные демократизм и авторитаризм не тождественны демократизму и авторитаризму как политическим феноменам.

Верно, что различные типы авторитаризма преобладают на крайних точках политического спектра, где предпочтительными считаются наиболее жесткие, предполагающие принуждение и насилие методы достижения политических целей. Но активные и пассивные авторитаристы отнюдь не являются каким-то редким исключением среди лидеров, активистов и сторонников более умеренных и демократических по своим принципам течений: их можно встретить в любой партии и движении. Другое дело, что в такого рода течениях принятые ими ценности не дают развернуться авторитарным качествам столь свободно, как в течениях, авторитарных по своей платформе. Все это лишний раз доказывает, что внутриспихические структуры воздействуют на политические позиции людей не прямо, а взаимодействуя с иными, ситуационными факторами. Во многих же случаях они определяют не выбор позиции, а стиль поведения в рамках позиции, принятой по другим основаниям.

Еще меньше оснований говорить об однозначном общественно-политическом смысле тех или иных рассматриваемых изолированно психических свойств личности. Мы видели, например, что такой фактор, как сила Я, — если понимать под ней способность и потребность активного индивидуального воздействия на социальную ситуацию — может стимулировать формирование как демократического, так и авторитарного типа личности. Вместе с тем на массовом уровне это психическое свойство, очевидно, является *одним из факторов*, воздействующих на выбор принципиальных общественно-политических позиций. Человек с сильным Я скорее поддержит политические течения, основанные на индивидуалистических ценностях, призывающие людей добиваться индивидуального успеха, опираясь на собственные силы. Люди со слабым Я скорее пойдут за теми политиками, которые уповают на силу коллектива или организуемую государством социальную защиту. Так что этот психологический фактор, вероятно, играет какую-то роль в дифференциации на правых и левых (социалистов) в капиталистических странах, реформаторов и противников реформ в посттоталитарных государствах. Но, разумеется, кроме него, на эту дифференциацию оказывает влияние и много других личностных, социальных, культурных и ситуационных факторов.

Вряд ли можно считать случайностью, что психологам легче всего удастся проследить непосредственное воздействие психических структур личности на ее общественно-политические взгляды на примере агрессивного авторитаризма и на крайних полюсах политического спектра. Политический экстремизм чаще всего строится на гипертрофированно-иррациональных представлениях и поведении, а такой агрессивный иррационализм — обычно следствие некоей психической ущербности, неблагополучия, вынуждающего личность активно использовать механизмы психологической защиты и мифические формы

сознания. Вот, например, какие черты обнаружило у правых и левых экстремистов западноевропейское исследование ценностей: они чаще сторонников других политических течений чувствуют себя социально изолированными и одинокими, не имеют семьи, ощущают бессмысленность жизни, испытывают тревогу за будущее²⁶.

Можно сказать, что эмоционально переживаемые чувства одиночества, незащитности, тревожности являются типичной непосредственной предпосылкой политического экстремизма и авторитаризма. Но столь непосредственная связь между аффективными психическими структурами или состояниями и политическими ориентациями существует у тех людей, у которых по тем или иным причинам заторможены или парализованы более рациональные и упорядоченные механизмы политического выбора.

Социализация и ориентация У любого человека глубинные, приобретенные в период первичной социализации психические структуры так или иначе участвуют в политическом выборе. Но участвуют лишь в качестве исходного "сырого материала", который впоследствии – в зависимости от конкретных исторических, социальных, культурных, личностных обстоятельств (ситуаций) может лечь в основу совершенно разных политических ориентаций или оказаться вовсе невостребованным. Что, например, произойдет с человеком, обладающим "демократическим типом личности", в стране, где невозможна демократическая направленность политической деятельности? Скорее всего, его "демократическая" психическая структура проявится в сфере семейных, дружеских и других межличностных отношений, но не даст никакого политического "выхода".

Вопрос о роли ранних и последующих этапов социализации в формировании политических ориентаций не сводится к проявлениям в политике характерологических свойств личности. В рамках индивидуально-психического или психоаналитического подходов изучаются и процессы политической социализации: формирование в детском возрасте конкретного содержания, т.е. когнитивного и ценностного аспектов политических взглядов человека.

Понятно, что, поскольку опыт и знания, да и историческая ситуация, в которой живет человек, сильно отличаются от того, что он узнает и переживает в раннем детстве, было бы нелепо думать, что уже в 3–5 лет совершается окончательный выбор политической ориентации. Исследователи-психоаналитики, изучавшие политическую социализацию, и не ставили вопрос таким образом. Наиболее видные представители этого направления Д. Истон и Дж. Деннис на основании эмпирического обследования 12 тыс. американских детей пришли к выводу, что в раннем возрасте формируется механизм "диффузной поддержки" существующей политической системы. Эти и другие американские авторы полагали, что дети переносят положительное аффективное восприятие отца и известного им представителя власти –

²⁶ Stoetzel J.: Les valeurs du temps présent; une enquête européenne. P., 1983. P. 73.

полицейского – на президента США, в результате чего фигура главы государства идеализируется, а затем эта идеализация может быть экстраполирована и на более безличные институты власти, например конгресс, на символы государства: флаг, гимн²⁷.

Критики концепции "диффузной поддержки" справедливо отмечали ограниченность того эмпирического материала, который лег в ее основание. Выводы авторов, относящиеся к маленьким белым американцам 60-х годов из благополучного среднего класса, не подтвердились данными о социализации детей из более бедных семей, особенно принадлежащих к этническим меньшинствам, а также детей более поздних поколений, росших в ином, более "конфликтном", чем в середине 60-х годов внутривнутриполитическом климате. И уж совсем сомнительной выглядит эта концепция, если пытаться применять ее к условиям ряда других стран с менее конформным, чем в США, массовым политическим сознанием. И наконец, самый убедительный аргумент критиков состоял в том, что "диффузная поддержка" может быть сугубо временным феноменом и исчезать с повзрослением человека в связи с переживаемыми им личными или политическими событиями.

При всей справедливости этой критики нельзя отрицать значимость концепции "диффузной поддержки". По-первых, она вполне адекватна тем ситуациям, в которых институты первичной социализации (семья, школа, другие детские учреждения) вносят в сознание детей единую, непротиворечивую систему политических представлений. Опросы детей, проводимые в России в разгар перестройки, показали, что среди них была широко распространена идеализация "дедушки Ленина", хотя в этот период его образ был уже основательно подмочен средствами массовой информации.

Во-вторых, многое в политической психологии подтверждает предположение Истона и Денниса, что первичные детские представления, даже будучи вытеснены последующим опытом, обладают значительной устойчивостью и что в "моменты кризисов вероятно возвращение личности к своим базовым представлениям"²⁸.

...В начале 1994 г. психолог Е.З. Басина провела серию бесед-интервью с несколькими представителями московской естественнонаучной и технической интеллигенции об их отношении к реформам и социально-политической ситуации в России²⁹. Констатируя, что в этой социальной группе, первоначально поддержавшей реформы, впоследствии наметился явный сдвиг к антиреформаторским и тоталитарно-"социалистическим" позициям, исследовательница объясняет его не только резким ухудшением социально-экономического положения респондентов. «Необходимо обладать продуманным и устойчивым

²⁷ Easton D., Dennis J. Children in the Political System // *Origins of Political Legitimacy*. N.Y., 1969; Hess R.D., Torney J.V. *The Development of Political Attitudes in Children*. Chicago, 1967. Подробный критический анализ этой концепции см.: Шестопал Е.Б. Личность и политика. М., 1988. С. 58–69.

²⁸ Easton D., Dennis J. Op. cit. P. 28.

²⁹ Басина Е.З. Научно-техническая интеллигенция и реформа (неопуб.). Материалы и выводы этого исследования используются в работе с любезного разрешения автора.

"демократическим" мировоззрением, – пишет Е.З. Басина, – чтобы не подвергнуть сомнению свои прежние социальные ориентации, в связи с частичной реализацией которых твоя собственная жизнь изменилась таким образом, что перестала доставлять тебе радость, а окружающее утратило понятность. У обсуждаемой группы такого мировоззрения никогда не было... Новый период актуализировал "школьные" примитивные знания... единственной теории социального развития, известной "естественникам-техникам", которые теперь все больше проступают в их мыслях» – респонденты рассуждают о российской действительности 90-х годов в понятиях традиционного марксизма-ленинизма (хороший социализм – плохой капитализм и проч.).

Приведенный пример показывает, что в ситуации когнитивной неопределенности и когнитивного дефицита по поводу негативных явлений ("плохое и непонятное") знания – пусть даже мифологические, усвоенные на более ранних этапах политической социализации, мобилизуются и выступают своего рода якорем спасения в бушующем море распадающейся, теряющей смысл действительности.

Выбор как процесс

В целом рассмотренный материал подтверждает значимость установок и иных личностных структур, сложившихся на ранних стадиях дополитической и политической социализации, для процесса политического выбора. Социально-политическая психология, являясь психологической дисциплиной, не может не учитывать это первичное звено формирования политической ориентации личности. Но не надо забывать в то же время, что речь идет именно о первичном звене, за которым следует ряд других. Выбор политической ориентации для каждого конкретного индивида лишь в редких случаях является единовременным актом. Правильнее рассматривать его как процесс, развертывающийся на протяжении всей жизни человека. Формы этого процесса многообразны и могут быть расположены между двумя "крайними" типами. Один из них – стабильно-эволюционный. Он соответствует относительной устойчивости социально-экономического положения и культурной идентичности индивида, а также нарушаемой лишь ситуационными кризисами стабильности общественно-политической системы. В этих условиях содержание принятой в начале жизненного пути политической ориентации может меняться, но оно меняется, как уже отмечалось выше, не на индивидуальном, а на социальном и групповом уровнях по мере накопления общественно-политических изменений и соответствующего обновления набора актуальных для общества проблем. Иными словами, речь идет об эволюционном процессе психологических изменений, не контролируемом самим индивидом. Он просто "идет в ногу" с социумом.

Второй "крайний" тип – дискретный процесс изменений в индивидуальной политической ориентации. Он происходит в обстановке резких, переломных экономических, социальных, политических и культурных сдвигов в обществе и(или) в положении индивида. В этих случаях он вынужден делать не один, а ряд последовательных выборов, причем выбор в таких ситуациях теряет автоматизм, становится более

индивидуальным, сопряжен с какими-то переживаниями, когнитивной и интеллектуальной активностью совершающего его субъекта. При отсутствии у него необходимых волевых, интеллектуальных и когнитивных ресурсов он может оказаться не в состоянии совершить выбор, утратить какую бы то ни было ориентацию, пополнить ряды психолого-политических маргиналов. У людей, вообще никогда не имевших определенной ориентации, представителей политического "болота" в подобных ситуациях обычно происходит ослабление элементов одной и усиление другой из тех ориентаций, которым они в той или иной степени подвержены. Для анализа подобного типа выбора недостаточно индивидуально-психологического подхода, он должен быть дополнен подходами ситуационным и манипулятивным. Ибо в переломных ситуациях люди в силу своей растерянности, утраты собственных ориентиров обычно больше подвержены воздействию разного рода идейно-политических манипуляций.

Как уже отмечалось, ни воздействие ситуации, ни манипуляция не могут сами по себе быть монопольными факторами формирования индивидуальных и групповых ориентаций. Выбор ориентации – результат взаимодействия этих факторов с потребностями и мотивами человека, выражающимися в его социальных ожиданиях и aspirations. (Значение мотивации в социально-политической психологии подробно рассматривалось в главе II.) Здесь важно отметить, что иерархия потребностей и мотивов индивида является относительно устойчивым компонентом психики, который обеспечивает определенную независимость политического выбора от сиюминутных ситуационных и манипулятивных воздействий.

Разумеется, потребности и мотивы, выражающие их установки, тоже изменчивы. Они меняются в зависимости от изменений в макро-социальной и личной ситуации, от возраста человека. Однако существуют психологические механизмы и образования, которые придают определенную устойчивость "представляющим" мотивы установкам людей. К ним относятся принимаемые людьми социальные роли, их макрогрупповые идентификации и интериоризированные ими социально-политические ценности.

Роли и идентификации как факторы выбора

Социальная роль, усвоенная человеком, как бы моделирует систему его потребностей и ожиданий и становится чем-то вроде призмы, сквозь которую он воспринимает общественно-политическую действительность. Например, если главные для человека – семейные роли (отца или

матери), он будет особенно болезненно воспринимать все те явления в обществе, которые подрывают семейное благосостояние, затрудняют нормальное воспитание и образование детей. Это само по себе не предопределяет его выбор политической ориентации, но образует существенный критерий такого выбора. Например, в постсоветской России какая-то часть населения придерживается реформистской ориентации, поскольку видит в новых видах деятельности и способах заработка, связанных с реформами, средство укрепления материальной

базы семьи. В исследовании Е.З. Басиной отмечен любопытный факт: ее респондентки-женщины в общем более склонны положительно воспринимать пореформенную экономическую ситуацию, так как она избавила их от очередей и дефицита. Более, чем мужчины, вовлеченные в круг семейных забот и обязанностей, они получили возможность с меньшими трудностями и препятствиями выполнять требования, предъявляемые их социальной ролью. Понятно, в тех гораздо более многочисленных случаях, в которых реформы привели к резкому снижению жизненного уровня семей, реакция часто является противоположной.

Люди, усвоившие главным образом профессиональные роли, воспринимают социальную действительность в зависимости от того, какие возможности она создает для их профессиональной деятельности, в каком направлении меняет ее социальный статус. Ряд респондентов Басиной враждебны либерально-реформаторскому течению в большой степени потому, что они являются высококвалифицированными специалистами военно-промышленного комплекса, а научно-исследовательская работа в данной области под влиянием реформ пришла в упадок. Следует в этой связи отметить, что полное игнорирование проблем статуса творчески-производительной деятельности вообще является серьезной идеологической слабостью либерально-реформаторского течения в России. Прямо или косвенно оно акцентирует социальную ценность деятельности, нацеленной на обогащение, но отнюдь не самоценность созидательного труда. Эта странная особенность российского либерального этоса отрицательно сказывается на отношении к реформам не только ученых из ВПК, но и (наряду, разумеется, с другими факторами) относительно широких слоев рабочего класса.

Идентификация индивида с большой социальной группой является в любом обществе мощным фактором политического выбора. Это идентификация восходит к одной из фундаментальных особенностей человеческой психологии – потребности индивида в выделении из всей массы человеческих существ – выделению не только индивидуальному, но и групповому, потребностью в своем собственном "мы", в принадлежности к определенной социальной среде. Этот вид выделения детально исследован французским социологом П. Бурдьё, показавшим, что идентификация с группой, демонстрация групповой принадлежности влияет на чрезвычайно широкий круг предпочтений и потребностей людей, их культурные нормы, взгляды, формы потребления и общения³⁰. Под влиянием макрогрупповой или "средовой" идентификации складываются и политические предпочтения: она представляет собой механизм экстраполяции массовых потребностей в политическую сферу. Эти предпочтения не определяют жестко политическую ориентацию, но очерчивают рамки ее выбора. Так люди, идентифицирующие себя с группой собственников, бизнесменов, как правило, отторгают ориентации, предполагающие отмену или ограничение частной собственности, высокие налоги на прибыль. В ряде капиталистических стран люди,

³⁰ Bourdieu P. La distinction. Critique sociale du jugement. P., 1979.

идентифицирующие себя с рабочим классом, поддерживают партии и течения, провозглашающие себя защитниками наемных трудящихся. В связи с экономическими и социальными сдвигами последних десятилетий в развитых странах умножилось число людей, идентифицирующих себя со "средним классом". Это привело к расширению влияния умеренных, внеклассовых "компромиссных" ориентаций, отталкивающихся от крайностей и тяготеющих к центру политического спектра.

Групповая идентификация с классом или иной социально-экономической группой – лишь один из возможных ее видов. В современных обществах групповая идентификация индивида плюралистична; он идентифицирует себя обычно не с одной, а с несколькими большими группами: нацией, профессиональной, локальной, демографической (женщины, молодежь), этнической, культурной и т.д. Выбор политической ориентации связан с относительной значимостью различных групп для субъекта: на него влияет идентификация с той группой, с которой в данный момент он ощущает наибольшую психологическую близость. Таким образом, можно сказать, что выбор ориентации обусловлен выбором наиболее значимой группы.

Психология национализма   Наиболее элементарный, распространенный и психологически естественный вид групповой идентификации – национальное чувство. Прежде чем осознать себя рабочим, предпринимателем или представителем "среднего класса", человек ощущает себя русским, немцем, поляком и т.д. Национальная или национально-государственная принадлежность – это эмпирическая данность, освоение которой не требует ни особого жизненного опыта, ни каких-либо сложных когнитивных процедур. В течение длительных исторических эпох во многих обществах национально-государственная ориентация фактически была единственно возможной. Государство, представлявшее территориальную общность (землю, княжество, город), а позднее – нацию, в средневековье и в эпоху абсолютизма нередко было единственным реальным политическим субъектом. Явным объектом политической борьбы были не проблемы жизни общества, но государственная власть в чистом виде. Преобладающей формой политической деятельности были войны между государствами или за власть в данном государстве. "Политический человек" если и совершал выбор, то выбирал не систему взглядов и идей, но властителя, которому стоило подчиниться. Иногда, правда, существовал и идеологический, говоря современным языком, выбор, но он был связан не с политической, а с религиозной идеологией.

В современном мире националистическая или национал-государственная ориентация выражает определенную систему политических предпочтений. Ее источниками являются протест против национального неравноправия и стремление наций или этносов, не имеющих собственного государства, к независимости; угроза, реальная или воображаемая, национальной независимости и интересам со стороны других государств; межнациональные конфликты из-за спорных территорий; культурная экспансия извне, грозящая подорвать национальную идентичность;

иммиграция представителей других национально-расовых групп, обостряющая конкуренцию за рабочие места и вносящая элементы "чужой" культуры в жизнь нации; особо высокий экономический статус национальных меньшинств (например, китайцев в ряде стран Юго-Восточной Азии); великодержавные амбиции и милитаристские тенденции, за которыми стоят прагматические интересы определенных социальных групп. Однако национализм распространен и в тех странах и социальных слоях, которые не вовлечены в такие конфликты и интересы или в жизни которых они не играют большой роли.

Можно выделить несколько типов личных и социальных ситуаций, образующих психологическую почву подобного иррационального, не обусловленного реальными интересами политического национализма.

Во-первых, он часто свойствен атомизированным (выше мы их называли "типологическими") социальным группам, не имеющим возможностей для выработки собственных групповых идентичности и самосознания. Испытывая естественную потребность в принадлежности к большой социальной общности, члены таких групп удовлетворяют ее единственно доступным для них способом – переживанием национального чувства. Подобный тип групповых идентификаций порождает обычно пассивный, диффузный национализм, который, однако, в стрессовых ситуациях (дестабилизация положения группы, ощущение угрозы и т.п.) может принимать активную, агрессивную форму. Такого рода национализм особенно характерен для традиционной крестьянской психологии.

Во-вторых, политический национализм сплошь и рядом является следствием низкого уровня когнитивных и интеллектуальных возможностей человека. Для людей невежественных и не способных ни к самостоятельному размышлению, ни к усвоению рационально обоснованных политических ориентаций характерна склонность к предельно упрощенному объяснению негативно отражающихся на их положении экономических и социальных явлений, к наиболее примитивным мифологическим формам каузальной атрибуции (см. главу I). Приписывание причин подобных явлений злокозненным действиям других наций или государств – одна из наиболее распространенных форм такого упрощения. Это тот самый случай, когда "простота хуже воровства". Характерно, что по данным конкретных исследований, агрессивный национализм характерен для малообразованных слоев населения и часто связан с антиинтеллектуализмом: в сущности он является способом агрессивного самооправдания собственной неспособности к политическому мышлению. Можно утверждать, что национализм во многих социально-исторических ситуациях представляет собой искаженную иррациональную форму экстраполяции массовых потребностей в социально-политическую сферу. За массовыми националистическими ориентациями в таких ситуациях кроются реальные неудовлетворенные потребности, в действительности не имеющие отношения к национальным проблемам и интересам.

В-третьих, гипертрофированная национальная самоидентификация является результатом маргинального положения человека в социально-

групповой структуре общества. Эта маргинализация может быть обусловлена его низким статусом в своей социальной группе. Ее жертвой является, например, мелкий предприниматель, не сумевший добиться делового успеха и испытывающий угрозу разорения; рабочий, которому не удалось приобрести профессиональную квалификацию; представитель творческой интеллигенции, не получивший признания своих коллег и публики. Маргиналами являются и люмпены – одинокие, социально-изолированные люди, не сумевшие прибиться ни к одной из обладающих определенным статусом и достоинством групп общества. Для таких людей националистическая ориентация есть способ восстановления – хотя бы иллюзорного – утраченных психологических связей с обществом. Такого рода национализм – психология озлобленных неудачников.

Политический национализм, когда он не является идеологией угнетенной или униженной нации, обычно тесно связан с консервативными (правыми в капиталистических, государственно-социалистическими в постсоциалистических странах) и авторитарными ориентациями. Эта связь естественна и органична. Консерватизм выражает интересы привилегированных социальных групп, стремящихся сохранить статус-кво, не желающих учитывать потребности основной части общества. Апелляция к общенациональным интересам – наиболее удобный способ оправдания такой позиции, игнорирования реального многообразия социально-групповых интересов, существующих в обществе. Кроме того, она позволяет эксплуатировать стихийный массовый консерватизм, питаемый страхом перемен ("не было бы хуже!"), особенно сильным в кризисной, неопределенной, стохастической ситуации. Апелляция к национальным традициям, "корням", к национальной идее – эффективное противоядие против стремления к реформам, к социальным и культурным переменам. Психологически национализм традиционных консерваторов – в царской России или в странах Запада XIX – первой половины XX в. не отличается от национализма советской и постсоветской номенклатуры. В истории известны ситуации когда ожесточенная борьба сторонников и противников агрессивного национализма была связана с конфликтом модернизаторских и консервативных течений в общественном сознании (один из наиболее ярких примеров – дело Дрейфуса во Франции).

Что касается авторитаризма, то он связан с национализмом психологически и политически. Психологически – потому, что их объединяет дух культурной и идеологической нетерпимости, враждебность к "чужим". Политически – потому, что национализм оправдывает авторитарную власть национального государства над обществом, приносит суверенитет и свободу личности в жертву "национально государственной идее". Антагонист авторитаризма – демократия – несовместима с национализмом, ибо она требует учета и взаимосогласования различных социальных интересов и отстаивает суверенитет личности, а не ее подчинение общенациональному интересу, воплощаемому государством. Демократия расходится с авторитаризмом в самом понимании национальных интересов: для первой – это совокупность интересов

реальных людей, составляющих общество, для второго – интерес общности, олицетворенной в государстве, практически сводящийся к интересу государства как института власти.

Национализм нередко противопоставляют патриотизму, называя его "лжепатриотизм". Это противопоставление справедливо. Патриотизм, это – совокупность положительных ценностных и аффективных установок в отношении своей страны, ее народа, не совпадающая с какой-либо конкретной политической ориентацией. Он может служить лишь критерием выбора политической ориентации, побуждая принимать более всего соответствующую интересам всей общности людей, составляющих страну, нацию. Объектом патриотических чувств, ценностей, политических предпочтений является именно эта общность как таковая, национализм же обращен вовне, в нем главное – противопоставление своей нации другой или другим национально-этническим или национально-государственным общностям, синдром "чужого", "врага". Во многих ситуациях грань между патриотизмом и национализмом трудно уловима, но главным критерием их различия всегда остается наличие или отсутствие враждебного, конфронтационного восприятия других наций.

*Ценностный
и прагматиче-
ский выбор*

Политическая мотивация, укрепляемая интериоризованной социальной ролью и макрогрупповой идентификацией человека, находит свое более или менее осознанное выражение в принятой им системе социально-политических ценностей. Принятие социальной ценностной ориентации – одно из важнейших и необходимых звеньев в процессе политического выбора. Такие ценности, как нация, сила государства, экономическая или политическая свобода, благосостояние, равенство, социальная справедливость, социализм, верность традиционным устоям общества, технико-экономический прогресс, социальная иерархия, антимилитаризм, защита природной среды, демократия и др., лежат в основе предпочитаемых человеком целей политической деятельности, образующих, как помнит читатель, один из основных компонентов политической ориентации.

Отмечая решающее значение ценностей в политическом сознании, важно в то же время учитывать, что их роль в выборе политической ориентации различна у разных людей. Существует тип политического человека, у которого ценности являются определяющим фактором выбора. Как правило, такой человек сильно вовлечен психологически в общественно-политическую жизнь. Его можно назвать идейным человеком, ибо его общественно-политические ценности приобретают характер достаточно четких и твердых личных убеждений. Эти убеждения относительно независимы от его личных прагматических интересов, они возникли под влиянием каких-то глубинно-психических черт его личности, или условий его политической социализации, или самостоятельной рефлексии. Таких людей нетрудно обнаружить среди наиболее активных представителей любой политической ориентации, но особенно много их среди сторонников тех течений, которые руководствуются общегуманистическими ценностями, не связанными с

какими-либо групповыми или индивидуальными интересами (например, среди экологистов, правозащитников). В некоторых странах (например, на Ближнем и Среднем Востоке) политический выбор часто осуществляется на основе религиозных убеждений человека, подкрепленных идентификацией с соответствующей конфессиональной общностью. Во всех этих случаях можно говорить о ценностном выборе политической ориентации.

Большинство людей, во всяком случае в развитых странах, совершают политический выбор не на ценностных, но на прагматических основаниях. Они выбирают ту политическую ориентацию, которая представляется им наиболее соответствующей их потребностям и интересам. Ценности тоже участвуют в их выборе, но не как его определяющий фактор, а в инструментальном качестве – как способ осознания, самооправдания (психологической легитимизации) и подкрепления сделанного выбора. Основу же прагматического выбора образует социальный интерес. Выбор, осуществляемый на этой основе, направлен в отличие от выбора ценностного не только на цели политической деятельности, но и на средства их достижения. Ибо, будучи выбором прагматическим, он естественно руководствуется не только привлекательностью определенных политических целей, но и критерием эффективности политической деятельности, а это направляет внимание выбирающего на применяемые ею средства достижения целей.

Рассматривая политические ориентации в постсоветской России, мы столкнулись с психологической неоднородностью сторонников представительной демократии. Психологические различия между идейными демократами и демократами-прагматиками довольно ясно проявляются в их политическом поведении. Для первых главное – принципы, поэтому свои позиции они отстаивают главным образом путем политических деклараций и разоблачений антидемократической практики. Многие из них, относясь весьма отрицательно к хасбулатовскому Верховному совету, жестко осудили тем не менее его разгон Ельциным в сентябре 1993 г. и последующие вооруженные акции властей против боевиков непримиримой оппозиции. Значение парламента как символа демократии было для них важнее содержания и последствий его деятельности. Демократы-прагматики не столько декларируют демократические принципы, сколько пытаются провести их в жизнь путем давления на бюрократическую власть. Разгон Верховного совета они восприняли как разумное решение, не видя других, более эффективных способов преодоления ожесточенного сопротивления антидемократических сил.

Исходя из всего сказанного можно было бы заключить, что для подавляющего большинства людей прагматический интерес является решающим фактором политического выбора, что исключение из этого правила составляют лишь относительно незначительные идеологически ангажированные меньшинства людей и некоторые специфические региональные и страновые ситуации (где религиозный фактор сильно влияет на политическую жизнь). Такое заключение верно отражает господствующую тенденцию (направленность, интенцию) процесса

выбора, но нуждается в весьма существенных оговорках в том, что касается ее реального осуществления.

Для того чтобы положить интерес в основу политического выбора, необходимо *знать*, какие политические цели и средства оптимальны для его реализации. Иными словами, путь к выбору ориентации проходит через процесс осознания политических интересов, сопряженный чаще всего со сложными проблемами когнитивного порядка. Для прагматического выбора характерно осознание интересов на уровне рационального здравого смысла, опирающегося на личный и групповой социально-политический опыт, но этот опыт по своей природе противоречив, содержит в себе возможности противоположных выводов. Опыт экономических рыночных реформ в России был по-разному оценен различными группами российского общества. Одни из них пришли к выводу о необходимости продолжать реформы, но более решительно и умело, другие настаивали на приостановке реформ и возвращении к плановой, государственно-контролируемой экономике. Среди тех и других были люди, которые в результате реформ оказались в аналогичной социально-экономической ситуации, т.е. различные оценки нельзя объяснить только конфликтом между выигравшими и проигравшими. Один и тот же социальный опыт породил различные представления о конкретном политическом содержании интереса, в рамках одних и тех же социальных групп.

Осознание политических интересов

Для осознания своих политических интересов люди используют различные когнитивные механизмы, о которых уже говорилось подробно в главе I. Наиболее соответствующим принципам их рационального осознания является механизм общественно-политической рефлексии. В качестве примера его использования приведем спор между активистами движения "Демократическая Россия", зафиксированный в эмпирическом исследовании новых социальных движений, проведенном в конце 1991 г. Среди других проблем в ходе групповой дискуссии обсуждалась альтернатива политического развития России по авторитарному или демократическому пути. Учитывая мировоззрение этих активистов, можно утверждать, что общей целью почти для всех них (об исключениях будет сказано ниже) является установление демократического строя. В данном случае не имеет значения, в силу каких мотивов каждый из них пришел к этому убеждению, важно, что интериоризированная ценность политической демократии стала для них собственным интересом. Но верности этой цели, как выясняется, недостаточно для выбора политической ориентации. Многие участники дискуссии отстаивали необходимость авторитарной системы власти как неизбежного этапа на пути к демократии. Их аргументы: слабость нынешней власти, ее неспособность навести элементарный порядок в стране, что представляет собой угрозу для будущего демократии и реформ. Другой аргумент: непопулярность экономических реформ, — проводя их, "без авторитарных методов, без сильной руки не обойтись". Третий: только авторитарная власть может обеспечить социальную защиту в переходный период.

Понятно, что для этих активистов авторитаризм неизбежное и, как они надеются, временное зло, использование авторитарных методов представляется им наиболее эффективным способом реализации демократической перспективы. Этот вывод основан на рациональном анализе ситуации, который, несмотря на демократические убеждения активистов, побуждает их отводить демократические ценности на задний план, а на передний – выдвигать проведение реформ и восстановление порядка в обществе. Этот тип рассуждения – "авторитаризм во имя торжества демократии" – подталкивает их к той политической ориентации, которую мы выше определили как реформаторско-авторитарную. Очевидной слабостью этой позиции является нерешенность вопроса о том, чем именно будет гарантирован дальнейший переход от авторитаризма к демократии. Иными словами, ей не хватает интегративной сложности (см. главу IV), т.е. охвата всего комплекса проблематики, которой касается процесс выбора.

Еще более последовательными сторонниками реформаторско-авторитарной ориентации являются те активисты, которые отстаивают авторитарный путь в чистом виде, без оговорок относительно его временного или инструментального характера. Аргументы: «"наше общество привыкло, что у нас все решает кто-то наверху", нам остается ждать с оптимизмом реформ сверху... А мы внизу находимся в плену собственных иллюзий». Это глубокое неверие в демократию в условиях России равносильно отказу от ее восприятия как политического интереса или цели. У этих активистов, образующих незначительное меньшинство в группе, идентификация с демократическим движением обусловлена не демократическими, а реформаторскими убеждениями, тем, что оно выступает за реформы. Данная позиция – тоже результат рационального анализа, но довольно одностороннего, принимающего во внимание лишь антидемократические тенденции российской жизни.

Вопрос о гарантиях перехода к демократии, игнорируемый сторонниками "временного авторитаризма", оказался в центре внимания тех активистов, которые однозначно высказались против авторитарного сценария. "Переход от авторитаризма к демократии не очевиден, – говорит один из них, – важнее установить политический механизм, который будет способствовать развитию демократии как института, который будет основан на законодательной базе". Эти активисты явно относятся к демократически-реформаторской ориентации.

В ходе обсуждения выявилась еще одна позиция. Защищавшие ее активисты стремились сочетать в своих размышлениях неизбежность использования авторитарных методов с защитой демократических принципов, формированием условий для их окончательного торжества. Такое сочетание они усматривали в "механизме самоограничения авторитарной власти, которую нам придется поддержать". Этот механизм – создание структур гражданского общества, блокирование наступления власти на такие структуры; "построение рыночной экономики, которая не способствовала бы авторитарной власти" (т.е. очевидно, немонопольной и не связанной с государственными структурами. – Г.Д.);

создание сильной представительной власти³¹. Данная позиция, очевидно, отличается от всех остальных более высоким уровнем "интегративной сложности": проблема рассматривается в ее целостности и полноте, во всех ее аспектах и противоречиях, предлагаемые средства достижения цели (демократия) основаны на компромиссе ведущего интереса с объективными императивами действительности. Сторонники этой позиции примыкают к реформаторско-демократической ориентации, но глубже и полнее других осмысливают пути ее реализации.

Другим примером общественно-политической рефлексии могут служить групповые дискуссии в среде активистов шахтерского профсоюзного движения³². Одним из наиболее интересных моментов является здесь обсуждение вопроса о переходе к экономике, основанной на частной собственности. Материалом для размышления является в данном случае непосредственно пережитый рабочими опыт трудовых отношений в условиях государственного социализма. Интерес, лежащий в основе размышлений профсоюзных активистов – это, естественно, заинтересованность рабочей массы в достойной оплате и хороших условиях труда, словом, в том, что они называют "заботой о рабочем". Выводом из размышлений является убеждение в том, что "коллективная собственность – это безответственность, которая всегда оборачивается против рядовых рабочих", что им лучше иметь дело с частником-хозяином, который в отличие от государственной дирекции заинтересован в эффективности производства и от которого организованные в профсоюзы трудящиеся смогут добиваться "заботы о рабочих". Один из профсоюзных активистов определил такую систему отношений емкой формулой "капитализм с социалистическим лицом".

Активисты в ходе обсуждений пришли к заключению, что рабочее движение должно "способствовать созданию хозяина и бороться с ним". Рефлексия, основанная на здравом смысле и собственном социальном опыте, позволила сформулировать концепцию, превосходящую по обоснованности и реализму иные "академические" построения. В политическом плане она логически ведет к принятию прагматической реформаторско-демократической ориентации. Высокий уровень интегративной сложности мышления обеспечен в данном случае хорошим эмпирическим знанием предмета – трудовых отношений.

Думается, что именно этот фактор объясняет значительно большую общность взглядов шахтерских активистов по сравнению с демокроссами, спорившими об авторитаризме и демократии. Преимущества различных политических систем в конкретных условиях постсоветской России – проблема, гораздо труднее поддающаяся эмпирически проверяемому знанию, чем более непосредственно переживаемые людьми социально-трудовые отношения. Реалистический образ этих отношений в условиях частной собственности построить от противного (т.е. отправляясь от опыта социалистической действительности) гораздо легче, чем спрогнозировать многообразные и противоречивые последствия

³¹ См.: Новые социальные движения в России. М., 1993. С. 47–49.

³² См.: Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Указ. соч. С. 37–48, 60–63.

различных сценариев политического развития. Поэтому в последнем случае волей-неволей приходится прибегать к абстрактным умозрительным построениям, неизбежно возникают резкие расхождения во мнениях, и индивидуальные интеллектуальные способности приобретают решающую роль в формулировании наиболее обоснованной позиции.

Все приведенные примеры относятся к одной и той же социально-исторической ситуации, отличающейся крайней неопределенностью и нестабильностью. В такой ситуации естественно, что огромные массы людей, не обладающие способностью или волей к общественно-политической рефлексии, прибегают к иным когнитивным механизмам. В том числе к иррациональным, основанным на эмоциональных впечатлениях и реакциях, опирающимся на мифы, стереотипы, атрибуции, ранее засевшие в сознании или внедряемые в него манипулирующей информацией.

Интуитивно-чувственные механизмы выбора

В любых исторических условиях выбор политической ориентации лишь у меньшинства людей совпадает с выбором политической концепции. У большинства он связан с выбором персонифицированным: ориентация персонифицируется в политическом лидере или организации, образы которых ассоциируются с теми предпочтениями, в которых выражаются политические интересы людей. Во всех странах политикам хорошо известно, что даже самой соблазнительной программы недостаточно для гарантированного успеха: к ней необходимо подсоединить привлекательного лидера или политическую команду. Большинство людей не занимается глубоким анализом программ с точки зрения их соответствия своим интересам: они улавливают лишь общую направленность программы, восприятие и оценка образов лидеров заменяет им трудную работу по осмыслению и сопоставлению содержания политических ориентаций.

Как отмечают специалисты по электоральной психологии, рядовой избиратель отнюдь не является изощренным "читателем" политических текстов. Более того, у него, как правило, отсутствует всякое желание читать их. Он берет лишь верхний слой информации, причем «подчиняет ее своей логике, своим представлениям о том, что пытается сообщить ему политик. Весьма часто избиратель и вовсе не воспринимает послание политического кандидата, а строит его образ по "осколкам" информации, которую он воспринимает на эмоционально-чувственном уровне. Этот уровень восприятия политических объектов является возможно даже более важным, чем понятийный»³³.

Подобный уровень восприятия заменяет интеллектуально-понятийное знание или существенно дополняет его. При этом он выполняет важную функцию, которую не в состоянии выполнить даже весьма глубокая общественно-политическая рефлексия. Тому, кто осу-

---

³³ См.: Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Минтусов Е. Восприятие власти // Власть. 1994. № 1. С. 18.

существляет политический выбор, важно знать не только, что обещают делать политики, представляющие те или иные ориентации, но и захотят ли они действительно и сумеют ли это сделать. Чувственно воспринимаемый образ политиков – это для большинства людей единственно доступный источник суждения о гарантиях осуществления разделяемых ими политических целей. Поэтому такие качества этого образа, как сила, уверенность, воля, ясное видение цели и средств ее достижения, играют немалую роль в выборе ориентации и в политической борьбе.

Можно, таким образом, сказать, что осознание политических интересов в той или иной мере основано на их ассоциации с личностями лидеров или политической организацией (партией). Такой способ "осознания" вряд ли можно считать рациональным: ведь он является скорее интуитивным, зависящим от чувственных впечатлений.

В политически стабильных обществах устоявшаяся партийная структура и культура общения политиков с населением формируют у него более или менее ясные представления о существующих политических ориентациях, воплощающих их партиях и деятелях. В таких обществах люди – если не все, то очень многие – по крайней мере в общих чертах знают, чем отличаются правые от левых, консерваторы от либералов и социал-демократов. Знают они и чего можно ожидать от лидеров, известных по их прошлой деятельности. Когда заново возникает проблема выбора, для него уже существует некая когнитивная база.

Тем не менее и в таких обществах процесс выбора осуществляется в значительной мере на основе охарактеризованных чувственно-эмоциональных механизмов. Потребности и интересы лежат в основе выбора, но их осознание сплошь и рядом замещается эмоцией по поводу лидеров или "команд", а такое замещение может вообще сводить на нет роль интереса в выборе. Негативную эмоцию может вызывать, например, неблагоприятный в этическом плане поступок лидера, и он отвергается обществом совершенно независимо от того, насколько его политика служит общественным интересам. Именно это произошло с Р. Никсоном – одним из самых эффективных с точки зрения защиты национальных интересов президентов в новейшей истории США. В Италии в 1994 г. политического доверия общества лишились партии, управлявшие страной в течение длительного исторического периода, принесшего итальянцам впечатляющий экономический прогресс, рост благосостояния и демократизацию политического строя; эмоции, вызванные фактами коррупции политической элиты, стали главной причиной ее изгнания и прихода к власти людей и течений с весьма неясными правопопулистскими или откровенно антидемократическими программами.

*Незавершенный
выбор и "разор-
ванное сознание"*

Если эмоциональный фактор и манипулирование массовыми эмоциями занимают видное место в политической жизни стран с относительно стабильной социально-экономической системой, со сложившимися социальными интересами и полити-

ческими ориентациями, то как может действовать фактор прагматического интереса в обществах, где отсутствуют все эти условия? Яркий пример – постсоветское российское общество, в котором старые интересы и ориентации в значительной мере разрушены, а новые только складываются, где еще не определились доминирующие социальные ценности и где часто очень трудно уловить разницу между соперничающими друг с другом программами и партиями. И главное – где существует зияющий когнитивный вакуум, неопределенность в понимании возможностей и путей экономического, социального и политического развития страны.

На приведенной выше двухмерной схеме российских политических ориентаций отмечена обширная "центральная зона". Ее "население" значительно отличается в политико-психологическом отношении от тех вовлеченных в общественно-политическую жизнь людей, которые, как мы видели из данных эмпирических исследований, уже выработали более или менее определенные политические ориентации, совершили свой политический выбор. Отличаются прежде всего неспособностью сделать такой выбор, связать свои интересы с какой-либо политической программой, крайней противоречивостью оценок и суждений.

...Одна из респонденток исследования Е.З. Басиной – 49-летняя инженер проектного отраслевого института – может показаться убежденной сторонницей рыночных реформ и демократии. На выборах 1993 г. голосовала за "Выбор России", считает, что лучше всего жилось "при Гайдаре", а его уход из правительства рассматривает как негативное событие. Довольна товарным изобилием, которое считает результатом гайдаровских реформ, предпочитает "изобилие с дороговизной" дешевизне с дефицитом, "ибо любой может заработать деньги". Утверждает, что "Гайдар не довел реформу до конца". "Все надо было делать разом, одним ударом. Не отрубать собаке хвост по частям". Причиной развала экономики считает "70 лет партийной власти". В принципе респондентка положительно относится к демократической перспективе. Ей "хотелось бы верить", что Россия будет демократической страной, она считает, что "демократические свободы имеют очень большое значение".

Этому образу реформистки-"гайдаровки" и демократки резко противоречит ряд других высказываний респондентки. Хотя она относится к реформе положительно, но методы ее проведения ей кажутся неправильными. Эту весьма стереотипную в российском обществе 90-х годов формулу она раскрывает на примере своей отрасли. Хотя она работает в проектном институте, который, по ее собственному признанию, мог бы функционировать на коммерческой основе, его, по ее мнению, следует финансировать из бюджета, а вся отрасль (близкая к оборонным производствам) должна контролироваться государством. Вообще "жесткий правительственный контроль", по всей видимости, и есть тот главный корректив, который респондентка хотела бы внести в методы проведения реформ. Остается непонятным, как это сочетается у нее с высокой оценкой деятельности Гайдара, направленной как раз

против такого контроля в экономике, с осуждением недостаточного радикализма реформ.

Менее противоречивы, хотя и далеки от логичности взгляды респондентки по проблемам политического строя. Хотя ей импонируют демократические свободы, она решительно предпочитает "твердую руку", не верит в возможность установления полноценной демократии в России.

В чем же причина столь противоречивых позиций этой женщины-инженера? Очевидно, на ее взгляды влияет, с одной стороны, рациональное осмысление негативного опыта реального социализма, те реформаторские и демократические ценности, которые она усвоила вместе с широкими слоями интеллигенции в период перестройки, те "бытовые" положительные результаты реформ, которые она ощущает в качестве потребителя. С другой стороны, как явствует из ее высказываний, она очень устойчиво идентифицирует себя со своей профессиональной ролью и группой – "инженерной прослойкой", и происшедшее в результате реформ снижение социального статуса профессии вызывает у нее резко отрицательную реакцию ("с разрушением ВПК страдает прогресс"). Материальное положение ее семьи удовлетворительно (хорошо зарабатывает муж), но свою зарплату она считает низкой, главным образом по мотивам уязвленного профессионального самолюбия. На позиции респондентки, несомненно, влияет и унаследованный от реального социализма авторитарно-государственнический (патерналистский) синдром, страх лишиться "государственного контроля". Воздействие этих противоречащих друг другу факторов порождает у нее неспособность определить свои политические интересы; осмысливая их в социальном плане, в связи с общим направлением развития страны и его влиянием на свои жизненные возможности (в сфере потребления, демократических свобод) она – реформатор и отчасти демократка, связывая же их с личной профессиональной судьбой, – консерватор и "государственник". Преодолеть эту двойственность, построить целостную концепцию интересов своей профессиональной группы в контексте происходящих общественных перемен, респондентка не в состоянии. Особенно ярко эта разорванность сознания выступает в ее взаимоисключающих ответах на сходные вопросы: в одном случае она говорит, что самая лучшая экономическая ситуация была в доперестроечные годы, а через несколько минут – что лучше всего жилось при Гайдаре! Помимо всего прочего в ее суждениях сказывается и описанная выше персонификация политики. Ельцин и Гайдар для нее "позитивные фигуры" независимо от проводимой ими политики. В постсоветской России персонификация носит гипертрофированный характер: при отсутствии ясных политических программ и последовательно осуществляющих их партий приходится ориентироваться на отдельных деятелей.

Подытоживая в конце беседы свой политический идеал, респондентка говорит: "а вообще хочется, чтобы все было честно, и я верю, что это возможно". Нравственный критерий оценки политиков и выбора политической ориентации нормален и естествен в любом

обществе и вряд ли нуждается в каком-либо особом обосновании и комментарии. Однако бывают такие ситуации, когда доминирование этого критерия отражает неспособность "политического человека" осознать содержание различных тенденций политической жизни, выбрать соответствующую своим потребностям и интересам взаимосвязанную систему целей и средств политики. В этих случаях "честность, нравственность" служат ему якорем спасения в море хаоса, единственным ориентиром, способным хоть как-то упорядочить его отношение к происходящему в политическом мире. Именно в такой психологической ситуации находятся многие граждане постсоветской России.

В итоге можно констатировать, что выбор людьми своих политических ориентаций представляет собой многофакторный процесс, в котором роль и взаимоотношение различных факторов непостоянны, зависят от конкретной ситуации. Наиболее "сильными", чаще всего доминирующими факторами являются, с одной стороны, потребности и интересы людей, коренящиеся в их социально-экономическом положении, с другой – ценности (идеи, верования), вписанные в культуру общества и отдельных его групп, усваиваемые людьми в процессе социализации, освоения социального опыта и под влиянием различных идеологий. Большее или меньшее воздействие на выбор оказывают личностные мотивационно-волевые и когнитивные структуры, групповые и ролевые идентификации.

В конечном счете определенность, устойчивость, последовательность политического выбора, его адекватность ситуации зависят от уровня сознательного самоопределения человеком своих интересов и ценностей. Чем ниже этот уровень контроля выбора сознанием, мышлением человека, тем более он случаен, неустойчив, непоследователен, диктуется преходящими эмоциями и иррациональными реакциями. А во многих случаях без такого контроля он оказывается просто невозможным. Сознательность же выбора, в свою очередь, зависит от ясности видения человеком общественно-политической ситуации и своего места в ней, она зависит, следовательно, как от качеств ситуации – ее большей или меньшей сложности, структурированности, характеризующих ее политических интересов, так и от субъективных свойств "политического человека". Чем больше возможностей предоставляет общество своим членам для сознательного участия в политике, для понимания ее связи с их нуждами и интересами, тем легче сделать им сознательный политический выбор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все, о чем говорилось в этой книге, возможно, позволит читателю лучше понять роль и место психологических явлений и процессов в жизни и развитии общества, в судьбах и "качестве жизни" образующих его людей. Такое понимание предполагает прежде всего отказ от укоренившегося в науке и общественном сознании жесткого противопоставления объективного и субъективного, социально-исторических обстоятельств, с одной стороны, человеческих мыслей, воли и поступков – с другой. Присущее такому противопоставлению стремление отделить все, что происходит с нами, от того, что мы сами делаем в обществе – "первичное" от "вторичного", "определяющее" от "определяемого", – чаще всего ведет к своего рода преклонению перед "первичным", предопределенным, сводится ли оно к историческим обстоятельствам и ситуациям, к несовершенной человеческой природе или к национальным культурно-психологическим привычкам и традициям. Или же оно ведет к отчаянному бунту против "первичного" (объективных обстоятельств), попыткам сломать его и заменить чем-то принципиально иным, не существующим в природе.

Социально-политическая психология (как и человеческая психология вообще), несомненно, вторична по отношению к биологической конституции человека, законам функционирования его высшей нервной деятельности, уровню экономического, социального, политического развития общества, его исторически сложившейся культуре, в определенном смысле производна от всех этих факторов. Но ни один из них не детерминирует психологию людей однозначно и однолинейно, в совокупности они определяют лишь границы того пространства, на котором могут развертываться совершенно различные, в том числе и противоположные психологические тенденции, линии личного и общественно-политического поведения. В зависимости от соотношения этих тенденций тот или иной характер приобретают и изменения в объективной (в том числе социально-психологической) действительности, субъективное ("вторичное") переходит в объективное ("первичное"), в той или иной мере определяет его, становится его органическим компонентом. И если справедлив вывод многих представителей научной мысли наших дней об альтернативности современной и будущей истории, то одну из ее важнейших основ следует видеть в альтернативности человеческой психологии. Вопрос же о том, что "главнее": психология или объективная общественная действительность, представляется в свете сказанного надуманным и искусственным.

Конкретные общественные науки редко ограничиваются описанием и объяснением изучаемых ими явлений, чаще всего они так или иначе

пытаются выйти на уровень практики, сформулировать рекомендации по решению проблем, относящихся к сфере их компетенции. Социально-политическая психология находится в этом отношении в специфической и довольно деликатной ситуации. Ее объект — не какая-то конкретная сфера деятельности, а сам человек как общественное и политическое существо, его мировоззрение, убеждения и поведение в обществе. Поэтому, переходя на уровень практических рекомендаций, она рискует пойти по пути навязывания людям определенных установок и ценностей, что несовместимо с принципами демократического общества: со свободой мнений и независимостью науки от политики и идеологии. Прикладная коммерческая политическая психология в сущности отходит от этих принципов, когда она выдает политикам рекомендации, фактически сводящиеся к манипулированию массовым сознанием. Проблема практического приложения социально-политической психологии состоит также в том, что, в отличие от ряда других наук, ей присуща тенденция не только объяснять людям, что им делать в конкретных ситуациях, но *какими им быть*. Тем самым она незаметно для себя может восходить из сферы анализа реально существующего, в сферу должного, в эмпирию моральных императивов, которые, собственно, являются делом не конкретных наук, но философии, оперирующей принципиально иными, ценностно-нормативными способами мышления.

Выход из этой противоречивой ситуации видится в том, что социально-политическая психология могла бы поставить перед собой задачу ответить на вполне "практический", жизненный вопрос, не затрагивающий свободу выбора людьми их общественно-политических позиций, но весьма важный для обоснованности, "качества" этого выбора. Это вопрос *оптимизации психологических, интеллектуальных, поведенческих механизмов и процессов, регулирующих общественную и политическую жизнь*, приведения их в максимально возможное соответствие с благом личности и общества, с задачей гармонизации их интересов. Социально-политическая психология не должна, например, учить людей, лучше ли для них исповедовать либеральные, консервативные или коммунистические взгляды, но она может помочь им выработать наиболее рациональные и лучше всего "работающие" на их благо способы определения своих позиций в конкретных общественно-политических ситуациях.

Все это не означает, что социально-политическая психология, сохраняя объективность и идейно-политическую неангажированность, может быть морально индифферентной. Как и любая конкретная общественная наука, она отличается по задачам и методам анализа от философии, но не может не обладать своим морально-философским содержанием. Специфическим для нее моральным императивом является — как следует из всего содержания данной книги — хорошо известный, даже банальный принцип *ответственности человека за свое общественно-политическое поведение и за положение дел в обществе, к которому он принадлежит*. К этому императиву социально-политическая

психология приходит (возможно, опять же в отличие от философии), основываясь не на общих ценностных принципах, а на эмпирическом анализе социально-психологической действительности. Ибо такой анализ показывает, что чем меньше люди чувствуют личную ответственность за происходящее в обществе, тем легче они становятся объектом и жертвой не зависящих и отчужденных от них сил и процессов.

Ответственность – это не только моральная категория. Она есть необходимое условие оптимального состояния социально-политических знаний и мотивов человека. Знания тем полнее отвечают своей функции – ориентации людей в общественной действительности, чем больше люди прилагают усилий к рациональному, сознательному осмыслению этой действительности, чем меньше они доверяют своим эмоциям и навязываемым им идеологическим и пропагандистским стереотипам. Такие усилия как раз и требуют ответственности за самого себя, за собственные представления и позиции, стремления к истинному, достоверному знанию. Задача социально-политической психологии – выработать способы интенсификации этой потребности. Особенно актуальна она в условиях переломной, кризисной ситуации, которая обостряет дефицит знания о том, что происходит в обществе. Реализовать же эти способы призваны прежде всего социальные и политические институты – система образования и просвещения, пресса, партии, органы власти.

Можно утверждать, что неосознанность этой задачи политической и интеллектуальной элитой России – одна из основных причин острейшего политического и духовного кризиса современного российского общества. Хорошо образованные политики и специалисты, серьезная пресса обсуждают жизненные проблемы страны на языке, непонятном подавляющему большинству, политики малообразованные толкуют эти проблемы посредством демагогических лозунгов, примитивной ругани и разоблачений или популистских обещаний в одночасье исправить положение. Большая часть прессы, теле- и радиопрограмм проявляют поразительные нежелание и неспособность объяснять людям происходящее в обществе, нести в массы экономические, политические, правовые знания, необходимые им в условиях перехода к рыночной экономике, становления новых политических отношений. Подавляющее большинство партий и политических течений, интеллектуалов, пишущих и говорящих на экономические и политические темы, весьма мало озабочены разработкой комплексных конструктивных концепций преодоления кризиса, в лучшем случае пытаются сформулировать программы по отдельным проблемам, вырванным из общего контекста социально-экономической, социально-психологической, политической ситуации в стране. Госаппарат на всех своих уровнях тщательно прячет от народа механизм и мотивы своих действий, которые остаются почти столь же "закрытыми", недоступными для понимания, как и в тоталитарные времена.

Мне могут возразить, что эта социальная и профессиональная безответственность российской элиты в порядке вещей: интересы борьбы за власть, собственность и влияние в условиях ломки старых и генезиса

новых общественных структур – фактор психологически куда более сильный, чем требования морали, что моральное социальное сознание вообще не могло сформироваться у поколений, знакомых лишь с опытом разлагающейся бюрократически-"социалистической" системы. Я далек от мысли, что психологию чиновников, политиков, журналистов можно перестроить путем нравоучений. Дело здесь в другом: анализ происходящих в обществе психологических процессов доказывает, что уход элиты от честного, трезвого диалога с народом *"работает" против ее собственных интересов*. Он порождает хаотичность, непредсказуемость, иррационализм массового общественно-политического поведения, отчуждение масс от государства и других политических институтов, от политической элиты в целом, лишает ее стабильной общественной поддержки и тем самым сколько-нибудь надежных перспектив. Такая ситуация выгодна только "экстремам" – политическим авантюристам, заинтересованным в превращении массы в озлобленную и обезумевшую толпу, готовую к штурму очередных Зимних дворцов и Белых домов.

Вопрос о том, у кого какие интересы, напрямую связан со второй важнейшей областью психологического анализа общественно-политической жизни – с проблемой регулирующих ее потребностей и мотивов. Результаты этого анализа показывают, насколько сложен, противоречив, альтернативен процесс определения людьми своих потребностей и, следовательно, интересов. Ясны и самоочевидны лишь потребности первичные, элементарные – "лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным". В сфере же потребностей более сложных, вторичных, "инструментальных" человеческая психика блуждает в поле неопределенности. Особенно труден путь к определению потребностей социальных и политических, соответствующих им интересов и целей. Опыт психологии – как общей, так и социальной и политической – показывает: человеческие побуждения лишь в ограниченной мере контролируются сознанием, в основе их лежат бессознательные, аффективно заряженные стимулы. В общественной жизни и политике они чаще всего рационализируются, концептуализируются, даже воплощаются в масштабные планы преобразований и политическую стратегию, но от этого не обязательно становятся более разумными или конструктивными.

Люди никогда не смогут превратиться в "мыслящие машины", работающие по безукоризненно рациональной программе. Но они – и политики, и рядовые граждане – вполне способны шаг за шагом расширять сферу сознательного контроля за своими побуждениями и эмоциями, мыслями и действиями. Такой контроль тоже связан с императивом личной и социальной ответственности, он предполагает всесторонний и взвешенный анализ проблем экономической, социальной и политической жизни, тщательный учет возможных последствий предпринимаемых действий (или бездействия). Одна из важнейших задач социально-политической психологии как научной дисциплины – разработка способов и процедур такого контроля.

Область, в которой сознательный контроль за побуждениями наи-

более труден и вместе с тем особенно необходим, – это разрешение конфликтов социально-групповых, национальных, национально-государственных, личных интересов. Социальная и политическая теория, да и весь исторический опыт убеждают нас в том, что такие конфликты присущи природе человека и общества. Но в то же время этот опыт подводит человеческий разум к осознанию истины, противостоящей конфликтному, "катастрофическому" видению социального мира: путь к надежному, устойчивому удовлетворению собственных интересов пролегает через понимание и учет интересов других, через поиск возможностей их состыковки, гармонизации с собственными. Личный и групповой эгоцентризм не рационален, ибо он в конечном счете "работает" против интересов эгоцентрического субъекта. Психологическая наука раскрывает заложенные в человеке возможности преодоления группового, национального, индивидуального эгоцентризма, его способность к идентификации с другими людьми в рамках всего человеческого сообщества, к эмпатии, сопереживанию потребностям других. Социально-политическая психология должна выявить механизмы реализации этих возможностей в общественной жизни и политике. В нашей стране эта задача носит остро актуальный характер: в России социально-политический кризис не в последнюю очередь порождается неспособностью и нежеланием политической и экономической элит принимать во внимание потребности массовых слоев общества, предвидеть их психологические реакции на бурные изменения, происходящие в жизни.

Изложенные размышления навеяны не только современным российским опытом, наиболее близким читателям и автору этой книги. Проблематика социально-политической психологии не менее важна для всего мирового сообщества, ибо без ее анализа вряд ли возможно конструктивное решение глобальных проблем, от которого зависит будущее человеческой цивилизации. За примерами далеко ходить не надо. Когда два десятилетия тому назад достоянием мировой общественности стало знание об угрозе глобальной экологической катастрофы, влиятельные группы интеллектуалов предложили радикальные способы ее предотвращения: ломку основ современной цивилизации, предполагавшую, в частности, переход к нулевому экономическому росту, отказ от современного типа массового потребления. Очевидная сегодня неконструктивность этих рецептов объяснялась прежде всего тем, что радикал-экологи совершенно не учитывали особенности человеческой психологии, прежде всего ее мотивационной сферы. Вскоре стало очевидным, что разрешение экологических проблем требует иной, значительно более тонкой, многосторонней и взвешенной стратегии.

Другой пример – прогнозируемая некоторыми модными политологами якобы неминуемая жесткая конфронтация национальных и региональных интересов прежде всего между развитыми и развивающимися странами, которая ожидает нас в предстоящие десятилетия. Подобные алармистские прогнозы полезны, поскольку они предупреждают общественность и политиков о действительно обостряющейся проблеме, но отличающий их фатализм и детерминизм совершенно неадекватны реальной сложности, альтернативности тенденций, развивающихся в сов-

ременном мире, в том числе тенденций социально-психологических. Задача добросовестных, социально-ответственных исследователей, избегая подобной односторонности, выявить возможные альтернативы "националистическому" конфронтационному сценарию, разработать основы соответствующей политической и экономической стратегии. Здесь весьма важную роль призвана сыграть социально-политическая психология, в особенности анализ тех далеко не однозначных, не сводящихся к одному лишь росту национализма и фундаментализма культурно-психологических и политико-психологических тенденций, которые развиваются в различных регионах мира.

Я не собирался в этом кратком заключении формулировать сколько-нибудь полные и систематизированные выводы из материала книги. Мне лишь хотелось, опираясь на этот материал, раскрыть перед читателем некоторые из возможных перспектив и сфер применения того направления научных исследований, которому посвящена книга.

Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность официальным рецензентам работы Ю.А. Леваде и Е.Б. Шестопал, а также рецензенту неофициальному – Е.З. Басиной, оказавшей автору неоценимую помощь в работе над рядом разделов книги, и Е.В. Гантман-Егоровой, консультировавшей его в области литературы по политической психологии.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980.
- Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1994.
- Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92: Социальное сознание рабочей элиты. М., 1993.
- Грушин Б.А. Массовое сознание. М., 1987.
- Дилигенский Г.Г. В поисках смысла и цели: Проблемы массового сознания современного капиталистического общества. М., 1986.
- Егорова Е.В. Психологические методики исследования личности политических лидеров капиталистических стран. М., 1988.
- Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Минтусов Е. Восприятие власти // Власть 1994. № 1.
- Есть мнение! Итоги социологического опроса / Под ред. Ю.А. Левады. М., 1990.
- История и психология / Под ред. Б.Ф. Поршнева, Л.И. Анцыферовой. М., 1971.
- Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Политические исследования. 1994. № 1.
- Кон И.С. Социология личности. М., 1967.
- Косолапов Н.А. Социальная психология и международные отношения. М., 1983.
- Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. Л., 1991.
- Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1991.
- Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л., 1983.
- Новые социальные движения в России / Под ред. Л. Гордона, Э. Клопова. М., 1993.
- Новинская М.И. Что такое популизм? // Рабочий класс и соврем. мир. 1990. № 2.
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л., 1979.
- Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. Ю.М. Левада. М., 1993.
- Современная зарубежная социальная психология: Тексты. М., 1984.
- Социальная психология за рубежом: Сборник. М., 1974.
- Социальная психология. История, теория, эмпирические исследования / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л., 1979.
- Социальная психология классов. Проблемы классовой психологии в современном капиталистическом обществе. М., 1985.
- Фрейд З. О психоанализе. Я и Оно // Хрестоматия по социальной психологии. М., 1980.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
- Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
- Холодковский К.Г. Некоторые вопросы развития массового политического сознания // Мировая экономика и междунар. отношения. 1979. № 6.
- Шестопал Е.Б. Личность и политика. М., 1988.
- Шестопал Е.Б. Очерки политической психологии. М., 1990.
- Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992.
- Яницкий О.Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. М., 1991.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
<i>Предмет и научный статус социально-политической психологии</i>	
Глава I	
ПОЗНАНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	17
1. Особенности социально-политического знания.....	17
<i>Когнитивистская тенденция в психологии. Абстрактно-надындивидуальный характер социально-политических знаний. Стереотипы</i>	
2. Обыденное и идеологическое познание.....	28
<i>Концепция социальных представлений. Сила и слабость "наивного" и "специализированного" познания. Каузальная атрибуция</i>	
3. Познавательные интересы и типы социально-политических представлений.....	42
<i>Интерес к социально-политической жизни. Оценка возможностей. Когнитивная типология представлений. Мифологический тип; популизм. Рефлексивный и инертно-фаталистический типы</i>	
4. От старого знания к новому.....	55
<i>Когнитивный диссонанс. Деятельность и познание</i>	
Глава II	
ПОТРЕБНОСТИ И МОТИВЫ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....	62
1. Понятие потребности.....	62
<i>"Энергетическая" основа психики. Потребности и отношения человека. От потребности к мотиву. Типология потребностей</i>	
2. Потребности физического существования в социально-политической психологии.....	69
<i>Личные и общественные потребности. Процесс экстраполяции. Восприятие материального неравенства. Абсолютная и относительная неудовлетворенность. Механизм динамики потребностей. Потребности в условиях социального хаоса: российская ситуация конца 80–90-х годов</i>	
3. Потребности социального существования и личность.....	87
<i>Уроки "гуманистической психологии". О социальной природе человека. От социальности к индивидуальности. Базовые потребности и мотивационная стратегия личности. Базовая напряженность и потребности социального существования</i>	
4. Социально-индивидуальный человек и историческая динамика социально-политической психологии.....	111
<i>Индивидуальность как культурно-исторический феномен. Традиционная модель человека. Современная индивидуализация. Какие альтернативы? От новой индивидуальности к новой социальности</i>	
Глава III	
ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	130
1. Социальные и социально-политические установки личности.....	133
<i>Понятия установки и аттитюда. Функции социально-политических установок. Установки и феномен идентификации. Диспозиционная концепция личности и проблема социальных ценностей. Ценности и социальные роли. Структура установок</i>	
2. Взаимосвязь социальных знаний, ценностей и эмоций в психологии личности.....	158
<i>Матрица социально-политических установок личности. Идеологические представления и ценности. Психология кризиса. Между эмоциями и сознанием. Свобода или равенство?</i>	
3. Установки и социальное поведение.....	173
<i>Слово и дело. О психологической регуляции поведения</i>	
	303

Глава IV

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА	183
1. Лидерство как междисциплинарная проблема.....	183
<i>Национально-историческая ситуация как детерминант психологии лидерства. Советские и западные лидеры. Значение личностных характеристик лидеров</i>	
2. Интеллектуально-познавательные параметры лидерства	193
<i>Когнитивный стиль лидеров. Концепция "интегративной сложности". Когнитивный стиль советских и российских лидеров. Интеллект и лидерство</i>	
3. Проблемы мотивации лидеров	203
<i>Потребность во власти. Макиавеллизм. Иерархия мотивов. Социальная идентификация политиков</i>	
4. Личностно-психологические предпосылки политических решений	213
<i>Матрица психологических характеристик лидеров. Лидерство как взаимодействие</i>	

Глава V

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК: ПСИХОЛОГИЯ ВЫБОРА	226
1. Политический актив: вовлеченность в систему власти	226
<i>Два типа вовлеченности. Вовлеченность и мотивация. Вовлеченность и политические конфликты</i>	
2. Ценностно-ориентированная вовлеченность: активисты массовых движений	236
<i>Мотивы активности: "действовать вместе". Нравственно-эмоциональная основа мотивации</i>	
3. Вовлеченность в общественно-политическую жизнь и проблема группового субъекта	240
<i>Субъективные и субъектообразующие группы. Уровни групповой общности. Движения как субъект социально-политической психологии</i>	
4. Психологические основы политических ориентаций	251
<i>Понятие политической ориентации. Формы и уровни политического выбора. Факторы выбора: психология и история. Ситуационные и социологические факторы. Манипулятивный подход. Индивидуально-психологический подход. Концепция авторитарной личности. Психология этно центризма и фашизма. Двухмерная модель политической психологии. Политические ориентации в России. Неготовность России к демократии? Типы личности и политические ориентации. Социализация и ориентация. Выбор как процесс. Роли и идентификации как факторы выбора. Психология национализма. Ценностный и прагматический выбор. Осознание политических интересов. Интуитивно-чувственные механизмы выбора. Незавершенный выбор и "разорванное сознание"</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	296
СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	302

Учебное издание

Дилигенский Герман Германович

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Учебное пособие для высших учебных заведений

Зав. редакцией "Наука-философия, социология, психология, право" Е.А. Жукова. Редактор В.С. Егорова. Художник В.В. Медведев. Художественный редактор Н.Н. Михайлова. Технический редактор З.Б. Павлюк. Корректоры И.Л. Голубцова, Т.И. Шеповалова

Н/К

ЛР № 020297 от 27.11.91

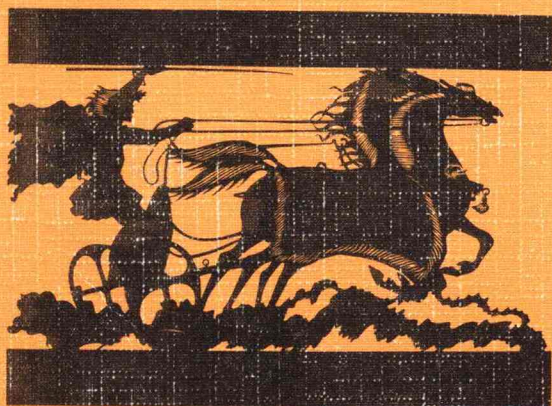
Подписано к печати 02.11.94. Формат 60х90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл.печ.л. 19,0.

Усл.кр.-отт. 19,3. Уч.-издл. 21,5. Тираж 5000 экз. Тип.зак. 18/4. Заказное

Издательство "Наука" 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

83401/96

Всероссийский

ПРОГРАММА
ОБНОВЛЕНИЕ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ